

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

№ 4-5
1 · 9 · 2 · 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

МОСКВА 19, Ул. Фрунзе, 10. Телефон 5-71-38.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

ГОДИЗДАНИЯ
ПЕРВЫЙ

на 1929 год

ГОДИЗДАНИЯ
ПЕРВЫЙ

НА НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. БЕССОНОВ, Л. Н. КРИЦМАН, А. Ф. КОН, А. ЛЕОНТЬЕВ,
А. С. МЕНДЕЛЬСОН, В. П. МИЛЮТИН, Л. К. МАРТЕНС, С. Л. РОНИН

Журнал „ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ“

ПОСВЯЩАЕТСЯ УГЛУБЛЕННОЙ РАЗРАБОТКЕ ВОПРОСОВ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЭКОНОМИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ИСТОРИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

В 1929 г. К ЖУРНАЛУ БУДУТ ДАНЫ
СЛЕДУЮЩИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. БЛЮМИН, Н. Г.—Суб'ективная школа в политической экономии: том первый, „Австрийская и англо-американская школы“; том второй—„Математическая школа“. Цена каждого тома в отдельной продаже—4 руб. в переплете.
2. ТРАХТЕНБЕРГ, И. А.—Современный кредит и его организация. Ч. I. Теория кредита. (В отдельной продаже книга стоит 3 р. 75 к. в переплете).
3. Р. ХОУТРЕЙ—Денежное обращение и кредит. Перевод с английского под ред. И. А. Трахтенберга (25 п. л.) в пер. (готовится к печати).

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: без приложений на 1 год—12 руб.,
на 1/2 года—6 р. 50 к., с приложениями на 1 год—24 руб.

ПОДПИСКУ И ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва 19, Ул. Фрунзе, 10. Изд. КОММУНИСТИЧЕСК. АКАДЕМИИ.

Для сдачи подписки в Москве звонить по телефонам 5-71-38, 2-38-97 и 3-37-40.
ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ высылаются по первому требованию БЕСПЛАТНО

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4—5

1929

Главлит № А 42387. ИКА 490. Зак. № 2237. Статформат В, 176×250 мм. Тираж 3.000.

«Мосполиграф» 14-я тип. Варгунихина гора. 8.

Л. Леонтьев

„ОРГАНИЗОВАННЫЙ КАПИТАЛИЗМ“ И „ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ“

Краеугольным камнем современной реформистской идеологии начинает становиться своеобразная теория хозяйственной демократии, базирующаяся на представлении об организованном капитализме. Если не внутренняя глубина и теоретический интерес, представляемый этим учением, то во всяком случае его вредоносность должна заставить нас уделить известное внимание этому продукту идейного творчества современной социал-демократии.

I

Если по своим исходным установкам теория организованного капитализма и хозяйственной демократии восходит к весьма ранним истокам реформизма, то ее, так сказать, конкретное материальное содержание чрезвычайно тесно связано с современностью. Современный послевоенный капитализм — вот поле действий и вместе с тем место истока теории хозяйственной демократии. Эта теория базируется, прежде всего, на той оценке, которую современная социал-демократия дает нынешнему этапу в развитии капитализма.

Как оценивает современная социал-демократия нынешнюю фазу в развитии капитализма? — Примерно год тому назад, в августе 1928 г. в Брюсселе состоялся очередной конгресс II Интернационала. В литературе, появившейся в связи с этим конгрессом, в выступлениях виднейших вождей реформизма на самом конгрессе мы находим достаточно материала для ответа на этот вопрос.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с этой литературой, заключается в том, что реформистские идеологи стараются перецековать друг друга, говоря о тех огромных хозяйственных победах, которые одержал капитализм за последние годы. Все в один голос уверяют, что в течение этих лет произошло полное восстановление капиталистического хозяйства, что полностью залечены те раны, которые капитализм получил в результате войны. Более того, реформисты считают, что за эти годы произошло невероятное усиление капиталистического хозяйства, что капитализм нашел в себе новые огромные источники силы, о которых раньше никто не думал.

Большинство реформистов при этом однако добавляет, что в сущности нынешний капитализм во многом отличается от капитализма довоенного, что последние годы показывают нам полный переворот в капиталистическом хозяйстве, глубочайшие изменения в этом капиталистическом хозяйстве, и эти изменения имеют огромное значение при определении всей тактики рабочего движения.

Приведем лишь несколько характерных в этом отношении примеров. Центральные органы германской и австрийской социал-демократии, берлинский «Форвертс» и венская «Арбайтерцайтунг», в специальных номерах откликнулись на открытие брюссельского конгресса. Если передовица «Форвертса» представляла собою бессодержательный набор избитых, главным образом, пацифистских фраз, то австро-марксисты и в данном случае обнаружили значительно более высокий теоретический уровень. В статьях венской социал-демократической газеты легко обнаружить определенную оценку нынешнего состояния капитализма, положенную в основу тактических политических выводов. В передовице этого органа заявляется: — «Темп развития капиталистического способа производства стал необычайно бурным. Новая промышленная революция — рационализация, новые источники энергии от водяной силы, до разжижения угля, рост химической промышленности, индустриализации сельского хозяйства — будет в своих последствиях сопровождаться вряд ли меньшими потрясениями, чем ее предшественница сто лет тому назад. Конечно капитализм превозмог потрясения послевоенного времени, точно так же как ранний капитализм перенес удары наполеоновских войн и связанных с ними революционных изменений. Он стабилизировался на основе новых мощных производительных сил.»

В другой статье, носящей многообещающий заголовок «Под знаком хозяйственной революции» и красноречивый подзаголовок «Мировозрастные изменения», та же газета заявляет: — «Не может быть никаких сомнений, что волна рационализации с одной стороны, преодоление валютных колебаний с другой принесли чувствительное облегчение всему европейскому хозяйству.» И далее, пытаясь неудачно кокетничать с диалектикой, автор статьи повествует: «Рационализация представляет собою не что иное как техническое усовершенствование, которое так же старо, как само развитие капитализма, и колоссальные картели и тресты представляют собою не что иное, как форму концентрации, которая также рождается вместе с капитализмом. В данном случае однако количество, темп развития переходит в качество: хозяйственная революция последних лет заключается не в отдельных мероприятиях, которые проводятся крупными капиталистами, она заключается также не в тех или иных изобретениях, не в тех или иных организационных мероприятиях — нет, она состоит в том, что все эти явления, вместе взятые, начинают придавать капиталистическому хозяйству новое лицо.»

Вариациями на ту же тему заполнена и более «солидная» социал-демократическая литература, появившаяся к брюссельскому конгрессу. Ограничимся лишь рассмотрением специальных посвященных Брюсселю номеров теоретических ежемесячников германской социал-демократии — «Гезельшафт» и австрийский — «Кампф». В августовской книжке «Гезельшафт» за 1923 г. брюссельскому конгрессу посвящена передовица Г. Деккера — «Капитализм сегодняшнего дня». Мы еще будем иметь возможность ниже вернуться к содержанию этой статьи, весьма любопытной в определенном смысле. Здесь лишь заметим, что всемерное укрепление капитализма является для автора аксиомой, от которой он отталкивается во всем своем изложении. Двойной номер венской «Кампф», посвященный Брюсселю, заполнен чрезвычайно разнообразным материалом, составленным, видимо, по излюбленному рецепту австро-марксизма: «Чего хочешь — того просишь». Читатель находит

под одной обложкой излияния всех направлений современного реформизма, начиная от правой «философии» истории К. Реннера, продолжая расслабленными «центристскими» рассуждениями О. Поллака и О. Бауэра и кончая ужасно-«левыми» фразами quasi-марксистских болтунов типа О. Лляхтера. Однако гипноз капиталистической силы и мощи, беспредельная уверенность в укреплении и усилении капитализма — общи все направлениям и функциям этой «лоскутной» партии бывшей «лоскутной» империи.

Быть может, в наиболее грубой форме эта уверенность выступает у Реннера, который в своей статье «Мирохозяйственные основы социалистической политики после войны», перечисляя особенности нынешнего периода, на первом месте выставляет тезис об укреплении и увековечении капиталистического хозяйства: «Первый основной факт — пишет Реннер, — который должен быть подчеркнут, это — восстановление глубоко потрясенной войной и мирными договорами мировой системы капитализма. Ожидание русского социализма и его сторонников вне России, что окончание войны будет иметь своим непосредственным следствием мировую социальную революцию, оказалось обманутым. Правда, катастрофа внутренне потрясла весь мир и также внешне революционизировала его, однако эта революция осталась в первую очередь политической и буржуазной, несмотря на установление большевистской системы в России».

Наконец, те же мотивы звучали совершенно отчетливо на заседаниях брюссельского конгресса, где Отто Бауэр, например при обосновании принятого конгрессом торжественного манифеста, в своей не менее торжественной речи заявил: «Десять лет тому назад, когда под влиянием крушения империи Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов в массах разлилось революционное настроение, могло казаться, что пришел конец капиталистической системе, что капитализму не пережить этого послевоенного кризиса. Однако годы, прошедшие с тех пор, были переломными годами для капиталистического мира, и ныне все вынуждены признать, что капитализм пережил этот кризис. Сейчас, если мы и можем кое-где отвоевать позиции, то все же не можем не видеть, что те большие революционные процессы, которые имели тогда место, — сейчас закончены и капитализм вновь укрепился». И в другом месте той же речи О. Бауэр заявляет: «Десять лет тому назад, после крушения держав Центральной Европы, когда аппарат капитализма был полностью расстроен, — тогда могли быть наши споры с коммунистами о путях завоевания социализма: путем ли демократии, как это говорили мы, зная, что только в атмосфере свободы рабочий класс может найти в себе силы для построения нового общества, или путем диктатуры и насилия, как это думали коммунисты. Тогда между нами шел спор об оценке исторических перспектив, которые — та или другая — были одинаково в том хаосе возможны. Но теперь, когда сами большевики говорят о стабилизации капитализма, разве возможен еще сейчас спор о том, какая перспектива оказалась более верной?».

С этими рассуждениями реформисты выступают сплошь и рядом перед рабочими аудиториями.

Здесь прежде всего бросается в глаза, что Отто Бауэр, как и другие реформисты, совершенно «забывает» про ту чрезвычайно крупную роль, которую сыграла сама социал-демократия в деле стабилизации капитализма. Дело совсем не обстоит так, что на роду европейского

капитализма было написано, что после военных потрясений он должен окрепнуть и стабилизироваться. Никем эта возможность не была предначертана. Эта возможность была реализована лишь в процессе ожесточенной, чрезвычайно жестокой борьбы между авангардом рабочего класса западно-европейских стран и всеми силами капиталистического общества, в том числе и социал-демократическими партиями; а социал-демократические партии в этой борьбе всегда и повсюду выступали в защиту капиталистических государств, бросая свой вес на ту чашу весов, которая тянула в сторону капитализма. С другой стороны. О. Бауэр пытается здесь изобразить дело так, будто в настоящее время нет принципиальной почвы для разногласий между социал-демократией и коммунистами: раз и те и другие признают наличие капиталистической стабилизации, так — о чем, мол, спорить? Эта грубо мошенническая попытка смешать карты так ясна, что на ней не стоит останавливаться. Разве не очевидно, что наша оценка стабилизации капитализма как небо от земли отличается от социал-демократической?

Итак, социал-демократическая характеристика современного этапа в историческом развитии капитализма схематически сводится к следующему. Послевоенный кризис капитализма закончился, и его последствия рассосались, примерно, так же, как в свое время последствия потрясений наполеоновского периода. В то же время послевоенные годы поставлены на одну доску с промышленным переворотом, имевшим место у колыбели современного капитализма, лет 100—150 тому назад. Подобно тому, как тогдашний промышленный переворот в Англии послужил исходным пунктом целой эпохи хозяйственного развития, точно так же современный технико-экономический переворот знаменует собою наступление новой фазы в развитии капитализма.

II.

Какова эта новая фаза, по мнению идеологов современного реформизма? Это — организованный капитализм, который приходит на место прежнего капитализма свободной конкуренции. Было бы нелегко, пожалуй, с точностью определить истоки реформистской теории организованного капитализма, являющегося, с одной стороны, следствием очерченной выше «оптимистической» оценки современного состояния капитализма, а с другой стороны, — предпосылкой теории хозяйственной демократии. Несомненно лишь то, что в этой своеобразной концепции соединяются довольно эклектическим образом обрывки различных теоретических построений. Следы довоенных буржуазных теорий империалистической экономики заметны здесь наряду с обильными позаимствованиями из кладеза идей так называемого «военного социализма»; цементирующим же веществом служат старые ревизионистские представления о государстве и его хозяйственной роли, о всеспасающем значении внеклассовой демократии, открывающей возможность уютного и мирного вращивания в социализм. Теория организованного капитализма является таким образом идейным детищем Эд. Бернштейна, Шипшеля, Эдм. Фишера — с одной стороны, Дж. Гобсона и Г. Леви — с другой, и многочисленных апологетов «военного социализма», от Яффе и Пленге до Парвуса и Ленча — с третьей. В нынешний период капиталистической стабилизации идеи «организованного капитализма» были впервые в достаточно отчетливой и систематической форме прокламированы Р. Гильфердингом на с.-д. партийном

в Киле в 1927 г. в докладе, посвященном задачам социал-демократии в германской республике.

Основная истина, возвещенная в Киле миру прежним марксистом — автором «Финансового капитала», сводится к тому, что «организованный капитализм означает принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства». Вывод в сторону хозяйственной демократии, который непосредственно из этой принципиальной установки вытекает, гласит: «Проблема сейчас заключается в том, чтобы с помощью государства, с помощью сознательного общественного управления перестроить это организованное и управляемое капиталистами хозяйство в хозяйство, управляемое демократическим государством».

В литературе, посвященной брюссельскому конгрессу, идеи организованного капитализма занимают чрезвычайно видное место. В упомянутой выше передовице Деккера в «Гезельшафт», посвященной современному капитализму, мы встречаем даже попытку привести эти идеи в связи с прежней марксистской установкой. Эта связь устанавливается, разумеется таким путем, что от взглядов Маркса остаются лишь рожки да ножки. Деккер цитирует знаменитое место из марковского предисловия к «К критике политической экономии»: «На определенной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими отношениями производства». И вот это положение Маркса реформистский теоретик сопровождает следующим рассуждением: «Когда Маркс написал это предложение, он уже видел возникновение этого противоречия внутри капиталистической системы и ожидал от него конца „последней антагонистической формы общественного производственного процесса“, то есть капитализма». Дальше начинаются рассуждения о том, что правильно у Маркса и что неправильно: «Кратко говоря, правильно было, что названное противоречие развивалось; неправильно, однако, было, что это противоречие представляет собою последний конфликт между общественными производительными силами и производственными отношениями. Растущие производительные силы впали в противоречие еще не с капиталистической формой производства вообще, но с определенной формой капитализма, именно — с капитализмом свободной конкуренции». Если прежде существовал капитализм свободной конкуренции и конкурентная борьба между капиталистами была основным законом общественного развития, то развитие производительных сил привело к тому, что дальше хозяйство развиваться на базе свободной конкуренции уже не может. И сейчас на месте свободной конкуренции выдвигается совершенно новый организационный принцип, именно, принцип организованного капитализма. И заключает Деккер это рассуждение таким образом: «Свободный капитализм был поставлен перед альтернативой: организация или смерть!» — Естественно, что свободный капитализм выбрал не смерть, а организацию..

Еще в другом месте Деккер пытается свои насквозь ревизионистские и оппортунистические рассуждения прикрыть ссылкой на авторитет Маркса. Это его рассуждение заслуживает самого пристального внимания с нашей стороны. Говоря о направлении хозяйственного развития, по которому продвигались передовые страны мира еще в довоенную эпоху, Деккер пытается уверить читателя, будто духовным отцом

реформистской теории организованного капитализма является не кто иной как... Маркс. Именно Маркс, по уверению Деккера, во втором и некоторых местах третьего томов «Капитала» обосновал «необходимость организации капитализма внутри национальных границ и далеко идущей интернационализации его в организованной форме».

Совершенно ясно, что такое представление всего более напоминает злую карикатуру на марксизм. Маркс вскрыл острым ланцетом свой теории присущее капитализму коренное противоречие между развитием производительных сил и системой общественных производственных отношений. Маркс показал, как вызванные капитализмом к жизни могучие производительные силы начинают задыхаться в оковах анархического антагонистического строя капитализма. Маркс доказал, что это коренное противоречие может быть разрешено лишь революцией, уничтожающей один из элементов этого противоречия — экономическую структуру капитализма. В рамках капитализма происходит не механическое вытеснение и замена общественного разделения труда техническим, а одновременный гигантский рост как того, так и другого. Маркс подчеркивает: «Мануфактурное разделение труда требует уже достигшего известной зрелости разделения труда внутри общества. Наоборот, мануфактурное разделение труда в свою очередь оказывает влияние на общественное разделение труда, развивая и расчленяя его дальше». Совершенно ясно, что такая постановка вопроса как небо от земли отличается от современной реформистской утопии организованного капитализма.

Теперь спрашивается, в чем заключается этот организованный капитализм по мнению социал-демократических теоретиков? Тот же Деккер оговаривается, что переход от свободного капитализма к организованному является результатом не сознательной целеустремленной политики, а скорее стихийного процесса приспособления отдельных капиталистических предприятий к изменившимся условиям конкурентной борьбы. В этой борьбе крупные организации капитала начинают ставить своей целью не столько уничтожение своих противников, сколько их подчинение и использование в своих целях. Картели ведут борьбу с «дикими» за их включение в общий фронт. Тресты стремятся в той или иной форме поглотить своих конкурентов. Протекционистская политика также способствует процессу организации капитализма в национальных рамках. Все эти тенденции действовали и в довоенное время; однако в послевоенные годы они стали значительно интенсивнее выступать наружу.

Новоявленный теоретик-экономист II Интернационала, долготелый сотрудник левобуржуазной «Франкфуртской газеты», Фриц Нафтали выступил на брюссельском конгрессе со специальным докладом о мирохозяйственном положении¹. Идеи организованного капитализма и хозяйственной демократии являлись, естественно, центральным пунктом всего выступления. Глубоко ошибся бы, однако, тот, кто рассчитывал бы найти в этом докладе сколько-нибудь вразумительное представление о сущности тех процессов, которые дают право толковать об организованном капитализме. Рассуждения Нафталя сводятся к повторению тех же истин, уже знакомых нам по статье Деккера: «Свободная конкуренция, составлявшая отличительную черту капитализма, еще так недавно, заменена фактической монополией трестов, с одной стороны, и коллективными договорами с рабочими, которые являются ограни-

чением свободы конкуренции труда,—с другой. Немалую роль играет теперь и страхование от безработицы, проведенное в 17 крупных государствах. Все это вместе взятое значительно меняет структуру капитала: сейчас это не тот капитализм, который мы знали до войны. Это ни в какой мере не облегчает и не уменьшает борьбы рабочего класса, но к старым требованиям надо прибавить новые, чтобы монополистические картели были поставлены под контроль» и т. д. (далее идет уже совсем бессодержательная болтовня). Стало быть, структура капитала изменилась, на место неорганизованного капитала стал организованный. Во-первых, картели и тресты заняли место единоличного предприятия и, во-вторых, вместо свободных договоров заключаются тарифные соглашения и существует обязательное страхование от безработицы. На основании этих фактов реформисты берутся утверждать, что перед капитализмом открылась совершенно новая эпоха, притом эпоха такая, которую Маркс не предвидел и которая таким образом побивает пророчества Маркса.

Не менее бессодержательна и обща характеристика пресловутого организованного капитализма, данная в официальном документе — резолюции брюссельского конгресса II Интернационала, посвященной вопросу о «мировом экономическом положении и задачах пролетариата». Приводим важнейшее из этой резолюции, относящееся к интересующему нас вопросу. «Послевоенное десятилетие — заявляет эта резолюция — характеризуется гигантским развитием могущественных монополистических организаций. Во все возрастающем числе отраслей производства индивидуалистический капитализм свободной конкуренции вытесняется организованным капитализмом частных монополий. Развитие монополистических организаций шагает через границы государств: число международных картелей и трестов все возрастает».

III

Внутреннюю лживость утопии организованного капитализма не в состоянии скрыть сами идеологи реформизма. Видно, действительно, шила в мешке не утаишь. Из идеологического мешка реформизма то там, то здесь высовывается неприглядное шило действительности.

Даже в резолюции брюссельского конгресса в некоторых местах достаточно отчетливо выступают внутренние противоречия теории организованного капитализма. Один из пунктов резолюции гласит: «Описанные изменения в развитии мирового хозяйства не могут поколебать позиции рабочего класса; наоборот, они свидетельствуют о том, что капиталистическое развитие все в большей степени само создает предпосылки для преодоления капитализма. Если капиталистические монополии на ближайший период и приводят к установлению тяжелого гнета над народами, то они в то же время показывают, что само развитие требует замены конкуренции планомерной организацией общественного производства. Если рационализация непосредственно и усиливает муки рабочих и увеличивает число безработных, то с другой стороны — она показывает на возможность, благодаря колоссальному повышению производительности труда, создать экономические предпосылки культурной жизни для всех людей. Если международные картели и тресты непосредственно и подчиняют народы и государства господству мирового капитала, то в то же время они показывают,

¹ На этом основании один из редакторов «Фрэнкфуртской газеты» в частной беседе не без иронии говорил о «нафталинизированном социализме» II Интернационала.

как создаются предпосылки для уничтожения анархии мирового рынка, для планомерного международного руководства мировым хозяйством».

Итак, здесь дело изображается таким образом, что новейшее развитие капитализма создает лишь предпосылки для осуществления социалистических принципов. Но как тогда быть с основным положением всей теории организованного капитализма, гласящим, что новая фаза капиталистического развития характеризуется тем, что вместо капиталистического принципа конкурентной борьбы выступает социалистический принцип планомерной организации производства? Ведь совершенно очевидно, что вместе с этим утверждением стоит и падает все теоретическое здание «новой фазы», которая открывается перед современным капитализмом. Как быть с заявлением посвященной конгрессу передовицы «Форвертса» насчет «внедрения социалистических принципов в капиталистическое хозяйство»? Читатель дальше увидит, что именно это «внедрение» составляет основу всей теории хозяйственной демократии. Совершенно ясно, что в действительности имеет место одно из двух. Либо современный «организованный капитализм» действительно характеризуется внедрением социалистических принципов, их фактически осуществлением — в таком случае оправданы и уместны разговоры о новом технико-экономическом перевороте, о новой фазе и т. д. Либо современное развитие создает лишь предпосылки для осуществления социалистических принципов — и тогда встает немаловажный вопрос: каким образом эти предпосылки могут быть превращены в действительность, каким образом эти возможности могут быть реализованы?

В ответе на последний вопрос идеологи реформизма также не могут выбраться из заколдованного круга совершенно явных противоречий. Так они нередко бывают вынуждены признать, что рост хозяйственной организованности в рамках капитализма ведет к одновременному возрастанию раздрающих его противоречий и антагонизмов. Но отсюда следовал бы, казалось, совершенно логический вывод о том, что лишь социальная революция, лишь коренной общественный переворот может устранить одну из сторон этого глубокого противоречия, может разрешить раздрающие капиталистический строй антагонизмы, может пробить дорогу для действительного торжества социалистической организации хозяйственной жизни. Но этого вывода реформистские идеологи боятся, как чорт лаdana. Будучи не в состоянии скрыть или не заметить раздрающих капитализм растущих противоречий, они в то же время остаются глашатаями мирного вращения в социализм демократическим путем. Легко себе представить, ценой каких отнюдь не диалектических противоречий достигается обоснование подобных выводов. Понятно при этом, что чем более левые фразы декламирует тот или иной реформист, тем более отчетливо и ясно выступает эта пропасть в его рассуждениях.

Ограничимся лишь несколькими примерами. В цитированной выше программной статье «Под знаком хозяйственной революции» венская «Арбайтерцайтунг» пишет в заключение: «Соотношение политических сил может нынче казаться в целом неизменным; огромные, кажущиеся на первый взгляд непреодолимыми, препятствия могут мешать международному пролетариату достигь решительной сокрушительной победы; однако в то самое время, когда политическое господство буржуазии кажется обеспеченным, экономическое развитие продолжает свой бег. Это развитие еще проходит на почве и в интересах

капиталистических сил, оно еще направляется и управляется вожаками капиталистического хозяйства, которые в эпоху организованного капитализма сосредоточивают в своих руках несравненно большую политическую и экономическую власть, нежели когда-либо прежде. Результат этого развития вовсе не означает организации неорганизуемого (die Regelung der Unregelbaren) капиталистического производства, однако развитие отчетливо стремится вырваться за пределы капиталистических рамок; оно стремится осуществить то, что никогда не может осуществиться в капиталистическом обществе. Таким-то образом хозяйственное развитие работает в нашу пользу как раз в такое время, когда политические условия нередко неблагоприятны для нас. Хозяйственная жизнь, коренные изменения которой мы все наблюдаем, является в нашу пору политической реакции, охватившей ряд стран, сильнейшим и надежнейшим союзником рабочего класса».

Если попытаться за туманом этих звонких фраз раскрыть какое-либо содержание, то совершенно очевидно, что вся эта тирада могла бы означать лишь одно, а именно: капитализм по самой природе своей не может быть организован, сама система организованного капитализма полна противоречий, власть капиталистических магнатов в эту эпоху сильно возрастает, но тем не менее хозяйственное развитие работает на пользу социалистического пролетариата.

О противоречиях, заложенных в структуре современного «организованного капитализма», говорит и Оскар Поллак в чрезвычайно характерной статье «Международное рабочее движение в период „паузы“», помещенной в № 8—9 теоретического ежемесячника австро-марксистов «Кампф» за 1928 г. Затрагивая вопрос о военной опасности и грядущей войне, автор заявляет: «Международный капитализм достиг новой ступени в своем развитии; его последняя форма — это организованный капитализм; мощные международные концерны и картели разделяют между собою мир. Эти новые международные капиталистические державы — могущественнее, нежели государства; они господствуют над правительствами; их сущность — организация; но горе, если они в один прекрасный день вступят в бой между собою! Еще неясно, означает ли международная концентрация капитала преодоление эпохи конкуренции, или она приведет к возобновлению конкурентной борьбы на высшей ступени, в неведанных доселе, ужасающих размерах. Пока что обе возможности: война или мир, договора или борьба на уничтожение, угрожающе и загадочно покоятся в глубине портфелей акций».

Если Поллак признает, что обе возможности — война или мир — покоятся в глубине портфелей акций, то большинство реформистов все же смотрит на этот вопрос иначе. Обманывая рабочие массы пацифистскими иллюзиями, превознося до небес империалистическую Лигу Наций, они склонны изображать дело так, будто война в будущем может угрожать лишь со стороны... большевизма. Реформисты всех мастей подняли дикий вой по поводу открытого заявления VI конгресса Коминтерна насчет неминуемой угрозы империалистической войны. Реформисты всех толков (в том числе один из первых Отто Бауэр) с неслыханно циничной демагогией пытались исказить смысл этого ясного и четкого заявления. Большевики, мол, потому заявляют о неизбежности новой войны, что они ее хотят, они ее жаждут, они ждут от этой войны осуществления своих планов всемирной революции — под этим лозунгом шла отравленная пропаганда реформизма.

В то же время действительная опасность войны всячески затушевывается; немалую служебную роль здесь играют те же идеи организованного капитализма. Если даже оставить в стороне совершенно бездарные вариации на эту тему, если обратиться к более серьезным реформистским выступлениям по этому поводу, то и там мы найдем достаточно примеров такого использования теории организованного капитализма для распространения вреднейших пацифистских иллюзий. Так уже известный нам Деккер пишет в своей статье: «Разумеется, капитализм нынешнего дня не уничтожил конкуренции и борьбы за рынки и сырье, но лишь ввел ее в новое русло; однако как из боязни перед массами, так и вследствие своей международной организованности он гораздо сильнее, чем прежний капитализм, склонен к хозяйственному и политическому интернационализму, к политике международного соглашения, к определенному рода оппортунистическому пацифизму. Конечно, не случайно наиболее острая опасность войны угрожает со стороны государств, в которых капитализм относительно слабо развит и рабочее движение разгромлено».

Это рассуждение чрезвычайно характерно и поучительно. Дело изображается таким образом, будто опасность войны грозит со стороны таких стран, как Италия, Венгрия, Польша, балканские государства и другие страны поменьше. Что же касается до основных крупнейших империалистических хищников, без которых большинство второстепенных государств не может самостоятельно шагу ступить, то здесь капитализм в силу своей организованности и под влиянием развитого рабочего движения склонен, мол, к оппортунистическому пацифизму. Владыки американского, британского, французского капитала чудесным образом превращаются в некое подобие ангелов мира.

IV

В еще более своеобразном свете рисуют идиллии организованного капитализма левые социал-демократы.

Если уже Поллак, вопреки реформистской стопроцентности, допускает, что в тысячелетнем царстве организованного капитализма обе возможности — мира и войны — скрываются в тайниках портфелей акций, то еще решительнее выражаются его более левые сподвижники.

В этом отношении чрезвычайно характерна статья О. Ляйхтера «Организованный капитализм и его диалектика», помещенная в том же номере «Кампф». Уж одно заглавие статьи свидетельствует о том, что автор не прочь рядиться в псевдо-марксистские одежды. Отметим ряд особенностей нынешней фазы капиталистического развития, автор в согласии со всеми реформистами приходит к выводу, что эти особенности дают право говорить о новой ступени в развитии капитализма, о стадии организованного капитализма. Однако в самой характеристике этого строя Ляйхтер не может обойтись без ряда признаний, которые бросают несколько неожиданный свет на обычные реформистские росканы об организованном капитализме.

Оказывается, если можно говорить об «огосударствлении» (Durchstaatlichung) хозяйства, то не следует также закрывать глаза на тот факт, что государство отступает на второй план перед концернами как в вопросах внешнехозяйственной, так и в области внутренней политики; и оставляет на долю крупнейших капиталистических организаций те функции, которые оно собственно должно было бы выполнять само. Ибо что такое соглашение между германской и французской стальной

индустрией, как не мероприятие, имеющее решающее значение для германской промышленности? А разве повышение цен на железо, т. е. вздорожание важнейшего вида сырья для тысяч предприятий не представляет собою мероприятия всеобщего хозяйственного значения? Но, как известно, — хотя границы между частными и публичными хозяйственными мероприятиями начинают все более стираться, — крупная промышленность сумела благодаря политическому влиянию своих политических партий отеснить государство с его мероприятиями на задний план или полностью приспособить государственные мероприятия к желаним и потребностям крупных капиталистических объединений».

Как пример подобной «отмены» государства со стороны крупнейших магнатов капитала тот же автор в другом месте приводит историю переговоров между Францией и Германией насчет заключения торгового договора в 1925 г. Эта история в кратких чертах сводится к следующему: чиновники министерств иностранных дел потратили немало времени на переговоры, но никак не смогли разрешить двух основных проблем, касавшихся пошлин на продукты железодельательной и химической промышленности. Затем съехались некоронованные короли этих крупнейших трестов и живо разрешили эти вопросы деловым образом. В качестве другого примера бесцеремонного вторжения капиталистических магнатов в государственную жизнь автор называет «фашизм банков», который сильно чувствовался в ряде стран при борьбе за денежную реформу. На основании подобных фактов автор предупреждает, что «не следует обманываться насчет того, что методы организованного капитализма ближе к олигархии, нежели к демократии».

Пытаясь сформулировать свойственные организованному капитализму противоречия, автор заявляет: «Частное хозяйственное руководство стало важнейшим фактором публичной хозяйственной политики благодаря тому огромному значению, которое имеет каждое мероприятие в области политики цен, производства и сбыта. Решения крупных концернов вплотную подходят к сфере компетенции публично-правовых инстанций, но это не означает огосударствления хозяйства в том смысле, что государство действительно оказывает решающее влияние на хозяйство. Благодаря начинающейся организации хозяйства ныне создана возможность того, что общество переймет руководство хозяйственным аппаратом, ставшим более прозрачным, когда изменение политического соотношения сил приведет к демократическому управлению хозяйством. Но как раз из страха устранения своей неимоверной власти крупнейшая буржуазия постепенно объединяет вокруг себя для борьбы против рабочего класса все буржуазные слои. Таким образом организованный капитализм повсюду стоит под знаком обострения классовых противоречий». Пытаясь щеголять чисто словесной диалектикой, пытаясь растворить действительные противоречия современного капитализма в невинной игре словесными формулировками, автор в конце статьи вспоминает, что пролетариат должен сначала завоевать политическую власть, прежде чем скрытая в недрах организованного капитализма тенденция социалистического развития сможет быть реализована.

Разумеется, речь идет о завоевании политической власти в стиле реформистских представлений: без всякой революции, при помощи одной лишь избирательной урны, которая когда-нибудь, ведь, даст, наконец, социалистам долгожданные 51% голосов. Тогда хваленая демократия откроет свои объятия социализму.

На примере диалектического танца, исполненного Ляйхтером, видна вся отнюдь не диалектическая противоречивость представлений левых реформистов насчет организованного капитализма. В самом деле, хотя современный капитализм ведет к обострению классовых противоречий — но тем не менее демократия и гражданский мир остаются панацеей от всех зол. Организованный капитализм ведет к превращению демократии в олигархию, к подчинению государства кучке капиталистических воротил, к фашизму банков — тем лучше для демократии! Кровью и железом современный капитализм охраняет свое господство и подавляет всякие покушения на свое самодержавие — тем не менее реформисты продолжают болтать об осуществлении социалистических принципов уже в рамках нынешнего организованного капитализма.

V

На базе этакой «стройной» теории организованного капитализма и вырос лозунг хозяйственной демократии. Подобно кривому зеркалу реформистская идеология отражает в искаженном до неузнаваемости виде те реальные процессы, которые разыгрываются в капиталистической экономике.

Послевоенный капитализм во многом отличается от довоенной экономики. Отличие это состоит, разумеется не в том, что до войны господствовала свободная конкуренция, а теперь настало царство организованного капитализма. Господство монополий достаточно ярко проявлялось и в довоенный период. И тогда уже блага эпохи свободной конкуренции безвозвратно отошли в область прошлого.

Тем не менее следует признать, что послевоенное десятилетие принесло с собою ряд крупных структурных сдвигов и изменений в хозяйственном организме мирового капитализма. Эти сдвиги непосредственно базируются, естественно, на тех коренных пертурбациях, которые внесла в хозяйственную жизнь война со всеми своими последствиями. Структурные изменения послевоенного капитализма идут в общем и целом в направлении дальнейшего развития основных особенностей монополического капитализма.

Однако, если империализм представляет собою вообще последний этап капитализма, то хозяйственная жизнь послевоенной эпохи отличается тем, что до чрезвычайности выпукло, ярко и обнаженно проступают все признаки умирания и распада капиталистического строя. Бьющие в глаза противоречия империалистической экономики достигают небывалой остроты. Признаки умирания, симптомы загнивания достигают невероятной силы, несмотря на внешнее — иной раз — благополучие, несмотря на судорожные попытки продвижения вперед.

Если в довоенный период господство монополий было широко распространено, то современная экономика характеризуется во многих случаях совершенно неограниченным самодержавием небольшой кучки монополистических воротил. Если процессы концентрации и до войны протекали быстрым темпом, то ныне этот темп становится исключительно бурным. Под влиянием войны и ее последствий происходит быстрая пролетаризация довольно широких слоев прежнего среднего сословия. Если до войны магнаты капитала оказывали решающее влияние на внешнюю и внутреннюю политику, то в послевоенный период это влияние до чрезвычайности возрастает.

К числу особенностей послевоенной экономики, требующих пристального внимания, относится развитие государственно-капиталистических тенденций и элементов. В этом отношении нынешнее развитие наиболее непосредственно примыкает к периоду военной организации хозяйства. Ряд конкретных форм современных госкапиталистических тенденций представляет собою прямое продолжение процессов, имевших место в период войны. Разумеется, не следует понимать эту преемственность чересчур буквально. Изменилась в корне хозяйственная обстановка по сравнению с обстановкой мировой войны, изменился весь облик хозяйственной жизни. Ясно поэтому, что и госкапиталистические элементы по своей форме, по своей конкретной внешности сильнеешим образом отличаются от методов госкапиталистического регулирования и управления эпохи войны. Тем не менее в принципиальном отношении нередко может быть установлена прямая связь между этими внешне несходными явлениями.

Элементы госкапитализма заключаются в чрезвычайно тесном сращении государственного аппарата буржуазии с ее хозяйственным аппаратом. Реформисты пытаются изобразить дело так, будто это означает усиление функций демократического государства в области хозяйственной жизни. Впрочем, как мы уже видели, даже некоторые реформисты вынуждены признать, что на деле происходит как раз обратный процесс подчинения государственной власти небольшой олигархической кучке магнатов капитала.

Схематически можно было бы расклассифицировать конкретные формы современного госкапитализма по следующим рубрикам: 1) предприятия, находящиеся в собственности публично-правовых организаций; 2) различные формы государственного регулирования деятельности частных предприятий (главным образом в области цен); 3) область междугосударственных отношений; 4) область так называемой социальной политики (прежде всего принудительный арбитраж и рабочее законодательство).

VI

Что касается предприятий, составляющих собственность государства, коммун и т. д., то они служат излюбленным коньком реформистов. На примере этих предприятий реформисты пытаются доказать, что можно «совсем без драки попасть в большие забияки», что можно осуществлять такую политику, когда и волки будут сыты, и овцы целы, когда социализм будет торжествовать и в то же время капиталисты не будут огорчены. Растущее значение этих предприятий, не находящихся в частном владении, реформисты приводят в качестве одного из наиболее ярких признаков мирного вращивания капитализма в социализм. Государственные, коммунальные и прочие общественные предприятия (сюда относятся еще кооперативные предприятия, учреждения вроде «рабочих банков» и пр.) реформисты изображают чуть ли не в виде обобщественного сектора, выражаясь нашим советским языком. Рост этого круга общественных предприятий они объявляют равнозначущим с ростом обобществления хозяйства, с ростом конкретного практического социализма. Это обстоятельство, заметим в скобках, не мешает социал-демократам всячески клеймить обобщественный сектор хозяйства в Советском Союзе, называть его госкапитализмом, не имеющим ничего общего с социализмом. С другой стороны, некоторые наиболее оголтелые фанатики частной инициативы и свободной борьбы сил всячески

протестуют против этого участия публично-правовых институтов в хозяйственной жизни, подымая крик по поводу совершающейся якобы в типичной «холодной социализации».

На самом деле, разумеется, упования реформистов и страхи апологетов свободной инициативы в равной мере неосновательны. Правда, по своим абсолютным размерам государственные, коммунальные и прочие общественные предприятия играют немалую роль в хозяйственной жизни. В них занято несколько сотен тысяч рабочих. Их годовая продукция достигает по некоторым подсчетам 10—12 миллиардов марок, составляя таким образом немалую долю всей валовой продукции германского народного хозяйства. Несомненно, что по сравнению с довоенным периодом значение этой формы госкапитализма сильно возросло. Этот конгломерат предприятий состоит в значительной мере из заводов, выстроенных или приобретенных государством во время войны. Какова, однако, экономическая роль этого своеобразного госкапиталистического сектора? Сколь-нибудь критический подход к вопросу не оставляет места для двух мнений на этот счет. Прежде всего следует заметить, что эти госкапиталистические предприятия в виде общего правила функционируют не в тех областях, где они могли бы составлять серьезную конкуренцию частно-капиталистическим монополиям. Обычно государству и коммуны берут на себя ведение таких предприятий, которые для частного капитала представляются не особенно желанным объектом вследствие ли необходимых для сооружения крупных средств, или из-за медленности оборота капитала, или, наконец, из-за низкой нормы доходности. Сюда относятся нередко предприятия вроде трамвайной сети, районных электростанций, газопроводов, жилищное строительство и т. п. Зато эти предприятия при своей постройке являются крупными потребителями изделий частно-монополистической индустрии (в первую очередь — металлургии и электротехники). В период же своего функционирования эти предприятия обслуживают нужды частной индустрии: питают ее дешевой двигательной силой, дают возможность селиться вновь прибывающим рабочим и т. д. Таким образом, между «общественным», и частно-монополистическим хозяйствами устанавливаются скорее отношения сотрудничества, основанного на своеобразном разделении труда (до чрезвычайности напоминающем известную крыловскую басню, где одному достаются «вершки», а другому «корешки»), нежели отношения борьбы.

О этим связана и другая сторона дела. Публично-правовые предприятия в виде общего правила чрезвычайно быстро вступают в теснейший контакт и союз с крупнейшими концернами и прочими монополистическими организациями. Исключительную роль в деле установления подобных связей выполняют обычно банки. Именно через банки государственные и коммунальные предприятия завязывают тесные отношения с монополистическими организациями, которые либо являются поставщиками, либо напротив потребителями, либо, наконец, однородными производителями. Смычка капиталистических предприятий с банками и концернами протекает в форме участия, выражается в передаче пакетов акций, находит свое внешнее проявление в виде обмена членами наблюдательных советов и т. п. Таким порядком госкапиталистические предприятия целиком вращаются в общей системе монополистического капитализма. Исключения из этого правила не составляют и так называемые «рабочие банки», создаваемые германскими реформистами по американскому образцу на профсоюзные средства,

собранные из пролетарских грошей. Эти рабочие банки очень скоро падают под влияние крупнейших воротил капиталистического финансового мира, или же, как это случилось с банком всегерманского профсоюзного центра в 1928 г., прибегают к финансовым операциям со всякими сомнительными полуспекулятивными фирмами, терпя на этих комбинациях урон.

Государственное регулирование деятельности частно-капиталистических предприятий было чрезвычайно широко распространено во время войны. Тогда эта регламентация охватывала ряд существеннейших сторон. То, что осталось в настоящее время от этой всеохватывающей регламентации, носит довольно скромный характер. Нынешняя регламентация касается, во-первых, только установления продажных цен, во-вторых, охватывает крайне ограниченное количество товаров (уголь, калий, железо) и, в-третьих, составляет предмет компетенции таких смешанных государственно-хозяйственных органов, где монополистическим воротилам обеспечено чрезвычайно сильное влияние. Временами эта регламентация цен низводится до степени пустой формальности. Зато, с другой стороны, когда налицо серьезные конфликты между различными кликами монополистов, например, между воротилами тяжелой и обрабатывающей промышленности, к этой регламентации нередко приковывается общественное внимание.

Что касается всей обширной области междугосударственных отношений, то эта область, как известно, составляет излюбленную сферу теснейшего сотрудничества государственной власти с монополистическими воротилами в течение всей империалистической эпохи. Характерная для империализма агрессивная протекционистская политика по самому существу предполагает тесное сотрудничество между государственным аппаратом и «капитанами» хозяйственной жизни. Послевоенная эпоха характеризуется тем, что эта связь становится еще более прозрачной и вполне осязательной. Такие случаи, как приведенный выше в изложении Ляйхтера пример франко-германских экономических переговоров, дают разительное подтверждение этому сращиванию. Та же партия повторяется в Германии при всяких сколько-нибудь серьезных хозяйственных переговорах с другими государствами; так, например, та же история повторилась при переговорах относительно германско-польского торгового договора с той лишь разницей, что вместо королей химии и железа заинтересованными лицами оказались восточно-пруссские помещики и силезские промышленники.

Наконец, чрезвычайно многообразны проявления государственного капитализма в области рабочей политики современного государства. Именно эта область требует наиболее пристального внимания, ибо она используется социал-демократами в качестве одного из основных «камней» для теории хозяйственной демократии. Если все прочие проявления организованного капитализма представляют для идеологии хозяйственной демократии лишь своего рода теоретические предпосылки, то как раз эта область отношений вводит нас в самую гущу практической политики современного реформизма.

Было бы нестерпимо скучным делом заводить спор о том, следует ли причислять к проявлениям государственного капитализма первые шаги государства в области регулирования труда и положения рабочего класса. На наш взгляд, если мы хотим сохранить за понятием государственного капитализма определенность его исторического содержания, если мы под этим термином объединяем процессы, имеющие место в

стадии высоко развитого монополистического капитализма и усиливающиеся лишь к периоду гибели и упадка капитализма, тогда не может быть и речи о причислении по ведомству госкапитализма первых законодательных актов в области охраны труда и ограничения рабочего времени и даже первых опытов государственного страхования безработных. Правда, нынешние мероприятия государства в области рабочей политики можно рассматривать как продолжение и развитие этих первых шагов. Однако современные государственные мероприятия протекают прежде всего в специфической обстановке высоко-концентрированного капитализма, обнаруживающего целый ряд госкапиталистических тенденций. В то же время эти мероприятия по своему характеру, объему, направлению и форме носят все же до известной степени специфический характер.

Этот специфический характер ни в чем, если угодно, так ярко не обнаруживается, как в отношении государства к реформистскому профсоюзному аппарату. Вильгельмовская империя официально не признавала профсоюзов. Не признавали их и главари промышленных организаций. В довоенный период монополистические тузы игнорировали профсоюзные организации в качестве какого-то незаконного сброда. В огне мировой войны реформистские профсоюзы завоевали себе право гражданства в буржуазном обществе. Это право гражданства было впервые оформлено в известном соглашении между вожаком реформистских профсоюзов Карлом Легином и главарем промышленных организаций Гуго Стиннесом, заключенном 15 ноября 1918 г., т. е. на другой день после свержения монархии. Первый пункт этого соглашения гласит, что профсоюзы признаются представителями рабочего класса. Как известно, в уплату за эту чечевичную похлебку запоздалого признания реформисты в буквальном смысле слова отдали свое первородство: они обязались сохранить в целостности капиталистическую систему. И это свое обязательство они выполнили, пролив море рабочей крови. Реформисты оправдали доверие буржуазии. И недаром орган тяжелой индустрии, принадлежавший одно время тому же Стиннесу, «*Deutsche Allgemeine Zeitung*» в передовице, посвященной Гамбургскому съезду профсоюзов, в сентябре 1928 г. писал со скрытой иронией, что в сущности профсоюзный аппарат в такой же мере консервативен, как и аппарат буржуазного государства.

В настоящее время все формы социальной политики государства отличаются тем, что в них виднейшую роль играет профсоюзный аппарат. Реформистская верхушка профсоюзов представлена в важнейших хозяйственных органах государства (совещательный, вечно «временный» государственный хозяйственный совет RWR и др.). Государственное вмешательство в отношения между трудом и капиталом, унаследованное от довоенного времени такие формы, как ограничение рабочего времени и страхование безработных, в послевоенный период обогатилось принудительным арбитражем. В любом случае конфликта между рабочими и предпринимателями по поводу зарплаты, условий труда и т. п. дело может быть передано государственному арбитру, по инициативе как одной из спорящих сторон, так и самого арбитра. В случае несогласия сторон или какой-нибудь одной из них с решением арбитража, это решение может быть обьявлено обязательным опять-таки по инициативе одной из сторон, либо государства. Практика принудительного арбитража ведет к фактическому лишению рабочего класса права на стачку, к ухудшению условий оплаты труда, ко все возрастаю-

щему закабалению пролетариата. И в этом деле реформистский профсоюзный аппарат играет чрезвычайно видную роль. Именно выслужившиеся профессиональные бюрократы заполняют собою ряды государственных арбитров. Но помимо того, без профсоюзной машины было бы абсолютно невозможно заставить рабочих подчиняться принудительному арбитражу. Эту свою функцию профсоюзный аппарат выполняет без отказа.

Если в других сферах проявления современных госкапиталистических тенденций мы имеем дело прежде всего с процессом сращивания буржуазного государства и хозяйственного руководства, то в данной области на первый план выдвигается еще более сложный процесс сращения государственного и хозяйственного аппарата буржуазии с реформистским профсоюзным аппаратом. Именно в этой области хозяйственных отношений следует, на наш взгляд, искать корней современных фашистских тенденций в развитии социал-демократии. Госкапиталистические формы открывают тысячи возможностей для постоянного вращивания и внедрения реформистских чиновников в сращивающиеся части государственного и хозяйственного аппарата буржуазии. Социал-демократические, партийные и профсоюзные деятели становятся членами наблюдательных советов госкапиталистических предприятий, пробираясь по этому трамплину дальше в гущу монополистических организаций промышленности. Реформистские чиновники занимают ряд крупных и мелких постов в органах социальной политики буржуазного государства. Создаются кадры, охватывающие тысячи людей, по большей части выходцев из пролетариата, которые в прежнюю пору своей деятельности привыкли считать себя представителями рабочего класса. Ныне, войдя в машину буржуазного владычества, они склонны принимать свое вращивание в капиталистический аппарат за вращивание капитализма в социализм. Возникает соответствующая идеология, всемерно приукрашивающая капитализм, изображающая явления распада капитализма в качестве гармонического процесса «становления социализма». Если Буало в свое время рекомендовал всегда называть кошку — кошкой, то современный реформизм, напротив, постоянно норовит называть нынешний капитализм — социализмом в становлении. Эта реформистская идеология по сути дела гораздо ближе к фашистской, чем это может показаться на первый взгляд. Формальное противоречие: демократия — диктатура здесь особенно большой роли не играет. Если взглянуть на существо дела, то оно сводится и у фашистов и у реформистов к удержанию масс от расправы с капиталистическими порядками, к сохранению и убержению капиталистического строя. И пути выполнения этой задачи у фашистов и реформистов гораздо более сходны, нежели можно предполагать. И для тех и для других основным политическим орудием служит демагогическое приукрашивание существующих отношений, с той только разницей, что у фашистов на первом месте стоит национальная демагогия (что отнюдь не исключает иногда довольно обильных элементов социальной демагогии), в то время как реформисты выдвигают на первый план демагогию социальную (что не мешает им зачастую апеллировать к националистическим чувствам).

VII

После того, как мы ознакомились со служебной ролью пресловутой теории хозяйственной демократии, нас не может удивить идейная

пустота и бесцветность всей этой концепции. Неопределенность самого понятия хозяйственной демократии стала излюбленным предметом для острот и шуток в среде самих реформистов. Внутренние противоречия этой концепции ничуть не менее велики и непримиримы, чем противоречия теории организованного капитализма.

Прежде всего совершенно неясно, какой круг явлений понимается под хозяйственной демократией. Профсоюзные идеологи обычно спасаются за толстым щитом ничего не говорящих, пустопорожних, чисто словесных упражнений. Много говорится об изменениях «хозяйственного духа», о проникающем в область хозяйства общем интересе, об ограничении частного эгоизма, об установлении равноправия между рабочими и работодателем, об участии рабочих в управлении предприятиями и всем хозяйством в целом.

Далее пунктом бесконечных споров и препирательств является такого рода «пустяк»: возможна ли хозяйственная демократия при капитализме или ее час наступит лишь после замены капитализма (разумеется, демократическим путем реформ) социалистическим строем. На бреславльском съезде профсоюзов в 1925 г. с докладом о хозяйственной демократии выступил социал-демократический профессор Хермберг. По его докладу всерманский съезд профсоюзов впервые вписал в историю профдвижения это сакраментальное слово. И вдруг — о ужас! — после долгих размышлений проф. Хермберг через несколько лет приходит к выводу, что в рамках капитализма говорить о хозяйственной демократии вовсе не приходится, что понятия капитализм и хозяйственная демократия взаимно исключают друг друга. Эти свои открытия он поведал миру в докладе в Лейпциге в начале 1928 г. Любопытна его аргументация, весьма характерная для реформистских начетчиков. Читатель может подумать, что почтенный профессор усумнился в осуществимости хозяйственной демократии при капитализме под влиянием размышлений о присущих капитализму противоречиях, классовой борьбе, господстве капиталистических олигархических клик и т. п. Ничуть не бывало! Ход мыслей проф. Хермберга иной. Хозяйственная демократия — рассуждает он — означает определенное (т. е. демократическое) управление хозяйством. Но капитализм не знает вообще никакого управления хозяйством. Оригинальная черта капиталистического хозяйства заключается в том, что оно никем сознательно не управляется; об управлении хозяйством можно говорить лишь применительно к планомерно-организованному социалистическому хозяйству. Отсюда — на этом формально-логическом основании — почтенный экономист и делает вывод, что осуществление хозяйственной демократии несовместимо с сохранением капиталистического строя и его основы — частной собственности на средства производства.

Вокруг этого вопроса в среде реформистов разгорелась довольно оживленная дискуссия. Хермбергу взялся ответить сам Т. Ляйпарт — наследник Легина на посту председателя всеобщего объединения профсоюзов Германии. В марте 1928 г. Ляйпарт сделал доклад на собрании профсоюзных чиновников в Дрездене; этот доклад напечатан под интригующим заглавием «На пути к хозяйственной демократии?» В этом докладе лидер профсоюзных реформистов ставит целую уйму вопросов, в том числе даже такой забавный вопрос: осуществима ли хозяйственная демократия в одной стране, или она может быть осуществима лишь в интернациональном масштабе?

Ляйпарт прежде всего оспаривает утверждение Хермберга насчет того, что капиталистическое хозяйство в целом не знает сознательного управления и руководства. Конечно — говорит Ляйпарт — следует различать между управлением отдельным предприятием и управлением хозяйственным целым. Но если делать это различие, то придется признать, что современный капитализм знает всеобъемлющие организации. При этом Ляйпарт повторяет обычные реформистские рассуждения насчет организованного капитализма. Хозяйство, по уверениям Ляйпарта, уже в настоящее время перестало быть частным делом предпринимателей. В подтверждение своих слов Ляйпарт ссылается на одного из виднейших руководителей предпринимательских объединений — Ляммерса, который произнес на съезде партии центра несколько общих фраз о том, что предприниматели проникнуты национальным чувством ответственности, о службе народу, о стремлении к общему благу и т. п. Понятие частной собственности — рассуждает Ляйпарт — не остается неизменным на протяжении всего развития капитализма. Было время, когда право частной собственности означало полнейший произвол единичного предпринимателя. Не то теперь. В нынешнюю эпоху институт частной собственности подвергается столь серьезным ограничениям, что он незаметным образом превращается в институт собственности коллективной. Как государство, так и организация самих промышленников чрезвычайно ограничивают личный произвол предпринимателя. Помимо того, представители рабочих принимают участие в делах управления предприятием. Наконец, Ляйпарт перечисляет всю совокупность тех отличий современного капитализма, которые сводятся к различным формам госкапиталистических элементов: государственное регулирование отношений труда и зарплаты, обязательный арбитраж регулирования рабочего времени, трудовое посредничество и страхование от безработицы, распространение государственных, коммунальных и общественных предприятий. Все эти проявления госкапиталистических тенденций Ляйпарт расписывает как доказательство того, что прежний индивидуализм в значительной мере сменился коллективизмом, что характер частной собственности в корне изменился, что общественное управление хозяйств уже существует и постоянно усиливается. И Ляйпарт весьма сочувственно цитирует другого социал-демократического профессора, руководителя профсоюзной «Академии Труда» во Франкфурте на Майне, Э. Нёльтинга, который заявил, что современный мир находится в периоде перехода от капиталистического к общественному хозяйству, причем этот переход и представляет собою преддверие социалистического хозяйства. Хозяйственная демократия была еще невозможна в чистом капиталистическом хозяйстве, и она уже невозможна в социалистическом хозяйстве. Резюмируя, Ляйпарт заявил, что он понимает под хозяйственной демократией не что иное, как проведение в жизнь § 165 Германской конституции, который признает за рабочими и служащими право «равноправно с предпринимателями» принимать участие не только в «регулировании условий труда и оплаты» но и «во всем хозяйственном развитии производительных сил». Сказано, как видит читатель, на редкость определенно и ясно.

Не будучи в состоянии сказать что-либо по существу вопроса о хозяйственной демократии, другие реформистские деятели забавляются пустой игрой в словечки. Так, например, в теоретическом журнале, посвященном вопросам профдвижения, «Gewerkschaftsarchiv» (сентябрьская книжка 1928 г.), один из реформистских писателей предложил сле-

дующий остроумный выход. О хозяйственной демократии при капитализме говорить не приходится—хозяйственная демократия неосуществима без серьезных покушений на принцип капиталистической частной собственности. Поэтому—уверяет нас автор—следует говорить о демократизации хозяйства. В конце этого процесса развития только и сможет быть достигнута хозяйственная демократия.

Примерно ту же позицию по существу занимают более левые реформисты. «Только в социалистическом, обобществленном хозяйстве будет возможна хозяйственная демократия»—заявляет один из сотрудников Пауля Леви, некий Ф. Петрих, в изданной Леви корреспонденции «Sozialistische Politik und Wirtschaft» (№ 36 за 1928 г.): «Все, что нам ныне в приукрашенном виде преподносится как хозяйственная демократия, не является даже демократией в предприятии, это лишь начатки; предшественники хозяйственной демократии, которая на почве капитализма, если иметь в виду все хозяйство в целом, еще не возможна». Таким образом даже крайне «левые» реформисты стоят принципиально на той же почве, что и самые махровые профбюрократы вроде Ляйппарта: уже в настоящее время они находят элементы хозяйственной демократии, начатки ее, демократизацию предприятия или всего хозяйства. Они лишь осторожнее своих правых друзей в том отношении, что они не спешат объявить существующий в Германии строй «переходным от капитализма к социализму». Они видимо резонно опасаются, что рабочий скажет: если так выглядит переход к социализму, то не желаю я такого перехода и такого социализма.

Итак, корень и гвоздь хозяйственной демократии, или демократизации хозяйства, или демократии в предприятии—это равноправие рабочих с предпринимателями не только в области определения условий труда и его оплаты, но и вообще в области участия в хозяйственном руководстве. Еще десяток лет тому назад Р. Гильфердинг издевался над принципом паритета рабочих и предпринимателя: один предприниматель и тысяча занятых у него рабочих имеют по одному голосу—какое же тут, дескать, равноправие! Ныне—увы!—условия «равноправия» еще несравненно мизернее; тем не менее это «завоевание» признается коренным пунктом хозяйственной демократии.

Конкретная форма этого «равноправного» участия рабочих в управлении хозяйством основывается на законе о фабзавкомках, изданном в 1920 году. Разумеется, реформисты рассматривают и коалиционное правительство, в котором заседают бывшие рабочие, как одну из форм хозяйственной демократии. В качестве таковой же хозяйственной демократии рассматривается и участие профсоюзного аппарата в различных совещательных государственных органах и внедрение большого числа профсоюзных чиновников в хозяйственно-политический аппарат буржуазии. Однако ко всем этим делам рабочие массы совершенно явно никакого касательства не имеют. Зато рабочие избирают себе фабзавкомы.

Фабзавкомы бесспорно играют в настоящее время определенную роль в рабочем движении. Это—прежде всего арена борьбы между реформистами и классово-сознательными пролетариями. Выборы в фабзавкомы имеют поэтому обычно крупное политическое значение. Однако не эта сторона дела приводит в восторг адептов хозяйственной демократии. Напротив, они считают наличие коммунистов в фабзавкомках лишь помехой для их плодотворной деятельности и не останавливаются перед самыми противозаконными методами для расправы

со своими противниками. Так выглядит «демократия» внутри самих фабзавкомов.

Не лучше обстоит дело и при соприкосновении фабзавкомов с внешним миром. Даже защищать законные интересы рабочих и служащих, ограждать их от произвола предпринимателей фабзавкомы могут лишь в очень ограниченных рамках. Прежде всего социал-демократические члены фабзавкомов относятся к этой стороне своих обязанностей более чем прохладно. Если предприниматель позволяет себе противозаконные действия по адресу коммуниста или сочувствующего коммунистам — тогда реформистский фабзавком принципиально не вступает за попрание прав рабочего. Но если пострадавший и не является коммунистом, реформисты в фабзавкоме чрезвычайно редко идут на острый конфликт с предпринимателем, верные как в большом, так и в малом своей предательской тактике соглашения с буржуазией. Наконец, даже по закону предприниматель имеет тысячи способов совершенно произвольно решать судьбу каждого рабочего.

Однако совершенно смехотворный характер носит та сторона деятельности фабзавкомов, которая особенно превозносится апостолами хозяйственной демократии, а именно их так называемое участие в управлении предприятием, в организации хозяйства. По закону фабзавкомы посылают своих представителей в наблюдательные советы акционерных обществ; в этом все их участие в управлении и концентрируется. Послушаем, что говорят представители капиталистов насчет этой стороны фабзавкомовской деятельности.

Ряд предпринимателей высказался по этому вопросу в связи с опросом, проведенным одной из подкомиссий анкетной комиссии германского рейхстага. Вот что сообщил, например, кельнский банкир тайный советник Л. Хаген, состоящий, по его словам, в качестве председателя или члена наблюдательного совета примерно в 60 акционерных обществах: «Участие членов фабзавкомов в наблюдательных советах выражается прежде всего в том, что они берут слово лишь для того, чтобы попытаться чего-либо добиться для себя или для рабочих и служащих вообще. Кроме этого я в течение ряда лет ничего примечательного с их стороны не замечал... Они, однако, не мешают; так что я бы ничего не стал менять в этом отношении».

Некоторые представители предпринимателей прямо заявили, что они придерживаются того мнения, что «влияние представителей фабзавкомов в наблюдательных советах равно нулю». Другой из числа опрошенных, один из директоров Германского банка Шлиттер, заявил про представителей фабзавкомов, что «они не стесняют, за исключением тех случаев, когда речь идет об условиях приглашения директоров и высшего административного персонала». Но в этих случаях, как свидетельствует уже упомянутый Хаген, руководители предприятий легко выходят из затруднения: «Поэтому в ряде случаев перешли к тому, чтобы проводить приглашение путем решения президиума или самого председателя... Дело действительно ведет к ограничению активности членов наблюдательных советов». Еще определеннее высказывается другой представитель предпринимателей, довольно известный д-р Флейхтхайм: «Существует еще ряд важных вопросов..., которые попросту не могут обсуждаться в присутствии членов фабзавкомов... так что с этих пор заседания наблюдательных советов стали гораздо бледнее и сдержаннее (ärmer, dürker, zurückhaltender)».

Таким образом предприниматели — как и следовало ожидать — имеют в своем распоряжении тысячи возможностей избавиться от всяких следов того куцого «равноправия», которое введено законом о фабзавкоммах. И неудивительно, что левый реформист Ляйхтер вынужден, например, сделать следующее любопытное признание: «Сколько-нибудь важные решения и прежде всего решения в объеме производства не принимаются теперь отдельным предприятием. Правление акционерного общества, которое должно управлять отдельным предприятием, вошедшим в большой картель, представляет собою лишь собрание королей, лишенных трона: решения принимаются верховным руководством треста. Как незначительна однако сила профсоюзов и фабзавкомов как раз в отношении этих коллегий, которые решают важнейшие вопросы отдельных предприятий! Распоряжение судьбами хозяйства ныне действительно сконцентрировано в руках очень немногих самодержавно управляющих вожжаков хозяйства, как это Маркс пророчески предсказал в „Коммунистическом Манифесте“».

Вряд ли следует что-либо прибавлять к этим словам. Это признание убийственно для всей идеологии хозяйственной демократии, единственным конкретным пунктом которой является как раз пресловутое участие в руководстве хозяйственной жизнью. Эта легенда разлетается в прах при первом же соприкосновении с капиталистической действительностью. Однако нечего обманывать себя: идеология хозяйственной демократии и организованного капитализма окажется гораздо более живучей: слишком уж серьезен тот «социальный заказ», который эту идеологию вызвал к жизни. Зато она бесследно исчезнет, когда революционный пролетариат железной метлой разделается с реформизмом, не оставляя следа ни от его предательской практики, ни от не менее предательской теории.

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ НАЛОГА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основной задачей настоящей статьи² является изучение налога как метода аккумуляции в условиях переходного периода. Однако, приступив к этой задаче, мы натолкнулись на целый ряд кардинальных вопросов, без предварительного выяснения которых бесполезно ставить вопрос об экономических и социально-политических пределах налога в условиях СССР и об основных организационных формах этого метода, целесообразных в наших условиях.

Приведем два примера. Как только мы пытаемся поставить вопрос о возможной роли налога в условиях переходного времени, немедленно встает вопрос, о каком налоге идет речь, — о том ли налоге, который падает на все более и более исчезающие остатки прежних капиталистических классов и который обычно квалифицируется как классовый налог, или же о тех налогах, которые падают на пролетарские слои городского населения и на трудящиеся слои деревни, которые имеют, несомненно, совершенно иную социальную природу. Поскольку в проблеме налоговой аккумуляции в новых условиях на первом месте стоит, несомненно, налог второго типа, мы в решении нашей задачи наталкиваемся на полную неразработанность вопроса о природе этого типа: эта неразработанность доходит до того, что ни общеэкономическая, ни специальная литература до настоящего времени не нашли — и даже не делали попыток найти — терминологическое обозначение для этого типа советского налога в противовес классовому налогу.

Другой пример представляет проблема так называемых косвенных налогов. Как показывает анализ, в условиях переходного периода налоги на потребление перестают быть «косвенными» налогами и в то же время из резко регрессивных превращаются в пропорционально-прогрессивные; а между тем во всей советской специальной литературе они продолжают рассматриваться как косвенные и регрессивные налоги. В силу такого отношения к налогам на потребление советская финансовая политика требует отказа от этих налогов, несмотря на то, что они представляют основную форму налоговой аккумуляции, значение которой не только не падает, но последовательно увеличивается.

¹ Статья помещается в порядке обсуждения.

² Статья представляет собой часть работы, выполненной автором для Института экономики Рапион.

Уже приведенные два примера показывают, что в условиях переходного периода налог испытал крупнейшие изменения, которые остаются не выявленными, но имеют в то же время решающее значение для наших суждений о налоге как методе аккумуляции. Без предварительного выявления этих изменений всякая дискуссия о той роли, которую может и должен сыграть налог в качестве метода аккумуляции в переходный период, неизбежно была бы дискуссией на разных языках.

Это заставляет нас предварительно остановиться на вопросе о природе налога в условиях переходного периода: только устранив представления о налоге, сложившиеся в иных условиях, можно будет правильно поставить и разрешить вопрос о налоге как методе аккумуляции в новых социально-политических и экономических условиях.

Следует заметить, что мы отнюдь не пытаемся в этой нашей работе построить теорию советского налога, — мы останавливаемся здесь лишь на тех моментах, которые имеют отношение к нашей прямой задаче.

1. ИСХОДНЫЕ ФАКТОРЫ ПЕРЕРОЖДЕНИЯ

В основе всех тех изменений, которые произошли в характере налога после революции, лежат глубокие изменения, внесенные революцией в социально-политические и экономические отношения.

Первое место среди этих изменений, ставших исходными факторами перерождения налога, занимает переход государственной власти из рук владеющего меньшинства к пролетариату, который вместе с социально близкими ему классами (трудящимся крестьянством, служащими и т. д.) представляет огромное большинство населения. Этот переход устранил извечный антагонизм между государством и подавляющей частью населения, ибо для трудящихся классов во главе с пролетариатом государство превратилось теперь из орудия их угнетения в орудие обслуживания их интересов. Хотя между пролетариатом и другими трудящимися классами и имеется ряд противоречий, эти противоречия имеют совершенно иной характер, чем прежние глубокие классовые противоречия между буржуазно-капиталистическими классами, с одной стороны, и трудящимися классами — с другой: на место экономической эксплуатации и политического господства и подчинения после Октябрьской революции стали отношения классового союза и политического руководства.

Как увидим дальше, это устранение антагонистических начал из отношений между государством и трудящимися классами не могло не распространиться также и на сферу налоговых отношений: поскольку в советском государстве основную массу налогоплательщиков составляют трудящиеся классы, уплачивающие налог своему государству, налог перестает быть формой эксплуатации широких масс плательщиков и превращается в мощное орудие для осуществления их классовых, политических и экономических задач.

Вторым существенным моментом, оказавшим влияние на природу нового налога, было изменение функций государства. В то время как прежде основной задачей государства была охрана классового господства, производительные же задачи носили факультативный характер. теперь наряду с чисто политическими задачами, как охрана завоеваний

революции, государство превратилось в организатора переустройства народного хозяйства на новых началах.

Эта вторая функция не только перешла в число основных функций советского государства, но и имеет тенденцию к оттеснению на второй план его чисто политических функций. В бюджете советского государства расходы на финансирование народного хозяйства и на культурно-социальные нужды, т. е. расходы на выполнение производительных функций, растут гораздо быстрее, чем расходы на содержание органов власти.

Такое изменение в удельном весе функций государства не могло не привести к изменению также и функций налога, все более приобретающих производительный характер.

Третьим исходным фактором эволюции налога было обобществление крупной и средней собственности. Такое обобществление уничтожило крупные капиталистические доходы и привело к сосредоточению подавляющей части народного дохода в руках трудящихся классов и их государства, а также к невиданной нивелировке индивидуальных доходов. Ввиду всей важности этого момента мы дадим несколько цифровых иллюстраций.

В 1927 г. постановлением Совнаркома СССР была создана специальная, весьма авторитетная комиссия для изучения распределения налогов в Советском Союзе¹. Исследуя распределение доходов между различными группами населения, комиссия представила следующие данные по вопросу о распределении народного дохода и налогов среди различных социальных групп² (см. таблицу на с. 4).

Таким образом, на долю городского пролетариата и служащих приходится $\frac{1}{3}$ всех доходов; если же сюда присоединить трудящиеся классы, социально близкие к городскому пролетариату (группы 2, 5, 6 и половину 7 группы)³, то окажется, что у трудящихся классов сосредоточено $\frac{7}{8}$ всего народного дохода, на долю же кулацко-нэпманских слоев остается $\frac{1}{8}$, причем эта доля распределена среди 12 млн. мелкобуржуазного населения так, что средняя подушная норма дохода кулацких групп в деревне (246 р.) ниже, чем подушная норма доходов у пролетарского несельскохозяйственного населения (254 р.), и даже средняя подушная норма у городской буджуазии (479 р.) меньше, чем вдвое превышает подушные нормы городских пролетарских групп (254 р.).

Насколько это распределение народного дохода отличается от распределения в капиталистических странах, можно судить, например,

¹ В комиссию вошли ответственные представители Наркомфина (Фрумкин, Левин), Коммунистической академии (Ю. Ларин, Л. Крицман), Госплана (Струмилин) в Центральном Статистическом Управлении (Пашковский). Цифровой материал за 1925/26 г., представленный комиссией, был опубликован т. Ю. Лариным в брошюре «Налоговое обложение и оппозиция», изд. Гиз, 1928 г., откуда мы его и берем.

² Брошюра т. Ю. Ларина, Налоговое обложение и оппозиция, изд. Гиз, 1928 г. содержит таблицы в том виде, как мы ее даем здесь, но из нее взяты для наших таблицы следующие основные данные: подразделение населения Союза на 8 социальных групп (1-я колонка таблицы); процентное соотношение между группами (колонка 2-я); цифра всего населения СССР в 144 млн., на основе которой в сочетании с данными 2-й колонки построена колонка 3-я и размеры дохода на душу по каждой группе (колонка 5-я). Цифры 4-й, 6-й и 7-й колонок получены нами чисто арифметическим путем на основе данных, содержащихся в остальных колонках.

³ Относя половину 7-й группы к середнякам, мы руководствуемся примечанием на с. 5 брошюры т. Ларина: «По сумме экономических признаков восьмая группа и почти половина седьмой группы относятся к кулакам».

	Х а р а к т е р и с т и к а г р у п п ы	Из каждых 1 000 чел. приходилось на данную группу челю век:	Абсолютное число в тыс.	Д О Х О Д Ы		
				На душу в рублях	На всю группу в тысячах рублей	В % к общему итогу
	1	2	3	4	5	6
1	Пролетарское поселскохозяйственное население	171	24 624	254	6 254 496	33,7
2	Непролетарское трудовое несельскохозяйственное население	46	6 624	125	828 000	4,4
3	Мелкая, средняя и крупная капиталистическая несельскохозяйственная буржуазия	19	2 736	479	1 310 544	7,1
4	Деклассированное население (арестанты, нищие и т. д.)	8	1 152	—	—	—
5	Пролетарское сельскохозяйственное население (батраки и т. п.)	38	5 472	78	426 816	2,3
6	Ведущие свое сельское хозяйство без систематического найма рабочих	660	95 040	88	8 863 520	45,0
7	Сельские хозяйства с систематическим наймом 1 рабочего	42	6 048	136	822 528	4,4
8	Сельские хозяйства с систематическим наймом 2 и более рабочих	16	2 304	246	566 784	3,1
		1 000	144 000	—	—	100

по статистике доходного налога в Советском Союзе и в Англии. Распределяя плательщиков советского подоходного налога по величине их дохода, наша финансовая статистика в качестве *наивысшей группы* плательщиков берет группу с доходами свыше 24 000 р. в год. К этой группе, охватывающей самую «крупную» советскую буржуазию, в 1926/27 г. было отнесено всего 1 399 плательщиков, имевших в совокупности 53 млн. дохода, что составляет $\frac{1}{4}\%$ всего народного дохода. Английская статистика подоходного налога устанавливает группировку плательщиков по размерам дохода лишь для тех плательщиков, которые имеют доход *начиная* с 2 000 ф. и обложены дополнительно подоходным налогом (*super-tax*). Если учитывать относительную покупательную силу советского червонца и английского фунта; то эти 2 000 ф., являющиеся минимумом для плательщиков *super-tax*, составят значительно больше 24 000 червонных рублей.

Число плательщиков *super-tax* в 1925/26 г. достигало 92 865. Они располагали суммой доходов в 533 млн. ф. При общей сумме национального дохода в 2 944 млн. ф., учтенного в 1925/26 г. статистикой английского подоходного налога, доходы плательщиков *super-tax* составили 18% всего национального дохода¹. При этом следует учитывать, что методы оценки в английском подоходном налоге, неизмеримо более снисходительны по отношению к капиталистическим группам, чем в советском подоходном налоге.

Таким образом, в Англии буржуазные классы, низшие группы которых обладают доходами, соответствующими высшим группам советской буржуазии, располагают долей национального дохода, по меньшей мере в 70 раз превышающей долю, находящуюся в распоряжении советской буржуазии.

Три отмеченные нами момента известны едва ли не всякому политически грамотному человеку. Однако, как мы увидим дальше, из них до сих пор не сделано надлежащих выводов ни теорией советского налога, ни экономической и налоговой политикой. А между тем совместное действие приведенных трех факторов произвело настолько глубокое влияние на характер налога, что мы имеем основание говорить о происшедшем перерождении налога. Хотя в специальной литературе, а также в публичных выступлениях, затрагивающих проблему советского налога, мы и имеем отдельные замечания, касающиеся происшедших в нем изменений, тем не менее можно утверждать, что происшедшее перерождение налога остается до сих пор еще недостаточно осознанным.

2. ИЗМЕНЕНИЕ КЛАССОВОГО ХАРАКТЕРА НАЛОГА.

С самого начала революции стало общепризнанным то положение, что советская налоговая система носит сугубо-классовый характер. Это положение приводят, как само собой разумеющееся, и в специальной литературе и в общественно-политических выступлениях.

Все желающие быть или казаться стопроцентными марксистами, часто кстати и даже некстати говорят о «ярко выраженном классовом характере» советских налогов².

¹ Report of the commissioners of His Majesty Inland Revenue, 1927.

² У А. Маймина мы читаем: «Отличительной чертой нашей налоговой политики является пролетарско-классовый характер» (Разрядка А. Маймина. См. А. Маймин и п. Фин. хозяйство СССР и оппозиция. 1928 г., с. 41). К. Шмелев пишет: «Вместе с тем налоги у нас приобрели резко выраженный классовый характер» («Проблема тяжести

О «классовости» советской налоговой системы часто говорят даже и те, кто вовсе не может претендовать на звание марксиста¹. А между тем в действительности, как мы увидим, правильным можно считать как раз обратное положение, что советская налоговая система отличается резко выраженным ослаблением классового характера.

Следует отметить, что авторы, настаивая на классовом характере советской налоговой системы, не заботятся не только о доказательствах, но даже и о формулировке самого понятия «классового характера» обложения.

Ввиду этого мы вынуждены дать свою собственную формулировку, руководствуясь общим смыслом, придаваемым «классовым» налогам в советской литературе. До тех пор пока общество делится на классы и каждый налог падает преимущественно на тот или другой класс, все налоги в этом смысле были и остаются классовыми налогами. Однако не это содержание вкладывается в термин «классовый». Под классовыми налогами в общепринятом смысле слова следует понимать налоги, тяжесть, которых падает на классы, социально-чуждые данной государственной власти и вообще данной социальной системе. Классовые налоги отражают собой классовый антагонизм; они существуют там и постольку, где и поскольку существует этот антагонизм. В советском государстве классовыми налогами считаются те, которые с особой силой падают на буржуазные элементы и совсем или почти не задевают пролетариат и социально-близкие к нему классы.

В этом именно смысле классовыми налогами называются подоходный и единый с.-х. налоги: «В самом деле в области прямых налогов мы можем установить более тяжелое обложение для состоятельных групп населения, мы можем поднажать как следует на чистый доход нэпмана, мы можем освободить полностью или предоставить значительные льготы бедняку, малосостоятельному, рабочему, ремесленнику, кустарю» (Н. П. Брюханов, «Государственный бюджет СССР на 1925/26 г.», с. 9). Наряду с этой задачей — перенесение тяжести государственных расходов по возможности на социально-враждебные классы — выдвигается также и другая задача — прямой подрыв материальной базы этих классов. «Мы можем, — говорил М. И. Калинин, — допустить только, чтобы у нас крестьянство, как бы сказать, осереднячилось, чтобы беднота поднималась, и как только кто-нибудь чересчур вырастет, т. е. перерастет в кулака, его подрезывать» (из речи на заседании ВЦИК XIII созыва). В этом случае налог, представляющий одну из форм экспроприации, выступает по существу у нас орудием не специально классово-налоговой политики, а общей классовой политики пролетариата. Его антагонистический характер здесь еще более ярок.

Классовым налогам противопоставляются налоги, лишенные вышеуказанной особенности, т. е. такие, которые падают преимуще-

обложения» в сборнике «Налоговое бремя в СССР и иностранных государствах». 1928 г., с. 13).

¹ Так, в том же самом сборнике в статье проф. П. Гензеля мы читаем: «Вместе с тем наглядно вырисовывается сильно прогрессивный характер нашей налоговой системы и ее резко выраженный классовый подход, где по всей линии идет решительный пажим палогового бремени в сторону обложения более имущих классов, особенно петрудового элемента» (с. 183).

ственно на класс, стоящий у власти, и на социально-близкие ему классы: эта вторая категория налогов лишена тех классово-антагонистических начал, которые составляют сущность классовых налогов. Сюда в наших условиях относятся налоги, падающие на пролетариат, служащих, середняцко-бедняцкие слои деревни.

Советский оборот не выработал еще термина, соответствующего налогам, противопоставленным классовому обложению; однако экономическая политика делала попытки найти такой термин.

В постановлении XI съезда РКП(б), который собирался в условиях перехода к новой экономической политике (1922 г.), классовые налоги противопоставляются фискальным налогам. В этих постановлениях мы читаем:

§ 14. Налоговая политика должна иметь задачей регулирование процессов накопления путем прямого обложения имущества, доходов и т. п. В этом отношении налоговая политика является главным орудием революционной политики пролетариата в переходную эпоху.

§ 15. В то же время налоговая политика ставит непосредственные, чисто фискальные (Разрядка наша — Д. К.) задачи — обеспечение наибольшего поступления от налогов.

Здесь налоги, имеющие классовые задачи, противопоставляются налогам, имеющим задачи, лишенные классового характера.

В других случаях те же налоги обозначаются как «уравнилельные». В цитированной уже брошюре т. Брюханов, противопоставляя прямым налогам, которые дают возможность «как следует поднажать» на нэпмана, налоги косвенные, пишет: «В области косвенных налогов этой гибкости у нас нет и быть не может, потому что косвенные налоги, это — налоги на потребление, а потребление не так резко отличается по классовому признаку, имея в значительной степени уравнилельный характер. С этой точки зрения говорить об условиях роста косвенного обложения — это значит говорить о росте уравнилельности нашего налогового бремени, это значит в известной степени отступать от принципа классовости в этом важнейшем государственном деле». (Разрядка наша — Д. К.). Таким образом, здесь классовым налогам противопоставляются не фискальные, а уравнилельные налоги.

Мы считаем, что термин «уравнилельные налоги» недостаточно ясно выражает сущность налогов, противопоставляемых классовым налогам, тем более, что, как увидим дальше, различие между этими двумя группами налогов сводится к различию не только в характере их распределения среди плательщиков, но также и в характере их расходования. Поэтому более правильно налоги, противопоставляемые классовым налогам, рассматривать как самообложение в широком социально-политическом значении этого слова.

Самообложение противопоставляется нами классовому налогу не в том смысле, что оно лишено классового характера, ибо, как бы ни распределялся налог и на какие бы цели он ни расходовался, в классовом обществе он в конечном счете всегда служит интересам социально-господствующего класса; так например, налог, вносимый капиталистическими классами на содержание капиталистической армии, являясь самообложением, в то же время служит чисто классовым задачам и в этом смысле является категорией классового порядка. Однако, поскольку такой налог кооперирует лишь средства самого господ-

ствующего класса, он может и должен быть противопоставлен налогу на пролетариат, идущему на содержание орудий враждебного ему капиталистического государства. В то время как самообложение представляет собой метод принудительного кооперирования средств данного класса для целей этого же класса, классовый налог представляет метод межклассового перераспределения доходов, при помощи которого класс, политически господствующий, пользуется для своих задач материальными средствами, доставшимися другим классам.

Следует заметить, что хотя понятие «самообложения» отсутствует во всей литературе, как в общеэкономической, так и в специальной, как в буржуазной, так и в марксистской, однако, оно заключается уже в самом понятии «классового налога», которое так широко применяется в советской марксистской и не марксистской литературе. Так как понятие «классовый налог» может мыслиться лишь в противопоставлении другим налогам, не имеющим «классового» характера, то те, кто применяет первое понятие, должны подразумевать также наличие второго. Мало того, — те, кто говорит о существовании «классовых налогов», должны не только заранее предполагать существование налогов социально-противоположного типа, но и быть в состоянии распределить между этими социальными типами обложения весь комплекс действующих налогов. Обложение каждой группы населения — пролетариата, крестьянства и т. д. — должно занять то или иное место в этой двухчленной классификации. Отказ от этого равносильен отказу от самого понятия «классового налога».

Во всем богатом арсенале налоговой системы нет ни одного налога, который от природы, независимо от того, в каких социальных условиях он применяется, можно было бы отнести к классовым налогам или к самообложению. Так например, прогрессивный подоходный налог имеет классовый характер в рамках советской системы, где он падает на классы, враждебные этой системе; однако, едва ли кто-либо решится назвать классовыми налогами подоходные налоги капиталистических стран, хотя они часто совершенно не затрагивают трудящихся классов, и их прогрессия, вопреки мнению тех, кто измеряет классовость налога процентами прогрессии, иногда не отстает от прогрессии советского подоходного налога. Точно так же косвенные налоги, которых никто не назовет классовыми налогами в рамках советской системы, имеют резко классовый характер в капиталистических странах.

Говоря о классовых налогах и противопоставляя им уравнительные или фискальные налоги (самообложение), обращают внимание исключительно на характер распределения налогов среди плательщиков: во всей советской специальной литературе, как не марксистской, так и марксистской, нам не удалось найти ни одного случая, когда бы автор сколько-нибудь отчетливо связывал вопрос о классовом характере налогов с вопросом о характере распределения выгод, получающихся вследствие их затраты¹. А между тем классовый характер налогов определяется не только тем, что они падают на социально-чуждые классы и распределяются вне всяких соображений об

¹ Указание на иной характер распределения выгод обычно встречается лишь при попытке «оправдать» существование в Советском Союзе косвенных налогов и их рост; при характеристике же классовых налогов, подоходного и единого с.-х. налогов всегда говорят только о характере их распределения.

их уравнительности, но также и тем, каким классам достаются выгоды, получаемые от затраты этих налогов.

Возможно, например, что налоги, падая на группы, враждебные данному государству, распределяются между ними на тех же основаниях, как и среди «своих» (уравнительно), тем не менее они будут чисто классовыми налогами, если они идут на содержание государственного аппарата, так как такие налоги заставляют политически подчиненные группы оплачивать орудие их собственного подчинения. Так, если в буржуазном государстве пролетариат платит тот или иной налог на одинаковых основаниях с буржуазными классами, если даже налог распределяется на началах прогрессии, то все же такой налог будет классовым налогом. Точно так же и в Советском государстве налоги, падающие на кулаков и нэпманов на общих основаниях с трудящимися классами, все же будут оставаться классовыми налогами, если они затрачиваются на организацию диктатуры пролетариата.

С другой стороны распределение налогов и распределение выгод может сочетаться таким образом, что и то и другое ограничивается только одними группами, стоящими у власти или близкими к ним; группы же, политически подчиненные, не участвуют ни в уплате налога, ни в пользовании выгодами. Здесь — и только здесь — мы имеем самообложение. Классический случай такого самообложения, преследующего экономические задачи, представляет в капиталистических странах так называемое «специальное обложение», распространенное в местном хозяйстве капиталистических государств, в особенности в САСШ с их гигантски растущими городами¹. Хотя во многих случаях оно падает исключительно на крупных земельных собственников, поскольку оно и затрачивается исключительно на улучшение их собственности, оно представляет не больше как форму полупринудительного кооперирования земле- и домовладельцев.

По существу, самообложение имеется также и почти во всех тех случаях, когда стоящие у власти классы оказываются не в состоянии перебросить государственные расходы на политически подчиненные классы и вынуждены ту или иную часть их взять на себя: поскольку при этом государственные расходы приносят выгоды только этим классам — мы имеем самообложение этих классов. Подходящее обложение в капиталистических странах с его высоким необлагаемым минимумом, освобождающим почти все трудящиеся массы, и с его резко-прогрессивными тарифами следует считать формой самообложения капиталистических классов, вынужденных по тем или иным социально-политическим причинам взять на себя часть расходов по содержанию государственного аппарата.

С классической рельефностью характер самообложения капиталистических классов выступает в подходящем налоге САСШ. Поступления от этого налога составляли в 1928/29 г. 2 165 млн. долл., или

¹ Под специальным обложением понимаются налоги, взимаемые с домовладельцев и землевладельцев при проведении городом тех или иных улучшений, поднимающих ценность или доходность их домов и участков (проведение освещения, замощение улиц и т. п.). Затраченные городом средства в значительной доле возвращаются владельцами в виде специального обложения, разверстываемого пропорционально площади прилегающих участков или длине фасада дома, или приросту их ценности. Коммунальное управление как бы авансирует владельцев для производства выгодных для них затрат в счет последующих поступлений от специального обложения. Этот вид налогов играл и играет огромную роль в бюджетах американских городов, осуществивших за его счет огромную долю своих мероприятий по благоустройству.

62% всех налоговых поступлений федерального бюджета САСШ¹. При этом от подоходного налога совершенно освобождены имеющие доходы ниже 1 500 долл. у холостых и 3 500 долл. у семейных. На долю индивидуальных плательщиков с доходом до 10 000 долл., число которых достигало 2 174 148, приходилось лишь 33 млн. долл. налога. Плательщики же с доходом свыше 10 000 долл., число которых составляло лишь 327 018, уплатили 701 млн. долл. из общей суммы 735 млн. долл., приходившихся на долю физических лиц. В общем 97,8% населения были совершенно освобождены от подоходного налога, 1,9% населения уплатили 4½% и 0,3% населения — 95½% всего налога с физических лиц. Кроме того налог с физических лиц составлял лишь ⅓ всех поступлений от подоходного налога, ⅓ которого падали на юридические лица, т. е. в подавляющей части на крупные капиталистические объединения.

Такое распределение подоходного налога дало основание министру финансов Меллону, являющемуся в то же время одним из виднейших членов американской плутократии, писать, что «подоходный налог в САСШ получил характер скорее классового, чем национального налога»². Меллон, конечно, ошибся, называя самообложение капиталистических классов классовым налогом. Однако его ошибки не больше ошибки тех марксистов, которые считают сугубо-классовой советскую налоговую систему, облагающую в подавляющей своей части пролетариат и социально-близкие ему классы.

В советских условиях самообложением являются налоги, уплачиваемые пролетариатом и социально-близкими ему классами, идущие на содержание государственного аппарата, охраняющего завоевания этих классов.

Посмотрим теперь, какие типы налога являются преобладающими, с одной стороны, в капиталистических государствах, а с другой—в условиях переходного периода. Так как в капиталистических странах подавляющую часть налогов платят трудящиеся классы, а с другой стороны, огромная доля всех налогов затрачивается на содержание государственного аппарата для подчинения этих классов, то является бесспорным, что в этих странах основным типом является классовый налог в его классически-чистой форме. Далее, поскольку производительные расходы (на содержание школ, больниц и т. д.) покрываются за счет косвенных налогов, распределяющихся в капиталистических странах резко-прогрессивно, т. е. по классовому принципу, постольку мы точно так же имеем перед собой классовый налог (вторая его разновидность),

Только в той мере, в какой капиталистические классы платят неперелагаемые налоги, идущие на содержание аппарата их господства, они представляют самообложение этих классов. В довоенное время этот тип налога, почти во всех странах, за исключением Англии, играл ничтожную роль, ставя перед собой задачу, главным образом, поддерживать иллюзию равного участия всех классов в несении налогового бремени, иллюзию «внеклассового» характера как налога, так и самого государства. После войны самообложение капиталистических классов несколько усилилось, причем характерны причины такого усиления. Послевоенный период характеризуется, как известно, не-

¹ Налоговые доходы федерального бюджета составляют около ⅓ всех налоговых доходов, включая сюда налоги штатов и местного хозяйства.

² «Annual Report of Secretary of the Treasury to Congress for the fiscal year ended June 30, 1927».

слыханным ростом государственного долга, выросшего вследствие нежелания буржуазии расплачиваться за военные расходы и стремления переложить их на «будущие поколения»... плательщиков косвенных налогов. При огромных расходах по оплате процентов и при невозможности даже эти проценты полностью покрыть за счет трудящихся классов, перед буржуазией стала альтернатива: или государственное банкротство, т. е. отказ капиталистов от получения процентов и капитала займов, или допущение самообложения в виде высокого подоходного налога; капиталистическая буржуазия предпочла последнее: частичным самообложением она купила право на максимальное напряжение чисто-классовых налогов.

Однако даже и после войны господствующим типом в капиталистических странах остаются классовые налоги в их наиболее чистом виде.

Правда, военные и послевоенные бюджеты капиталистических стран сильно изменились, что, по мнению многих экономистов, является торжеством «демократического прогресса»¹. В налоговой системе таких стран, как Англия, Франция и, в особенности, САСШ, мы наблюдаем огромный, абсолютный рост прогрессивных налогов (подоходного и наследственного). Так, например, в Англии в 1926/27 г. подоходный и наследственный налоги дали 385 млн. ф. против 74,6 млн. ф. в 1913/14, составляя 56% всех общегосударственных налоговых доходов против 46% до войны².

Капиталистическая плутократия как будто бы действительно далеко пошла по пути самообложения и «самопожертвования». Однако эффективность приведенных цифр, которыми так любят оперировать в иностранной и даже советской специальной литературе, в очень значительной степени обязана статистическим приемам. Основным дефектом таких цифр является то, что они охватывают только так называемый государственный бюджет, т. е. игнорируют огромные местные бюджеты, базирующиеся главным образом на обложении жилищ. А между тем местные бюджеты, сильно возросшие после войны, не выявляют никакого «прогресса» в смысле роста неперелагаемых прогрессивных налогов, наоборот, после войны значительно ухудшились в этом отношении³.

Поэтому, если сравнить довоенные и послевоенные государственные бюджеты в их целом, т. е. включая также и местные бюджеты, то удельный вес прогрессивных налогов значительно меняется. Кроме того, необходимо сделать еще и другую поправку. Дело в том, что после войны произошло общее снижение покупательной силы денег и повышение уровня цен, а вместе с тем и номинальное повышение заработной платы. В связи с этим получилось фактическое снижение необлагаемого подоходным налогом минимума, и под действие налогов попали широкие слои мелких служащих и рабочих. Так, например, в Англии

¹ См. Э. Селигман. Очерки по теории обложения, изд. 1924 г., с. 87.

² «Finance Account of the Unit. Kingdom» за 1926/27 г.

³ В Англии война и послевоенные отношения не внесли никаких существенных изменений в систему местного обложения, сводящейся к «налогу в пользу бедных», представляющему среднее между квартирным и подошным налогом. Мало того, по проекту Черчилля в 1928 г. предстоит освобождение от местных налогов как промышленности, так и сельского хозяйства.

Такое же, примерно, положение мы имеем и в других странах, так как захват общегосударственным бюджетом прямых и прогрессивных налогов повел к усилению в местном хозяйстве регрессивных налогов.

число плательщиков подоходного налога выросло с 1,3 млн. в 1915 г. до 3,9 млн. в 1919 г., а в настоящее время еще превышает 2 млн. Таким образом английский подоходный налог перестал быть чистой формой самообложения капиталистических групп и в известной степени приобрел классовый характер.

Если учесть эти две поправки, то можно будет говорить лишь об абсолютном, но не об относительном росте налогов подоходного типа. Однако и это абсолютное возрастание, как мы видели, вызвано особыми мотивами, а именно стремлением избежать государственного банкротства, равносильного потере процентов по государственному долгу.

Таким образом несмотря на увеличение прогрессивного обложения, классовые налоги составляют основу всего государственного бюджета в целом. Государственный бюджет, обслуживающий, как всегда, интересы капиталистических классов, попрежнему живет преимущественно за счет обложения трудящихся масс.

Совершенно иное положение мы имеем в условиях переходного периода. Обращаясь к этому периоду, необходимо прежде всего отметить, что переход власти от буржуазии к пролетариату, представляющий первый основной фактор перерождения налога, привел к полной перемене ролей внутри налоговой системы. Налоги, прежде дававшие на капиталистические классы и имевшие характер самообложения этих классов (прогрессивные подоходные налоги), в новых условиях превратились в свою собственную противоположность — стали классовыми налогами, направляемыми пролетариатом против остатков буржуазии; из классовых налогов в том смысле, как это понимают министры капиталистической плутократии, они стали, действительно, классовыми налогами. Точно такое же превращение произошло и с косвенными налогами, которые превратились из налогов, уплачиваемых политически подчиненными классами, в налоги, уплачиваемые классами стоящими у власти, т. е. из классовых налогов, направленных против трудящихся классов, в самообложение этих классов.

Рассматривая ближе характер налогов, лежащих на трудящихся классах в условиях пролетарского государства, необходимо прежде всего признать, что здесь самообложением являются все налоги, уплачиваемые пролетариатом.

Такой же характер носят и налоги, падающие на остальные трудящиеся классы города и деревни, ибо в силу отношений, существующих в условиях переходного периода между пролетариатом и другими трудящимися классами, последние являются классами, социально-близкими стоящему у власти пролетариату.

Хотя в условиях диктатуры пролетариата политическая власть принадлежит не всем трудящимся, а только пролетариату, однако в противоположность классу капиталистов, который в капиталистическом государстве представляет по отношению к трудящимся массам господствующий класс, пролетариат является господствующим лишь по отношению к остаткам нетрудовых классов; для трудящихся же классов он выступает лишь как класс руководящий, как гегемон.

Во всех государствах иного типа наиболее многочисленный класс трудящихся — крестьянство — всегда было объектом господства и эксплуатации. Наиболее выпукло это проявляется в феодально-помещичьем государстве, где крестьянин был вещью наряду с живым и мертвым инвентарем помещика. Но и в капиталистическом государстве, где крестьянин формально является свободным участником оборота и гражд-

данином, крестьянство в целом представляет объект экономической и капиталистической эксплуатации, пределы которой определяются в общем и целом усмотрением и выгодами господствующего класса.

В тех случаях, когда это им выгодно, капиталистические классы дают крестьянству обрасти жирком,—точно так же, как хороший хозяин считает для себя выгодным иметь не тощую, а хорошо упитанную лошадь. Там же, где расчет подсказывает капиталистическим классам другое, они приносят в жертву своим интересам миллионы крестьян. Примером является история огораживания крестьянских земель и превращения в пауперов крестьян в Англии.

Совершенно иной тип отношений существует между пролетариатом и крестьянством при диктатуре пролетариата.

«В нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян» (Ленин). «А что такое крестьяне? Разве в нашей Советской конституции не сказано, что крестьяне — это трудящиеся, люди труда? Таких крестьян мы уважаем и считаем их полноправными братьями рабочих. Без такого крестьянства мы бы не могли сделать ни одного шага в нашей советской политике. Между трудовым крестьянином и рабочим есть братский договор, заключенный в нашей конституции»¹.

Это отношение к крестьянству как к классу, социально и политически близкому к пролетариату, проходит красной чертой через все важнейшие решения коммунистической партии, партии пролетариата: «Партия должна во что бы то ни стало добиться полной ясности и твердого сознания той вполне установленной научным социализмом истины, что среднее крестьянство не принадлежит к эксплуататорам, ибо не извлекает прибыли из чужого труда. Такой класс мелких производителей не может потерять от социализма, а напротив, выиграет в очень сильной степени от свержения ита капитала, эксплуатирующего его тысячами способами во всякой даже самой демократической республике»².

Точно так же почти все последующие съезды партии основную задачу советской политики видели в поддержании теснейшего союза пролетариата и крестьянства, причем крестьянская беднота всегда рассматривалась как прямая опора пролетариата, основная же середняцкая масса — как союзник его.

Соответственно с этим в Советском государстве положение трудящегося крестьянства, его отношения к классу, обладающему государственной властью, радикально меняются. Хотя Советское государство есть рабочее государство, основанное на диктатуре пролетариата, однако, отношение пролетариата к крестьянству есть отношение не господства, а союза и руководства. Несмотря на то, что новое государство является рабочим государством, его основные задачи представляют общие задачи пролетариата и крестьянства. Одной из таких основных задач является охрана завоеваний революции, осуществляемая Красной армией. Поэтому Красная армия в рабочем государстве является рабоче-крестьянской армией.

Точно так же и задачи социалистического переустройства не есть дело только одного пролетариата, который при осуществлении этой задачи является лишь наиболее последовательным руководителем: «Во всем мире мы пока остаемся одни, как государство, в котором

¹ Из заключительного слова В. И. Ленина по докладу на VIII Съезде советов.

² Из резолюции VIII Съезда РКП (б).

трудящееся крестьянство. под руководством рабочих строит социализм» (разрядка наша — Д. К.) писал Ленин уже в конце 1922 г. («Письмо V съезду профсоюзов»). Социалистическая индустриализация, представляющая основной путь социалистического переустройства, отнюдь не является задачей одного только пролетариата, которому она не приносит никаких особых выгод по сравнению с крестьянством. В условиях капиталистической системы при господстве частной собственности на промышленные предприятия и их прибыли всякое финансирование промышленности неизбежно превращается в финансирование капиталистов - промышленников, т. е. господствующего политического класса. В условиях переходного периода финансирование промышленности не дает никаких исключительных выгод классу, стоящему у власти, ибо расширение промышленности ведет прежде всего к сокращению деревенской безработицы, к удешевлению промышленной продукции и в частности средств оборудования крестьянских хозяйств и, наконец, к повышению прибылей социалистической промышленности, идущих на дальнейшую индустриализацию народного хозяйства.

Соответственно этому налоги, возлагаемые на крестьянство советским государством, по существу следует рассматривать не как классовые налоги, а как самообложение наряду с налогами, падающими на самый пролетариат. Это вытекает не только из общего характера взаимоотношений между пролетариатом и другими трудящимися классами, но также и из конкретного анализа налогов, уплачиваемых этими последними.

Характерной особенностью классовых налогов является, как мы видели, классовый характер распределения самих налогов или же распределения выгод, получаемых от их затраты, или же наличие обоих этих моментов одновременно. В обложении крестьянства мы не находим ни одного из этих моментов. При распределении налогов на долю трудящихся слоев крестьянства в условиях СССР падает относительно меньше налогов, чем на долю пролетариата, несущего высокие налоги на потребление.

По данным Комиссии Совнаркома по изучению тяжести обложения распределение налогов между отдельными социальными группами в 1926/27 г., а также удельный вес каждой группы по численности и по размерам дохода выражались в следующих цифрах¹: (см. таблицу на с. 15).

Средняцкое население деревни уплачивало по 10 р. 56 к. на душу, или 9,3% со своих доходов, в то время как рабочие отдавали государству по 45 р. 31 к., или 13,8% от всего дохода; иначе сказать, последние платили больше, чем первое, в пять раз по расчету на душу и более, чем в полтора раза, в отношении получаемых доходов.

К этому следует прибавить, что, начиная с 1928 г., пролетарское население несет огромное самообложение в форме общественно-обязательных государственных займов (индустриализации и т. д.). Таким образом политически руководящий класс не только не пользуется податными привилегиями, но платит относительно больше, чем другие трудящиеся классы.

Подходя к вопросу с точки зрения распределения выгод от затраты налогов, можно все налоги, падающие на трудящиеся слои деревни,

¹ Цифры взяты из выпущенного Комиссией сборника: «Тяжесть обложения в СССР».

Группа населения	Числен- данной группы В абсолют- ных числах (в тысяч.)	Сумма доходов дан- ной группы			Сумма нало- говых пла- тежей		Налог составлял	
		В % к общей сумме	В миллион. рублей	В % к общей сумме	В рублях (в тысяч.)	В % к общей сумме	На душу в рублях	В % к доходу
Все население	148 069	100	23 902	100	2 759	100	18,64	11,6
А. Сел.-хозяйств.	112 723	76,1	12 756,6	53,4	1 228,1	44,5	10,89	9,6
1. Пролетариат (рабоч. и служащ.)	4 713	3,2	510,1	2,1	49,2	1,8	10,45	9,7
2. Хозяев	108 010	72,9	12 246,5	51,3	1 178,8	42,7	10,91	9,6
а) бедняки	21 106	14,3	1 659,9	7,0	93,3	3,4	4,42	5,6
б) средняки	81 045	54,7	9 181,3	38,4	856,1	31,0	10,56	9,3
в) предприниматели.	5 859	3,9	1 405,3	5,9	229,4	8,3	39,16	16,3
Б. Несел.-хозяйств.	35 346	23,9	11 145,4	46,6	1 531,2	55,5	43,32	13,7
1. Пролетариат	24 005	16,2	8 031,4	33,6	1 000,3	36,3	41,68	12,5
а) рабочие	11 574	7,8	3 791,5	15,9	524,5	19,0	45,31	13,8
б) служащие	8 369	5,7	3 263,0	13,7	366,3	13,3	43,76	11,2
в) прочие	4 062	2,7	976,9	4,0	109,5	4,0	26,97	11,2
2. Трудовое непролетар- ское население (ку- стари, ремесл.)	6 913	4,7	1 222,3	5,1	176,2	6,4	25,49	14,4
3. Мелкие полукapи- талисты предпринимат.	2 421	1,6	1 033,4	4,3	221,9	8,0	91,67	21,5
4. Буржуазия	284	0,2	366,3	1,5	108,3	3,9	381,36	29,6
5. Прочее несельскохо- зяйств. население	1 723	1,2	492,0	2,1	24,5	0,9	14,23	5,0

разделить на три основные категории: 1) налоги, идущие на содержание Красной армии и государственного аппарата, 2) производительные налоги, идущие на выполнение задач культурного, социального, а частью и хозяйственного порядка (школы, больницы, агрономическая сеть, безрельсовые пути и т. д.) и, наконец, 3) налоги, идущие на финансирование индустриализации народного хозяйства.

Поскольку Красная армия является рабоче-крестьянской армией, охраняющей завоевания не только рабочих, но и крестьян, доля налогов на ее содержание, уплачиваемая трудящимися слоями деревни, ни в коем случае не может рассматриваться как классовый налог. То же самое относится и к части налогов, уплачиваемых на содержание аппарата советского государства. Нельзя считать классовым налогом также и ту часть обложения, которую трудящееся крестьянство платит на содержание школ, больниц, агрономической сети, дорог и т. н.

Такой же характер имеют также налоги, идущие на индустриализацию народного хозяйства, ибо, как мы видели, пролетариат не привлекает от индустриализации каких-либо специальных выгод по сравнению с крестьянством.

Таким образом, налоги, падающие на трудящиеся слои крестьянства, являются своеобразным обложением как

но характеру их распределения, так и по характеру их расходования.

Посмотрим далее, как изменилось в СССР количественное соотношение между новыми классовыми налогами и новыми налогами, функционирующими в качестве самообложения.

Абсолютные и относительные размеры классового обложения в условиях переходного периода складываются под влиянием обобществления крупной и средней собственности. После национализации промышленности, ж.-д. транспорта, значительной части жилищного фонда, после передачи помещичьих, а частью и кулацких земель трудовому крестьянству, после уничтожения крупных окладов привилегированного чиновничества и близкой к капиталистам технической интеллигенции и служащих, — доля народного дохода, оставшаяся в руках нетрудовых элементов, подверглась невиданному сокращению, а вместе с тем резко сузилась экономическая база классового налога.

Обратимся к цифровому материалу. Как мы видели выше, к 1925/26 г. пролетариат и социально-близкие к нему классы располагали $\frac{1}{8}$ народного дохода, на долю же кулацких и нэпмановских групп приходилась $\frac{1}{8}$. Однако для правильного представления об экономических пределах классового налога необходимо иметь в виду, что структура кулацких и нэпмановских доходов очень сильно отличается от доходов буржуазии в капиталистических странах: в то время как доходы последней представляют собой гигантские сгустки чистой прибавочной стоимости, доходы буржуазных — точнее «подобных» капиталистической буржуазии, — слоев населения Советского Союза далеко не представляют собой чистых скоплений прибавочной стоимости. Кулацкая часть деревни, располагающая 1—2 и даже большим числом батраков, не представляет собой рантьефов и сама активно участвует в процессе производства. Точно так же и огромная часть мелкой буржуазии городов, состоящая из мелких и средних торговцев или хозяйчиков, сама активно участвует в своих предприятиях, выполняя функции, с точки зрения народного хозяйства аналогичные функциям служащих и заведующих советских магазинов и мелких предприятий.

Поэтому в составе доходов этих групп имеется не только прибавочная стоимость, но и часть дохода трудового характера, соответствующая их производительным функциям и распадающаяся на прибавочный продукт и издержки воспроизводства их рабочей силы.

Задачей классовой политики является не физическое уничтожение этих полупроизводительных, полупаразитических групп, а только «осереднячивание» деревни, чтобы «как только кто-нибудь чересчур вырастает, т. е. перерастет в кулака, его подрезывать» (Калинин); точно так же и в городе задачей классовой политики является обращение к чисто трудовым функциям миллионов мелкой городской буржуазии, рабочая сила которой в конечном счете должна найти себе место в рамках социалистического сектора. Поэтому экономические пределы классового налога гораздо уже, чем общая сумма доходов кулацко-буржуазных слоев.

Следует признать, что, как общее правило, классовый налог не может сколько-нибудь серьезно выходить за пределы прибавочной стоимости, скопляющейся в руках этих слоев, особенно в деревне, и составляющей лишь часть их доходов¹.

¹ В отдельных районах и в отдельные «переходные» моменты классовое обложение не ограничивалось и не будет ограничиваться высоким обложением только чистого

Этим объясняется, почему сумма налогов, уплачиваемая кулацко-нэпмановскими слоями, значительно ниже суммы их доходов. Если опираться на данные Комиссии Совнаркома, то мы получим, что нетрудовые слои населения располагали 2 288 млн. р. доходов, уплачивали же налогов на 297,5 млн. р. Налоги, платимые кулацко-нэпмановскими группами, составляли в 1925/26 г. всего около 15% всех налогов. После 1925/26 г. обложение этих групп было еще более усилено. Однако, поскольку удельный вес доходов этих групп в общем народном доходе остался низким и даже еще более упал, роль классовых налогов в общей налоговой системе по существу мало изменилась.

Вообще, можно спорить — является ли достигнутая высота классовых налогов (подоходного и единого сельскохозяйственного) предельной или же возможно еще то или иное их повышение; однако едва ли кто-либо может отстаивать то положение, что после экспроприации всей крупной и средней собственности и долголетнего нажима на кулацко-нэпмановские элементы можно все налоги, уплачиваемые трудящимися классами Советского Союза или сколько-нибудь значительную долю их покрыть за счет прибавочной стоимости, которая скопится у остатков буржуазии. Отстаивать подобное положение значило бы подозревать советскую власть, не сделавшую такого переломления, в преступном бездействии в течение последних 7—8 лет.

Если мы затем обратимся ко второму моменту, определяющему социальную природу налогов,—к распределению выгод, получающихся от их расходования, то мы увидим, что в Советском Союзе такое распределение носит еще менее классовый характер, чем распределение налогов. Расходы на армию, на советскую милицию и суд, охраняющие завоевания трудящихся классов, приносят выгоды этим последним. Точно так же и расходы социально-культурно-экономического характера (помощь беднякам и середнякам хозяйствам, финансирование кооперации, госпромышленности и торговли, расходы на народное образование, здравоохранение, на содержание агрономической сети) доставляют выгоды почти исключительно трудящимся классам, тем более, что нетрудовые элементы во многих случаях изгнаны из кооперации, лишены прав на школьные услуги и т. д.

Таким образом, лишь сравнительно незначительная доля современных советских налогов может иметь по характеру своего распределения классовый характер.

Наоборот, подавляющая часть советских налогов, уплачиваемая пролетариатом и социально-близкими ему классами и идущая на обслуживание их нужд и интересов, представляет не что иное как самообложение.

дохода, но будет в той или иной степени захватывать и часть капитала кулацко-буржуазных групп. Однако такие случаи нельзя рассматривать как типичные, так как замещение, напр., частного торгового аппарата государственным и кооперативным требует времени и средств, и поэтому классовая политика в этой области может «подрезать», но не резать». Мало того, для того, чтобы не уничтожить окончательно стимула для «работы» частного торгового аппарата, обложение должно оставлять в руках частного торговца ту или иную долю прибыли.

Точно так же и в деревне: для того, чтобы не лишать середняцкую группу стимула к улучшению хозяйства, налоговая политика должна оставлять «на развод» известную часть зажиточных и в их руках—некоторую долю прибавочной стоимости. Этим объясняется, что по пятилетнему плану абсолютный размер торговых прибылей частного капитала в области торговли за 5 лет лишь незначительно уменьшается (на $\pm 0\%$), в области же промышленности продукция «частника» даже несколько повышается (в абсолютных числах).

Что касается будущего, то по мере роста социалистического сектора хозяйства и успехов борьбы с кулаками и нэпманами и без того узкая сфера применения классового налога обречена на дальнейшее сокращение. Этот предстоящий процесс дальнейшего падения роли классовых налогов с полной ясностью вытекает из всех перспективных планов.

Итак, сделанный нами анализ, как мы видим, привел к выводам, диаметрально противоположным общепринятым взглядом, будто бы отличительной особенностью советской налоговой системы является ярко выраженный классовый характер; как раз наоборот, за весь тысячелетний период существования государства мировая история не знает другого случая, когда налоговая система в целом была бы так мало проникнута классовым принципом и так сильно приближалась к самообложению. Этот на первый взгляд парадоксальный вывод есть, в действительности, лишь прямое следствие двух исходных моментов, отмеченных выше: перехода государственной власти от владеющего меньшинства к трудящемуся большинству и перераспределения подавляющей части прибавочного продукта, перешедшего из рук капиталистических классов в распоряжение трудящихся масс и их государства.

Этот вывод имеет кардинальное значение для политики аккумуляции: раз экономические пределы классового налога относительно очень узки и имеют явную тенденцию к дальнейшему сужению, проблема налоговой аккумуляции превращается в проблему организации самообложения. Вместе с тем, как увидим дальше, заново придется ставить и решать вопросы о тяжести обложения в новых условиях, о характере налогового принуждения, о социальных и экономических пределах налоговой аккумуляции, о ее формах и т. д.

3. ВОЗВРАТНЫЙ ХАРАКТЕР НОВОГО НАЛОГА

Если государственная власть извлекает миллиарды из карманов населения, не отступая часто перед острыми социально-политическими конфликтами, то было бы верхом бессмыслицы, если бы это не приносило прямо или косвенно тех или иных выгод отдельным социальным группам. Не подлежит сомнению, что миллиарды государственных доходов претворяются в те или иные услуги или выгоды социально-политического или экономического порядка, достаемые тем или иным конкретным группировкам. Однако ни в одном государстве не существовало и не существует единого подоходного налога, за счет которого покрывались бы все государственные расходы и при наличии которого было бы отчетливо видно, сколько платит та или иная социальная группа. Вместо этого всюду имеется система разнообразнейших налогов, из которых каждый облагает преимущественно или исключительно ту или иную группу; поступления от этих налогов сливаются в общий бюджетный котел, за счет которого и создаются указанные услуги и выгоды.

При таких условиях платежи государству, с одной стороны, и выгоды, получаемые от него, с другой, становятся технически несоизмеримы не только по отношению к отдельным лицам, но и к целым классам. Эта техническая несоизмеримость дает возможность буржуазным теоретикам утверждать, что налог взимается для покрытия «общих расходов» государства, выгоды от которых несоизмеримы с размером платежа, причем эта несоизмеримость понимается не только в узкотехническом смысле. Государство рассматривается как некая метафизическая эманация человеческого общества, его услуги объявляются не-

делимыми и не с чем несоизмеримыми. Особенно много последователей имела эта теория среди ученых Германии с ее культом Прусского государства.

Теория несоизмеримости налогов и выгод, получаемых от их затраты, распространена также и в других странах, хотя мотивировалась она и не так, как у большинства немецких ученых.

Дж. Ст. Милль возражал против теории выгоды, выступающей в иных случаях как теория обмена, теория эквивалента, теория услуги-возмездия и т. п., настаивая на несоизмеримости платежей и выгод: «Цели государства не сводятся к охране жизни и имущества; они столь же широки, как задачи общественного союза вообще, они охватывают всякое добро и зло, поскольку правительство может дать его прямо и косвенно». Между деятельностью государства и размерами имущества того или другого лица невозможно устанавливать никакого соотношения¹.

Поэтому необходимость освобождения от налогов наиболее бедных плательщиков Милль мотивировал не тем, что эти плательщики ничего не получают от капиталистического государства, а принципом «справедливости». Бедняки, по Миллю, получают от капиталистического государства даже больше, чем капиталисты: «Уж если измерять выгоды, извлекаемые тем или иным лицом из защиты, оказываемой ему государством, то надо было бы спросить: кто пострадал бы больше, если бы исчезла эта охрана? Если ответ на это вообще возможен, то он свелся бы к тому, что больше всего пострадали бы те, кто слабее других физически или духовно от природы или под влиянием условий жизни (под этими «условиями» Милль очевидно понимает разницу в положении между бедняком и миллионером.—Д. К.); они без сомнения попали бы в рабство. Из этой мнимой теории справедливости получается вывод, что наименее способные сами себе помочь и защитить себя и потому меньше других могущие обойтись без защиты государства, должны были бы нести наибольшую часть расходов на его подержание»².

Таким образом, обложение наиболее бедных плательщиков, по Миллю, есть проявление чувства справедливости и сострадания со стороны капиталистических классов, которым будто бы приходится содержать за свой счет государство, охраняющее неимущие классы.

Заметим, что исторически теория Милля была выполнена «социального заказа» английского капитализма, который к середине XIX в. из соображений классовой стратегии допустил в известных размерах самообложение в форме введения подоходного налога с освобождением мелких плательщиков. На этой, как и на других уступках, английская буржуазия нашла огромный социально-политический капитал, покупая этим отказ пролетариата от активной классовой борьбы: «Каждая уступка,— пишет П. Гензель—сопровождается горячими излияниями в прессе, в парламентских прениях и на публичных митингах, причем па все лады восхваляется мудрость данных реформаторов п важность проведенной реформы. Небольшая уступка имущих классов прославляется как неслыханное благодеяние, и широкой публике внедряется мысль, что па богатых людей возложено совершенно исключительное и буквально разорительное податное бремя»³.

«Теория жертвы» Милля была лишь одним из звеньев в этой системе классовой саморекламы английского капитала, продолжавшего огромную долю государственных и местных расходов покрывать за счет косвенных налогов с тех, кого английский капитал лицемерно освобождал от подоходного налога.

¹ «Principles of Pol. Econ», В. V, Ch. II, § 2.

² Там же.

³ П. Гензель. Налог с наследства в Англии. Заметим, что автор является обывательски настроенным специалистом, не имеющим никакого отношения к теории исторического материализма.

Нельзя не отметить здесь, что Фердинанд Лассаль, много сделавший для построения классовой теории налога, с другой стороны оказал этой теории и медвежью услугу своей теорией государства, которое у него из орудия классовой борьбы, обеспечивающего выгоды одних классов за счет других, превращается в надклассовую организацию, с нравственной природой, представляющую «древний священный огонь всякой цивилизации».

В «Программе работников» Лассаль мы читаем: «Буржуазия видит моральную цель государства всецело и исключительно в охране личной свободы и собственности отдельных индивидов. Это, господа, идея ночного сторожа, которого все назначение состоит в предупреждении грабежа и воровства. Совершенно иначе, господа, представляет себе цель государства четвертое сословие... Цель государства состоит в том, чтобы давать человеческому существу положительное развитие и постепенное совершенствование,—иными словами, осуществлять в действительности человеческое предназначение, т. е. культуру, к которой способен человеческий род; цель эта состоит в воспитании и развитии в человеческом роде стремления к свободе».

В той же брошюре Лассаль пишет, что государство должно стать «учреждением, в котором была бы осуществлена вся добродетель человечества». В защитительной же речи перед королевским судом Лассаль заявлял, что он вместе с судьями «защищает от современных варваров древний священный огонь великой цивилизации — Государство!»

Теория государства Лассалья, из которой естественно вытекала мысль о неделимости услуг государства, укрепляла буржуазную теорию о несоизмеримости этих услуг с налогами, уплачиваемыми отдельными классами.

Удары Лассалья, неудачно направляемые против теории государства, неудачно обозначаемой им как «теория ночного сторожа»¹, в то же время хорошо помогали буржуазным теоретикам, проповедывавшим, как Милль, теорию несоизмеримости налога. В постановке Лассалья «теорией ночного сторожа» должна была бы стать и классовая теория налога, по которой буржуазия присвоивает все выгоды, извлекаемые от затраты налогов, уплачиваемых трудящимися классами.

В противоположность буржуазным теоретикам миллевского направления, исходившим из теории внеклассового государства и объявлявшим налог несоизмеримым с его услугами, с точки зрения классовой теории государства и налога последний несоизмерим лишь в техническом смысле, в силу отмеченных выше условий.

Если элиминировать эти технические моменты, маскирующие характер распределения многообразных налогов, если свести эти налоги к их равнодействующей, мы получим отчетливую картину того, сколько дают государству отдельные классы. С другой стороны, поскольку затрачиваемые налоги претворяются в очень реальные выгоды и услуги, достигающиеся отдельным социальным группам, сопоставление этих выгод с размерами налогового бремени этих групп без труда даст тот или иной баланс для каждой социальной группы. Более, чем Лассаль с его нравственной теорией государства, прав Прудон, который писал: «Пора бросить эти заимствованные из области теософии представления и проце

¹ «Теория ночного сторожа», т. е. теория выгоды или обмена, была плоха не тем, что она выводила с неба на землю лассальское государство с его нравственной природой, а тем, что создавала ложное представление, будто бы «ночной сторож» оказывает услуги одинаково всем классам общества и бедным еще больше, чем богатым. Poleмика Лассалья с этой теорией была крайне неудачна в том отношении, что па место этой буржуазно-классовой теории государства он ставил другую, одинаково буржуазную теорию, приправленную «немецким духом», якобы унаследовавшим основы античной культуры, и стремящуюся сделать государство «учреждением, в котором была бы осуществлена вся добродетель человечества» (см. примечание «Программа работников» Лассалья).

смотреть на вещи. Деловые отношения несовместимы с мистицизмом: они построены на бухгалтерии, на принципе прибылей и убытков»¹. В этом смысле, т. е. в смысле соизмеримости налогов и получающихся за их счет услуг государству, классовая теория налога ближе стоит к Прудону и другим сторонникам теории обмена, чем к Миллю и немецким теоретикам, исходившим из «нравственной природы» государства и оперировавшим в области налоговой теории принципами «справедливости», «равной жертвы» и т. п.

Однако сочетание принципа соизмеримости налога и классовой теории государства дает результаты, совершенно обратные выводам буржуазных теоретиков. Исходя из внеклассовой теории государства, которое будто бы в равной мере обслуживает интересы всех классов — и бедных классов даже больше, чем богатых, — буржуазные теоретики считают, что налог уже в капиталистическом государстве имеет возвратный характер.

По теории, идущей от Гобса, Ад. Смита, Монтескье и наиболее ярко сформулированной Тьером, налог возвращается плательщикам в форме тех или иных выгод, получающихся от их расходования. По Гобсу, государство прекращает войну всех против всех, и налоги представляют цену социального мира².

По Монтескье, люди, соединившись в государство, «отдают часть своего имущества, чтобы быть уверенными в другой части и спокойно пользоваться ее»³. Для Тьера, Мак-Кулоха и др. государство — это всеобщая страховая компания, налог же — страховая премия, уплачиваемая каждым государству⁴.

Исходя из этого, буржуазные теоретики считают, что в капиталистическом государстве налог, взимаемый с бедных классов, если он пропорционален доходу плательщиков, полностью компенсируется услугами государства. Всякий же прогрессивный налог является перераспределением капиталистических классов в пользу бедняков. «Если вы покупаете сто фунтов какого-нибудь товара, — пишет Тьер, — то вы платите за сто. Будет ли справедливым платить больше за каждый фунт, если вы покупаете 1 000, чем если вы покупаете сто? Напротив, каждый купец продаст вам их по более дешевой цене, имея в виду получить больше прибыли от продажи большего количества». Для других же капиталистический налог является возвратным даже и тогда, когда он носит поголовный характер. Кто желает пользоваться выгодами равенства, должен нести и бремя его; тот, кто этого не хочет или не может, тому лучше выйти из общественного союза» (Schmalz, Haller).

В действительности же налоги капиталистического государства, будучи вполне соизмеримыми, не являются в своей подавляющей части возвратными.

Поскольку налог капиталистических стран взимается с классов, политически подчиненных, и затрачивается в интересах классов, политически господствующих, постольку он по самой своей природе не может иметь возвратного характера. Однако, как мы видели, капиталистические налоги не представляют собой совершенно однородной массы и являются классовыми налогами в различной степени, — соответственно с этим и степень их безвозвратности далеко не одинакова. С этой точки

¹ Proudhon, Théorie de l'impôt, p. 30—50.

² Hobbes, Leviathan, ch. XXX.

³ Montesquieu, L'esprit des Loix; L. XIII, ch. I.

⁴ Thiers, De la propriété, L. IV, ch. III.

зрения все налоги капиталистических стран можно разделить на три основные группы. На первом месте здесь стоят непроизводительные налоги, уплачиваемые трудящимися классами и идущие на содержание аппарата господства над этими классами (вооруженные силы, полиция, классовая юстиция, тюрьмы, администрация и т. д.), — эти налоги, являющиеся классовыми налогами в наивысшей степени, одновременно представляют — с точки зрения их плательщиков — безвозвратные налоги; мало того, их следует рассматривать как отрицательно-возвратные, ибо они возвращаются их плательщикам в форме орудий их классового порабощения.

Возражая против «теории обмена», якобы имеющей место между государством (капиталистическим) и налогоплательщиками, бывший премьер-министр Фр. Нитти пишет: «Армяне несомненно платят настоящие налоги султану, но последний обращает их между прочим против самих же армян»¹. Это совершенно правильное замечание либерального итальянского профессора полностью относится и к налогам, платимым всеми политически-подчиненными классами.

На втором месте стоят налоги производительного характера, распределяемые по классовому принципу, а также такие, которые распределяются уравнительно, но выгоды от их затрат достаются капиталистическим классам. Все такие налоги также имеют безвозвратный характер.

Третий случай мы имеем тогда, когда распределение самих налогов, как и распределение выгод от них построено на началах уравнительности. Такие налоги имеют возвратный характер и к ним может быть применена теория обмена.

Однако налоги этого рода играют второстепенную роль в бюджете капиталистических государств. Кроме того, поскольку капиталистические классы, владеющие всеми командными высотами, в конечном счете могут использовать даже и те выгоды, которые непосредственно достаются трудящимся классам, постольку даже и налоги третьей категории могут рассматриваться лишь как условно-возвратные налоги.

Безусловно-возвратными налогами в капиталистическом государстве можно считать лишь ту часть налога, которая представляет самообложение господствующих классов.

Наиболее типичный случай этого рода представляет уже упомянутое выше специальное обложение, являющееся формой принудительной кооперации городских домовладельцев (см. выше). Такой же характер имеет и подоходный налог, которым покрывается часть издержек по содержанию аппарата капиталистических государств.

В условиях переходного периода, с превращением классовых налогов на трудящиеся классы в самообложение и, обратно, налогов, игравших роль самообложения, — в классовые налоги, — приведенная группировка прежних налогов по принципу возвратности оказалась поставленной на голову. Налоги, падающие на трудящиеся классы и затрачиваемые на содержание аппарата рабоче-крестьянского государства, из отрицательно-возвратных стали возвратными, точно так же, как и вся остальная масса прежних классовых налогов. В новых условиях возвратного характера не имеет лишь относительно незначительная и все уменьшающаяся доля налогов, представляющих классовое

¹ Фр. Нитти, Основные начала фин. науки; русский пер., с. 241.

обложение постепенно ликвидируемых остатков капиталистических классов.

Таким образом, возвратный характер налогов по отношению к целым социальным группам в Советском Союзе усилился в невиданных размерах, по сравнению с капиталистическими государствами. Подавляющая доля всех налогов, которую уплачивают трудящиеся классы Союза, претворяется в различного рода услуги и выгоды, достаемые тем же классам.

Однако происшедшие изменения этим отнюдь не ограничиваются: в новых условиях налог стал неизмеримо более возвратным не только по отношению к основным социальным группам, но и по отношению к отдельным слоям трудящегося населения и даже в отношении индивидуальных налогоплательщиков. В самом деле, степень возвратности налогов как в социальном, так и в индивидуальном смысле определяется, с одной стороны, характером распределения самых налогов, а с другой — характером распределения среди налогоплательщиков выгод от затраты налогов. Чем меньше различаются по своим размерам взносы отдельных плательщиков и чем сильнее их социальная нивелировка, тем выше степень возвратности налогов.

В условиях Советского Союза, где была снята капиталистическая верхушка и где господствует политика повышения материального уровня наименее обеспеченных слоев пролетариата и крестьянства, политика постепенного сближения крайних уровней, мы имеем глубочайшую нивелировку в социально-экономическом положении трудящихся классов. Обусловленная этим невиданная нивелировка как налоговых взносов, так и выгод и прав на услуги у слоев трудящегося населения, еще более углубляет возвратный характер советских налогов.

Наиболее наглядно это выступает у производительных налогов, за счет которых плательщики получают такие услуги, как школьное обучение, врачебную помощь, улучшение дорог, городское благоустройство и т. п. В этих случаях услуги, получаемые за счет налога, экономически почти тождественны с услугами, приобретаемыми в порядке товарно-рыночного обмена; так, например, экономически нет никакой разницы между услугами распространенных в буржуазных странах частных школ, содержащихся за счет школьной платы, или частных лечебниц, и услугами государственных школ и больниц, содержащихся за счет налоговых взносов. Точно так же экономически нет никакой разницы между безрельсовыми путями, содержащимися за счет налоговых взносов, и железными дорогами, содержащимися за счет оплаты провоза товаров и пассажиров.

Поскольку же происходит нивелировка как налоговых взносов, так и прав на получение услуг от всех отраслей государственного хозяйства, нивелированный налог очень сильно сближается с товарно-рыночной ценой.

Создается как бы особый принудительно-налоговой сектор народного хозяйства, экономически равноправный с товарно-рыночным сектором, имеющим своим базисом цену. Несомненно, что степень возвратности (эквивалентности) таких налогов и денежной цены, уплачиваемой за рыночные товары, далеко неодинакова, однако и различие в этих случаях далеко не так велико, как это думают те, кто противопоставляет налоговое и

товарное хозяйство одно другому, как принципиально несопоставимые экономические категории.

С одной стороны, чисто коммерческие (хозрасчетные) предприятия отнюдь не всегда продают свои товары и услуги на одинаковых условиях всем покупателям; известно, например, что железнодорожные предприятия за провоз единицы (весовой) товар на 1 км берут с одних, более дорогих, товаров в несколько раз дороже, чем с других, более дешевых, хотя расходы по перевозке в том и другом случае совершенно одинаковы.

При этом очень характерно то, что такое отступление от принципа эквивалентности обмена объясняется чисто коммерческим расчетом, а именно стремлением обеспечить для железной дороги необходимую нагрузку, хотя бы и по более низкому тарифу; тариф, сниженный против себестоимости перевозок, оказывается выгодным, потому что только при наличии дополнительной нагрузки предприятия становится возможным самое его функционирование. Таким образом принцип платежеспособности, считающийся исключительной принадлежностью налоговой политики, в действительности находит себе применение в такой огромной отрасли народного хозяйства как железнодорожный транспорт.

С другой стороны — в сфере принудительно-налогового хозяйства в условиях СССР мы имеем нередко взаимоотношения, значительно приближающиеся к формам эквивалентного обмена. Этот характер, маскируемый слиянием всех налогов в общегосударственном котле, выступит вполне отчетливо, если мы в интересах анализа представим себе, что производительные функции, как школьное обучение, лечебная помощь и т. п., выполняются за счет особых целевых налогов — школьного, санитарного, дорожного и т. п. При отмеченной выше нивелировке советских налогоплательщиков школьные и санитарные взносы по отдельным группам плательщиков отклонялись бы от себестоимости соответствующих услуг едва ли больше, чем, например, плата за железнодорожные перевозки по отдельным товарным группам. Наиболее существенные отклонения от себестоимости в таких случаях обуславливаются тем, что в Советском Союзе налоговые взносы, как мы видели, пропорциональны доходам плательщиков и даже имеют тенденцию в сторону прогрессии, в то время как распределение услуг в большинстве случаев носит подушный характер (пользование бесплатными государственными школами, бесплатной медицинской или агрономической помощью и т. д.). Таким образом, рабочие, получающие более высокую заработную плату и уплачивающие налог по пропорциональной, а тем более прогрессивной шкале, платят за одни и те же услуги в 2—3 раза больше, чем рабочие, получающие минимальную зарплату. Однако такие несоответствия услуги и «возмездия» по их размерам так же мало являются нарушением принципа возвратности, как и оплата железнодорожных услуг по дифференцированным тарифам.

Пониженные в 2—3 раза для менее состоятельных плательщиков школьные и больничные налоговые взносы, если даже их рассматривать только с точки зрения хозрасчета, окажутся выгодными, так как без них народные школы и больницы не могли бы иметь той оптимальной нагрузки, которая крайне удешевляет расход по массовому обучению, врачебной помощи и т. п.

Что касается случаев индивидуального несоответствия между размерами налоговых взносов и размерами услуг, получаемых отдельными плательщиками в силу различного состава семьи и т. п., то та-

кие несовпадения точно так же не представляют исключительной особенности налогового хозяйства. Так, напр., в области страхования, страховой взнос по теории вероятностей равноценен той средней выгоде, которую получает застрахованный; однако при страховании например, от несчастных случаев, оставшийся невредимым реально не получает ничего. Полнейшую аналогию со страховым взносом представляет налоговый взнос на содержание бесплатной медицинской помощи. Граница между страховым и налоговым взносом окончательно исчезает, если, например, страхование от болезней за счет взносов застрахованных заменяется «страхованием без взносов» на базе государственного финансирования за счет налогов¹.

Серьезное отступление от принципа прямой возвратности мы имеем лишь в тех случаях, когда малоимущие группы плательщиков, безработные, деревенская беднота и т. п. совсем освобождаются от всяких налогов. Налог, уплачиваемый занятыми рабочими, крестьянами-середняками или населением более зажиточных районов и идущий на покрытие расходов по школьному или врачебному обслуживанию безработных, деревенской бедноты или населения районов, отсталых в экономическом и культурном отношении, теряет непосредственно возвратный характер. Однако дело обстоит иначе, если рассматривать такие случаи с точки зрения социально-экономической солидарности всего трудового коллектива страны.

Занятые рабочие не могут допустить, чтобы безработные оказались в положении, создающем угрозу их физического вымирания, или чтобы дети безработных оказались лишенными школьного обучения. Точно так же и крестьяне-середняки заинтересованы не только в том, чтобы самим пользоваться медицинской помощью или школьными услугами, проезжими дорогами и т. п., но и в том, чтобы всем этим могла пользоваться также и деревенская беднота, независимо от того, может ли она или не может участвовать в покрытии соответствующих расходов.

Тот же самый принцип имеет полную силу и применительно к взаимоотношениям между более зажиточными и культурными районами и районами отсталыми. В то время как в буржуазных государствах, особенно в их колониях, экономически и культурно более слабые народности являются объектом усиленной эксплуатации со стороны буржуазии господствующей народности, в Советском Союзе прямой задачей более сильных районов является поднятие культурно-экономического уровня отсталых окраин, ибо невозможен, например, быстрый рост Центрально-промышленного района без такого же роста хлопководческих районов Туркестана.

Идея прямой необходимости освобождения от налога тех групп населения, для которых обложение грозит сократить их голодный минимум, не чужда, как известно, идеологам буржуазно-капиталистических классов. Так напр. Сисмонди пишет: «В заработной плате есть необходимая часть, которая должна сохранить жизнь, силу и здоровье получающих ее, для того чтобы они могли продолжать труд; для того, чтобы заработная плата могла доставить те плоды, которые рассчитывают получить от нее,

¹ «Чем дальше развивается обязательное страхование, тем становится яснее, что система взносов со стороны застрахованных является тормозом для эволюции социального страхования. Теоретики и практики социальной политики почти одновременно выдвигают лозунг: отмена всяких взносов, страхование без взносов, пенсионная система обеспечения. (Разрядка автора). Обязательность помощи должна быть сохранена, но обязательность взносов,— уничтожена. Средства для страхования черпаются или из особого налога на предпринимателей или из общегосударственного бюджета». Видгорчак. Н. А. Теория и практика соц. страхования вып. 1, с. 50.

наконец, для того, чтобы она из года в год продолжала приводить в движение общественный механизм. Горе правительству, которое затронуло бы эту часть: оно принесит этим в жертву не только людей, но и надежду на будущее богатство»¹. Дж. Ст. Милль считает, что лишение насущно-необходимого представляло бы собой жертву, столь кручную для беднейшего населения, что никакое обложение богатых классов не может с ней сравниться.²

Однако в основе этой идеи в условиях капиталистического строя лежит не идея общего интереса, не идея солидарности членов трудового коллектива, а голый расчет класса-эксплоататора,— тот же самый расчет, который заставляет извозчика не снижать ниже известного минимума рацион его рабочей лошади. Этот мотив почти открыто выдвигала английская школа утилитаризма (Бентам), последователем которой был Милль. Подпочва идеи об освобождении от налога беднейших слоев населения отлично характеризуется словами Сисмонди: «Чистый доход богачей рассматривался как единственная цель общества; рабочие же в глазах таких публицистов составляли не что иное, как средство для производства богатства, которое можно выбросить, раз оно становится бесполезным»³.

Таким образом, в условиях, когда выгоды от общего повышения культурно-экономического уровня достаются не капиталистическим классам, а всему коллективу трудящихся, возвратный характер в широком социальном смысле слова получает также и налог, уплачиваемый за тех, кто его не может нести.

Говоря о возвратном характере советских налогов, по отношению к отдельным слоям трудящегося населения и даже по отношению к индивидуальным налогоплательщикам, мы до сих пор имели в виду лишь налоги производственного характера. Поступали мы таким образом не потому, что указанный характер присущ только данной категории налогов, но лишь потому, что у этой категории групповая и индивидуальная возможность выявляется наиболее наглядно. По существу же все сказанное по отношению к части производственных налогов сохраняет полную силу в применении как к непроизводительным налогам, идущим на содержание государственного аппарата и вооруженных сил, так и той части производственных налогов, которые идут на финансирование индустриализации народного хозяйства.

Мы не имеем возможности задерживаться здесь на доказательстве этого положения в применении к непроизводительным налогам, заметим только, что в существовании рабоче-крестьянского государства заинтересована не только каждая основная социальная группа в ее целом (пролетариат, крестьянство), но и отдельные слои, а также—индивидуально— и отдельные члены этих групп. Что касается вопроса о возвратном характере налогов, идущих на финансирование индустриализации, то такие налоги, представляющие форму обязательного накопления и базу расширенного воспроизводства, по своей социальной природе мало чем отличаются от школьных, дорожных и других производительных налогов, представляющих в подавляющей своей части издержки простого воспроизводства необходимых условий и элементов народного хозяйства.

С точки зрения возвратности различие между этими налогами сводится лишь к тому, что получение выгод от их затраты отодвигается во втором случае на срок, необходимый для реализации капитальных вложений, т. е. до начала эксплуатации созданных за счет налога предприятий.

Все сказанное нами выше приводит к выводу, что в условиях переходного периода произошло как расширение, так и углубление возвратного характера налога по сравнению с капиталистическими странами.

¹ Sim de Sismondi, L. VI, ch. II.

² Mill, B. V, ch. II, § 3.

³ Op. cit.

Теория возвратности налога, являющаяся почти всегда ложью в применении к классовым налогам капиталистического государства, находит себе полное применение по отношению ко всей массе налогов, представляющих самообложение.

4. ТЯЖЕСТЬ НАЛОГОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Среди изменений, которые были вызваны в налоге социально-экономическими условиями переходного периода, следует отметить также изменения, происшедшие в характере того, что обозначается как «тяжесть обложения».

Существующее в экономической литературе понятие «тяжести обложения», сложившееся на основе опыта капиталистических государств, вполне естественно, не учитывает целого ряда весьма существенных моментов, присущих государству принципиально иного типа. Это делает господствующие формулировки понятия мало приложимыми для сравнения тяжести обложения в Советском Союзе, с одной стороны, и в капиталистических государствах — с другой.

Рассматривая перечень тех факторов, от которых, по мнению различных авторов, зависит степень обременения плательщиков тем или иным налоговым грузом, мы ни у одного из них не находим сколько-нибудь отчетливых указаний на самостоятельную роль в этом отношении социально-политической системы. Указывают, что тяжесть данного налогового груза для населения зависит и от численности его, и от размера дохода на душу населения, и от темпа прироста населения и т. п., но почти или совершенно не замечают той роли, которую играют взаимоотношения между основной массой налогоплательщиков и государством, а между тем характер этих взаимоотношений имеет первостепенное значение для решения вопроса о том, как воспринимается плательщиками данный налоговый груз.

Если государство — «свое», социально близкое основной массе плательщиков, если налоги затрачиваются на цели, социально близкие ей, налогоспособность — в широком смысле этого слова — по отношению к данному грузу налогов будет выше, чем если государство и его цели чужды широким слоям населения. Тяжесть налога, как и тяжесть работы, даже тяжесть физического груза, нельзя рассматривать совершенно изолированно от социальной среды: «От субъективной усталости — пишет К. Диль, — которая покоится на материальном потреблении веществ и материальном обмене веществ в организме, нужно отличать субъективную усталость, которая покоится на психо-физиологическом основании. Для исследований в области политической экономии эти психологические моменты имеют огромное значение. Здесь выступают такие моменты, как радость труда, интерес к работе, волевое устремление к работе и т. д. Работу следует рассматривать только как часть хозяйственных процессов, и рабочего следует рассматривать только среди социально-хозяйственных и социально-культурных условий, в которых он работает»¹.

По народной поговорке — «Своя ноша не тянет», — точнее — «тянет» меньше, чем ненавистная чужая ноша. Эта формула вполне применима одинаково как к физическим грузам, так и к налоговому бремени. При этом для того, чтобы понять ее, нет никакой необходимости апеллировать к каким-либо метафизически-загадочным свойствам человеческой природы. Различное отношение к налогам, возлагаемым государством. враждебным или близким массе налогоплательщиков, без труда

¹ K. Diel, Theoretische Nationalökonomie.

объясняется различной выгодностью таких налогов с точки зрения данного класса.

С особой силой такое различие проявляется по отношению к налогам непроизводительного характера. Налоги, затрачиваемые на содержание военного и административного аппарата в капиталистическом государстве, охраняющем интересы капиталистических классов, будут для пролетариата в полном смысле слова «чужой ношей», ибо такие налоги не только опустошают карманы рабочих, но и дают в руки их классовых врагов орудие для их политического и экономического подчинения. Наоборот, такой же налог будет своей ношей для пролетариата там, где государственный аппарат, содержащийся за счет этого налога, охраняет интересы пролетариата. Непроизводительные налоги в капиталистическом государстве претворяются для пролетариата в ценности отрицательного порядка, а в «своем» государстве — в ценности порядка положительного.

В связи с этим нельзя не напомнить, что во всех государствах всех веков и народов в основе построения государственного бюджета всегда лежат принцип, в силу которого в первую очередь обеспечиваются непроизводительные расходы по содержанию вооруженных сил, суда и администрации, т. е. орудий классового господства, и лишь после удовлетворения в известных размерах этих расходов допускается расходование налогов на производительные цели. Иными словами, расходы по содержанию госаппарата, всегда непроизводительные с точки зрения народного хозяйства, оказываются — будучи взяты в известных пределах — наиболее производительными и рентабельными с точки зрения стоящего у власти класса, ибо они страхуют господство этого класса над другими вместе с вытекающими из этого господства социально-экономическими преимуществами. С точки зрения капиталистических классов, непроизводительные налоги есть, действительно, «наилучшее помещение капитала», — и это даже в том случае, если такие налоги не удастся сбросить на подчиненные классы и приходится платить из своего кармана. Но чем рентабельнее непроизводительные расходы для политически господствующих классов, тем тяжелее и ненавистнее эти расходы для классов, являющихся объектом господства и эксплуатации. Поэтому совсем нетрудно понять, почему непроизводительные налоги при одной и той же сумме и при прочих равных условиях «тянут» по-разному в различных социально-политических условиях.

Конечно, налог для плательщика совершенно так же, как и цена для покупателя, всегда представляет известный минус: однако и для того и для другого далеко не все равно, получает ли он за свои деньги замок для своей квартиры или же за эти деньги для него покупают замок для его тюрьмы. И хотя каждый стоящий у власти класс имеет отсталые слои, не сознающие сколько-нибудь отчетливо такой разницы, тем не менее даже и у этих слоев классовый инстинкт прорывается через толщу их отсталости, и задачей классовой финансовой политики является лишь содействие проявлению этого инстинкта.

Тот «тип связи», который существует между государством и основной массой налогоплательщиков, влияет не только на тяжесть непроизводительных налогов, но также и на тяжесть налогов вполне производительного характера. Хотя школьные налоги, взимаемые с рабочих и затрачиваемые на обучение их детей, или дорожные налоги, взимаемые с крестьян и затрачиваемые на содержание дорог, казалось бы, должны

восприниматься плательщиками одинаково, как в «чужом» государстве, так и в «своем», — тем не менее даже и такие налоги будут «тянуть» по-разному. Не говоря уже о том, что, занимая командные высоты, господствующий политически класс всегда умеет выгоды, получаемые подвластными классами, претворять в свои классовые выгоды (использовать квалификацию рабочих для повышения прибыли и т. п.), — помимо этого плательщики не имеют никакого основания верить, что налоги, собранные с них чужим государством, затрачиваются по их производительному назначению. Поэтому к естественной инерции всякого трудового плательщика, вообще не расположенного отрываться от своего скудного бюджета, в чужом государстве присоединяется еще неизбежное классовое недоверие, рассматривающее всякий «дар» классового государства как «дар данайцев». Это естественное недоверие, усиливая сопротивление налогоплательщиков, обычно приближает наступление тех отрицательных моментов, которые определяют пределы налогоспособности трудящихся классов в чужом государстве.

Кроме отмеченного недостатка, выражающегося в игнорировании типа отношений между государством и основной массой налогоплательщиков, господствующее понимание тяжести обложения страдает также еще другим крупнейшим дефектом — недооценкой того значения, которое имеет для тяжести налогового груза характер расходов, для покрытия которых взимаются те или иные налоги.

Даже в советской специальной литературе, которая имеет перед собой государство с растущими экономическими функциями и которая, казалось бы, должна была выдвинуть характер расходов на первое место, — даже и тут наблюдается почти полное игнорирование этого момента.

Так например, в коллективной работе «Налоговое бремя в СССР и иностранных государствах», написанной П. Гензелем, П. Микеладзе, В. Строгим и К. Шмелевым, влияние на тяжесть налогов характера их расходования совсем или почти не оттенено. В вводной части работы, написанной К. Ф. Шмелевым и имеющей теоретически-методологический характер, значение расходования попало в конец длинного списка факторов, влияющих на тяжесть данного налога, налогового груза. Вот этот список:

1. Уровень доходов населения и народного дохода вообще.
2. Жизненный уровень главных масс населения.
3. Возрастной состав населения и темп его роста.
4. Характер происхождения доходов населения, в частности их обеспеченность.
5. Особенности хозяйственных единиц, определяющие разную роль в них доходов.
6. Экономический строй страны и уровень его развития.
7. Характер государственных расходов.
8. Структура налоговой системы.

Для К. Ф. Шмелева характер расходования налогов имеет лишь «немаловажное» значение и «небезразличен» для налоговой выносливости экономической среды. Другие же участники этой коллективной работы, в том числе и П. Гензель, который как бы подводит итоги всей работы, совершенно не упоминают о значении характера расходов для тяжести налогов.

Понятие «тяжести» — будет ли это тяжесть физическая или тяжесть налогового груза — неразрывно связано с теми или иными отрицательными последствиями для несущего в виде растраты его жизненной энергии, усталости и т. п. Соответственно с этим уменьшение груза — налогового или физического — влечет за собой не усиление, а ослабление тяжести. Однако совершенно иначе обстоит дело с «тяжестью» для народного хозяйства производительных расходов, представляющих необходимые издержки воспроизводства: такие расходы не только не ведут к ущербу и потерям для народного хозяйства, но, наоборот, повышают его продукцию и усиливают источники для уплаты налога, а

тем самым облегчают тяжесть обложения; и наоборот, сокращение груза школьных, дорожных, агрономических и т. п. расходов или полная их отмена привели бы к снижению продукции народного хозяйства и к усилению тяжести оставшихся налогов. Известное изречение, что «свой вес—не ноша», т. е. вес мускулов и других необходимых частей организма нельзя считать ношей и тяжестью,—это изречение в известном смысле приложимо и к «весу» производительных налогов, ибо поскольку в механизме народного хозяйства наличие производительных частей (дорожной сети, школьного или агрономического аппарата и т. д.) повышает мощь и налогообеспособность хозяйства, налоги, идущие на питание этих частей, не могут рассматриваться, как тяжесть.

С точки зрения тяжести для народного хозяйства между производительными затратами, покрываемыми в порядке обложения, и теми, которые покрываются в порядке уплаты цены, нет никакой принципиальной разницы, так как и те и другие затраты являются необходимым условием воспроизводства. Затраты на обучение или на содержание безрельсовых путей, покрываемые в порядке обложения, принципиально, с точки зрения народного хозяйства, совершенно равноправны с затратами на содержание рельсовых путей, на производство пищи, жилища или одежды. Затраты первой категории могут быть менее необходимы, чем затраты второй категории (на одежду, питание и т. п.), но они могут быть и более необходимы: так, например, содержание сети грунтовых и шоссежных дорог может быть более необходимо, чем содержание той или иной железнодорожной линии. Точно так же обед в три блюда или наличие двух-трех костюмов для рабочего менее существенно чем общая и профессиональная грамотность его или его детей, создающаяся за счет налоговых взносов.

Поэтому в условиях СССР, где производительные налоги теряют классовую окраску, понятие «тяжести» в применении к этой категории налогов или вообще теряет всякое содержание или оно обозначает то же самое, что и «тяжесть» расходов на пищу, одежду и т. п. Единственное непринципиальное различие между «тяжестью» производительного налога и «тяжестью» цены, уплачиваемой при покупке продуктов или услуг (напр., между дорожным налогом и платой за проезд по железной дороге), заключается в том, что в первом случае, в противоположность второму, оплата полученных выгод отрывается от получения этих выгод, а также в том, что распределение издержек несколько не совпадает с распределением выгод.

Однако, как мы видели в разделе, посвященном вопросу о возвратности производительных налогов, различия этого рода в условиях СССР далеко не так велики, как это принято думать.

Таким образом, характер тех расходов, для которых взимаются налоги, имеет решающее значение с точки зрения их тяжести для народного хозяйства. В противоположность производительным налогам, «тяжесть» которых по существу не отличается от условной «тяжести» расходов на питание, жилище и т. п., непроизводительные налоги, представляющие накладные расходы, *faux frais* классового общества, всегда являются тяжестью для народного хозяйства. Эта тяжесть будет ощущаться сильнее, если для основной массы плательщиков она будет чужой ношей, и гораздо слабей,—если налоги идут на содержание «своего» государства,—тем не менее груз непроизводительных расхо-

дов в рамках государства одного и того типа всегда будет тяжестью по сравнению с производительными налогами.

Поэтому чем большую роль в государственном бюджете играют производительные налоги, тем меньшую тяжесть представляет такой бюджет для народного хозяйства. В условиях переходного периода, когда удельный вес непроизводительных налогов относительно падает, а роль производительных налогов растет, тяжесть государственного бюджета — не говоря уже о совершенно ином «весе» непроизводительных расходов — становится все менее соизмерима с тяжестью бюджетов капиталистических стран.

Производительные расходы Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомзема (агрономическая помощь и т. д.), покрываемые за счет налога, по своей экономической природе мало чем отличаются от эксплуатационных расходов и капитальных вложений промышленности ВСНХ. Граница между этими расходами окончательно исчезает, когда значительная часть школьного аппарата переходит в состав ведомства путей сообщения и ведомства государственной промышленности и финансируется не за счет налога, а за счет обязательных отчислений транспорта и промышленности. Это показывает, насколько несравнимой становится тяжесть государственного бюджета вообще и налогового в частности в Советском Союзе и в капиталистических государствах.

5. ПРИРОДА НАЛОГОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Согласно господствующему определению, налог есть принудительный взнос, т. е. принуждение является его имманентным признаком; однако в условиях переходного периода происходит перерождение и этого признака, определяющего самое понятие налога.

В буржуазном государстве, где налог почти всегда имеет классовый характер, налоговое принуждение представляет одну из форм классового принуждения. Самый термин «налог» впитал в себя все элементы дани или контрибуции, «налагаемой» классовым государством на подвластные ему масса «подданных».

В советских условиях, где подавляющая доля всех налогов превратилась по существу в самообложение трудящихся классов, — налоговое принуждение по отношению к основной массе налогоплательщиков перестало выражать собой отношения господства и подчинения. Формально налоговое принуждение нередко пользуется теми же техническими приемами, как и раньше (штрафы, взыскания, опись имущества, вычеты из зарплаты и т. п.). Однако, наличие тех или иных технических приемов принуждения вообще ничего не говорит о природе принуждения даже в капиталистических государствах. Там карцер, тюрьма и расстрел применяются как средства удержания в подчинении солдатской массы, так — хотя значительно реже — и для поддержания дисциплины внутри «офицерского корпуса». Штрафы, пени, опись и продажа имущества применяются как по отношению к членам добровольных капиталистических корпораций (например, при невыполнении обязательств членами капиталистических обществ и «товариществ») или по отношению к крупнокапиталистическим налогоплательщикам, являющимся прямыми соучастниками государственной власти, так и по отношению к миллионам малоимущих плательщиков, являющихся подданными капиталистического государства.

Во всех этих и других аналогичных случаях при внешнем сходстве технических приемов принуждения мы имеем совершенно различный социальный «тон» принуждения. Еще в меньшей степени по внешней форме можно судить о природе принуждения, применяемого в условиях рабоче-крестьянского государства. Если учитывать, что основная масса налогов в Советском Союзе представляет самообложение трудящихся классов, то налоговое принуждение, применяемое по отношению к членам этих классов, необходимо будет квалифицировать как форму внутриклассового самопринуждения. Все меры воздействия Советского государства на неисправных налогоплательщиков из среды пролетариата и трудового крестьянства, как бы ни были жестки эти меры, представляют не форму классового насилия, как прежде, а только средство организованного воздействия классового коллектива на наименее сознательных своих сочленов.

Здесь мы имеем очень близкую аналогию с тем, что произошло в связи с социалистической революцией в области трудовой дисциплины. В то время как в капиталистических предприятиях штрафы, выговоры и увольнения были для пролетариата формой капиталистического принуждения, в советской промышленности, где пролетариат является хозяином, и штрафы и увольнения стали методом поддержания внутриклассовой дисциплины, средством воздействия класса на менее сознательных членов этого класса.

Следует однако отметить, что наряду с использованием прежних административных форм принуждения советский строй постепенно вырабатывает также и новые формы, самое появление которых подчеркивает всю глубину перемены, происшедшей в природе принуждения. Мы имеем в виду развитие формы общественного принуждения, как, например, постановления рабочих коллективов, формально не обязательные для отдельных рабочих, но фактически имеющие общественно-принудительную силу; сюда же относятся показательные суды, широко применяемая система «вызовов», система соревнований, коллективная сдача хлеба и т. д.

Примеры таких постановлений мы часто встречаем в советской печати: «Рабочие завода им. Ченцова в Ростове, узнав из газет о том, что на шахте им. Артема трудовая дисциплина не на высоте, обратились к партийным и профессиональным организациям этой шахты с открытым письмом, в котором пишут: «Нам нужно строить фабрики и заводы, нам нужно переоборудовать свои предприятия. Трудная эта задача, но она выполнима, если каждый из нас поймет необходимость самого сознательного отношения к своему производству и к своим обязанностям. Прогульщики, пьяницы, рвачи подрывают всю нашу работу, позорят наш рабочий коллектив. К таким тунеядцам не может быть никакого снисхождения. Они должны встретить с нашей стороны самое суровое осуждение» («Правда», 16/XII 1928 г.).

Рабочие Каменской писчебумажной фабрики, выполнив с превышением плановое задание, обращаются к рабочему коллективу Сясьской бумажной фабрики с «открытым письмом», в котором между прочим пишут: «Товарищи, что же вы делаете? По-рабочему ли поступаете? Мы требуем от имени 5 500 рабочих нашего завода, чтобы вы немедленно смыли это позорное пятно вредительства, бесшабашности и преступной расхлябанности.

Мы будем неослабно следить за тем, как будете вы выполнять свои обязанности. Хотим также верить, что все эти безобразия—преступная халатность, пьянство, прогулы, порча машин, инструментов и оборудования—вы устраните, а всем, кто это делает, крепко дадите по рукам.

К правительству мы обращаемся с просьбой—рабочих Каменской фабрики занести на красную доску, а в первомайские дни поставить Каменку и все фабрики и заводы, снизившие себестоимость на 7⁰/₁₀₀, в головные колонны демонстрации.

Позор вредителям, лодырям, прогульщикам, тормозящим наше социалистическое строительство! Вон из рабочей среды шкурников, рвачей и пьяных забулдыг!

Специально в области аккумуляции общественные формы принуждения нашли широкое применение в сфере государственного кредита: подписка на советские государственные займы все более получает общественно-обязательный характер; факультативные постановления рабочих коллективов фактически оказываются равнозначущими обязательным постановлениям государственных органов. Принципиальное различие между подпиской на заем, проводимой постановлением рабочих коллективов, и обложением пролетариата, декретируемым рабочей властью, по существу стирается: в этих случаях мы имеем лишь различные формы самообложения класса, стоящего у власти.

Это сближение между принудительными методами аккумуляции, как налог, и добровольными методами, как кредит, чрезвычайно характерное для советского государства, указывает на глубокое перерождение социальной природы принуждения.

Превращение классового налога в самообложение и классового налогового принуждения во внутрикласовое, как мы увидим дальше, в сильнейшей степени изменяет значение социальной мотивировки налога, что в свою очередь должно оказать огромное влияние на финансовую политику в ее стремлении к расширению социальных пределов обложения.

ВЫВОДЫ ПО ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ НАЛОГА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Налог, родившийся одновременно с классовым государством, всегда эволюционировал в органической связи с его эволюцией. Отсюда уже априорно можно было сделать вывод, что поскольку социалистическая революция изменила природу и функции государства, постольку должны были произойти крупнейшие изменения и в природе налога. Сделанный нами анализ полностью подтвердил это положение, показав, что в новой социальной среде перерождению подверглись все самые основные элементы налога; от того, что обозначается в капиталистическом государстве как «налог», по существу осталась только внешняя форма.

Если не пытаться за формальным определением налога скрыть его сущность, как это делают буржуазные теоретики¹, то следует определить для капиталистического государства налог, в подавляющей его части как насильственно-принудительный метод использования чужих средств для целей социально-господствующего класса.

Из этой социально-классовой сущности налога вытекали все его наиболее характерные конструктивные признаки. Поскольку налог был методом аккумуляции, направленным одним классом против других классов, он по своей природе должен был носить, во-первых, классовый, а во-вторых, насильственно-принудительный характер. Этот последний признак теория с полным основанием считает определяющим признаком налога в капиталистическом государстве.

Поскольку поступления налога затрачивались классовым государством на цели, чаще всего прямо враждебные широким массам налогоплательщиков (аппарат классового господства), налог по самому существу был в основной части безвозвратным взиманием, или, если быть

¹ По определению подавляющего большинства специалистов, налог есть принудительный сбор на покрытие общих расходов государства.

точнее, имел в большинстве случаев отрицательно-возвратный характер. Даже в том относительно небольшом числе случаев, когда налог имел производительное назначение, он по существу служил интересам господствующего класса и потому мог иметь лишь условно-возвратный характер. В финансовой теории эта особенность налога — его безвозвратность или безвозмездность — признается одним из существенных его признаков.

Наконец, поскольку буржуазный налог в основной своей массе имел непроизводительный характер и реализовался для плательщиков в виде услуг отрицательного порядка, он был двойной тяжестью для главной массы налогоплательщиков.

С заменой капиталистического государства государством принципиально иного типа изменились как основные функции, так и основные признаки прежнего налога. Поскольку в новом государстве основная масса налогов уплачивается теми классами, которым принадлежит власть, или социально-близкими к ним, налог изменил свою природу: из орудия аккумуляции, направляемого одним классом против других, он в основной его массе стал орудием кооперирования средств трудящихся классов для целей, выдвинутых интересами этих же классов.

Вместе с тем изменились все конструктивные признаки налога. Потеряв свой прежний классовый характер, новый налог по существу превратился в самообложение трудящихся классов. Далее, поскольку абсурдно говорить о насилии государства над теми классами, чьим орудием оно само является, налоговое принуждение теряет характер классового насилия и становится методом внутриклассового самопринуждения, причем наряду с административно-судебными формами принуждения и для замещения этих форм постепенно вырабатываются формы общественного принуждения.

В силу этой же общей причины вся основная масса налогов, которая уплачивается трудящимися классами Советского Союза, приобретает возвратный характер, причем это относится не только к производительным, но также и к непроизводительным налогам: если капиталистические классы имеют полное основание рассматривать непроизводительные налоги, идущие на удержание их власти, как наиболее эффективное вложение капитала, то с таким же основанием и пролетариат должен смотреть на финансирование аппарата своей власти как на наиболее выгодную затрату своих сбережений. Однако наиболее отчетливо выступает возвратный характер у производительных налогов, которые при нивелировке как налоговых взносов, так и прав на услуги государства по степени возвратности все более сближаются с товарно-рыночными ценами. В полном соответствии с этим изменятся также природа тяжести налога, так как непроизводительные налоги перестают быть двойной тяжестью для налогоплательщиков, производительные же налоги превращаются в простые издержки воспроизводства.

В конечном счете то, что в Советском Союзе обозначается как «налог», в действительности по своей природе представляет уже нечто совершенно иное, чем налог капиталистического государства.

Перерождение налога, происшедшее в условиях переходного периода, имеет огромное значение для финансовой политики Советского Союза. Соответственно изменению природы классового налога должны произойти изменения в самой установке всей налоговой политики. То,

что было целесообразно в применении к налогу с его прежними социальными функциями, то в ряде случаев должно оказаться бессмысленно и вредно в применении к налогу иного социального типа.

Как мы увидим дальше, изменился вопрос об экономических и социальных границах налоговой аккумуляции; должен быть пересмотрен заново вопрос о соотношении этого метода аккумуляции с другими методами как кредит и страховые взносы. По-новому встанет вопрос о социальной мотивировке налога, об организационных формах налоговой аккумуляции, формах возможного сочетания налога с кредитом и страхового взноса и т. д. Частично эти проблемы уже нащупаны эмпирикой социалистического строительства, однако далеко не все и не с достаточной ясностью.

В другой работе мы попытаемся сделать некоторые практические выводы из факта превращения классового налога в самообложение и происшедшего изменения его социальных и экономических функций. Здесь же мы считаем возможным остановиться лишь на одном вопросе, имеющем по виду лишь формальное значение.

Не подлежит сомнению, что с изменением социальной природы того или иного института должно быть изменено также и терминологическое обозначение этого института. В таких случаях вопрос отнюдь не сводится только к «словам», ибо каждому термину в сознании широких масс соответствует вполне определенный комплекс представлений; новое вино, влитое в старый мех, продолжает сохранять запах старого вина. Это положение имеет особую силу по отношению к налогу, являющемуся продуктом других социальных отношений и неразрывно связанным с представлением о классовом господстве, гнете и эксплуатации.

Поэтому для того, чтобы ускорить процесс осознания широкими массами происшедшего изменения в природе налога, для того, чтобы его социальная природа не преломлялась через призму воззрений, унаследованных от прошлого, — данный институт должен получить иное терминологическое обозначение, соответствующее новой его сущности¹.

¹ Одним из немногих терминов, более соответствующих измененной природе «налога», является термин «сбор», часто встречающийся при собирании средств для хозяйственных нужд в крестьянских и, в особенности, земельных обществах: «сборы» на наем пастуха, полевого сторожа, на пожарную охрану, на починку дорог, на ремонт школ и т. п. Крестьянские сборы противопоставляются налогам, причем в основе такого противопоставления лежит как мысль об отсутствии внешне-принудительной, налагающей силы, так и принцип «складчины», или общественно-обязательной кооперации средств для выполнения той или иной общепользующей задачи.

PROLEGOMENA К ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО БАНКА ¹

Наша марксистская теоретическая мысль уделила теории советского кредита чрезвычайно мало внимания. Выдающимся исключением является книга проф. И. Трахтенберга «Современный кредит и его организация». И хотя книга эта в основном посвящена теории капиталистического кредита, но особое приложение к ней трактует специально вопросы советского кредита. Это приложение представляет совершенно самостоятельный, притом крупный теоретический интерес. Им можно оперировать почти как с самостоятельной работой. На некоторых основных его положениях я и хочу остановиться.

1. ОБОБЩСТВЛЕННЫЙ И ЧАСТНЫЙ СЕКТОРЫ НАШЕГО ХОЗЯЙСТВА

Тов. Трахтенберг дает характеристику советского банка на фоне анализа особенностей нашего переходного хозяйства. Это, конечно, глубоко правильный подход. Характеристику переходного хозяйства т. Трахтенберг сводит к четырем следующим моментам.

«Динамика всякой хозяйственной системы заключается в постоянном воспроизводстве ее, или, вернее, воспроизводстве основных конституирующих ее моментов. Это воспроизводство совершается на расширенной основе... оно совершается в новых формах, но основные черты хозяйства остаются без изменения... Иначе обстоит дело с хозяйством переходным... переходный период, взятый в целом, есть отрицание предыдущей системы хозяйства, ее преодоление, изменение основных социальных связей не только по форме, не только в смысле их осложнения и развития, но и по существу. Ни о каком воспроизводстве здесь речи быть не может. В этом заключается первая черта, резко отличающая переходную от всякой другой хозяйственной системы.

Вторая характеристика заключается в том, что советское хозяйство не есть просто переходное хозяйство, а переходное от капитализма к социализму, т. е. к такой хозяйственной системе, которая в основных своих очертаниях, по основным своим социальным связям, не просто отличается от предыдущей, т. е. капиталистической системы, но прямо ей противоположна, противоречива...

Третья особенность переходной эпохи... заключается в том, что преодоление старой хозяйственной системы и достижение новых форм общественных отношений является сознательно поставленной целью пролетарского общества... Изменение хозяйственных отношений — не только результат стихийного развития... Социализм в период переходного хозяйства не просто вырастает из старой системы, а сознательно строится...».

¹ В основу настоящей статьи легла речь, произнесенная автором в Экономической секции Комкадемии при обсуждении доклада И. А. Трахтенберга. Помещается в порядке обсуждения.

Наконец, «четвертая черта» заключается в том, что «советское хозяйство не представляет собой единого типа хозяйства. Советский Союз знает разнообразие хозяйственных укладов, сожительство обобщественных форм хозяйства с капиталистическими и докапиталистическими формами. Социализирующееся хозяйство развивается пока в окружении необобщественного хозяйства, стремится подчинить это последнее (необобщественное окружение) своему воздействию и направить соответственным образом его развитие» (И. А. Трахтенберг, «Современный кредит и его организация». с. 271—274).

Самую природу советского банка т. Трахтенберг ставит в связь, прежде всего, с тем, что у нас сожительство различных систем хозяйства. Наличие советского банка коренится не в особенностях нашего обобщественного сектора. Оно вытекает из наличия окружающего его частного сектора. Не будь этого окружения, а существуй у нас один обобщественный сектор, никакого поля действия и никакой почвы для существования советского банка не было бы.

«Только потому, что, во-первых, в Советском Союзе мы наблюдаем сожительство разнообразных хозяйственных систем (необобщественное окружение), только потому, во-вторых, что домохозяйство (потребление) еще далеко от обобществления, у нас во всем народном хозяйстве сохраняются товарно-денежные отношения, производственный процесс представляется как движение, метаморфоз различных форм капитала, в сфере обращения функционирует ссудный капитал». «Если бы не было необобщественного окружения, хозяйственные связи не принимали бы формы товарно-денежных отношений, нельзя было бы говорить, даже чисто формально, о капитале тем более о ссудном капитале» (с. 285 — 286).

Основное положение, следовательно, таково: само состояние обобщественного сектора так, как он сейчас дан, не могло бы служить почвой для советского банка.

Такое понимание вещей представляется мне неправильным. Правильно обратное, что в самом нашем обобщественном хозяйстве (если взять его нынешний статус) в его собственном построении есть элементы, требующие существования советского банка как корректива и как метода преодоления этих собственных его дефектов. Тов. Трахтенберг оправдывает наличие советского банка фактом существования у нас частного сектора. Очевидно, что при таком понимании дальнейшая эволюция советского банка будет отражать одни лишь процессы реорганизации частного сектора. При безусловной правильности основной предпосылке об огромном (но не всеопределяющем) влиянии частного хозяйственного окружения на тип всего нашего хозяйства и неизбежном, в частности, влиянии этого окружения, на «стыковые» звенья обобщественного сектора, — отрицание прямой связи между советской банковской системой и собственной слабой организованностью обобщественного сектора представляется мне неправильным.

Неизбежно ли, при наличии частного сектора, то построение нашего обобщественного сектора, которое мы сейчас имеем? В самом деле, что характерно для нашего обобщественного сектора? Будучи объединен в одной части единством государственной собственности, а во всем своем объеме — единым плановым началом, он в то же время оперативно представляет собой систему более или менее автономных хозяйственных единиц, действующих на хозяйственном расчете. Наш

обобществленный сектор соприкасается с частным сектором не как единое организованное целое, а непосредственно отдельными своими частями. А между тем возможен был бы и другой тип нэпа, когда организационно объединенный и социалистически построенный обобществленный сектор допускает моменты нэпа лишь на стыке своем с частным сектором, но не внутри себя, — аналогично, скажем, тому, как движение ресурсов внутри предприятия протекает не в порядке товарно-денежного обмена, а путем натурального снабжения и сдачи продукции; товарно-денежные же отношения имеют место лишь на стыке предприятия или треста с другими организациями. Фактически мы имеем, однако, не этот тип нэпа. Товарно-денежные отношения существуют и внутри обобщественного сектора, и отдельные его части соприкасаются с рынком непосредственно. Такое построение нашего обобщественного сектора — не единственно возможное построение его; оно выражает преходящую слабость нашего обобщественного сектора, которая может быть изжита независимо от того и прежде, чем будет полностью преодолен частный сектор. Процессы, происходящие сейчас в нашем обобщественном секторе, свидетельствуют о довольно быстром продвижении по этому пути, — продвижении, идущем одновременно с преобразовательными процессами и в частном секторе, но все же заметно опережающем процессы преодоления самого частного сектора.

Внутри обобщественного сектора нэп начался с того, что отдельные госпредприятия были переведены на хозрасчет и стали непосредственно вступать в соприкосновение с частным рынком и друг с другом. Следующим этапом было объединение отдельных предприятий в тресты. Тем самым отдельные предприятия (заведения) были отрезаны от рынка. На форпостах в соприкосновении с рынком оказались тресты. Позже тресты в свою очередь выдвинули на передовую линию соприкосновения с частным сектором синдикатскую систему, которая охватила заготовки, снабжение и реализацию продукции трестов, причем трестовские организации отступили вглубь лучше организованного сейчас обобщественного сектора, а на периферии, на стыке с рынком оказались синдикатские организации. На следующей стадии синдикатская система в свою очередь отступила внутрь обобщественного сектора, и на периферии на стыке с частным сектором оказались уже не столько синдикаты, сколько кооперация, перенимающая от синдикатов реализацию промышленной продукции и заготовку для промышленности сельскохозяйственного сырья. Организация обобщественного сектора идет в интенсивном темпе и разворачивается в значительной мере независимо от процесса глубинного (кооперативно-производственного и коллективистического) преодоления основных особенностей самого частного сектора.

Тов. Трахтенберг пишет: «Наличие этих категорий (категорий товарного хозяйства в советской системе. — Л. Ш.) во всех секторах народного хозяйства обуславливается тремя факторами: во-первых, капиталистическим окружением советского государства, во-вторых, наличием огромного необобщественного окружения внутри самого государства, и в-третьих, формой связи обобщественного (огосударственного) социалистического сектора с его необобщественным и капиталистическим окружением» (с. 286). На этот третий момент я и хотел бы обратить особое внимание. Из прежних выдержек вытекало, что наличие в обобщественном секторе товарно-денежных и капиталистических по форме категорий вытекает только из наличия частного

окружения. Наличие этого последнего было не только необходимым, но и достаточным условием для существования внутри обобщественного сектора категории ссудного капитала и института советского банка. В приведенной сейчас выдержке т. Трахтенберг делает очень существенный и ценный шаг вперед. Здесь, как и раньше, наличие частнохозяйственного окружения является, правда, все еще необходимым условием, но в отличие от предыдущего оно уже не является условием достаточным. Помимо двух типов частнохозяйственного окружения (мирового и внутреннего) выдвигается еще и третий момент — особая форма связи между обобщественным сектором и его частнохозяйственным окружением. Мы увидим сейчас, в какой мере определяющим является именно этот третий момент¹.

Тов. Трахтенберг пишет: «Так как обобщественный сектор не является замкнутым, отгороженным от необобщественного окружения хозяйством, и так как обобщественный сектор хозяйственно общается с необобщественным окружением не только — вернее не столько — как единое целое, сколько отдельными своими автономными частями, то стихийные закономерности необобщественного окружения оказывают свое воздействие на обобщественный сектор; это воздействие выражается, между прочим, в том, что сохраняются некоторые категории товарного хозяйства во всех секторах хозяйства» (с. 274). Или в другом месте: «Если бы обобщественный сектор имел общение с необобщественным окружением как единая замкнутая в себе система, если бы в этом общении обобщественный сектор выступал как единая организация, то в нем, т. е. в обобщественном секторе, никаких категорий товарного хозяйства не было бы». «По отношению к внешнему капиталистическому окружению советское хозяйство... благодаря монополии внешней торговли, выступает как единое хозяйство... Но гораздо большее значение имеет форма связи обобщественного сектора с необобщественным окружением внутри страны. В сношениях с этим окружением обобщественный сектор советского хозяйства не выступает как единое организованное хозяйство. Отдельные части обобщественного сектора совершенно автономно вступают в связь с индивидуальными хозяйствующими субъектами необобщественного окружения» (с. 287).

Но если этой особой (отнюдь не единственно возможной) форме связи между обобщественным и частным сектором принадлежит столь решающее значение, то было бы естественно — не принимая ее некритически как данную — задаться вопросом: почему же мы пришли именно к этой форме связи, а не к другой, более высокой? И далее: в зависимости от чего мы могли бы от этой формы связи перейти к другой более высокой? ²

В самом деле, чем объясняется, что мы выбрали именно эту форму связи с частным сектором, т. е. форму, низшую из двух возможных форм связи? Мне представляется очевидным, что «выбор» этот определялся

¹ Я должен подчеркнуть, что основные элементы для правильной оценки этого момента даны самим т. Трахтенбергом, он однако не сделал вытекающих отсюда решающих выводов.

² Вопрос о том, как такой переход отразился бы на категории ссудного капитала внутри обобщественного сектора, получил у т. Трахтенберга совершенно категорическое решение: «если бы обобщественный сектор имел общение с необобщественным окружением как единая замкнутая в себе система, если бы в этом общении обобщественный сектор выступал бы как единая организация, то в нем, т. е. в обобщественном секторе, никаких категорий товарного хозяйства не было бы» (с. 286).

лишь одним: слабой организованностью самого обобщественного сектора. На первых шагах наш обобщественный сектор был еще слишком далек от того, чтобы представлять собою (не по форме только, но и по существу) в оперативной своей практике хорошо слаженное целое, действительно объединенное единым руководством, притом руководством, реально владеющим всеми его звеньями. В главнейших сферах (кроме сельского хозяйства) мы уже на первых порах захватили основные хозяйственные массивы. Тем самым мы захватили командные высоты и во всем народном хозяйстве. Задачи полного выкорчевывания из всех отраслей частного, индивидуального хозяйства мы на первых стадиях переходного периода, как непосредственной задачи себе не ставили. А поскольку о полном преодолении частного сектора (в сельском хозяйстве, в кустарных промыслах, в ремесле, в торговле) к тому времени не могло быть речи, мы неизбежно должны были притти к нэпу.

Существование нэпа как формы связи между обобщественным сектором и частным сектором и как формы внутренней связи самого частного сектора, говорит лишь о том, что обобщественный сектор не поглотил еще всего народного хозяйства. И нэп во взаимоотношениях между обобщественным и частным сектором и внутри этого последнего сам по себе еще не означает качественной слабости обобщественного сектора в пределах того, что он охватил.

Из наличия в нашем хозяйстве двух (основных) подразделений вытекала необходимость нэпа, как формы взаимоотношений между ними. Но отсюда ни в какой мере не вытекала необходимость нэповских товарно-денежных форм внутри самого обобщественного сектора. Проникновение этих форм внутрь обобщественного сектора говорит уже не о количественной ограниченности последнего, а об организационно-технической слабости его в собственных его границах.

Некоторые иллюстрации слабой организованности (в частности, кредитно-денежного хозяйства) обобщественного сектора приводит и т. Трахтенберг. Он пишет: «В условиях советского хозяйства направление ссудных капиталов определяется регулирующей и планирующей волей. Место стихии, конкуренции заступает указание, постановление, декрет. Правда, не всегда эта воля полностью осуществляется, может быть, иногда и совсем не осуществляется. Всем известно, как краткосрочное кредитование легкой индустрии превращалось за пределами непосредственного влияния плана в долгосрочное кредитование тяжелой индустрии. Отчасти это объяснялось организационными неувязками, но и помимо этого самая возможность такой «трансформации» намерений плана не исключается. Разве кредитование, предположим, текстильной промышленности, предписанное планом и выполненное банком, не может в действительности оказаться кредитованием кооперации? Отношения, складывающиеся между отдельными, даже государственными, хозяйственными единицами, могут оказаться вне поля воздействия планового кредитования, и таким образом стихия может внести большие коррективы в сознательное регулирование... Стихия может видоизменить планы» (с. 290). Он говорит о том, что «не совсем удачный опыт планирования объясняется отчасти недостаточной выработкой рациональных методов планирования» (с. 291). «Внутри обобщественного сектора хозяйства деятельность банков сво-

дится к тому,... чтобы взаимные отношения отдельных хозяйственных единиц объединить на основе общего управления их денежными капиталами, чтобы таким образом не только по форме, но и по существу превратиться в организацию общественного счетоводства и учета» (с. 307). Банк «на основе общего управления... денежными капиталами» «отдельных хозяйственных единиц» пытается «объединить... их взаимные отношения».

Разве из этого не следует, что советский банк играет роль частичного корректива (в разрезе денежных ресурсов) к слабой организованности обобщественного сектора (как материально-технического целого)? Банку не в полной мере удается организовать единое управление денежными капиталами. Но единое управление совокупностью материальных ресурсов еще менее обеспечено.

«...На пути преодоления стихийных факторов советского хозяйства одним из больших препятствий является... неорганизованность «денежных капиталов» (с. 307). А что сказать тогда об организованности материальных ресурсов обобщественного сектора?»

Из всего изложения т. Трахтенберга вытекает, что установившаяся форма связи между обоими секторами определяется единственно факторами, находящимися на стороне частного сектора. Между тем даже при данном удельном весе частного сектора, при данной степени его организованности (кооперированности), тип связи между обоими секторами мог бы быть двояким в зависимости от степени внутренней организованности самого обобщественного сектора. Если соприкосновение обобщественного сектора с частным происходит не на периферии первого, не на основе полной внутренней консолидированности его; если рыночные взаимоотношения с частным сектором проникают глубоко внутрь обобщественного сектора, доходя до отдельных его автономных единиц; если внутренние взаимоотношения отдельных звеньев самого обобщественного сектора строятся на началах товарно-рыночного хозяйства, — то это объясняется прежде всего собственным состоянием самого обобщественного сектора. Эта недостаточная организованность обобщественного сектора определяется не тем, что в стране имеется частный сектор, ибо при большей организационной зрелости самого обобщественного сектора этого состояния могло бы и не быть даже и при наличии частного сектора. Нельзя поэтому элементы нэпа внутри обобщественного сектора выводить из наличия частного хозяйственного окружения, забывая о собственной организационно-технической слабости обобщественного сектора. И нельзя поэтому отвергать возможность более энергичного и решительного преодоления нэповских форм внутри обобщественного сектора по причине временного существования частного сектора.

Из оспариваемой концепции вытекает, что мы не можем спешить с преобразованием обобщественного сектора, ибо он слишком связан грузом частнохозяйственного окружения. Обобщественный сектор подымется на высшую организационную ступень будто бы только вслед за успехами на фронте необобщественного сектора. Нельзя представлять себе дело так, что будто бы можно добиться нужных нам максимальных успехов на фронте необобщественного хозяйства, оставляя наше обобщественное хозяйство слабо организованным и социалистически слабо консолидированным. Недостаточная собственная организованность обобщественного сектора является и теоретическим и историческим *præius*’ом, определяющим данную форму связи между

обоими секторами, но не наоборот. Даже и при наличии частного сектора данной формы связи могло бы и не быть. С другой стороны, товарно-денежные отношения внутри обобщественного сектора могли бы мимолетно существовать и в таком — теоретически мыслимом — социалистическом хозяйстве, которое с самого начала формально овладело всем народным хозяйством, но которое еще не сумело по существу консолидировать свое обобщественное хозяйство. Тов. Трахтенберг говорит: «внутри необобщественного сектора экономические категории товарного хозяйства выражают непосредственно социальные отношения этого сектора...» (с. 288). Это, конечно, верно. «Категории товарно-капиталистического хозяйства внутри обобщественного сектора не выражают непосредственно товарно-капиталистических социальных отношений, так как таковых в этом секторе нет» (с. 288). Это также безусловно верно. Но т. Трахтенберг идет дальше этого. Он утверждает, что «внутри обобщественного же сектора эти категории только рефлектируют, отображают социальные отношения, вне этого сектора развивающиеся» (с. 288). Это последнее утверждение уже ошибочно. Верно лишь одно: в необобщественном секторе эти категории являются подлинными экономическими категориями, облеченными в плоть и кровь; в обобщественном секторе, с точки зрения основной социально-экономической его характеристики, они являются лишь ложными видимостями. Но это не значит, что этим видимостям в самом обобщественном секторе ничто реальное не отвечает, — они и в обобщественном секторе имеют со вершено реальную базу. Но они выражают здесь не социально-экономическую сущность, его а временную его технико-организационную отсталость, незавершенность его организационно-технической консолидации, отставание организационно-технического построения от социально-экономической сущности его. Неверно думать, что в обобщественном секторе эти категории только призрачно рефлектируют реальности частного сектора, не выражая никаких реальностей самого обобщественного сектора. Но верно, что отраженные здесь реальности обобщественного сектора являются реальностями не социально-экономического существа его, а только его преходящей технической неорганизованности.

Тов. Трахтенберг пишет: «Это рефлектирование (социальных отношений необобщественного сектора)... неизбежно, поскольку... связь между социалистическим сектором и необобщественным его окружением осуществляется методом индивидуального хозяйственного общения отдельных участников того и другого сектора» (с. 288).

Для обобщественного сектора это не рефлектирование только, а нечто большее, и это «большее» в последней инстанции определяется не формой связи между обоими секторами, а внутренним состоянием самого обобщественного сектора.

В «Критике Готской программы» Маркс писал: «Мы имеем ...дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось и а с в о е й собственной основе, а с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло». Это в полной мере применимо и к нашему обобщественному сектору и относится к нему независимо от наличия в пашей экономике наряду с ним еще частного сектора.

Имеет ли разбираемое расхождение какое-нибудь практическое значение? Не представляет ли оно собою типичного образчика теоретического буквеведства, своего рода Prinzipienreiterei? Мне представляется, что практическое значение этого расхождения достаточно велико. И именно поэтому я считал нужным на нем подробно остановиться.

В самом деле, что вытекает из разбираемой концепции? Тов. Трахтенберг рисует такую картину, будто в самом нашем обобществленном секторе нет элементов для существования товарно-денежных форм, и, следовательно, для банковской работы. Поэтому если бы не наличие частного сектора, то банковская система оказалась бы излишней для нас. В таком утверждении заключено, как мы видели, бесспорное преувеличение, явное прикрашивание вчерашнего и сегодняшнего организационного уровня нашего обобществленного сектора; последний сам по себе материально технически достаточно будто бы консолидирован и может поэтому обойтись без банковской системы как дополнительного метода консолидации, и наша банковская система стоит будто бы в связи исключительно с явлениями в области частного сектора.

Эта оценка исходит из того, что обобществленная часть народного хозяйства имеет позади не только свою коренную социально-экономическую трансформацию, но и завершенную будто бы технико-организационную эволюцию. Никаких крупных задач в смысле организации оперативной работы перед ним как таковым уже будто бы не стоит. Поле наших организационно-реконструктивных задач будто бы ограничено сейчас в основном частным сектором. Именно здесь решающее, если не единственное, направление наших реформаторских усилий, тут основная сфера нашей работы. Желательные изменения внутри обобществленного сектора будут будто бы более или менее автоматически следовать за достижениями в области частного сектора, они будут корениться и вырастать из этих последних. Обобществленный же сектор будет пассивно рефлексировать преобразовательные процессы в частном секторе. И одновременно это означает, что мы можем поднимать обобществленный сектор на высшую ступень — будто бы — только в той мере, в какой предварительно удалось ступень за ступенью преодолеть индивидуалистический характер частного сектора. При этой концепции оказалось бы, что обобществленный сектор в своей внутренней реорганизации плетется в хвосте преобразовательных процессов, развивающихся в частном секторе.

Такая концепция диктует, конечно, определенное распределение наших строительных усилий и определенную расстановку наших сил между обоими секторами. Между тем, настаивая на том, что в нашем обобществленном секторе есть еще огромный «запас» собственной технико-организационной отсталости, который и независимо от отсталости частного сектора мог бы быть эластично преодолен (в результате самостоятельного процесса), мы тем самым признаем, что возможности дальнейшего социалистического развития нашего обобществленного сектора много больше, чем это вытекает из оспариваемой концепции. Все это крайне существенно, ибо мы практически подведены сейчас к более решительной и интенсивной реорганизации обобществленного сектора как условию энергичного общего нашего продвижения. Темп этой реорганизационной работы обобществленного сектора на деле должен быть

сейчас значительно более высоким, чем это вытекает из оспариваемой концепции¹.

Оспариваемая концепция исходит из предположения, что наш обобществленный сектор сам по себе достаточно хорошо организован и вооружен, чтобы в нужном темпе разрешать задачу преобразования частного сектора, и что остается лишь сосредоточиться на этой последней задаче. Наш обобществленный сектор действительно начал и успешно ведет работу социалистической переделки частного сектора. Но для того темпа продвижения, который нам нужен, внутренняя консолидированность обобщественного сектора, его слаженность и работоспособность должны быть подняты на более высокую ступень. Высокая оценка собственной организованности обобщественного сектора (*im-prisite*, заключенная в разбираемой концепции) правильно выражает высокий организационный уровень его по сравнению с нашим частным хозяйством, или с капиталистическим окружением, или с собственным состоянием его в первом пятилетии нэпа. Но этот уровень явно недостаточен для того напряженного хозяйственного продвижения, которым мы сейчас практически задались. Для осуществления тех великих задач, которые перед обобществленным сектором сейчас поставлены, он должен быть технико-организационно лучше вооружен и лучше консолидирован, чем сейчас, и должен в большей мере реализовать ту огромную эластичность и наступательную маневроспособность, возможности которых в нем заложены, но пока еще нами не полностью развернуты. А это требует ясного сознания нынешних технико-организационных его дефектов, требует точного понимания реконструктивных тенденций, которые практиками уже нащупаны и которые мы как целое, к сожалению, не всегда еще сознаем и во всяком случае недостаточно внимательно и настойчиво вышестовываем.

Оспариваемая концепция субъективно ограничивается одной лишь переоценкой организованности обобщественного сектора. Но объективно из нее вытекает отвлечение нашего внимания от необходимой работы над оперативной консолидацией обобщественного сектора и более высокой, нежели нэповская, внутренней его реорганизации. Так переоценка организационного уровня обобщественного сектора приводит к широко распространенной у нас недооценке реорганизационно-реконструктивных задач, настоятельно выдвигающихся сейчас перед ним. А это — как и всякий иллюзионизм — приводит к недостаточному вооружению обобщественного сектора и ослаблению возможной силы и эффективности преобразовательного воздействия его на частный сектор.

Переоценивая организационный уровень обобщественного сектора, ставя его организационное развитие в зависимость от развития необобщественного сектора, концепция эта принижает возможность его самостоятельного организационного развития. В противовес этой точке зрения я решительно подчеркиваю самостоятельный характер значительной части организационных дефектов и слабости обобщественного сектора. И делаю это для того, чтобы на этой основе вскрыть возможности и более или менее самостоятельного преодоления этих дефектов.

¹ К характеристике конкретных задач, встающих перед нами в этой области, я вернусь в другой статье. См. также статью «Материальное хозяйство на высшую ступень» и «Знаменательная реформа» («Вестник финансов» 1929, № 5 п 6).

Эти дефекты независимы от наличия частного окружения. А потому и преодоление их возможно независимо от темпа преодолевания этого окружения. Следовательно, условия поступательного движения нашего обобществленного сектора иные, чем это вытекает из рассматриваемой концепции. Отсюда также следует, что и тип и темп развития нашей банковской системы должны быть другими, чем сейчас рисуется. Но это — тема для самостоятельной работы.

2. ОТМИРАНИЕ БАНКА.

Мне представляется, что т. Трахтенберг не только напрасно связывает банковскую систему с частным сектором, но он и недооценивает социалистической сущности некоторых элементов нашей банковской работы. Это не значит, что он отрицает роль наших банков в социалистическом строительстве. Наоборот, он эту роль ярко рисует. Он пишет: «Банки в советских условиях являются орудием преобразования современного хозяйства, орудием построения социалистического общества. Этой цели подчинен банк; вся деятельность банка находит единственный критерий в этой общей все проникающей и все определяющей цели» (с. 277). Тем не менее он допускает в характеристике наших банков некоторые ошибки указанного типа.

По мнению т. Трахтенберга, все элементы нашей банковской системы должны без остатка отмереть и исчезнуть. По мере роста социалистических элементов идет только отрицательный процесс его отмирания. В течение переходного периода банки не трансформируются, а уничтожаются. В банках мы имеем дело с явлениями особого порядка, осуществляемыми и олицетворяющими особый тип социальных связей, — таких связей, которые полностью и без остатка исчезают в условиях социалистического хозяйства. В течение переходного периода банки не трансформируются, а уничтожаются. Та система «общественного счетоводства и общественного учета производства и распределения продуктов», которую мы мыслим функционирующей в условиях развернутого социализма, очень мало похожа на современный банк. Капиталистический банк является прототипом будущего общественного учета, но будущую организацию общественной бухгалтерии назвать банком, в настоящем смысле этого слова, никак нельзя» (с. 279—280). В этом отношении т. Трахтенберг, конечно, абсолютно прав: будущую организацию ни в коей мере нельзя назвать банком в современном смысле этого слова. Но из этого не следует, что нынешний банк, отмирая, не трансформируется. Советский банк не трансформируется в коммунистический банк, но он трансформируется в не-банк, причем одна из основных экономических функций, свойственных современному банку, в преобразованном виде сохранится и в развернутом социалистическом хозяйстве даже тогда, когда без остатка будут отброшены товарно-денежные формы этой функции.

Тов. Трахтенберг стоит на противоположной точке зрения. «Советский банк существует как банк лишь в той мере, в какой и в наших условиях сохраняются сходные, хотя бы по форме, с капиталистическими условиями отношения. И в той мере, в какой эти отношения изменяются, в такой банки не изменяются, а просто уничтожаются» (с. 280).

Представление о том, что банки «просто уничтожаются» без того, чтобы ядро той задачи, которую они сейчас решают, в другой постановке и иными методами находило все же свое положительное

решение, это — не диалектическое, неполное, а потому и неверное представление.

Марксу и Энгельсу не раз приходилось затрагивать аналогичные по типу вопросы. В «Критике Готской программы» Маркс, например, ставил вопрос об отмирании государства. Как трактовал он этот вопрос? Маркс писал: «Вопрос ставится... так: какому превращению подвергается государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: Какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним?». Трактуя вопрос об отмирании государства, Маркс требовал научного ответа на подчеркнутый здесь вопрос («на этот вопрос можно ответить только научно»).

Когда Энгельс в своей полемике с анархистами утверждал, что «государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции», он тут же прибавлял: «т. е. ...общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами». Отмирание одного фигурирует здесь (в большей или меньшей мере) как побочный продукт положительного строительства другого.

Когда Маркс анализировал исторически преходящий характер капиталистических категорий, он не исчерпывал вопроса указанием, что эти категории «просто исчезнут». Наряду с исторически преходящим он вскрывал и то устойчивое ядро, которое в преобразованном виде сохранится и в социалистическом хозяйстве. Взять хотя бы первый попавшийся пример. В капиталистическом обществе «прибавочный труд воплощается в прибавочной стоимости, и эта прибавочная стоимость существует в прибавочном продукте. Прибавочный труд вообще как труд сверх данного количества потребностей всегда будет существовать. Но при капиталистической, как и при рабской, системе и т. д. он имеет антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Определенное количество прибавочного труда требуется в качестве страхования против случайностей, вследствие необходимого, соответствующего развитию потребностей и прогрессу населения постоянного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением» («Капитал», т. III, ч. 2, с. 356). И так в подавляющем большинстве случаев.

Ошибка т. Трахтенберга заключается в том, что он допускает только две возможности: частичные изменения банка (с сохранением основных его черт) и простое уничтожение банка. Из поля зрения т. Трахтенберга выпадает третья возможность: не частичное изменение и не простое уничтожение, а отмирание банка как банка, на основе его трансформации в не-банк. А между тем именно эта третья, незамеченная им возможность будет на деле иметь место и потому должна быть положена в основу анализа перспектив развития советского банка.

Если бы противоположная трактовка т. Трахтенберга была правильной, то из нее действительно нужно было бы сделать именно тот вывод, который он из нее делает. «Поэтому изучать природу нашего банка необходимо через сопоставление с банком капиталистическим» (с. 280). Или: «Характеристика советского кредита и кредитных учрежденийможет быть дана только через противопоставление и сопоставление с кредитом капиталистическим. Такой прием диктует-

ся... соображениями принципиального характера, только такой метод плодотворен» (с. 280).

Правильно обратное. Так как советский кредит представляет образование переходного типа, одна из основоположных экономических функций которого (в совершенно преобразованном виде) сохранится и в социалистическом хозяйстве, то он определяется не только тем, откуда он растет (капиталистический банк), но и тем, куда он растет (социалистический не-банк). Но тогда, в противоположность тому, что говорит т. Трахтенберг, «принципиально» неправильно давать характеристику советского кредита «только через противопоставление и сопоставление с кредитом капиталистическим».

Я утверждаю, что советский банк трансформируется в коммунистический не-банк, сохраняя некоторое ядро своих нынешних функций. Как это надо конкретно понимать?

Советский банк, как и капиталистический, организует перемещение ресурсов в народном хозяйстве. Он мобилизует личные доходы населения, прибыли, амортизационные и оборотные средства хозяйственных и других организаций и направляет их для использования в тех или иных точках народного хозяйства. Эти перемещаемые средства являются сейчас средствами разрозненных индивидуальных или обобщественных хозяйств и остаются такими, несмотря на процесс банковского перемещения их. Эти ресурсы перемещаются кроме того как денежные ресурсы. Это вторая особенность. И та и другая особенность банковской работы вырастают из товарно-денежной организации хозяйства.

В развитом социалистическом хозяйстве перемещение ресурсов из одной технико-производственной единицы в другую точно так же должно будет сохраниться. Но здесь будут перемещаться ресурсы не самостоятельных и изолированных хозяйств, и не только формально юридически объединенного хозяйства, а ресурсы организационно и оперативно-единого народного хозяйства внутри этого последнего, притом они будут перемещаться не в денежной, а в натуральной только форме. Если сейчас ресурсы извлекаются банком из одних индивидуальных хозяйств и предоставляются другим автономным организациям, оставаясь собственностью первого, то позже они будут перемещаться из одних точек организационно-единого хозяйства в другие точки того же хозяйства.

Но советский банк, являющийся организатором перемещения денежных ресурсов из одного самостоятельного хозяйства в другое, подготавливает одновременно (вместе или, вернее, вслед за синдикатами и кооперацией) чисто социалистическую и натуральную форму их внутри-хозяйственного перемещения, и в этом центральная, с точки зрения нашего развития, характеристика его. Кредитная система всегда была у нас фактором материального строительства социализма, но в организационных формах своих стояла на крайнем неповском фланге. То новое, что сейчас прибавляется, заключается в том, что она вместе и вслед за синдикатами и кооперацией становится передовиком-организатором антинеповских, чисто социалистических организационных форм внутреннего построения нашего обобщественного сектора.

Синдикатская система усваивает в последнее время целый ряд новых функций, органически объединяя финансовое снабжение предприятий с материальным снабжением. Несомненно, что этот процесс

будет развиваться и дальше. Когда мы характеризуем тенденции развития советского банка, мы не в праве игнорировать этот момент. В своей характеристике процесса банковской трансформации мы не можем ограничиваться голым указанием на отмирание банка (его «простое уничтожение») без определения конкретных путей его перерастания в более высокие формы не-банка, намечающиеся уже сейчас. Характеристику советского банка в нынешней его стадии приходится давать в конкретной перспективе организационной реконструкции обобщественного сектора и в частности тех элементов, которые реорганизуют банк в не-банк путем срастания его с спидкатской и кооперативной системой. Поэтому того, что было сделано до сих пор, недостаточно для правильной характеристики советского банка.

Социализм мы строим сознательно и в положительных формах. Он растет у нас не стихийно, как побочный продукт отмирания старых форм. Активную линию мы должны взять и в организационном строительстве обобщественного сектора. Консерватизм должен быть оставлен и в организационной сфере. А между тем на деле мы к новым организационным формам нередко переходим с запозданием, не тогда, когда новые высшие формы становятся уже возможными, а тогда, когда старые стали уже невозможными.

К советскому банку можно подходить двояко. В нем можно видеть отмирающий капиталистический банк. Это один аспект. И в нем можно видеть один из истоков будущего не-банка. Этот будущий не-банк можно в его лице выращивать, выпестовывать, над ним работать. Только это последнее означает быть обращенным лицом к нашему будущему. Голое утверждение, что советский банк отмирает, не говорит куда банку надо развиваться. Отмирание это — не положительная программа, это — побочный продукт строительства не-банка. В частности для строителей, организующих нашу банковскую работу, голое утверждение об отмирании банка не может быть положительной перспективой строительства.

Вторая часть статьи на первый взгляд может показаться противоречащей первой. В первой мы говорили о том, что банковская система возникает из организационной слабости обобщественного сектора. Понимать такое возникновение банковской системы лишь в смысле пассивной обусловленности ее организационной слабостью обобщественного сектора — действительно означало бы вкладывать в эту связь некоторый оттенок внутреннего родства обоих. В этом понимании банковская система действительно лишь пассивно отражает социалистическую незавершенность обобщественного сектора. Но тогда совершенно неожиданным и парадоксальным кажется энергичное подчеркивание долговечности народнохозяйственного ядра банковской функции, очищенной от капиталистической своей формы. Но противоречие этих двух трактовок так, как они даны в обоих параграфах, мнимое. На деле они дополняют друг друга и находятся в прямой внутренней связи.

В самом деле, если в первом разделе банковская система характеризовалась как вырастающая из низкого организационного уровня нашего обобщественного сектора, то она выростала из него не в порядке пассивного отражения этой его слабости, а в порядке активного преодоления его дефектов. Правда, преодоление это про-

текало в порядке текущего корректирования дефектов обобщественного сектора, сохраняющего свое принципиально порочное построение. Преодоление это протекало, кроме того, в товарно-денежных формах, т. е. на базе и в формах, столь же дефектных, как и структура самого обобщественного сектора. Мы не имели здесь радикального, раз навсегда проведенного преодоления самих дефектных основ нынешнего построения нашего обобщественного сектора. Эта ограниченность, неполнота и нерешительность преодоления есть то, что роднит советский банк с капиталистическим. Но наряду с этим все более внушительно вырисовывается и другое. Обеспечивая сосредоточение средств в точках наиболее эффективного и продуктивного их использования, банк неуклонно поднимает производительные силы хозяйства и тем подводит материальную базу под одновременно идущий процесс организационной реконструкции обобщественного сектора. Но это не все. Наряду с этой косвенной ролью банк и прямо участвует в повышении организационного уровня обобщественного сектора и подготовке будущих, чисто социалистических форм распоряжения ресурсами обобщественного сектора как единого целого, как «одной конторы, одной фабрики, одного синдиката». На почве начавшегося сращивания финансового и материального снабжения (блок банка и синдикатской системы, блок банка и кооперативной системы), банк наряду с материально снабжающими организациями ведет работу по социалистической консолидации обобщественного сектора. При этом он не только текущим образом корректирует дефекты нынешней организации обобщественного сектора, но и подготавливает элементы фундаментального его преобразования на подлинно социалистических началах. В этой положительной работе, подготавливающей чисто социалистические натуральные формы распоряжения ресурсами единого социалистического хозяйства, он — в искаженной, правде, форме — является предтечей и предвестником социалистической организации ресурсов. Вот почему советский банк нельзя характеризовать одним лишь сопоставлением с капиталистическим банком. Полная характеристика советского банка требует поэтому выявления не только того, откуда он растет, но и куда он растет. Сейчас (в 1929 г.), может быть, даже надо сказать, что он требует уже не столько выявления того, откуда он растет, но прежде всего того, куда и как он растет. Сейчас становится уже совершенно невозможным характеризовать советский банк, отвлекаясь от конкретного описания тех тенденций его перерастания сначала в некредитный банк, а затем в не-банк, которые за последние годы явственно в нем намечаются.

ТЕОРИЯ ШПАННА

1. КОРНИ ТЕОРИИ ШПАННА

Отмар Шпанн является одним из своеобразнейших экономистов нашего времени. Интерес к Шпанну все время растет и у него начинает образовываться своя школа. Но теоретическая конструкция учения Шпанна, его терминология, его объект исследования столь отличны от обычных построений буржуазных экономистов, что учение Шпанна остается неразгаданным для большинства экономистов. В связи с этим мы не имеем пока серьезной критики в буржуазной литературе теории Шпанна. В настоящей статье мы не ставим своей целью дать подробное изложение и критику венского профессора. Мы хотели бы лишь установить основные черты его теории.

Шпанн является типичным представителем эпохи государственного капитализма. Его теоретические исследования носят на себе яркий отпечаток тех экспериментов государственного регулирования производства на капиталистических началах, которые получили классическое выражение в Германии в эпоху империалистической войны (кстати, первое издание основной экономической работы Шпанна «Fundament der Volkswirtschaftslehre» вышло в 1918 году). В основе всей экономической системы Шпанна, по нашему мнению, лежит положение, которое им нигде ясно не сформулировано, что чистое товарное хозяйство невозможно. Под чистым товарным хозяйством (Verkehrswirtschaft) наш автор понимает такое общественное хозяйство, в котором основная связь людей устанавливается через посредство обмена на стихийной основе, в котором отсутствуют всякие элементы государственного регулирования производства при помощи экономической политики. Такое хозяйство Шпанн считает утопией, такое хозяйство, по его мнению, является не абстракцией, как обычно утверждают, а фикцией. В таком хозяйстве отсутствует основной фактор организации людей. Свободная конкуренция, вообще все методы стихийного регулирования производства создают лишь скопление людей¹ («Häufung»), но не какое-то единство, единый народнохозяйственный организм. Конкуренция, по мнению Шпанна, приближает лишь к созданию организации, но не замещает этот процесс². Нужно всегда проводить определенную грань между товарным хозяйством и народным хозяйством, которое является объектом теоретической экономики. Меновая связь есть лишь один из элементов той общественной связи, которая конституирует данное народное хозяйство. Наряду с этой связью должна быть определенная психологическая связь, выражаю-

¹ «Fundament der Volkswirtschaftslehre», 2 Aufl., 1921, S. 154.

² Ibid.

щаяся в наличности общих целей, общих вкусов, потребностей, привычек, и организационная связь на почве определенного сознательного регулирования со стороны государства и его органов¹. Этот последний элемент является наиболее существенным. Только он превращает скопление хозяйствующих субъектов в единое целое, он делает возможным длительное существование народного хозяйства. В чистом товарном хозяйстве должен был бы существовать полный хаос в производстве, никто не знал бы, какие товары нужно производить и в каком количестве. Эта анархия производства, этот хаос не могут быть преодолены путем тяготения производителей к наиболее выгодным сферам производства, путем перелива труда и капитала². Таким образом, в основе всей теоретической системы Шпанна лежит отрицание возможности установления стихийным путем пропорциональности в общественном производстве. Это ошибочное утверждение, по нашему мнению, является первопричиной всех дальнейших ошибок нашего автора.

Но здесь невольно напрашивается вопрос — как Шпанн объясняет возможность существования классического капитализма, который базировался на принципе невмешательства государства в экономическую жизнь. Здесь Шпанн выдвигает двойное основание. Во-первых, развитое товарное хозяйство существует потому, что оно не является чистым товарным хозяйством, что оно не базируется исключительно на стихийных закономерностях. Фактически существует, по терминологии Шпанна, не чистое товарное хозяйство, а свободно регулируемое (*frei geregelt*) хозяйство³. Это хозяйство знает целый ряд элементов регулирования со стороны государства отдельных сторон хозяйственной жизни, например, длины рабочего дня, женского труда, социального страхования, цен (при помощи налогов, таможенных пошлин, строительных правил и т. д.). Правда, это регулирование является недостаточным, оно затрагивает лишь общие принципы, а не отдельные конкретные вопросы хозяйственной жизни. Но именно потому капитализм Шпанн рассматривает лишь как переходную фазу от одного нормального типа хозяйства к другому⁴. Этот переходный характер капитализма Шпанн понимает не в том смысле, что капитализм создает материальные и организационные предпосылки для социализма, а в том смысле, что капитализм есть длительный, растянутый во времени скачок от одной системы хозяйства к другой, что он означает ломку одних организаций и незаконченное строительство других. Известная пропорциональность в капиталистическом обществе могла существовать не на основе стихийного регулирования, а лишь потому, что старые феодальные организации, старый уклад жизни не был еще разрушен. Капиталистическое производство первоначально ориентировалось на установившийся уже привычный уровень потребностей. По мере того, как отмирали старые феодальные организации, бесплановость капитализма дает себя чувствовать в виде ряда потрясающих кризисов, хозяйственного беспорядка и т. д.⁵. Основная слабость капитализма состоит в том, что он расщепляет общество на ряд

¹ «Fundament der Volkswirtschaftslehre», 2 Aufl., 1921, S. 158.

² «Tote und lebendige Wissenschaft», 2. Aufl., 1925, S. 9—10.

³ Ibid., S. 33—34.

⁴ Ibid., S. 35.

⁵ Ibid., S. 10.

самостоятельных атомов¹, уничтожает ряд общественных группировок, которые связывают индивида с народным хозяйством. Но в недрах капитализма, по мнению Шпанна, начинают образовываться элементы нового строя — тресты, картели, профсоюзы, — которые отрицают капитализм и при должной увязке должны воспроизвести на новой основе феодальный строй.

Но было бы ошибочно думать, что нормальным типом хозяйства, по мнению Шпанна, является плановое хозяйство. Идею такого хозяйства наш автор считает столь же утопической, как идею чистого товарного хозяйства. Нормальной формой хозяйства является та, которую Шпанн называет *körperschaftlich oder ständisch gebundene Wirtschaft* и которая получила свое классическое выражение в цеховом городском строе средних веков. Для того, чтобы получить более ясное представление об этом хозяйственном типе, рассмотрим хозяйственный идеал Шпанна, дающий яркое отражение всех особенностей этого строя. Наш автор является противником жесткой централизации планового хозяйства, при которой верховный орган регулировал бы всю хозяйственную жизнь. Первая особенность хозяйственного идеала Шпанна состоит в признании принципа широкой децентрализации. Народное хозяйство распадается на ряд основных организаций, которые в свою очередь распадаются на ряд более подчиненных организаций и т. д. В результате мы получаем не массу индивидов, подчиненных одному центру, а сложную расчлененную систему, состоящую из ряда звеньев, расположенных в определенной иерархической последовательности. Что же является основной ячейкой этого хозяйственного строя? Такой ячейкой является соглашение картелей, образованных в принудительном порядке (там, где они отсутствуют), с профсоюзами через коллективные договоры². Это соглашение должно воспроизвести на более широкой основе старые средневековые цехи для каждой отрасли производства (такие первичные организации Шпанн называет «*Stände*»). В пределах такого цеха будет регулироваться не только заработная плата в данной отрасли, но и целый ряд других вопросов политики производства (напр., установление цен, рабочей политики, объема производства, получение сырья и т. д.). Этим организациям будет предоставлена не только широкая самостоятельность в хозяйственных вопросах, но и целый ряд государственных функций, напр., осуществление суда по хозяйственным конфликтам. Эти объединения вступают в более обширные союзы, охватывающие ряд смежных отраслей, все отрасли какой-либо провинции, наконец, все отрасли народного хозяйства. В таком верховном хозяйственном органе (*Ständehaus*), который будет направлять общую экономическую политику, будут представлены отдельно все классы общества в виде, напр., камер предпринимателей, рабочих, землевладельцев, самостоятельных производителей и т. д.

Вторая особенность хозяйственного идеала Шпанна состоит в том, что здесь не исключаются обмен и частная собственность. Меновая связь имеет лишь в этом строе подчиненное значение, она ограничивается регулируемыми органами хозяйственных объединений. Шпанн полагает, что только наличие меновых связей обеспечит большую подвижность данной хозяйственной системы и создаст сти-

¹ «*Der wahre Staat*», 2 Aufl., 1923, S. 129.

² *Ibid.*, 1923, S. 268.

мулы для технического прогресса. Отдельные организации (Stände) при данных установленных ценах на элементы производства и готовые продукты будут заинтересованы в снижении фактических издержек производства¹. Но элемент государственного регулирования должен быть достаточно силен. Это вытекает из того положения Шпанна, что собственность в его государстве будущего лишь по форме будет частной, а по существу она будет общественной². Фактически отдельные организации, начиная с картелей и кончая государством, будут ограничивать самостоятельность собственников. Это регулирование может осуществиться не только в форме запрещения общественно-вредного производства, но и в форме принуждения к производству определенных товаров определенного качества не ниже известного минимума. Шпанн выражает ту идею, что частная собственность должна получить фактически форму лена, т. е. верховное право собственности принадлежит сюзерену (в данном случае общественной организации или государству), который уступает вассалу часть своих прав. Шпанн считает полезным установить юридически ленную форму собственности, которую он считает не только достоянием средневековья³. Правда, наш автор считает необходимым установить известную дифференциацию отраслей хозяйства: чем более важна данная отрасль, тем сильнее должен быть элемент верховного регулирования и, наоборот, в сферах, не имеющих столь большого значения для развития национального целого, напр., в производстве предметов роскоши, может быть сохранена большая свобода собственника. Как видим, идеал Шпанна является довольно верной копией государственного капитализма.

Третья особенность хозяйственного идеала Шпанна состоит в том, что здесь во главу угла выдвигаются национальные интересы. Данная хозяйственная система есть прежде всего система, осуществляющая известные национальные цели. Вполне естественно, что Шпанн столь мало внимания уделяет мировому хозяйству. Последнее представляет ту сферу, в которой меновые связи играют доминирующую роль и в которой элементы регулирования (при помощи, например, международных объединений, договоров) пока еще весьма незначительны. Национальное хозяйство дает значительно большую возможность осуществления государственного регулирования, и поэтому оно стоит в центре исследования нашего автора. Отсюда, как увидим ниже, получается очень важная возможность рассматривать народное хозяйство как телеологическое единство.

Наконец, четвертая особенность хозяйственного идеала Шпанна состоит в том, что там сохраняются основные классы капиталистического общества. Здесь Шпанн вступает в противоречие с самим собой. Шпанн претендует на роль реформатора, он хочет спасти общество от всех бедствий капитализма. В одном месте Шпанн заявляет, что капитализм является варварской формой жизни, что это — брутальный кровавый индивидуализм, что капитализм представляет собой не либерализм, а маккиавелизм, т. е. господство сильных над слабыми⁴. Как же пытается сочетать Шпанн критику капитализма с сохране-

¹ «Der wahre Staat», S. 294.

² Ibid., S. 262.

³ Ibid., S. 264.

S. 124—125.

нием основ последнего? Якорь спасения наш автор видит в осуществлении всеобщего обучения и в развитии мелкого производства, которое должно создать возможность всем энергичным производителям стать самостоятельными. Шпанн подвергает критике теорию концентрации Маркса. Шпанн выдвигает идею, что в новейшее время начинает обнаруживаться тенденция к росту мелкого производства. Эта тенденция вытекает из индустриализации колониальных и полуколониальных стран, из стремления последних к хозяйственной независимости. Поэтому экспорт массовых изделий из старых стран должен сократиться, и последние должны перейти к производству изделий, удовлетворяющих более утонченные вкусы, т. е. к такому производству, которое лучше, чем другие формы, сохраняет мелкий тип производства¹. Объем производственной единицы, по Шпанну, зависит от размеров рынка. Чем шире рынок, тем более благоприятны условия для создания крупного производства. Отсюда наш автор выдвигает идею ограничения рынка. Для этого возможно более полное разделение труда и на этой основе принцип хозяйственной независимости, автаркии должен осуществляться не только в рамках национального хозяйства, но и в рамках отдельных провинций, отдельных объединений (картелей) и т. д.² Шпанн приводит следующий пример: в случае создания Великой Германии не следовало бы сконцентрировать все угольное производство в одном районе, например, Рейнско-Вестфальском, ибо это привело бы к огромной концентрации производства. Необходимо развивать возможно более всесторонне производительные силы в каждом отдельном районе, даже в каждом отдельном предприятии. Но здесь Шпанн вступает в новое противоречие со своей общей установкой. Если принцип автаркии отдельных частей народного хозяйства будет осуществлен, то это приведет к значительному ослаблению хозяйственной зависимости между народным хозяйством и его частями. Это сведет на-нет единство данной хозяйственной системы, превратит последнюю в политический конгломерат экономически независимых или, во всяком случае, очень слабо связанных частей. Между интересами целого и его частей здесь сохраняется антагонизм. Последний, как увидим ниже, наложил отпечаток на целый ряд положений Шпанна. Этот антагонизм, по нашему мнению, вытекает из наличия в системе Шпанна двух корней. С одной стороны, в основе теории нашего автора лежит опыт государственного капитализма эпохи войны. Шпанн — ярый националист, и в этой системе он видит наилучшее средство для развития национального могущества. Отсюда вытекает ряд особенностей концепции Шпанна — примат национальных целей; идея необходимости ограничения роли стихийного механизма, превращения последнего в служебный орган; попытка опереться на картели и на соглашательские профсоюзы и т. д. Но с другой стороны, Шпанн выступает в роли реформатора. Он пытается сплотить классовые противоречия, которые должны получить наибольший размах в рамках государственного капитализма. Для разрешения этих трудностей он обращается к мрачному средневековью и хочет сочетать новейший государственный капитализм, базирующийся на крупном производстве, со средневековым феодализмом, основывающимся на натуральном хозяйстве. Тенденция Шпанна

¹ «Der wahre Staat», S. 150.

² «Tote und lebendige Wissenschaft», S. 140.

модернизировать феодализм и влить феодальный дух в систему государственного капитализма не нуждается в критическом рассмотрении; она заранее должна быть признана явно реакционной и обреченной на неудачу.

II. УНИВЕРСАЛИЗМ ШПАННА.

Шпанн является горячим противником теории исторического материализма. В одном месте он называет эту теорию хотя и гениальной, но варварской. Нужно, однако, отметить, что правильность исторического материализма можно удачно иллюстрировать на примере теории нашего автора. В основе его философской и социологической концепции лежит идея универсализма. Различие между индивидуализмом и универсализмом Шпанн считает очень существенным. Здесь, по его мнению, находится исходная точка всех научных разногласий. Правильная научная теория может быть построена лишь на основе универсализма. В одном месте Шпанн указывает, что отрицание универсализма приводит к целому ряду, по его мнению, ошибочных построений, например, к атомизму в физике и химии, к механизму (в отличие от витализма) в биологии, к индивидуализму в социологии, к капитализму (очевидно, Шпанн имел в виду — к признанию необходимости капитализма) и к атомистическому представлению о социализме (согласно которому все члены социалистического общества непосредственно подчиняются единому центру) в политической экономике, к сенсуализму в теории познания, к релятивизму в логике, к атеизму в метафизике¹. На основе универсалистской теории, по мнению Шпанна, можно дать законченное научное обоснование существования бога². Из этой теории, по мнению нашего автора, вытекает разрешение целого ряда вопросов экономической политики, например, о протекционизме и свободной торговле, о вмешательстве государства и т. д. Нужно, однако, отметить, что теория универсализма, как и все прочие его теории, нигде не сформулирована достаточно ясно и отчетливо. В дальнейшем мы постараемся установить основные элементы шпанновского универсализма.

Первый элемент универсализма состоит в признании логического примата целого (или, точнее, целокупности, *Ganzheit*) по сравнению с частью этого целого или с его членом. Вся квинтэссенция универсализма может быть выражена в следующей формуле: целое обуславливает существование своих членов. Шпанн предостерегает против того вывода, что целое исторически предшествует своим частям, что оно образовывается раньше, а потом начинают создаваться отдельные члены. В развитие своей мысли Шпанн выдвигает следующие три положения: а) целое, как таковое, вне своих частей не существует; б) части, или члены, сами по себе вне целого не существуют, в) члены существуют только в целом³. Часть нельзя понять, если у нас нет идеи целого. В основе всего построения Шпанна лежит различие между скоплением, суммой отдельных частей и системой. Можно мыслить два типа соединения разных элементов. Это соединение может носить случайный характер, каждый элемент существует и может существовать вне этого соединения. Здесь мы имеем столкновение разных элементов. И это соединение может быть не случайным, а

¹ «Kategorienlehre», 1924, S. 72.

² Ibid., S. 303.

³ Ibid., S. 58.

базировавшись на известном функциональном дополнении отдельных элементов, эта система может иметь свою структуру, которая накладывает определенный отпечаток на каждый из элементов. Здесь отдельный элемент, включаясь в определенную систему, получает новое содержание, которое может быть вскрыто лишь на основе анализа целого. Без последнего нельзя дать анализ отдельных элементов. Своеобразие универсализма, подчеркивает Шпанн, состоит не в том, что признается взаимодействие частей, а в том, что это взаимодействие рассматривается как основа бытия отдельных частей¹. В качестве иллюстрации универсалистского метода Шпанн приводит массу примеров (в своем «*Kategorienlehre*»). Например, нельзя мыслить себе руки вне организма. Вне последнего рука превращается в кусок мяса. В качестве руки она существует лишь постольку, поскольку она входит в более сложную систему, поскольку она является частью организма. Идея универсализма в этой наиболее общей формулировке представляет собой лишь общее место, которое не может быть, конечно, оспорено. Весь вопрос состоит лишь в том, в какой мере эта идея может быть превращена в базис целого мирозерцания. Как можно из такой тощей идеи сделать вывод об ошибочности витализма, капитализма и пр. По нашему мнению, это объясняется тем, что Шпанн в свое определение универсализма внес целый ряд дополнительных моментов, которые придадут идее «целого» специфический оттенок.

Вторым элементом теории универсализма является принцип субординации, последовательного подчинения более частных систем более общим. Нельзя мыслить себе систему как совокупность совершенно однородных частей. Шпанн различает между расчленением, распаденем на целый ряд различных членов (*Ausgliederung*), и атомизированием. «То, что органическое, не является гомогенным; то, что является гомогенным, не есть органическое»². Каждая система распадается на целый ряд подчиненных систем, выполняющих различное назначение, каждая из этих подчиненных систем распадается на еще более зависимые системы и т. д. Никогда не может быть непосредственного подчинения члена более отдаленной системы высшему центру. Признание, что всякая система основывается на принципе последовательной субординации, по нашему мнению, вытекает из взглядов Шпанна на природу хозяйства. Своеобразие товарно-капиталистического производства состоит в том, что здесь отсутствует этот принцип во взаимоотношениях между отдельными частями народного хозяйства. Хотя теоретически можно расчленить общественное производство товарного типа на целый ряд сфер, расположенных в иерархическом порядке, но эта иерархия не будет практически истинной, она не будет отражать фактической иерархии. Отдельные производители независимы от того, в какой сфере они работают, вступают друг с другом в меновые отношения; на рынке они выступают как самостоятельные субъекты независимо от места, занимаемого их производством в общей системе. Это расщепление общества на ряд самостоятельных производителей, замена принципа субординации принципом координации характерна для товарного производства. С точки зрения Шпанна, товарное хозяйство в его чистом виде не есть система, а лишь скопление, поскольку здесь отсутствует сознательное регу-

¹ «*Kategorienlehre*», 1924, S. 94.

² «*Der wahre Staat*», S. 155.

лирование по принципу последовательного подчинения более частных частей более общим. Фактически Шпанн исключает из своего поля исследования системы, основанные на принципе стихийного регулирования.

Эта тенденция связана с третьим элементом универсализма. Шпанн рассматривает всякую систему как систему целесообразную, как систему, отвечающую какой-то цели. «Всякое целое,— указывает Шпанн,— есть полное смысла расчлененное целое («Jede Ganzheit ist sinnvolle gegliederte Ganzheit») даже в том случае, когда цель не осознана¹. Универсализм, по мнению Шпанна, исключает возможность каузального анализа. Между отдельными частями существует не слепая, механическая зависимость, а связь, имеющая свой смысл (sinnvolle), отвечающая определенной цели, заложенной в данной системе. Но какова эта цель, которая имманентно присуща данной системе, которая даже не всегда осознается?

Здесь мы подходим к выяснению четвертого элемента универсализма, который, по нашему мнению, является основным, хотя он нигде не выражен достаточно отчетливо. Существо шпанновского универсализма состоит в признании принципа гармонии. Шпанн имеет дело только с гармоническими системами. Его системы не знают внутренних противоречий. Развитие частей возможно лишь в случае развития всей системы. В движении всех частей наблюдается полная гармония. Развитие одного элемента требует всестороннего развития всех элементов данной системы. В этом заключается внутренняя целесообразность всякой системы. Поэтому зависимости, существующие в системе, полны смысла. Отсюда понятно, что основное различие между суммой, скоплением и целым Шпанн формулирует как различие между механизмом и организмом. Очень часто наш автор предпочитает говорить не о целом, а об организме. По существу он отождествляет оба эти понятия. По правильному замечанию Зандера, Шпанн в своей теории воспроизводит все ошибки органической школы². В чем заключается своеобразие организма? В том, что последний представляет собой яркую иллюстрацию гармонической системы. Здоровый организм возможен лишь при наличии всестороннего развития всех членов организма. Не случайно, что апологеты существующего строя, начиная со времен Менения Агриппы, любят иллюстрировать целесообразность существования различных классов аналогиями из области биологии. И нужно констатировать, что в теории Шпанна можно найти множество примеров такой апологетики. Приведем одну иллюстрацию. Из принципа гармонии вытекает совершенно своеобразное представление о природе власти, господства (Herrschaft). С универсалистской точки зрения, указывает Шпанн, власть не есть что-то внешнее по отношению к подчиненным; «это — духовная власть, внутренняя власть, целесообразная власть (sinngemässe Herrschaft), власть, благодаря своей ценности (Kraft des Wertes)»³. Поскольку всякая система является внутренне целесообразной и гармоничной, постольку власть осуществляет лишь эту внутреннюю цель, осуществляет то гармоническое единство, которое заложено в данной системе. Отсюда Шпанн делает тот вывод, что всякое действительное и длительное господство является «внутрен-

¹ «Kategorienlehre», S. 303.

² «Othmars Spann's Ueberwindung der individuellen Gesellschaftsverfassung», «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», B. 53, 1925, S. 31.

³ «Gesellschaftslehre», 2 Auflage, 1923, S. 249.

ним господством»¹, что оно не основано на насилии. Отсюда вытекает отрицание формул государства как аппарата классового насилия. Подчинение (*Unterwerfung*) в смысле эксплуатации есть разрушение общества; поэтому государства, основанные на подчинении (или насилии — *П. Б.*) и эксплуатации, внутренне противоречивы и в истории никогда не имели длительного существования².

Таким образом, мы установили истинную природу шпанновского универсализма. Все особенности последнего легко могут быть выведены из экономической концепции Шпанна. По существу последний проектирует свойства идеального хозяйства на все существующие в природе и обществе системы. Как мы видели выше, идеальное хозяйство Шпанна есть хозяйство, регулируемое плановыми органами, преследующее определенные цели национального развития; далее, хозяйство Шпанна не знает никаких классовых противоречий, оно призвано осуществить гармонию классовых интересов; наконец, идеальное хозяйство Шпанна представляет собой сложную систему, состоящую из подчиненных систем, расположенных в определенном иерархическом порядке. Последняя особенность хозяйственного строя Шпанна нашла себе отражение в принципе последовательного подчинения, субординации. Элементы планового регулирования, примат национальных задач нашли себе законченное выражение в признании принципа целесообразности всякой системы. Наконец, отрицание классовых противоречий, отрицание всякого антагонизма внутри идеального хозяйства выразилось в признании принципа гармонии. В развитии идей Шпанна можно обнаружить две фазы: а) он обобщает свое идеальное хозяйство и рассматривает последнее как наиболее законченное выражение всякого нормального хозяйства, имеющего длительное существование (в отличие от капиталистического) и б) он обобщает свое представление о нормальной хозяйственной системе и рассматривает всякую систему по образу и подобию нормальной хозяйственной системы.

Какие же методологические принципы вытекают из универсалистской теории в области исследования экономических явлений? Различие между индивидуализмом и универсализмом в применении к экономическому исследованию, по мнению Шпанна, состоит в следующем. Исследователь, применяющий индивидуалистические методы, предполагает данные цены (которые только должны измениться), данные средства производства и продукты (их цены уже даны), данные рынки, данных покупателей, данные цели. Эта предпосылка, что такие-то условия даны, означает, что эти условия рассматриваются как нечто законченное, как нечто самостоятельное, которое должно только измениться под влиянием других факторов. Каждое явление рассматривается как самодовлеющий атом. В противоположность этому представлению универсалистская теория рассматривает каждую отдельную силу, каждое лицо, появляющееся на рынке, каждую конкретную цену не как самодовлеющую категорию, определяемую собственными законами, а как категорию, которая определяется всеми другими моментами³. Иными словами, универсализм исходит не из отдельных категорий, взятых изолированно, а из взаимозависимости этих категорий. Но как познать эту взаимозависимость? Достаточно ли ограничиться констатацией этой взаимозависимости и установить количественные формы этой

¹ «*Gesellschaftslehre*», 2 Aufl., 1923, S. 250.

² *Ibid.*, S. 460.

³ «*Fundament*», S. 319.

взаимозависимости? Достаточен ли функциональный метод, рекомендуемый математиками и англо-американцами для познания экономических явлений? Шпанн идет дальше констатации этой взаимозависимости. Он указывает, что эта взаимозависимость может быть понята лишь на основе исследования тех целей, которые лежат в основе данной системы. Из универсалистской концепции нашего автора вытекает необходимость телеологического метода. Для того, чтобы лучше выявить природу телеологического метода в системе Шпанна, целесообразно сопоставить учение нашего автора по данному вопросу с учением Штольцмана. Несмотря на то, что оба автора выдвигают необходимость замены каузального метода телеологическим, между ними существуют значительные принципиальные расхождения, вытекающие из расхождения в философских вопросах (эти расхождения подробно выясняет Штольцман в своей брошюре „Die Krisis der heutigen Nationalökonomie“). Штольцман по своим философским взглядам неокантианец. По его представлению сознание определяет бытие, вещи в себе не познаваемы, все категории представляют собой не отражение реальной действительности, а орудие нашего познания (Denkmittel), средства чистого разума. Общественные явления представляют собой продукт свободного человеческого духа, руководимого определенными этическими идеалами. Причинность есть категория чистого разума, необходимая для познания внешнего мира, но она бессильна там, где дело касается общественных явлений, продуктов свободной воли. Здесь отсутствует объективная необходимость, под углом зрения которой наблюдаются все явления внешней природы; в области общественной мы имеем господство этических идеалов, и все общественные явления, в том числе и экономические, должны рассматриваться под этим углом зрения. Таким образом категория цели внимания Штольцмана имеет совершенно определенный смысл. Это не своеобразное выражение причинной зависимости, а это категория, имеющая совершенно другую природу, отрицающая принцип причинности. Различие каузального и телеологического метода отражает непроходимую пропасть, лежащую между миром природы и человеческого духа, миром необходимости и свободы. В основе применения телеологического метода у Шпанна лежат совершенно другие мотивы. Как правильно отметил Штольцман, Шпанн радикально расходится с кантовской философией; Шпанн категории понимает не как орудие познания, а как отражение реальных закономерностей¹. Принцип целесообразности, по Шпанну, не есть продукт свободной воли; этот принцип вытекает из природы системы, из заложенного в последней принципа гармонии. Развитие отдельного элемента системы возможно при условии всестороннего развития всех других элементов этой системы. Отдельная система не может ставить себе произвольные цели; из самой природы гармонической структуры системы вытекают строго определенные цели. Следовательно, телеология Шпанна не отрицает объективной необходимости; последняя принимает лишь форму целесообразной зависимости или зависимости полной смысла (sinnvolle). Вот почему отрицание каузального метода у Шпанна носит особый характер. Наш автор не отрицает постановки вопроса „почему“, но это „почему“ должно быть целесообразным («ein „Warum“ und „Weil“ gibt es auch für uns, aber nur als

¹ «Die Krisis der heutigen Nationalökonomie», 1925, S. 73.

sinnvolles Warum, nich als mechanisches, kausales»¹. Различие между принципом каузальности и телеологии (весьма характерно, что в своем произведении «Kategorienlehre» Шпанн отказался от этого термина и заменил эту антитезу другой антитезой. «Ursächlichkeit — Gliedlichkeit») Шпанн мыслит как различие между слепой необходимостью и целесообразной, полной внутреннего смысла зависимостью. Своеобразие теории нашего автора состоит в том, что объективная необходимость выступает у него как осознанная необходимость, т. е. в виде представления о необходимости достижения определенных целей и, во-вторых, как внутренне оправданная необходимость, вытекающая из условий нормального и гармонического развития данной системы. Отсюда вытекает, что Шпанн не отрицает номографический, или, по его терминологии, номотетический характер теоретической экономии. Последняя также может установить целый ряд законов. Как номографические понятия, народнохозяйственные законы имеют такую же логическую природу, как естественно-научные законы². Правда, Шпанн называет теоретическую экономию целевой наукой (Zweckwissenschaft), но в это определение он вкладывает очень условное содержание. Он различает три типа целевых наук: а) науки, устанавливающие цели (Zweckerzeugenden), определяющие область должного, — как философия, метафизика; б) науки, объясняющие и разбирающие разные цели; сюда относятся нормативные науки — как этика, юриспруденция; и в) теоретическая экономия, рассматривающая систему средств для осуществления определенных целей, причем непосредственный разбор последних не входит в круг данной дисциплины³.

Защита телеологического метода у Шпанна в основном вытекает из его отрицания чистого товарного хозяйства, из его недооценки роли стихийных закономерностей и роли антагонизма. Стихийная система не знает плановых органов, ставящих себе определенные цели. Стихийное регулирование производства означает отрицание целесообразного регулирования. Следовательно, сам вопрос о целях товарного хозяйства является бессмысленным. Еще меньше можно говорить о внутренне оправданной целесообразности для капиталистического строя, основанного на эксплуатации одним классом другого класса. Шпанн пришел к признанию телеологического метода только потому, что он в основу своего исследования положил идею планового или, точнее, регулируемого капитализма. Основным элементом, конституирующим народное хозяйство, по Шпанну, является экономическая политика, т. е. система вполне сознательных действий, направленных к достижению определенных целей. Поэтому наш автор рассматривает народное хозяйство, как целевое целое (Zweckganze). Стоит лишь отказаться от этой исходной точки зрения, стоит исходным пунктом выбрать чистое товарное производство, как все рассуждения Шпанна о принципе целесообразности должны будут разлететься в пух и прах. Необходимо далее заметить, что если бы даже концепция Шпанна оказалась верной, если бы народное хозяйство было плановым на все сто процентов, то и в этом случае методологический вывод Шпанна был бы не верен. По совершенно верному замечанию Бухарина⁴, если даже люди все сознательно регулируют и все совершается в обществе так, как они хотят, то, и тогда для объяснения явлений

¹ «Tote und lebendige Wissenschaft», S. 75.

² «Fundament», S. 257.

³ Ibid., S. 292—294.

⁴ «Теория исторического материализма», с. 22.

необходима не телеология, а рассмотрение причин явления, т. е. нахождение причинной закономерности. В плановом хозяйстве телеологическое объяснение давало бы лишь видимость объяснения (а в стихийном обществе нет даже этой видимости), ибо общественная воля, которая регулирует непосредственно хозяйство, сама детерминирована и подчиняется закону причинности. Следовательно, в основе телеологии Шпанна лежит как игнорирование стихийности товарного хозяйства, так и тенденция ограничиться очень поверхностным кажущимся объяснением.

III. ФОРМУЛА ХОЗЯЙСТВА ШПАННА

Шпанн начинает свое исследование с рассмотрения особенностей хозяйства. Этому вопросу он придает весьма важное значение и уделяет ему около трети своей книги. Основными элементами шпанновской формулы хозяйства являются понятия средства и цели. Наш автор различает системы целей (*Zwecksystem*) и средств (*Mittelsystem*). Целевые системы имеют самостоятельное значение, они не нуждаются ни в каком оправдании, они являются самодовлеющими. Сюда Шпанн относит потребление, искусство, науку, религию и т. д. Человек занимается искусством (напр., слушает музыкальное произведение), потому что сам этот процесс доставляет ему удовлетворение; слушание здесь является самоцелью, оно не имеет подчиненного характера по отношению к какой-то другой цели. Хозяйство Шпанн определяет как систему средств для достижения целей¹. Хозяйство, в отличие от других сторон человеческой жизни, не является самоцелью; оно выполняет служебные функции, оно служит для чего-то лежащего вне сферы хозяйства. Понятие средства, по Шпанну, имеет две стороны. С одной стороны, средство представляет собой какую-то вещь, имеющую целый ряд физико-химических свойств, подчиняющуюся определенным закономерностям каузального характера. С этой точки зрения средство занимает определенное место в причинно-следственном ряду. С другой стороны, средство — это вещь, которая служит для какой-то цели; только наличие цели превращает данную вещь в средство, поэтому средство получает определенное место в телеологическом ряду; в теоретической экономии важна не материальная природа средства, а его целевая установка, его функциональное назначение, его место в общей системе целей.

Шпанн затем вносит ряд существенных поправок в свою формулу. Не всякая система средств образует хозяйство. Необходимо наличие еще одного дополнительного момента — редкости. Воздух является средством для удовлетворения определенных целей, но он не входит в состав хозяйства. Только там, где имеется изобилие целей и недостаток средств, возникает необходимость в составлении плана хозяйства, сопоставлении отдельных средств и целей, в выборе некоторых наиболее существенных средств и целей. Отсюда следует вторая формула, что хозяйство представляет собой систему средств для достижения целей на основе их сопоставления и выбора при изобилии целей и недостатке средств². У Шпанна встречается еще третья формула хозяйства, которая не вносит, однако, новых моментов, а является несколько иным выражением первой формулы. Всякое средство выполняет определенные функции, доставляет определенные услуги (*Leistung*; мы будем переводить последний термин, как услуги). Вели-

¹ «Fundament», S. 25.

² *Ibid.*, S 59—60.

чина услуги (Leistungsgrosse) есть полезность или ценность. В обмене эта полезность или ценность находит себе отражение в движении рыночных цен. Отсюда вытекает третья формула, что хозяйство представляет собой систему услуг (Leistungen), в то же время систему величин услуг, ценностей, цен¹.

Шпанн придает весьма важное значение своим формулам хозяйства. На основании этих формул он считает возможным опровергнуть теорию исторического материализма. По его мнению, эта теория ставит вопрос на голову. Как может экономиста, вопрошает он, играть лишь служебную роль? Хозяйство есть система средств для достижения целей. Цели являются первичными элементами; средства существуют только для них. Этот служебный характер хозяйства, его подсобная роль как совокупности средств, а не как самоцели, исключает возможность ведущей роли хозяйства в истории и в обществе². Точно так же на основании своей формулы хозяйства Шпанн считает возможным очень быстро расправиться с трудовой теорией ценности. Хозяйство есть система услуг или функций, оказываемых средствами. Величина этих услуг имеет решающее значение, ибо она показывает, в каком отношении находятся эти средства к поставленным целям. Труд, по Шпанну, есть лишь носитель услуг (Leistungsträger) наряду с мертвыми факторами производства. Экономическое значение труд получает лишь тогда, когда он включает в систему средств, в систему полезностей, когда он становится орудием получения определенной полезности³. Таким образом, Шпанн рассматривает свою несложную формулу хозяйства как магическое средство, которое делает возможным легко и быстро ликвидировать целый ряд важнейших идей марксизма.

Что нового внес своей формулой Шпанн в теоретическую экономику? Если взять обычное определение хозяйства, которое фигурирует в буржуазных учебниках, то оно сводится к тому, что хозяйство — деятельность, направленная на удовлетворение наших потребностей. Чем отличается формула Шпанна от этого определения? Ведь, когда говорят о хозяйственной деятельности, о производственной деятельности, то имеют всегда в виду целесообразную деятельность, т. е. направленную на определенные цели. Деятельность, которая не удовлетворяет ничьих потребностей, деятельность, которая никому не нужна и не преследует никаких целей, не будет хозяйственной деятельностью с любой точки зрения. Где же та Америка, которую открыл Шпанн, и можно ли на основании такого элементарного определения сделать столь ответственные выводы в области социологии и теоретической экономики? Свообразие шпанновской формулы состоит не в самом указании на служебный характер хозяйства, а в своеобразном представлении о роли средств и целей.

Первая особенность представления Шпанна о природе хозяйства состоит в том, что ведущую роль он приписывает цели. Последняя определяет движение средств. Точку зрения Шпанна можно сформулировать как идею примата цели⁴. Если хозяйственный процесс, по

¹ «Fundament», S. 79.

² Ibid., S. 33—40.

³ Ibid., S. 82—84.

⁴ Конечно, примат цели у Шпанна имеет другой смысл, чем у Штольцмана. Шпанн не отрицает, что цели хозяйствующего субъекта детерминированы целым рядом факторов. Наш автор подчеркивает лишь, что хозяйство непосредственно определяется целью, которую ставит хозяйствующий субъект.

Шпанну, есть целесообразный процесс использования средств, то в этом процессе можно усмотреть два момента. С одной стороны, этот процесс является достижением известных целей, получением определенных полезностей. С другой стороны, это — процесс преодоления целого ряда препятствий, требующих затраты человеческого труда. Весьма любопытно, что все внимание Шпанна направлено лишь на первую сторону процесса. Его интересует, в какой мере средства служат осуществлению тех или иных целей. Вопросы трудовых затрат, издержек производства он оставляет в стороне. Издержки он понимает как категорию, производную от полезности. Ввиду ограниченности имеющихся средств хозяйствующий субъект не может удовлетворить все свои потребности: удовлетворяя более существенные потребности, он вынужден отказаться от удовлетворения менее существенных нужд. Иными словами, получение какой-либо полезности связано с утратой другой полезности, которая получилась бы, если бы мы дали новое назначение данному средству. Издержки производства представляют собой утраченную полезность¹. Это игнорирование производственных моментов красной нитью проходит через всю систему Шпанна. Он остается верным своему исходному положению, что хозяйство основано на полезности². В этом пункте наш автор идет дальше австрийцев. Рассматривая теорию цены, он считает совершенно излишним устанавливать зависимость между ценами и издержками производства. Критикуя известную схему конного рынка Бем-Баверка, Шпанн существенный недостаток этой схемы видит в том, что глава австрийской школы рассматривает цены как результативные субъективные оценки покупателей и продавцов. По мнению Шпанна, решающее значение имеют оценки покупателя, и поэтому формулу Бем-Баверка о предельной паре он заменяет формулой о предельном покупателе, оценка которого определяет цену³. Таким образом, под формулой Шпанна скрывается признание доминирующей роли цели и игнорирование ведущей роли производственно-технических моментов. Это игнорирование не вытекает из формулы хозяйства нашего автора, а является предпосылкой всех его представлений о природе хозяйства. Шпанн заранее исходит из того, что экономика не является ведущим звеном общественной жизни. Точно так же он заранее исходит из того, что хозяйство основано на полезности и что ценность не определяется трудом. Поэтому его попытки на основании своей формулы хозяйства опровергнуть теорию исторического материализма и трудовую теорию ценности представляют собой чистейшее *petitio principii*, ибо Шпанн заранее исходит из того, что он пытается доказать. Его формула только лишь потому используется против марксизма в качестве критического оружия, что в эту формулу вкладывается определенная социологическая и экономическая концепция.

Вторая особенность формулы хозяйства Шпанна состоит в том, что он считает необходимым подчеркнуть примат цели, а не потребностей. Конечно, идея Шпанна о примате цели родственна идее австрийцев о примате потребления, но между этими двумя концепциями имеется некоторое различие. Это различие, по нашему мнению, вытекает из различия исходной точки зрения анализа. Австрийцы исходят из рассмотрения индивидуального потребительского хозяйства. Основным стимулом этого хозяйства является возможно более полное и всесто-

¹ «Fundament», S. 82.

² Ibid., S. 81.

³ Ibid., S. 142.

роннее удовлетворение своих потребностей. Потребление — конечная цель этого хозяйства. Поэтому все экономические категории рассматриваются под этим углом зрения. Шпанн исходит из рассмотрения регулируемого капитализма. Здесь исходный пункт — организованное (хотя не совсем) общественное хозяйство, которое преследует ряд целей, как политических, национальных, культурных, хозяйственных и т. д. Потребление представляет собой лишь один из моментов, интересующих регулирующие органы государства. Последнее ставит перед собой множество целей, которые нуждаются в ряде средств. С точки зрения Шпанна, всякая деятельность, служащая для выполнения каких-либо целей, в том числе и политическая деятельность, относится к сфере хозяйства. Наш автор значительно расширяет круг хозяйственной деятельности, а это вытекает из того, что он имеет дело с общественным целым, которое ставит перед собой множество целей, а не с отдельным индивидуумом. Нам представляется, что различие в исходных пунктах анализа объясняет не только тот факт, что Шпанн примат потребления заменяет приматом цели, но и то, что он в большей мере, чем австрийцы, игнорирует роль издержек производства. Австрийцы имеют дело с индивидуумом, который выступает на рынке. Общество они мыслят как совокупность борющихся, сталкивающихся друг с другом индивидов. В результате этой борьбы образуется результат, которая может противоречить индивидуальным желаниям и оценкам отдельных участников обмена. Отдельный участник обмена вынужден учитывать эту общественную стихию; он вынужден исходить из определенных цен. Признание возможности такой общественной стихии и противоречия между общественной результатной и индивидуальными желаниями, которая лежит в самой природе обмена, ведет к признанию австрийцами целого ряда косвенных факторов, влияющих на ценообразование, напр., издержек производства. Шпанн исходит из рассмотрения общественного хозяйства, в котором основные вопросы хозяйственной жизни регулируются сверху и в котором обмен имеет подчиненное значение. Хозяйство Шпанна в значительной мере свободно от стихийного регулирования. Поэтому нашему автору представляется, что данная система целей непосредственно лежит в основе общественного хозяйства, поскольку общественные явления выражают здесь волю людей, а не складываются против их желания. Иными словами, игнорирование или недооценка стихийных моментов Шпанном приводит к переоценке роли сознательных целевых элементов. Поэтому примат цели выражен у нашего автора более последовательно, чем примат потребления у австрийцев. Шпанн не считает нужным вводить особые усложнения в свою теорию на основе учета роли свободной конкуренции, поскольку он вообще приписывает последней подчиненную роль.

Третья особенность представления Шпанна о хозяйстве состоит в том, что все экономические категории он рассматривает как объективные; поэтому он выдвигает необходимость построения объективной теории. Тут невольно встает вопрос — нет ли в данном пункте принципиального расхождения между австрийцами и Шпанном? Не противоречит ли защита объективизма Шпанном тому обстоятельству, что он полезность рассматривает как основу хозяйства, и тому, что этот примат полезности он проводит более последовательно, чем австрийцы? Этот вопрос должен быть разрешен в том смысле, что в данной области Шпанн стоит на тех же позициях, что и австрийцы. В вопросе о

конечных факторах, определяющих изменение экономических категорий, нет особых расхождений между Шпанном и австрийцами. Все возражения нашего автора против психологизма и субъективизма основаны большей частью на недоразумении. Так, например, он указывает, что теоретическая экономия вовсе не занимается подробным психологическим анализом отдельных ощущений, чувств и т. д.¹ Но очевидно, что и австрийцы не претендуют на смешение экономического и психологического анализа, на использование теоретической экономией всего сложного аппарата научной психологии. Психологизм австрийцев состоит лишь в том, что они считают необходимым апеллировать при разрешении всех основных вопросов к психическим актам. И Шпанн в этом вопросе идет по стопам всех субъективистов. Уже то обстоятельство, что наш автор весь упор делает в сторону выяснения взаимозависимости между средством и целью, что цели он приписывает решающее значение для определения судьбы экономических явлений, должно привести к выпячиванию субъективного момента, связанного с существованием определенной цели. Всюду, где есть цель, имеется определенный субъект. Но если между Шпанном и австрийцами нет особых разногласий, почему же венский профессор считает столь необходимым подчеркивать объективный характер своей теории? Нам представляется, что и этот вопрос может быть разрешен лишь на основе учета особенностей шпанновского анализа. Австрийцы имеют дело с отдельными индивидуумами. Оценки последних определяются индивидуальными вкусами, потребностями, мнениями и т. д. Австрийцы считают необходимым подчеркнуть, что эти субъективные оценки через целый ряд передаточных пунктов оказывают воздействие на всю экономическую систему и определяют все ее изменения. Шпанн же оперирует не с отдельными индивидами, а с определенной общественной организацией, которая распадается на ряд подчиненных организаций. Поэтому для него решающее значение имеют не вкусы и взгляды отдельных индивидов, а цели, стоящие перед данной организацией, ее интересы и задачи независимо от того, кто является конкретным представителем данной организации. Отрицание субъективной теории ценности у Шпанна есть иное выражение отрицания индивидуалистической теории. Поэтому психология отдельной личности занимает у него менее почетное место, чем у австрийцев. Сочетание примата цели, примата идеологических и психологических моментов с защитой объективизма вытекает у Шпанна из его отрицания индивидуализма. На этом вопросе мы остановимся ниже.

Четвертая особенность формулы Шпанна о хозяйстве состоит в том, что она подчеркивает единство и взаимозависимость всех средств и всех целей. Хозяйство рассматривается как система средств для выполнения целей. В данном пункте мы имеем некоторое отличие от австрийцев, которые обычно оперируют с изолированными потребностями, благами, полезностями. Шпанн считает, что необходимо изучать полезности всех благ в их взаимозависимости в пределах данного хозяйства, с точки зрения общего плана последнего. Это положение нашего автора, как увидим ниже, наложило особый отпечаток на его теорию ценности.

(Продолжение следует).

¹ «Fundament». S. 297.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ СОЮЗНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

«... Конечными и решающими звеньями индустриализации, ее становым хребтом становятся энергетика, труд и энерговооруженность, подъем которых предопределяет этапы продвижения по пути построения социалистического общества»...

«... отсюда наше положение о роли электрических шип как великих рационализаторов технологических процессов в их целом, как носителей начал новой технологической и социальной установки»..

(Г. М. Кржижановский, Энергетика и социалистическая реконструкция).

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Рационализация энергетического сектора производительных сил составляет одну из актуальнейших технико-экономических проблем современного мирового хозяйства. Она продиктована характером и масштабом современного развития мирового хозяйства, чрезвычайно неблагоприятной с народнохозяйственной точки зрения структурой энергетических балансов в подавляющем числе стран, крайне ничтожным фактическим эффектом силового аппарата, ограниченностью и несоответствием последнего общему ходу поступательного развития производительных сил.

Современное состояние энергетической базы (в широком смысле слова) составляет по существу тот производственно-технический барьер, в который неизбежно упирается поступательное развитие хозяйственного организма, подобно тому, как в соответствующей исторической обстановке, в эпоху великой промышленной революции, энергетика «мануфактуры» являлась тем производственно-техническим барьером, в который упиралось развитие механизированной промышленности.

Как известно, качественная реконструкция энергетической основы «мануфактуры» была в то же время важнейшей предпосылкой развертывания механизированного хозяйства, была решающим техническим фактором в завершении великой промышленной революции. В равной степени, радикальное решение энергетической проблемы современного мирового хозяйства составляет одну из основных предпосылок переключения производительных сил, в его наиболее полнокровных частях, на качественно более высокую техническую ступень.

¹ Настоящий очерк печатается вступительной статьей к тому статистическим материалам по изучению рационализации энергетического хозяйства фабрично-заводской промышленности СССР (III вып серии «Фабрично-заводская промышленность СССР». Труды промышленного сектора ЦСУ СССР под общей редакцией М. Н. Смит). Первые страницы его являются сокращенным изложением некоторых тезисов вводной главы нашей работы «Современное состояние и пути развития энергетики мирового хозяйства и хозяйства СССР», подготавливаемой в Комм. академии. Вся вступительная глава по теме «Энергетическая проблема монополистического капитализма» будет печататься в №№ 7 и 8—9 журнала «Мировое хозяйство и мировая политика».

По каким основным направлениям движется современный технический прогресс в области рационализации энергетической базы, повышения ее народнохозяйственной эффективности¹? Этот вопрос требует специального освещения для того, чтобы явно представить себе сущность проблемы рационализации энергетики современного мирового хозяйства.

Практические пути современной энергетической техники направлены, во-вторых, в сторону решения задачи наиболее экономического использования так называемого низкокалорийного топлива (бурый уголь, торф и др.). Технические достижения в этом направлении открывают широкие перспективы в области использования «местного» топлива, тем самым включая в хозяйственную орбиту такие энергетические центры, которые были ранее недоступны, с экономической точки зрения, для их эксплуатации. Это влияет в сторону смягчения напряженности энергетического баланса в части высококалорийного топлива.

Например, в послеверсальской Германии эти достижения энергетической техники позволили несколько выравнять энергетический баланс за счет резкого повышения удельного веса среднегерманских бурых углей в топливном балансе электростанций². В СССР открыты широкие перспективы в области использования мощных запасов торфа и низкокалорийных углей в районах с дефицитным энергетическим балансом, как ЦЮ, Сев.-зап. район и др.

Решение указанной выше задачи непосредственно связано с успехами, достигнутыми за последние годы энергетической техникой в области методов использования различных топливных ресурсов в целях повышения их эффективности. Наиболее актуальным является в данном случае решение технико-экономических вопросов в области пылевидного сжигания топлива, газификации топлива и обработки его в целях получения различных химических продуктов. Практическая реализация этих достижений техники является весьма значительным фактором в области рационализации энергетики народного хозяйства. В частности, это относится к проблеме газификации топлива и использования его побочных продуктов. Помимо прямых результатов в области повышения эффективности эксплуатации энергетических ресурсов решение данной задачи ведет и к улучшению энергетического баланса в области транспорта, равно как и других отраслей народного хозяйства³.

¹ Необходимо в данном случае различать, во-первых, такие технические достижения, которые могут лишь в известной мере смягчить напряженность на том или ином участке энергетического сектора производительных сил, но они не могут радикально разрешить энергетическую проблему страны в целом; во-вторых, технические сдвиги, которые способны переключить энергетическую базу на новую, более высокую ступень, решая тем самым на данном этапе развития производительных сил энергетическую проблему народного хозяйства в целом.

² Удельный вес бурого угля в топливном балансе электростанций с 10% до войны поднялся до 40% (см. соответствующие материалы в «Wirtschaft und Statistik», 1929 г. и в исследовании G. Dehne, Deutschlands Grosskraftversorgung, Berlin, 1928).

³ I. C. Dickermann в очерке на тему «Bituminous Coal - a raw Fuel or a chemical resource», помещенном в Аппалах Американской академии политических и социальных наук (т. 118, № 207), пишет, что

«... сжигание угля в непереработанном виде есть извращение его природного назначения вроде сжигания на топливо пшеницы или вообще зерновых хлебов» (Ibidem, с. 129).

Анализируя данную проблему по отношению к американским ресурсам смолистых углей Dickermann приводит развернутый баланс, демонстрирующий народнохозяйственное значение решения вопросов получения «побочных продуктов» (Ibidem, с. 132). См. характеристику проблемы в труд. M. Gerbel, G. Klingenberg, De-Grahl и др.

Чтобы смягчить напряженность энергетического баланса в части жидкого топлива, энергетическая техника ставит своей непосредственной задачей разработку и усовершенствование методов наиболее экономического получения искусственного жидкого топлива из углей. Учитывая пассивность этой статьи энергетического баланса в народном хозяйстве большинства стран, ограниченность ресурсов природной нефти в мировом хозяйстве и вместе с тем значительный масштаб развития тех крайне важных отраслей, которые питаются жидким топливом, — приходится констатировать то огромное народнохозяйственное значение, которое имеют достижения современной энергетической техники в этом направлении.

Наконец, энергетическая техника, по линии эксплуатации энергетических ресурсов, направлена в сторону наиболее полного и совершенного использования водной энергии. Последнее приобретает особо актуальное значение для развития производительных сил тех стран и районов, которые имеют хронический дефицит теплового баланса¹.

В области «костной», «мышечной», «сосудистой» систем силового аппарата, по линии первичных установок, трансформирующих энергию природы в механическую, — технический прогресс направлен в сторону замещения менее эффективных, с народнохозяйственной точки зрения, систем более эффективными, работающими с большим коэффициентом полезного действия (к. п. д.). Это относится в первую очередь к наиболее распространенному в энергетическом секторе мирового хозяйства классу паросиловых установок. (Процесс вытеснения паровой машины — наследство энергетического аппарата эпохи промышленного капитализма — и замещение ее паровыми турбинами и двигателями внутреннего сгорания, где коэффициент полезного действия вдвое и втрое выше, чем у паровой машины, имеют кроме того ряд других технико-экономических преимуществ перед последней)².

Далее, энергетическая техника в целях рационализации первичного силового аппарата стремится к наиболее полному усовершенствованию отдельных звеньев во всей энергетической цепи, трансформирующей силы природы в механическую энергию (укрупнение мощности отдельных агрегатов, давление, перегрев, воздушный подогрев, вакуум и т. д.). Достижения техники в этой области ведут к концентрации силового хо-

¹ Мы, разумеется, отметили лишь наиболее актуальные проблемы современной энергетической техники в данной области, отнюдь не намереваясь в какой-либо степени их исчерпать. Это замечание относится и к последующему изложению, посвященному данному тезису.

² Этот процесс вытеснения паровых машин можно иллюстрировать следующими цифрами: в английской промышленности за период 1907—1924 гг. удельный вес мощности паровых машин в общем итоге мощности первичного силового аппарата промышленности уменьшился с 92,2% до 73,6%, а в электростанциях общего пользования — с 71% до 9% (исчислено по материалам цензов 1907 и 1924 гг.). В электростанциях общего пользования САСШ удельный вес мощности паровых машин с 46% в 1907 г. снизился до 6% в 1927 г. (исчислено по материалам, приведенным в «Electrical World» 1929), и по данным специальных цензов электростанций общего пользования). В промышленности СССР соответствующие цифры за период 1908—1926 гг. равны 81,1% и 48%, а в электростанциях общего пользования Союза — 62,8% и 18%. (См. подробный анализ — в наших очерках по структуре силового аппарата и энергетическому балансу союзной промышленности, II вып. серии «Фабрично-заводская промышленность СССР», Труды Промсектора ЦСУ СССР, 1929).

зьяства, к увеличению его коэффициента полезного действия, уменьшению издержек производства единицы энергии и т. д.¹

По линии вторичных электрических установок наиболее актуальными вопросами современной энергетической техники являются как проблема концентрации электроэнергетического хозяйства (сверхмощные электроцентрали), так и проблема увеличения радиусов транспорта электроэнергии через высоковольтные сети. (Современный, практически осуществленный в Западной Европе и в Америке вольтаж, обуславливающий экономичность дальности передачи электрической энергии, = 220 000 вольт. Энергетическая техника дает практическую возможность как с производственно-технической, так и с экономической стороны увеличить примерно вдвое вольтаж и вместе с этим и радиусы сетей².

Далее, основной проблемой технического прогресса в области электрификации является стопроцентное переключение механического привода на электрический — в стационарных установках и максимально возможное, с экономической точки зрения, повышение коэффициента электрификации железнодорожного транспорта. Достижения в этой области являются в свою очередь крайне существенными факторами рационализации энергетической базы производительных сил.

¹ См. по этому поводу интересный очерк E. W. Rice, New Fields of Research for Power development (Transactions of the First World Power Conference, т. IV, с. 1421—1445).

В данном случае особого внимания заслуживают приведенные в этом очерке систематизированные фактические материалы, характеризующие динамику технического прогресса САСШ как в области энергетики вообще, так и в частности в области конструирования и эксплуатации одной из основных энергетических систем — паровых турбин за период 1903—1925 гг.

Вот краткое извлечение из указанных материалов Райса (ibidem, с. 1431—1436).

Динамика технического прогресса в области конструирования и эксплуатации паровых турбин в САСШ

Год установки	Мощность агрегата в квт.	Давление пара в атмосферах	Температура перегрева (С)	Кoeff. пол. действ. в %		Примечания
				Турбины	Всей устан.	
1903	5 000	12	192	14,5	9,2	
1914	20 000	13,5	310	23,6	15,5	
1923	30 000—45 000 .	16—17	330—340	27,2	19,0	
1924	35 000—60 000 .	37,5	385	33,4	23	
1924	100 000	82	385	38	26,6	Подогрев питательной воды и подогрев пара между ступенями давления. Проект. Двойной подогрев пара.

(Там же (с. 1437) Rice указывает, что проф. W. E. Emmet была сконструирована опытная турбинная установка, использующая пары ртути и воды и имеющая сводный к. п. д. = 34%).

САСШ возглавляют технический прогресс в области энергетики. Тем показательней эти данные для иллюстрации достижений техники в этом направлении.

² О технических достижениях за последние 15 лет в области дальности транспорта электрической энергии см. материалы, приведенные в гл. VII работы проф. W i n d e l, Der Aufbau und die Entwicklungsmöglichkeiten der Deutschen Elektrizitätswirtschaft (Berlin, 1928.) См. также книгу W. S. Murray, Super-Power, its Genesis and Future (New-York, 1925).

Перечисленные выше наиболее важные направления поступательного движения современной энергетической техники непосредственно связаны между собою и имеют своей конечной целью реконструкцию отдельных участков энергетического сектора производительных сил. Реализация каждого из этих достижений должна была бы несомненно в той или иной степени сказаться на структуре энергетического баланса страны, на повышении эффективности используемых в народном хозяйстве энергетических ресурсов. Однако этого еще недостаточно для радикального решения энергетической проблемы страны в целом, ибо фактический количественный эффект в каждом отдельном случае недостаточен еще для того, чтобы при современном уровне производительных сил практически передвинуть центр тяжести энергетической базы на качественно более высокую ступень.

В целях радикального решения энергетической проблемы в основных частях мирового хозяйства на данной ступени развития производительных сил, передовая техника выдвигает в качестве генерального и руководящего направления проблему осуществления единой организационной системы электро-тепло-силового хозяйства, — в масштабе отдельных районов, областей и стран, — на наивысшей технической основе. В это генеральное «русло» поступательного движения современной энергетической техники по существу вливаются перечисленные выше частные «потоки». Только такая производственно-техническая реорганизация энергетического сектора является тем основным и единственным фактором, который ныне способен передвинуть это ведущее звено производительных сил на качественно более высокую ступень и тем самым разрешить современную энергетическую проблему в целом.

Те сдвиги в развитии мирового хозяйства, которые фактически были бы обусловлены, в данной исторической обстановке, осуществлением этого направления технического прогресса, могут быть сравнимы только с теми качественными сдвигами и темн техническими революциями, которые в своей исторической обстановке произвели паровая машина в эпоху «промышленного капитализма» или турбогенератор и электрический привод в начальный период монополистического капитализма.

Передовая техника, обосновывая это генеральное направление в современной реконструкции энергетики, — единство системы электро-тепло-силового хозяйства страны, — имеет в виду осуществление такой организационной системы не только по линии эксплуатации энергетических ресурсов и производства энергии, но также и по линии распределения энергии и ее погребления в народном хозяйстве, руководствуясь при этом только критерием максимальной народнохозяйственной эффективности.

Что представляет собою, в наиболее основных чертах, производственно-техническая сторона такой реконструкции энергетической базы? Иными словами, каковы те наиболее актуальные задачи, которые выдвигает техника в этом направлении?

Прежде всего речь идет о наиболее рациональном с народнохозяйственной точки зрения кустовании тепло-силового хозяйства страны, при котором можно практически осуществлять наиболее полное использование тепловых ресурсов, наиболее эффективный тепловой баланс народного хозяйства.

Мы знаем, что в тепловом балансе даже наиболее передовых стран мирового хозяйства более $\frac{9}{10}$ потребляемой термической энергии фак-

тически теряется, или в технической терминологии — составляет неиспользуемые отбросы энергетического производства¹. Комбинация энергоемких² и теплоемких² производств под углом зрения наиболее рационального использования отбросов тепла дает возможность в каждом отдельном случае повысить фактический коэффициент полезного действия с цифры порядка 10—15% до цифры порядка 60—70% и выше. Учет только этих данных дает достаточно яркую характеристику роли и значения тех качественных сдвигов в энергобалансе страны, которые вызываются решением данной проблемы.

Специальная и общая энергетическая печать в достаточной степени обосновала с экономической и технической сторон эту проблему куствования тепло-силового хозяйства. Из многих работ в этой области надо отметить наиболее интересное исследование австрийского инженера М. Gerbel'a («Kraft-und Wärmewirtschaft in der Industrie — Abfalenergieverwertung»), сумевшего поднять эту производственно-техническую проблему на народнохозяйственную высоту³.

Инженер М. Гербель в этом исследовании дал примерную классификацию основных отраслей народного хозяйства, разбив их на три группы под углом зрения их (отраслей производств) энергоемкости и теплоемкости.

Первая группа отраслей потребляет в своих производствах только силовую энергию и почти вовсе не потребляет непосредственно тепловую энергию (пар) на технологические и прочие нужды. Вторая группа отраслей, наоборот, нуждается в большом количестве тепла (пара) на технологические и прочие нужды и очень мало при этом потребляет силовой (механической или электрической) энергии. Наконец, третья группа отраслей в более или менее равномерных количествах потребляет как силовую энергию, так и технологический пар, представляя в этом отношении более или менее замкнутый тепло-силовой комбинат⁴.

¹ А. М. Nash в своем очерке «The economic of the World Power» (Transactions of the F. W. P. C., т. IV, с. 1306—1322) приводит подсчет коэффициента эффективного использования потребляемой энергии в послевоенном народном хозяйстве стран: САСШ, Англии, Франции, Германии, Италии и Швейцарии. Несмотря на существенные методологические неточности этих расчетов, итоговые данные все же дают приближенную характеристику действительного среднего коэффициента полезного действия энергетического сектора народного хозяйства этих стран. Наиболее низкий коэффициент полезного действия, по данным Нейша, имеет энергетический аппарат Англии — 3,88%, далее следует энергетический аппарат Германии — 6%, САСШ — 8,4%, Франции — 16%, Швейцарии — 36%. Средний же коэффициент полезного действия силового хозяйства всех перечисленных стран = 8,8%. Т. е. он примерно совпадает с оценкой, которую мы выше привели на основе самостоятельных расчетов. Высокие коэффициенты полезного действия энергетического сектора Франции, Швейцарии, Италии объясняются сравнительно значительным удельным весом гидроустановок, которые работают, естественно, с большим коэффициентом полезного действия. Тем не менее приводимая Нейшом цифра по Франции значительно преувеличена по сравнению с действительностью. Это преувеличение вызвано неправильностями в подсчетах. По данным журнала «Le Génie Civil» децентрализованные термические силовые установки Франции работают с средним фактическим коэффициентом полезного действия всего в 5—8%.

² Под энергоемкими отраслями мы разумеем производства, потребляющие главным образом силовую энергию (напр., электрохимические производства, прядильное, железопрокатная, цементная, мукомольная промышленность); теплоемкими же отраслями мы называем производства, потребляющие главным образом непосредственно тепловую энергию — пар — на технологические нужды (напр., производство искусственного шелка, сахарная промышленность, спичечная, спиртовая, мыловаренная, красильная, крахмально-паточная и др.).

³ Результативные экономико-политические выводы Гербеля по данному вопросу находятся в прямом противоречии с его же собственным производственно-техническим анализом этой проблемы.

⁴ См. таблицу в цитированном сочинении Гербеля на с. 68—69. Из советских работ по данному вопросу можно отметить исследования директора Теллотехнического института проф. Л. К. Рамзина, очерки и статьи инженеров Гиттера, Танер-Ганненбаума, Шефтеля, Шифрензона, Колпаковой. (Рамки очерка не позволяют, естественно, остановиться более подробно на экономическом анализе данной проблемы).

Пользуясь приведенными в таблице Гербеля ориентировочными цифрами удельного расхода силовой энергии и технологического пара на единицу продукции этих отраслей и учитывая объем промышленного производства этих продуктов в народном хозяйстве, не трудно в грубых цифрах оценить в каждом отдельном случае реальный эффект в тепловом балансе, получаемый от рационального кустования энергоемких и теплоемких отраслей.

Создание единой народнохозяйственной энергетической системы предполагает далее осуществление плановой системы сверхмощных электроцентралей с разветвленной системой высоковольтных сетей, стягивающих все основные хозяйственные центры страны в единый энергетический организм. Эта система предполагает народнохозяйственное регулирование через диспетчерские службы генеральных графиков производства энергии, ее распределения и потребления.

Уже само по себе строительство и эксплуатация сверхмощных электроцентралей, как показал американский и европейский опыт последних лет, является одним из наиболее важных рычагов рационализации энергетического сектора производительных сил. Этот опыт показал, что лозунг электрификации вообще не является на данной стадии производительных сил прогрессивным лозунгом. Этот опыт показал, что ныне прогрессивным является только лозунг — электрификация на базе мощных электроцентралей; коэффициент электрификации уступил свое место коэффициенту централизованной электрификации. Однако сверхмощные электроцентралы составляют лишь одну из ступеней по пути решения энергетической проблемы. Количественный, народнохозяйственный эффект сверхмощных электроцентралей, действующих вне или без единой системы электроснабжения производительных сил данной страны, не может перейти в «качество», не может радикально решить энергетическую проблему в целом. С теми или иными оговорками это обстоятельство признают и подчеркивают даже наиболее авторитетные исследователи американского энергетического хозяйства, где развитие сверхмощных электроцентралей находится пока на недостижимых для европейских стран высотах.

Только плановая, в народнохозяйственном масштабе, система электроцентралей в вышеприведенном понимании (по линии производства, распределения и потребления энергии) является тем руководящим направлением в поступательном движении технического прогресса, осуществление которого должно привести к качественной реконструкции всей энергетической базы, а вместе с этим и к качественно новой, более высокой производственно-технической формации в современном развитии производительных сил мирового хозяйства.

Сама проблема кустования тепло-силового хозяйства может быть с максимальной эффективностью разрешена лишь на основе такой плановой системы электро-тепло-централей. В равной степени только в рамках такого народнохозяйственного плана энергоснабжения, базирующегося на так называемых сверхмощных электроцентралях, могут быть фактически в развернутом виде осуществлены с максимальной эффективностью те достижения техники на отдельных участках энергетического сектора, речь о которых была выше (проблема включения в хозяйственную орбиту новых энергетических центров низкокалорийного топлива; вопросы методологии использования тепловых ресурсов, как-то: газы-

фикация угля и использование его химических продуктов и т. д.; вопросы качественной реконструкции «костной», «мускульной» и «сосудистой» систем силового аппарата, как-то: укрупнение мощности отдельных агрегатов, усовершенствование отдельных звеньев по всей энергетической цепи; вопросы дальности транспорта электрической энергии; вопросы максимального повышения коэффициентов централизованной электрификации промышленности, транспорта и сельского хозяйства; вопросы использования так называемых внутренних энергетических ресурсов и т. д.).

Такая энергетическая система дает также возможность наиболее гармоничного и наиболее эффективного использования всех наличных ресурсов природной энергии в стране, доступных для промышленной эксплуатации; в частности — наиболее полного использования водных сил в стране, в связи с возможностью при этих условиях осуществления наиболее рационального кустования высоковольтными сетями как гидроцентральной, эксплуатирующих водную энергию рек различных режимов, так и гидроцентральной с термическими электроцентралями. Данный фактор в особенности актуален для народного хозяйства тех районов и стран, где водные силы составляют энергетический костяк. Анализ соответствующих материалов по кустованию гидравлических электроцентральной, использующих водную энергию рек различных режимов, во Франции (например, станции на реке Арнеже со станциями на реке Торне и др.)¹, гидравлических и тепловых электроцентральной в САСШ² очень ярко демонстрируют то огромное значение, которое имеет эта проблема для энергетического баланса народного хозяйства.

Передовая энергетическая техника со всей решительностью выдвигает в качестве р у к о в о д я щ е г о направления в решении современной энергетической проблемы основных стран мирового хозяйства эту идею реконструкции энергетической базы — создание единой народнохозяйственной системы энергетики в вышеприведенном понимании. Бесчисленному множеству децентрализованных первичных установок³, каждая из которых имеет свой резерв, свой график нагрузки; огромной массе маломощных первичных двигателей крайне ничтожной эффективности, с крайне значительными удельными затратами капитала и эксплуатационными издержками, с целым рядом других органических недостатков — энергетическая техника противопоставляет единую сеть электро- и тепло-центральной, построенных по последнему слову технического прогресса, работающих по единым графикам нагрузки, которые регулируются системой диспетчерских пунктов. В этих условиях само использование энергетических ресурсов возможно с максимальным народнохозяйственным эффектом, с предельно минимальным процентом отбросов и потерь.

¹ См. по этому поводу материалы Гренбольского конгресса по водной энергии в 1925 г. (Congrès de la Houille Blanche, Grenoble); работу французского инженера А. Кавалье, Белый уголь. (1926); работу проф. А. А. Горева, Электрификация Франции (1926) и др.

² См. американский журнал «Electrical World» 1928 г. и 1929 г., цитированную выше работу W. S. Murray. См. в частности графики дневной выработки электрической энергии гидравлическими и тепловыми станциями САСШ за последние 5—7 лет, приведенные в книге Dautherty, Horton and Donovan, Power Capacity in the United States (1929) и в работе Quigly, Electric Power and National Progress (1926 г., с. 88—89). Эти графики четко демонстрируют влияние кустования тепловых и гидравлических станций на выравнивание генеральных кривых нагрузки. Анализ этого вопроса см. в очерке «Водная энергия», который печатается в I т. «Эконом. энциклопедии».

³ Например, в Германии и в Америке они, по данным последних переписей, исчисляются десятками тысяч в разных секторах народного хозяйства.

Из приведенного выше совершенно очевидно, что этот исторический путь технической реконструкции энергетики предполагает глубокие сдвиги в организационной и экономической структуре производительных сил, предполагает ломку организационных и экономических рамок действующей социально-экономической системы.

В самом деле, этот путь поступательного движения технического прогресса предполагает прежде всего наиболее полное и совершенное использование энергетических ресурсов страны на основе создания плановой системы мощных электро- и тепло-центральных, которая должна притти на смену огромному массиву децентрализованных первичных установок, функционирующих в народном хозяйстве. Но это означает во-первых, создание интeрoтpаслeвoй, плaнoвoй энергетической организации, в задачу которой входит осуществление полного контроля над энергетическими ресурсами страны, регулирование эксплуатации их под углом зрения максимальной народнохозяйственной эффективности. Это, естественно, в свою очередь означает ликвидацию частной собственности на энергетические месторождения и их полное обобществление, наряду с ликвидацией частной собственности на основной энергетический аппарат страны. Во-вторых, регулирование этой плановой организацией пространственного размещения промышленных предприятий под углом зрения наиболее рационального кустования теплоемких и энергоемких отраслей в целях наиболее совершенного использования энергетических отбросов. В-третьих, это означает моральный износ значительной массы инвестированного капитала в децентрализованные, не экономичные с народнохозяйственной точки зрения энергетические установки до их полного физического снашивания.

Этот путь технической реконструкции энергетической базы предполагает далее плановое регулирование генеральных графиков нагрузки и потребления энергии в народном хозяйстве. Это означает создание плановой системы диспетчерских служб, регулирующих не только графики производства энергии, но и графики потребления, иными словами, имеющие право реализации принудительных графиков нагрузки тех или иных категорий потребителей, если это оправдывается народнохозяйственными расчетами.

В своем общем выражении и практическое осуществление такой единой энергетической системы требует в качестве основной предпосылки обобществление энергетического сектора производительных сил, создание единого интeрoтpаслeвoгo¹ энергетического треста, планирующего и регулирующего под народнохозяйственным углом зрения как эксплуатацию энергетических ресурсов, так и строительство и эксплуатацию электро-тепло-силового аппарата страны.

Но создание такого монолитного интeрoтpаслeвoгo энергетического треста в масштабе всего народного хозяйства означает на экономическом языке осуществление фактического контроля и регулирования производительных сил важнейших отраслей хозяйства страны; означает ликвидацию частнохозяйственной самостоятельности отдельных промышленных единиц, каких бы грандиозных размеров они ни достигли. Это обусловлено той руководящей производственной ролью, которую играет энергетическое звено в общей цепи производительных сил.

¹ В отдельных случаях, - и интeрoтpаслeвoгo энергетического треста. Напр. в странах г. и. континентальной Европы.

Схематизируя, можно сказать, что распоряжающийся у распределительной доски такой системы энергоцентральной фактически властвует над жизнью промышленности, ибо он фактически может в любой момент парализовать ее жизнедеятельность прекращением подачи энергии в производство. Это в равной степени относится и к электрифицированному транспорту и к другим отраслям народного хозяйства.

Несомненно прав проф. А. А. Горев, когда он в своем конкретном исследовании энергетики послевоенной Франции приходит к выводу, что

«... для правильного ведения энергетического хозяйства на основе электрификации необходимо объединить в плотный трест всю энергетическую промышленность. Однако этого мало. Вследствие теснейшей связи энергетики со всем процессом народного хозяйства необходимо трестировать не только производство энергии, но и все связанные с ним производства, что за малым исключением составит все народное хозяйство в целом»¹.

В этом заложены корни реальных внутренних противоречий между достигнутым уровнем поступательного движения технического прогресса в области энергетики и современной фазой капиталистического развития; в этом заложены социально-экономические корни энергетической проблемы монополистического капитализма.

Возможна ли вообще реализация в недрах капитализма (даже в масштабе одной страны) такой энергетической системы, выдвигаемой прогрессирующей техникой?

Если абстрагироваться от ряда решающих противодействующих экономических сил, то теоретически можно было бы допустить осуществление такой народнохозяйственной энергетической системы в рамках капиталистического хозяйства на основе создания единого отраслевого энергетического треста, непосредственно планирующего и регулирующего весь энергетический баланс страны в указанном выше смысле. Но совершенно очевидно, что этот энергетический трест был бы вместе с тем в состоянии регулировать в скрытом или явном виде развитие всего народного хозяйства. Он был бы в состоянии осуществить непосредственный полный контроль над всеми определяющими отраслями производительных сил страны. Он по существу являлся бы народнохозяйственной плановой и регулирующей организацией. Иными словами, он по существу превратился бы из энергетического в общехозяйственный капиталистический трест.

Такая экономическая организация означала бы самую высокую вершину капиталистического развития; она передвинула бы монополистический капитализм на ту ступеньку исторической лестницы, «между которой (ступенькой)—как писал Ленин—и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступенек нет»².

Но в действительности указанное направление поступательного движения технического прогресса в области энергетики встречает на своем пути такие противодействующие социально-экономические силы на современном мирохозяйственном поле, которые составляют непреодолимую преграду для полной реализации такой энергетической системы.

Эти противодействующие силы главным образом обусловлены противоречием интересов буржуазии в целом и интересов отдельных капиталистических групп, или — в более общем виде — непримиримым противоречием на данном этапе производительных сил между капиталистическим хозяйством в целом и частнохозяйственными интересами отдельных капиталистов, частнохозяйственной рентабельностью.

Исторический процесс реконструкции энергетической базы находится в непримиримом противоречии с действующей социально-экономической системой в капиталистическом секторе мирового хозяйства. Это означает, что проблема рационализации энергетического базиса и технико-экономической превратилась в актуальную

¹ А. А. Горев, Электрификация Франции, М. 1926, с. 134—135.

² Ленин, Империализм.

социально-экономическую проблему капиталистического хозяйства.

Интенсивность социально-экономических противоречий капитализма на этом решающем участке производительных сил, естественно, различна в разных странах. Совершенно очевидно, что это различие обусловлено как общей неравномерностью экономического и технического развития разных стран, в частности в монополистической фазе капитализма, так и различием структуры балансов потенциальной и кинетической энергетики.

Напряженность энергетической проблемы в отдельных капиталистических странах заставляет форсировать технические и экономические мероприятия по линии рационализации энергетического хозяйства. Однако неспособность капитализма радикально решить назревшую энергетическую проблему привела и приводит к тому, что принимаемые паллиативные мероприятия фактически воспроизводят исходные социально-экономические противоречия на расширенной основе.

Рационализация энергетической базы производительных сил составляет также одну из актуальнейших проблем народного хозяйства СССР. Но разрешение этой проблемы в советском хозяйственном организме, естественно, не встречает тех препятствий, которые неизменно выступают в условиях развития производительных сил в капиталистических странах. Эти препятствия были преодолены Октябрем. В этом отношении можно сказать, что энергетическая проблема в СССР является только технико-экономической, а не социально-экономической проблемой. Поставленный в центре внимания всего народного хозяйства СССР план постепенного осуществления единой организационной системы электро-тепло-силового аппарата дает возможность качественно реконструировать энергетическую базу производительных сил на наиболее высокой технической основе, с наибольшим народнохозяйственным эффектом; дает возможность построить на каждом данном этапе оптимальный с технической и экономической точек зрения энергетический баланс как отдельных районов, так и хозяйства всей страны. «Обобществленный строй нашего хозяйства дает нам как раз в этом направлении наиболее эффективные возможности догона и перегона капиталистического окружения» (Г. М. Кржижановский).

Однако одной из важнейших предпосылок научного планирования реконструкции энергетического сектора производительных сил является развернутое экономико-и технико-статистическое исследование энергетического хозяйства. Ибо действительное осуществление единой организационной системы энергетики в вышеприведенном смысле возможно лишь на основе развернутого статистического материала, всесторонне освещающего нам «анатомию» и «физиологию» этого руководящего звена производительных сил.

«С каждым дальнейшим этапом реконструкции—пишет Г. М. Кржижановский—все ощутительнее и ощутительнее будет вставать перед нами необходимость увязки наших хозяйственных работ с работами научно-исследовательского характера. Таковы неизбежные пути выработки научного плана народного хозяйства. Одно из ответственных мест в разрезе этих работ естественным образом выпадает на научную статистику».

Известный энергетик М. Гербель, анализируя в вышецитированном исследовании проблему реконструкции энергетики, вынужден был констатировать, что

«в частности статистически необоснованы все проблемы, имеющие отношение к силовому и тепловому хозяйству; это делает пока невозмож-

ным успешное государственное (Гербель имеет в виду в данном случае «госкапитализм». — В. В.) влияние на энергетическое хозяйство промышленности. Тяжким грехом прежнего времени является полнейшее отсутствие тепло-силовой статистики промышленности...»¹. («Eine schwere Sünde früherer Zeiten, der gänzliche Mangel einer ausführlichen Kraft- und Wärmestatistik»).

Он со всей категоричностью обосновывает тезис, что

«статистическое обоснование всего материала, важного для изучения силового и теплового хозяйства, является настоящим требованием момента; выполнение этого требования должно предшествовать тем радикальным мероприятиям, которые направлены в сторону энергетического хозяйства. Реорганизация энергетического хозяйства должна происходить на статистической основе»². («Die Reorganisation der Energiewirtschaft müsste auf statistischer Basis erfolgen»).

В основном этот тезис нашел свое отражение в целом ряде докладов авторитетных энергетиков на международных энергетических конференциях в Лондоне и в Базеле³ и в специальной печати.

Однако теория и практика энергетической статистики еще очень слабо разработаны. Даже в наиболее полнокровных капиталистических странах практика энергетической статистики крайне ограничена с количественной, а главное с качественной стороны⁴.

В данном случае, естественно, действуют те же причины, которые обуславливают органическую неспособность капитализма решить по существу глубоко назревшую в отдельных странах энергетическую проблему.

Труды промышленного сектора ЦСУ по изучению энергетического хозяйства являются в этом смысле пионерными работами, поскольку в процессе изучения целого ряда основных вопросов приходилось следовать по совершенно непроторенным до сих пор научным тропинкам.

II. ХАРАКТЕРИСТИКА КОНЦЕНТРАЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА СОЮЗНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

При изучении рационализации нашей промышленной энергетики нам прежде всего необходимо наиболее полно осветить вопрос об уровне концентрации фабрично-заводских силовых установок.

Из сказанного выше (в вводных замечаниях) очевидно, что фабрично-заводские первичные установки, действующие вне единой энергетической системы, занимают, как правило, с народнохозяйственной точки зрения относительно низкую техническую ступень независимо от степени их концентрации, независимо от той высоты мощности, которой достигают отдельные силовые станции. Право на самостоятельное существование в переходный период реконструкции, как правило, имеют только те децентрализованные энергетические установки, которые работают по замкнутому энергетическому балансу, т. е. те, которые полностью используют внутренние энергетические ресурсы — энергетические отходы производства и «отбросную» (силовую и тепловую) энергию. Иными словами, те действующие

¹ M. Gerbel, цит. соч., с. 97.

² Ibidem Подчеркнуто нами.

³ Доклады Niesza, Landry, Uytborck и др.

⁴ Относительно лучше она поставлена в САСШ, в Германии и в некоторых других европейских странах, где, в частности, энергетическим костяком народного хозяйства служат водные силы (напр., Норвегия, Швеция, Швейцария и др.).

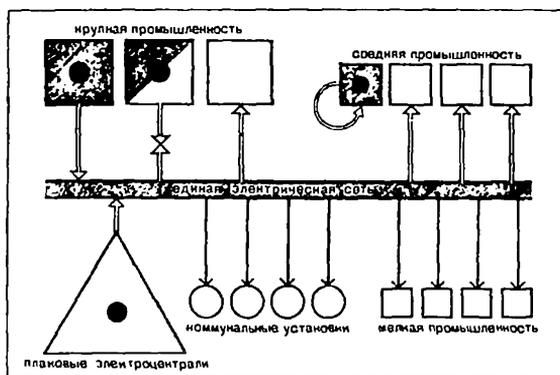
щие установки, которые работают с коэффициентом полезного действия не ниже, например, 60—70%. Все остальные фабрично-заводские энергетические установки должны быть в процессе реконструкции либо полностью переключены на централизованное снабжение энергией от системы плановых электростанций (например, в том случае, если данные промышленные предприятия питаются главным образом силовой энергией и при этом не имеют отбросов производства, которые могут быть использованы для энергетических целей), либо включены в сеть единой энергетической системы данного района (если например, промышленные заведения используют «отбросную» энергию, по при этом не имеют замкнутого энергетического баланса)¹.

Само собою разумеется, что наиболее отсталую техническую ступень занимают те энергетические установки, которые работают на механический привод. Последние представляют собою наследство, пережиток, эпохи промышленного капитализма — XIX века. С народнохозяйственной точки зрения, механический привод означает наиболее непроизводительное использование энергетических ресурсов, равно и наиболее непроизводительные капитальные затраты в широком смысле слова. Эти установки нуждаются в первую очередь в коренной реконструкции. Причем из всего сказанного выше очевидно, что в данном случае речь идет о реконструкции не по линии замещения механического электрическим приводом вообще, а замещения электрическим приводом от плановой системы электростанций.

Эти краткие замечания говорят, с одной стороны, о том, в какой степени сложен сам процесс планирования и регулирования в народнохозяйственном разрезе реконструкции промышленной энергетики, и с другой — о том, в какой степени актуально для данной задачи всестороннее исследование концентрации и силового хозяйства промышленных предприятий отдельных отраслей. Последнее, наряду с данными

¹ См. по этому вопросу ряд очерков и статей инженеров Тагер-Танненбаума и Шефтеля в журналах «Тепло и сила», «Технико-экономический вестник» и «Плановое хозяйство».

В очерке, помещенном в журнале «Плановое хозяйство» (1929, № 1) инженер Шефтель приводит графики, демонстрирующие схему реконструкции промышленной энергетики, в основном принятой Главэнерго в своей практической работе. Так как в плане исследуемых в настоящем очерке вопросов эти схемы представляют большой интерес, мы приводим здесь одну из этих иллюстративных диаграмм:

В процессе реконструкции промышленной энергетики должны быть прежде всего полностью переключены в сеть единой энергетической системы все коммунальные установки и промышленные заведения (мелкие, средние и крупные), потребляющие только

о технической организации отдельных типов промышленных предприятий в различных отраслях, об их штандорте, дает весьма важное орудие для конкретного решения вопросов о характере и масштабе необходимой в каждом отдельном случае реконструкции.

В основу изучения концентрации фабрично-заводского энергетического хозяйства, в качестве группировочного признака был взят показатель, характеризующий мощность работавших двигателей в отдельных силовых установках, причем для тех промышленных заведений, которые питаются энергией, вырабатываемой на собственных первичных установках, была взята мощность работавших первичных двигателей. В этих случаях мощность наличных моторов и иных аппаратов, которые питались «чужим током», не была включена в группировочный показатель. Для тех же промышленных заведений, которые питаются главным образом «чужим» током, в качестве группировочного признака, характеризующего степень концентрации силового аппарата, была взята мощность моторов «чужого» тока. Материалы же по структуре энергетического хозяйства, по основным факторам его рационализации представлены в развернутом виде по отдельным группам заведений с различной мощностью действовавшего силового аппарата. Этот группировочный признак является наиболее правильным в плане поставленной задачи.

В настоящее исследование включены 8513 промышленных единиц, вооруженных двигателями, с мощностью силового аппарата, предназначенного к обслуживанию рабочих машин, равной 2,9 млн. л. с. с общим балансом энергии—в 6,6 млрд. л. с./ч. (5,8 млрд. л. с./ч., выработанных первичными двигателями, плюс 0,8 млрд. л. с./ч., полученных от станций общего пользования). Ценовая фабрично-заводская промышленность СССР насчитывает всего около 9000 промышленных заведений, вооруженных двигателями с соответствующим показателем мощности—3,3 млн. л. с. (на начало 1926/27 г.), с общим итогом энергетического баланса в 7,1 млрд. л. с. ч. Эти относительно незначительные отклонения в объеме включенной в настоящее исследование промышленности¹ объясняются тем, что в этой

силовую энергию. (На чертеже—все пустые кружки и квадраты разных размеров соединены с «сетью общего пользования» стрелками, направленными от сети). Силовые установки, использующие внутренние энергетические ресурсы, но не работающие по замкнутому энергетическому балансу, включаются в единую энергетическую «сеть». (На чертеже—частично и полностью заштрихованные квадраты с черными кружками внутри. Последние показывают, что данные заведения имеют собственные станции. Стрелки показывают одностороннюю и двустороннюю связь силовых установок этих заведений с «сетью» общего пользования). Наконец, вне единой энергетической системы остаются только заведения, работающие по замкнутому энергетическому балансу, т. е. полностью использующие внутренние энергетические ресурсы (на чертеже заштрихованный квадрат с черным кружком в середине и с замкнутой стрелкой).

(Полностью заштрихованный квадрат обозначает, что этот тип предприятий использует для своего производства внутренние энергетические ресурсы и при этом располагает еще избытком энергии, могущим быть отданным на сторону. В союзные итоги по пром. энергетике не включены, конечно, электро-станции общего пользования.

Наполовину заштрихованный квадрат обозначает, что количество внутренних энергетических ресурсов предприятия недостаточно для покрытия графика потребления энергии в этом предприятии).

Несколько спорным в схеме Главэлектро является по нашему мнению так называемый принцип односторонней связи. Органическая увязка графиков потребления энергии в этих производствах с генеральными графиками нагрузки плановых энергоцентралей почти во всех случаях будет требовать двухстороннюю связь. В союзные итоги по пром. энергетике не включены, конечно, электростанции общего пользования.

¹ По числу заведений процент охвата настоящим исследованием составляет 94,5, по мощности—89, по энергетическому балансу—94 от соответствующих итогов по всей союзной промышленности, вооруженной двигателями.

работе, во-первых, были выключены из союзных итогов данные по нефтедобывающей промышленности (20 заведений), так как по ряду причин (технического и методологического порядка) материалы по этой отрасли не могли быть подвергнуты изучению в плане поставленных задач; во-вторых были выключены 468 очень мелких заведений, принадлежащих к разным отраслям, вследствие дефектности первичного материала¹.

Общую картину концентрации силового аппарата фабрично-заводской промышленности Союза освещает нам следующая сводка:

ТАБЛИЦА 1.

Общая характеристика концентраций силового аппарата союзной промышленности

Группы промышленных заведений по мощности работающих двигателей	Число действовавших заведений	Валовой оборот (в млн. руб.)	Показ. мощн. силов. аппар. в тыс. л. с.		Выработ. первич. дв. энерг.	Получено эл. энерг. со стор.
			Общая мощн.	Мощность двиг. обслуж. раб. маш.		
В % к соответствующим итогам						
А	1	2	3	4	5	6
До 25	33,7	4,8	1,8	1,6	0,9	2,1
26—50	18,6	4,6	2,7	2,2	2,1	2,6
51—100	18,0	6,8	5,0	4,5	4,5	4,6
101—200	11,7	8,8	6,7	5,9	5,4	8,2
201—500	8,9	14,7	10,7	4,9	9,1	13,9
501—1 000	4,0	15,5	11,1	10,3	9,2	16,6
1 001—2 000	1,8	9,9	10,1	10,7	9,2	15,3
2 001—5 000	1,4	14,8	16,6	16,7	18,2	18,6
5 001—10 000	0,6	11,3	16,0	16,9	15,9	15,1
10 001—20 000	0,2	4,4	8,6	10,0	10,1	2,3
20 001 и выше	0,1	4,3	10,7	11,2	15,4	0,7
Вся промышленность	В % ¹	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
	Абсолют. итоги	8 513	12 637	2 441	2 908	5 797

Самый нижний этаж промышленности, где мощность отдельных силовых установок меньше 25 л. с., включает около $\frac{1}{3}$ всего числа заведений, вооруженных двигателями, и в то же время, по показателям мощности, эта группа составляет 1,6—1,8%, а по выработке энергии — всего 0,9% от соответствующих итогов по союзной промышленности. Валовой же оборот всех этих заведений достигает едва 5% от союзного итога. Самый верхний этаж, к которому мы отнесли заведения с мощностью силового аппарата выше 2 000 л. с., охватывает по числу заведений всего 2,3% (191 зав.), а по массиву сосредоточенной мощности в них — 52—56%, и по энергии — около 60% от союзных итогов. Данные цифры крайне показательны для характеристики достигнутого уровня

¹ Общая мощность этих 468 мелких заведений достигает едва 1% от мощности силового аппарата союзной промышленности. См. по этому вопросу — соответствующие материалы во II т. Трудов промышленного сектора ЦСУ СССР — «Силовой аппарат, энергетический и топливный баланс союзной промышленности» (1929 г.).

² В итоги по всей промышленности включены и бездействовавшие заведения, вооруженные двигателями. Число и мощность этой группы заведений равны 1% и 0,1% от соответствующих союзных итогов. Сумма процентов по вертикали таким образом не дает 100%, за счет бездействовавших заведений.

Это примечание относится и к другим сводкам, приводимым ниже.

концентрации нашей промышленности вообще и фабрично-заводской энергетики в частности.

Еще более выпукло будет представлена картина концентрации, если, руководствуясь этими развернутыми группировочными интервалами, мы нашу промышленность разобьем на три этажа. Нижний — мелкомошные заведения, куда мы отнесем все промышленные заведения с мощностью силового аппарата до 100 л. с.; средний — с мощностью силового аппарата от 101 до 2 000 л. с. и высший — с мощностью от 2 001 л. с. и выше. Таблица 2 и ясно демонстрирует характер «расслоения» нашей промышленной энергетики по уровню ее концентрации.

ТАБЛИЦА 2.

Характеристика концентрации промышленной энергетики

Группы промышленных заведений по мощности работавших двигателей	Число действовавших заведений	Валовой оборот	Показатели мощности силового аппарата		Выработ. первичными двигателями энергии
			Общая мощность	Мощн. двиг. обслед. раб. машин	
В % к соответствующим итогам					
А	1	2	3	4	5
Низшая группа (до 100 л. с.)	70,3	16,4	9,5	8,3	7,5
Средняя группа (101—2 000 л. с.)	26,4	48,9	38,6	36,8	32,9
Высшая группа (2 001 и выше)	2,3	34,8	51,9	54,8	59,6
Вся промышленность ¹	100	100	100	100	100

В нашей промышленности имеются также 6 заводов с мощностью действовавшего силового аппарата от 20 до 40 тыс. л. с., с общей выработкой энергии в $\frac{1}{2}$ млрд. л. с./ч. и 2 завода, каждый из которых имеет мощность выше 40 тыс. л. с., с общей выработкой первичной энергии равной 0,4 млрд. л. с./ч. Это — наши гиганты металлургической промышленности.

Не представляется, к сожалению, возможным подвергнуть сравнительному анализу материалы по концентрации энергетического хозяйства нашей промышленности с соответствующими данными по западным странам. Такое сравнение невозможно провести по той простой причине, что мы ни в одной из западных стран не имеем до сих пор полноценного статистического материала, характеризующего уровень концентрации энергетики послевоенной промышленности. По данному крайне существенному вопросу в международной энергетической статистике отсутствуют даже наиболее элементарные показатели¹.

Некоторое исключение в этом отношении представляет Германия. В последние годы в Германии были сравнительно полно подвергнуты изучению вопросы концентрации электро-энергетического хозяйства

¹ См. примечание к табл. 1.

² В САСШ представляется возможным проследить уровень концентрации только электрических станций общего пользования на основе материалов специальных цезвов (1907, 1912, 1922 и 1927).

по материалам годовых обследований фабрично-заводских электростанций (Eigenanlagen) и электростанций общего пользования (Öffentliche Elektrizitätswerke). Этот материал представляет огромный интерес для сравнительной характеристики современного уровня концентрации энергетики нашей промышленности и промышленности Германии, одной из передовых стран мирового хозяйства. В данном случае для целей этого сравнительного анализа нам придется, естественно, ограничиться рассмотрением соответствующих материалов только по фабрично-заводским станциям Германии.

При этом необходимо, конечно, иметь в виду, что обработанные германские материалы не вполне сравнимы с приведенными выше соответствующими данными (таблицы 1 и 2) по нашей промышленности. Эта несравнимость вызвана, во-первых, различием в объеме охваченной промышленности (в сводке по Германии фигурируют только те промышленные заведения, которые питаются энергией от фабрично-заводских электрогенераторных установок; в сводку же по нашей промышленности включены все заведения ценовой промышленности, вооруженные двигателями); и во-вторых, несовпадением группировочных интервалов. Тем не менее, этот материал дает полную возможность с учетом указанных расхождений подвергнуть сравнительному изучению поставленный вопрос.

Следующая сводка дает общую характеристику современного уровня концентрации силового аппарата фабрично-заводских электростанций Германии.

ТАБЛИЦА 3.

Германия. Фабрично-заводские электростанции («Eigenanlagen»).

Общая характеристика концентрации силового аппарата¹.

Группы станций по мощности установленных двигателей	Число заведений		Мощность		Выработано энергии	
	Абсол. итоги	В % к итогу	В тыс. л. с.	В % к итогу	В млн. л. с.	В % к итогу
А	1	2	3	4	5	6
До 100 квт. (до 136 л. с.)	3 257	54,2	178,2	2,9	262,9	1,5
От 100 до 1 000 квт. (от 136 до 1 360 л. с.)	2 090	34,7	887,1	14,4	1 624,5	9,3
От 1 001 до 5 000 квт. (от 1 360 до 6 800 л. с.)	482	8,0	1 576,1	25,7	3 889,6	22,3
От 5 001 до 10 000 квт. (от 6 800 до 13 600 л. с.)	107	1,8	1 063,2	17,3	2 739,0	15,7
Свыше 10 000 квт. (свыше 13 600 л. с.)	79	1,3	2 433,5	39,7	8 913,3	51,2
Всего	6 015	100	6 138,1	100	17 429,3	100

Сравнительный анализ этих материалов показывает, что абсолютный уровень концентрации энергетического хозяйства промышленности значительно выше в Германии, чем в СССР. Фабрично-заводских электро-энергетических установок, с мощностью выше

¹ Исчислено по материалам обследования 1927 г., опубликованным в «Wirtschaft und Statistik», 1929 г., с. 74—79.

См. также по этому вопросу соответствующие материалы в книге G. Dehne, Deutschlands Grosskraftversorgung, 2-е изд. Berlin, 1928 г., с. 3—7; в сборнике—«Industrielle Produktionsstatistik» (Sonderhefte zu «Wirtschaft und Statistik». № 4, 1928, с. 53).

10 000 квт. (13 000 л. с.) в германской промышленности насчитывается 79, суммарная мощность которых равна около 2,5 млн. л. с., а годовая выработка электроэнергии — около 9 млрд л. с./ч. В нашей же промышленности энергетических установок с мощностью выше 10 000 л. с.¹ насчитывается всего 23 с общей мощностью около 186 тыс. л. с. (по установленным первичным двигателям) и с суммарной выработкой первичной энергии — всего около 1½ млрд л. с./ч. То же мы наблюдаем при сравнительном анализе других групп промышленных станций, которые можно было бы отнести к высокомоощным установкам (например, от 5 до 10 тыс. квт.). Наоборот, мелкомоощные установки в нашей промышленности превосходят как по числу, так и по абсолютной мощности и выработанной энергии соответствующие данные, приведенные нами в германской сводке. В данном случае необходимо в особенности иметь в виду отмеченное выше обстоятельство, что в материалах по нашей промышленности фигурируют все энергетические установки, в то время как в материалах по германской промышленности фигурируют только электрогенераторные установки. В равной мере необходимо иметь в виду и то, что немецкие группировочные интервалы выше наших. Учет этих моментов дает как раз основание констатировать, что абсолютный уровень концентрации промышленной энергетики Германии в действительности еще более превосходит абсолютный уровень концентрации силового хозяйства нашей промышленности.

Однако относительный уровень концентрации нашей промышленной энергетики повидимому не уступает соответствующему уровню концентрации в германской промышленности. В самом деле, в последней 79 высокомоощных энергетических установок, составляющие 1,3% от общего итога, включенных в обследование промышленных единиц, имеют в общей сложности мощность, равную 39,7% и выработку электрической энергии — 51,2% от соответствующих итогов по германской промышленности. В нашей же промышленности верхние 74 заведения составляют всего 0,9% от общего числа заведений, включенных в обследование, и в то же время их удельный вес по мощности равен около 38%, а по выработке энергии около 42% в соответствующих итогах по союзной промышленности. Не трудно было бы этот же тезис подтвердить и на примере анализа других частей этих сводок².

Мы имеем все основания констатировать, что если по абсолютному уровню концентрации фабрично-заводских энергетических установок мы находимся несомненно далеко позади Германии и, повидимому, ряда других высокоразвитых стран мирового хозяйства, то по показателям, характеризующим относительный уровень концентрации, мы не отстаем от Германии.

Это обстоятельство имеет актуальный интерес не только под углом зрения теоретического изучения основных вопросов концентрации советской промышленности, но и с точки зрения практических выводов в области реконструкции нашей промышленной энергетики³.

Существенно важным моментом для характеристики рационализации энергетического хозяйства является состав установленных

¹ Несовпадение интервалов вызвано в частности тем, что в Германии единицей мощности принят киловатт, а в наших сводках — лошадиная сила.

² В данном случае отмеченные выше расхождения в объеме и цензе между германскими данными и нашими говорят о том, что в действительности относительный уровень концентрации нашей промышленной энергетики еще более высок по сравнению с энергетическим хозяйством промышленности Германии.

³ См. об этом ниже.

первичных двигателей, который, естественно, различен в разных этажах промышленности — в группах заведений с различной мощностью силового аппарата. Анализ строения первичных двигателей, действующих в отдельных частях промышленности с различным уровнем концентрации силового аппарата, имеет глубокое прикладное значение при решении основных вопросов реконструкции.

В общем виде, для союзной промышленности в целом этот вопрос был подвергнут детальному сравнительному изучению в наших вступительных очерках, опубликованных во втором томе цитированных выше трудов³. Мы там пришли к выводу, что «наследство, полученное Октябрем по линии структуры энергетического аппарата промышленности, является далеко не завидным: паровые машины — сравнительно наименее эффективный класс двигателей — доминирует в спловых установках нашей промышленности»⁴.

В результате сравнительного анализа соответствующих материалов по промышленной энергетике СССР, Англии и САСШ мы там констатировали, что первичный аппарат наших промышленных установок по своему составу в общем отстает от состава децентрализованных промышленных установок САСШ, но что он находится, бесспорно, на более высокой ступени, чем в Англии. Это обстоятельство было подробно исследовано и объяснено в цитированных очерках. В настоящей же статье мы имеем возможность рассмотреть структуру первичного силового аппарата, действующего в отдельных группах промышленных заведений, вооруженных силовым аппаратом различной мощности.

В развернутом виде эти вопросы освещает следующая таблица:

ТАБЛИЦА 4.

Состав первичных двигателей, установленных в промышленных заведениях различной мощности

Группы заведений по мощности работающих двигателей (в эф. л. с.)		Мощность отдельных классов двигателей в % к соответствующим горизонтальным итогам							Всего установ. пер.дв.
		Паровые маш.	Локо-моб.	Пар. турбины	Дизеля	Проч. дв. в. стог.	Водяные турбины	Водяные колеса	
А		1	2	3	4	5	6	7	8
Низшая	До 15	38,8	24,2	—	2,9	28,7	2,9	2,5	100,0
	26—50	32,6	22,5	0,6	4,6	28,9	7,1	3,7	100,0
	51—100	32,4	16,6	0,8	13,8	26,2	8,2	2,0	100,0
Средняя	101—200	45,9	13,7	1,2	13,6	16,1	8,6	0,9	100,0
	201—500	56,0	10,5	1,6	17,4	7,5	6,6	0,4	100,0
	501—1 000	61,0	8,2	6,0	13,7	4,8	6,3	0,0	100,0
	1 001—2 000	55,5	2,6	23,2	9,7	3,9	4,1	—	100,0
Высшая	2 001—5 000	46,8	0,7	43,7	6,2	0,7	1,9	—	100,0
	5 001—10 000	38,1	0,6	54,0	5,3	1,2	0,8	—	100,0
	10 001—20 000	41,3	1,7	45,9	8,9	1,9	0,3	—	100,0
	Свыше 20 000	42,1	—	22,1	—	35,9	—	—	100,0
Итого		46,3	5,1	26,6	8,4	10,0	3,3	0,3	100,0

¹ «Фабрично-заводская промышленность СССР», вып. II: «Силовой аппарат, энергетический и топливный балансы союзной промышленности».

² Ibidem, с 27.

В общем и целом, цитированный выше вывод находит свое полное подтверждение и в развернутых данных этой таблицы. Паровая машина является относительно наиболее распространенным двигателем в нашей промышленной энергетике, независимо от уровня концентрации, почти во всех этажах промышленности. Но материалы этой сводки показывают, что удельный вес паровых машин растет в силовом аппарате отдельных групп заведений более высокой мощности, достигая наивысшего процента в заведениях с мощностью от 500 до 1 000 л. с. (61% от соответствующей итоговой мощности). В силовом же аппарате заведений, принадлежащих к верхнему этажу, этот процент снижается, достигая своего относительного минимума — 42%. В этих группах заведений паровая машина вытесняется главным образом паровой турбиной и в некоторых отраслях — двигателями внутреннего сгорания. Таким образом, наибольший удельный вес паровых машин в соответствующем силовом аппарате падает на заведения средней мощности, примерно в пределах от 100 до 2 000 л. с.

Удельный вес мощности локомотивов резко снижается при переходе от низшей группы заведений к средней и высшей; в последней он составляет всего около 1% в суммарной мощности силового аппарата. Локомотивы являются распространенным типом двигателя только в заведениях с мощностью до 200 л. с. Это объясняется тем обстоятельством, что модальная мощность, сосредоточенная в отдельных агрегатах этого класса двигателей, как раз и колеблется в этих пределах.

Более высокий по техническому уровню класс двигателей — паровые турбины — являются характерным типом силового аппарата заведений верхнего этажа промышленности (выше 2 000 л. с.). Они являются наиболее распространенными двигателями в заведениях с мощностью от 5 до 10 тыс. л. с. (54% от соответствующего итога мощности установленных первичных двигателей). Это также объясняется тем, что модальная мощность отдельных агрегатов паровых турбин в децентрализованных промышленных установках измеряется в тысячах л. с.

Требует специального объяснения следующий факт, выступающий при анализе данных, характеризующих удельный вес мощности паровых турбин в соответствующих итогах по высшей группе заведений. А именно, мы наблюдаем снижение удельного веса мощности паровых турбин в силовом аппарате как раз наиболее мощных заведений — от 20 тыс. л. с. и выше. (С 45—50% в группе заведений с мощностью от 5 до 20 тыс. л. с. удельный вес паровых турбин снижается до 22% в заведениях с мощностью выше 20 тыс. л. с.). Но этот факт объясняется как раз тем, что эти высокомошные заведения являются металлургическими заводами, где, естественно, в силовом аппарате на передний план выдвигаются мощные газовые двигатели, использующие внутренние энергетические ресурсы этого производства. Об этом свидетельствуют также данные 5-й графы таблицы 4, характеризующие удельный вес мощности «прочих двигателей внутреннего сгорания». Процент последних дает как раз резкий скачок вверх в этой высшей группе промышленных заведений, достигая 36%.

Установленные в силовом аппарате нашей промышленности дизели являются в основном двигателями относительно незначительной мощности. Они больше всего распространены в силовом аппарате средней группы заведений.

Группа «прочих двигателей внутреннего сгорания» — двигатели так называемого низкого сжатия, главным образом

нефтянки, наиболее всего распространены в силовом аппарате мелко-мощных заведений (до 100 л. с.).

Удельный вес мощности водяных двигателей вообще крайне незначителен в силовом аппарате отдельных групп промышленных заведений. Водяные турбины обслуживают отдельные заведения главным образом средней мощности (от 100 до 500 л. с.), а водяные колеса — отдельные мелко-мощные заведения с силовым аппаратом до 50 л. с.

В общем паросиловые двигатели составляют основной костяк нашей промышленной энергетики. На втором месте находятся двигатели внутреннего сгорания и на последнем — водяные двигатели. В нижней группе наших силовых установок наиболее распространенными классами двигателей являются паровая машина, локомотив и двигатели внутреннего сгорания низкого сжатия; в средней — паровая машина, дизель и частично паровая турбина; в верхней — паровая турбина, газовый двигатель и паровая машина.

Вопросы состава первичных двигателей, действующих в нашей промышленности, дополнительно освещают также и материалы следующей сводки, в которой показано распределение мощности отдельных классов двигателей по группам заведений. Эта таблица демонстрирует где, в каких этажах промышленности сосредоточены основные массивы мощности отдельных классов первичных двигателей. Данные этой таблицы в свою очередь подтверждают приведенный выше анализ структуры первичного силового аппарата нашей промышленности.

ТАБЛИЦА 5.

Распределение мощности отдельных классов установленных первичных двигателей по группам промышленных заведений

Группы промышленных заведений по мощности работающих двигателей (в эф. л. с.)	В % к соответствующим итогам мощности отдельных классов двигателей							
	Паро- вые маш.	Локо- мот.	Паро- вые турб.	Дизе- ля	Проч. дв. вн. сгор.	Водя- ные турб.	Водя- ные колеса	Всего устан. двиг.
А	1	2	3	4	5	6	7	8
До 100	6,5	34,2	0,1	9,6	59,9	18,6	70,8	8,9
101—2 000	43,2	57,3	12,1	57,7	33,1	66,9	29,2	35,7
2 001—10 000	30,4	4,3	61,0	22,8	2,6	13,5	—	33,1
Свыше 10 000	19,9	3,1	26,8	9,8	3,8	1,0	—	22,2
Вся промышленность ¹	100	100	100	100	100	100	100	100

Представляет большой интерес сравнить, хотя бы приблизительно, данные о составе силового аппарата, установленного в различных группах заведений нашей и германской промышленности. К сожалению, материалы, характеризующие промышленную энергетику Германии по данному вопросу, крайне ограничены. Они, как уже об этом было выше сказано, во-первых, относятся только к промышленным электростанциям и таким образом по объему расходятся с приведенными данными по на-

¹ См. примечание к табл. 1.

шей промышленности; во-вторых, интервалы мощности отдельных групп станций по германским данным не совпадают с нашими; в-третьих, о составе силового аппарата промышленной энергетики Германии можно судить только по данным об энергетических источниках, питающих различные установки (т. е. приходится условно принять, что станции, питающиеся твердым топливом, состоят из паро-силовых установок; питающиеся жидким топливом и газом — из двигателей внутреннего сгорания и, наконец, станции, питающиеся водной энергией, — из гидравлических двигателей)¹; в-четвертых, удельный вес отдельных энергетических систем по германским данным измеряется по выработке энергии, а не по мощности, как это принято в наших материалах. Однако все эти перечисленные моменты все же не нарушают общей сравнительной картины состава силового хозяйства промышленности Союза Германии.

ТАБЛИЦА 6.

Германия. Фабрично-заводские электростанции (Eigenanlagen).

Состав первичной энергии, произведенной на станциях различной мощности в 1927 г.²

Группы станций по мощности установленных двигателей	Твердое топливо (паросил. установ.)	Жидкое топливо и газ (дв. вн. сгор.)	Водян. энер. (гидравлич. двигатели)	Итого
	В % к соответствующим итогам первичной энергии, произвед. на группах станций разл. мощности			
А	1	2	3	4
До 100 квт. (до 136 л. с.)	62	14	24	100
101—5 000 квт. (136—6 800 л. с.)	79	10	11	100
5 000—10 000 квт. (6 800—13 600 л. с.)	66	32,6	1,4	100
10 000 квт. (13 600 л. с.)	56	30	14	100
Все станции	65,2	23,6	11,2	100

Сравнительный анализ данных таблиц 6 и 4 показывает, что так же, как и в энергетике нашей промышленности, паросиловые установки являются наиболее распространенным классом двигателей в отдельных группах германских фабрично-заводских станций различной мощности. Причем наиболее высокого процента достигают паросиловые установки в группах промышленных заведений с мощностью от 101 до 5 000 квт. Но германские данные не дают возможности выявить, в каком соотношении находятся паровые машины, локомобили и паровые турбины в паросиловом аппарате различных групп станций.

¹ Некоторые неточности (крайне незначительной степени) в данном случае относятся к условному приравниванию всех установок, питающихся жидким топливом, к классу двигателей внутреннего сгорания. Возможны отдельные случаи, единичные, когда паросиловые установки (котельные) отапливаются жидким топливом. В германском хозяйстве, которое питается главным образом импортной нефтью и ее дериватами, вряд ли могут встретиться в действительности подобные случаи.

² Что касается газогенераторных установок (питающихся твердым топливом), то их удельный вес вообще крайне незначителен, и, в частности, вряд ли они могут фигурировать в приведенной сводке по электростанциям Германии.

² Исчислено по материалам обследования 1927 г. («Wirtschaft und Statistik», 1929, S. 75 и 77).

Класс двигателей внутреннего сгорания наиболее распространен в группе фабрично-заводских станций Германии, с мощностью выше 5 000 квт. (около $\frac{1}{3}$ от суммарной выработки энергии на этих группах станций). Это объясняется тем, что данные группы промышленных заведений состоят главным образом из заводов металлургической и частично угольной промышленности¹, где относительно высок процент газовых двигателей, использующих внутренние энергетические ресурсы. Мы имеем в данном случае картину аналогичную с структурой энергетического аппарата высших групп заведений нашей промышленности.

Обращают внимание следующие основные различия в структуре силового аппарата нашей и германской промышленности, которые резко выступают при сравнительном изучении материалов указанных выше таблиц.

В Германии гидроустановки составляют 24% по выработке энергии в группе промышленных станций с мощностью до 100 квт., 11% — в группе промышленных станций от 101 до 5 000 квт. и 14% — в промышленных станциях выше 10 000 квт. В нашей же промышленной энергетике водяные двигатели составляют ничтожный процент даже в мелко-мощных установках (около 10% по мощности); в средней же группе заведений они едва достигают нескольких процентов, а в верхней группе (в заведениях с мощностью силового аппарата выше 10 000 л. с.) они вовсе отсутствуют.

Это чрезвычайно характерный факт: Германия, которая имела и имеет активный тепловой баланс², питающая своим углем ряд европейских стран, тем не менее довольно интенсивно эксплуатирует свои водные силы, главным образом Южного района (Бавария, Вюртемберг и Баден). В силовом же хозяйстве нашей промышленности гидравлические установки играют ничтожную роль (около 3,6% по мощности), несмотря на то, что баланс энергетических ресурсов нашей страны богато представлен водными силами. Анализ и объяснение этого обстоятельства были приведены нами в цитированных очерках. Поэтому мы здесь не будем останавливаться на данном вопросе³. Необходимо подчеркнуть лишь,

¹ См. соответствующие данные в «Wirtschaft und Statistik», 1929 г., S: 78.

² Энергетической базой народного хозяйства Германии являются главным образом рейнско-вестфальские и средне-германские угли.

³ Отметим лишь, что высокий удельный вес водных сил в энергетическом балансе Германии был обусловлен, в частности, следующими обстоятельствами:

Во-первых, тем, что технико-экономические условия эксплуатации гидроэнергетических источников в Южной Германии относительно крайне благоприятны (альпийские реки и равнинные реки юга Германии имеют различные режимы. Кустование гидроэлектрических станций дает, таким образом, выгодную возможность выпрямления графиков отдачи энергии. Наряду с этим Южная Германия богата озерами, могущими быть использованными как естественные резервуары для регулирования расхода воды. Издержки производства единицы гидроэлектрической энергии в Баварии равнялись до войны, примерно, около 0,75 пф.). Во-вторых, тем, что хозяйство ряда германских областей имело резко выраженный дефицитный тепловой баланс и было вынуждено питаться привозным топливом. В-третьих, созданным в период войны и после нее крайне напряженным состоянием с тепловым балансом страны. Последнее было вызвано, в частности, послеверсальским отторжением ряда германских областей, где удельный вес угледобычи составлял до войны около $\frac{1}{5}$ всей имперской добычи угля (восточная часть Верхней Силезии, Саар, Эльзас и Лотарингия; ежегодная добыча угля в этих отторгнутых районах составляла до войны около 47 млн. т; из них в восточной части Силезии—около 30 млн. т, в Сааре—около 13, в Эльзасе и Лотарингии—около 4 млн. т угля) и необходимостью значительных поставок угля в счет репарационных платежей. В связи с выключением из германского хозяйства восточно-силезских и саарских угольных месторождений еще более резко сказалась дефицитность теплового баланса отдельных районов. В-четвертых, использование водных сил в Германии

что вопросы использования водных сил имеют огромное значение для развития энергетической базы нашего народного хозяйства вообще, промышленности — в частности. Это обстоятельство нашло свое отражение и в запроектированном пятилетнем плане развертывания энергетического сектора производительных сил нашей страны¹.

Далее, в промышленной энергетике Германии относительно выше, чем в СССР, удельный вес двигателей внутреннего сгорания в соответ-

стало в особенности актуальным в связи с крайне интенсивным со времени войны развитием в стране электро-химической и электро-металлургической промышленности (производство азотистых веществ, алюминия и др.). В период войны главный штандорт этих производств был вначале сосредоточен в Средней Германии, где они питались бурными углями. Срочная потребность в огромных массах взрывчатых веществ для ведения войны наряду с вынужденным прекращением импорта основного сырья — чилийской селитры, заставило Германию перейти на собственное производство азотистых веществ. Строительство этих предприятий в Средней Германии с термическими электростанциями, питающимися бурными углями, а не на юге Германии с гидравлическими станциями, было вызвано главным образом тем, что сооружение последних требовало бы большего строительного срока сравнительно с тепловыми станциями. Война же требовала всячески форсировать продукцию азотистых веществ, даже ценою более высоких издержек производства (1 квт./ч. в тепловых станциях, питающихся среднегерманскими бурными углями, обходился до войны примерно в 1 пф., в то время как в южногерманских гидроэлектрических станциях — около 0,75 пф.).

Однако впоследствии, в особенности после войны, гидроэнергетические источники Юга Германии стали все более притягивать к себе электрохимическую и электрометаллургическую промышленность. Штандорт этих основных отраслей постепенно передвигался в Баварию и Вюртемберг.

И, наконец, в - п я т ы х, крайне важным моментом в развитии водных сил Германии является также то обстоятельство, что запасы бурых углей, составляющих энергетический костяк среднегерманского народного хозяйства, относительно крайне ограничен. По исчислениям Дегне удельный вес ресурсов бурых углей в общем балансе энергетических ресурсов Германии составляет всего 1,8% (по исчислениям проф Windel'a — 4,5%). Период истощения этих угольных запасов при данном темпе ежегодного роста добычи измеряется несколькими десятилетиями. Совершенно очевидно, что в связи с этим крайне актуальной проблемой германского хозяйства является наиболее рациональное обеспечение энергетического тыла Средней Германии, в первую очередь развитие южногерманских источников водной энергии. Сооружение там мощных гидроцентральных и кустанование их высоковольтными линиями с среднегерманскими и рейнско-вестфальскими промышленными центрами должно сыграть крайне существенную роль в рационализации энергетического тыла Средней Германии.

Необходимо также иметь в виду, что Германия старается всячески экономить и свои высокосортные, прекрасно коксующиеся антрацитовые угли Рейнско-Вестфальского бассейна. Она стремится всячески снизить процент потребления этих антрацитовых углей в силовых установках (рурский уголь является для Германии также полноценной иностранной валютой).

Все эти обстоятельства, вместе взятые, форсируют эксплуатацию водных сил Юга Германии и выдвигают их как один из основных народнохозяйственных факторов в энергетическом балансе страны.

В 1927 г. всеми гидро-электрическими станциями Германии было произведено 3 806 млн. квт./ч. при общей выработке электроэнергии в стране в 25 134 млн. квт./ч. Таким образом, в общем электроэнергетическом балансе страны водные силы составляли в 1927 г. 15,3%. Из этой продукции гидроэлектрической энергии на долю гидравлических станций общего пользования падает 64%, а на долю фабрично-заводских станций — 36%. См. по этому вопросу: Ra u e r, Die Wasserkraftausnutzung in Bayern; München 1926; B u t h, Die Energiequellen Deutschlands. Dissert., Techn. Hochsch., Berlin 1922; R e i t h i n g e r, Die volkswirtschaftliche Bedeutung der bayerischen Wasserkräfte, München 1925; L y m p h e r, Die Wasserwirtschaft Deutschlands und ihre neuen Aufgaben. Berlin 1921; D e h n e — цит. сочинения.

¹ Мощность уже строящихся и намеченных к сооружению гидро-электроцентральных составляет около 1 175,2 тыс. квт., из коих 529 тыс. квт. должны быть введены в действие на протяжении ближайшего пятилетия (по 1931/32 г.), а начало эксплуатации остальных 646 тыс. квт. — после 1931/32 г. Современная же мощность гидравлических станций общего пользования — всего 81,7 тыс. квт., а децентрализованных фабрично-заводских гидроустановок — около 53 тыс. квт.

ствующих итогах по высшим группам промышленных заведений (от 5 до 10 тыс. квт. и выше 10 тыс. квт.). Это несомненно обусловлено более высоким уровнем и типом развития металлургической промышленности в Германии, где силовой аппарат, состоящий главным образом из высокомоощных газовых установок, использует внутренние энергетические ресурсы этих производств. (В общем электроэнергетическом балансе металлургической промышленности Германии, составившем в 1927 г. около 3 млрд. квт./ч., на долю газовых установок падает выше 2,1 млрд. квт./ч. Общая же выработка электроэнергии на всех газовых электростанциях Германии равнялась в 1927 г. около 2,7 млрд. квт./ч. ¹ В то же время вся выработка электроэнергии германскими станциями, работающими на жидком топливе, составляла всего около 180 млн. квт./ч. ² Эти цифры полностью подтверждают приведенные выше соображения.

Очевидно, что запроектированное у нас в пятилетнем плане строительство гигантов металлургической промышленности на наиболее высокой энергетической основе должно будет несомненно резко повысить удельный вес этой группы установок двигателей внутреннего сгорания в силовом аппарате промышленности.

Чрезвычайно важной проблемой в исследовании рационализации нашей промышленной энергетики является строение топливного и теплового баланса промышленных заведений, вооруженных термическими силовыми установками различного уровня концентрации. В данном случае нам придется ограничиться анализом только одного из вопросов этой сложной проблемы, именно анализом состава потребленного топлива.

Следующая таблица дает развернутую характеристику этого вопроса:

ТАБЛИЦА 7.

Состав потребленного топлива в промышленных заведениях различной мощности ³

Группы промышленных заведений по мощности работающих двигателей (в эф. л. с.)		Каменно-уг. топл.	Древесн. топливо	Торф	Нефтего-пливо	Пр. виды топлива	Итого топлива
		В % к соответствующим горизонтальным итогам					
А		1	2	3	4	5	6
Низшая	До 25 . . .	28,9	51,7	2,6	8,0	8,8	100,0
	26—50 . . .	38,4	41,0	3,0	8,5	9,1	100,0
	51—100 . . .	36,1	40,6	1,8	11,4	10,1	100,0
Средняя	101—200 . .	41,7	32,7	4,7	8,9	12,0	100,0
	201—500 . .	57,1	21,8	5,1	10,5	5,5	100,0
	501—1 000 . .	46,8	17,0	10,8	21,4	4,0	100,0
	1 001—2 000 .	53,0	21,2	7,5	14,9	3,4	100,0
Высшая	2 001—5 000 . .	55,2	18,0	12,1	13,7	1,0	100,0
	5 001—10 000 .	57,1	15,1	10,3	10,0	7,5	100,0
	10 001—20 000 . .	65,8	8,1	6,3	15,3	4,5	100,0
	20 001—40 000 . .	68,8	0,1	—	0,0	31,1	100,0
	Свыше 40 000 . .	49,2	0,1	—	0,0	50,7	100,0
Вся промышленность . .		52,9	19,4	7,5	12,2	8,0	100

¹ Исчислено по материалам, опубликованным в «Wirtschaft und Statistik» (1929).

² Включая электростанции общего пользования.

³ Абсолютные данные по отдельным видам топлива приведены были к одному знаменателю—к условным единицам 7 000 кал. топлива.

Материалы этой сводки ясно показывают, что с ростом концентрации силового хозяйства, обуславливающего, как мы выше видели, соответствующие сдвиги в составе энергетического аппарата, закономерно растет и минерализация потребляемого топлива. Если в группе заведений с мощностью силового аппарата до 25 л. с. удельный вес древесного топлива доминирует в топливном балансе этих заведений (51,7%), то при переходе к более высоким интервалам удельный вес дров все более снижается и сходит почти на нет в самых высших группах заведений (см. графу 2-ю табл. 7). Наоборот, удельный вес каменного угля растет в топливных балансах при переходе от низших групп заведений к средним и высшим (с 29% в топливном балансе заведений с мощностью силового аппарата до 25 л. с. — до 69% в заведениях с мощностью в 20—40 тыс. л. с.).

Некоторое снижение процента каменноугольного топлива в самой высшей группе промышленных заведений свыше 40 000 л. с. обусловлено, как мы уже знаем, принадлежностью этих предприятий к металлургической отрасли, где действующий силовой аппарат использует внутренние энергетические ресурсы (газ). Об этом свидетельствуют и соответствующие цифры графы 5-й, показывающие резкое повышение удельного веса «прочих видов топлива» в топливном балансе этих заведений (50,7%). В состав же «прочих видов топлива» входят как раз главным образом внутренние энергетические ресурсы, в данном случае — газ.

Торф относительно наиболее распространен в заведениях с мощностью силового аппарата, примерно, от 500 л. с. до 10 000 л. с. В топливном балансе этих групп заведений удельный вес торфа составляет около 10%.

Удельный вес нефти относительно высок в топливном балансе как средней, так и высшей группы заведений (в заведениях с мощностью от 10 до 20 тыс. л. с. удельный вес нефти равен 15,3%; в заведениях с мощностью от 2 до 5 тыс. л. с. — 13,7% и т. д.). Если мы вспомним, что дизельные установки главным образом распространены в низшей и средней группе установок (см. выше), то совершенно очевидно будет вывод о том, что нефть еще питает у нас в относительно больших размерах и паросиловые установки. С народнохозяйственной точки зрения этот факт свидетельствует о нерациональном использовании этого наиболее высокоценного энергетического элемента. Во всех странах мы за последние годы видим вполне обоснованную тенденцию уменьшения удельного веса нефти и ее дериватов в топливном балансе стационарных силовых установок, поскольку, в частности, в огромной степени растет потребление этих продуктов в других отраслях хозяйства, где замещение жидкого топлива твердым наталкивается на объективные экономические трудности. Хотя наша страна и относительно весьма богата природными запасами нефти, однако, с народнохозяйственной точки зрения необходима максимальная рационализация использования этого вида топлива, так как помимо всего прочего нефть является для нас и полноценной иностранной валютой.

Общий анализ данных этой сводки дает основание констатировать, во-первых, что в основном и целом состав потребляемого топлива в отдельных группах заведений находится (за некоторыми исключениями) в полном соответствии с составом функционирующего двигательного аппарата. Во-вторых, что в топливном балансе низшей и средней групп

наших заведений еще очень высок удельный вес древесного топлива. Это в свою очередь свидетельствует о низком уровне рационализации несомненно огромной части мелко- и отчасти среднечастотных первичных установок. В-третьих, что, как уже сказано было, относительно высок процент потребляемого жидкого топлива в стационарных установках нашей промышленной энергетики. И, наконец, в-четвертых, что в нашей промышленной энергетике недостаточно используются внутренние энергетические ресурсы. (Разумеется, что на состав топливного баланса в огромной степени влияет и характер промышленного производства — строение отдельных предприятий. Анализ соответствующих материалов в отраслевом разрезе несомненно должен внести свои коррективы).

Важнейшими показателями рационализации энергетического хозяйства являются коэффициенты электрификации и коэффициенты нагрузки силового аппарата. О народнохозяйственном значении этих факторов было в общем виде сказано в цитированных выше наших очерках, где были подвергнуты сравнительному анализу средние данные, характеризующие уровень электрификации и уровень нагрузки энергетического аппарата промышленности СССР и западных стран (САСШ, Англия, Норвегия, Швеция и др.)¹.

В настоящей же статье мы рассмотрим, в какой степени электрифицирован и каков уровень нагрузки силового аппарата отдельных групп заведений различной степени концентрации.

В таблице 8 представлены данные о коэффициентах электрификации различных групп заведений.

Материалы этой таблицы освещают нам уровень электрификации (потенциальный и фактический) как установленных первичных двигателей, так и рабочих машин. Отдельно показан коэффициент, характеризующий уровень централизованного энергоснабжения.

Анализ этих данных показывает, что коэффициент электрификации первичных двигателей, установленных в низшей и отчасти в средней группах заведений, составляет всего около 20—25% по мощности и около 10—14% — по работе. Иными словами, около $\frac{8}{10}$ по мощности и около $\frac{9}{10}$ по работе первичных двигателей, функционирующих в этих группах заведений, обслуживают механический привод, т. е. занимают наиболее низкую, с народнохозяйственной точки зрения, техническую ступень.

По мере роста уровня концентрации силового аппарата отдельных групп заведений этот коэффициент электрификации неуклонно повышается. Наиболее высокий уровень электрификации первичных двигателей имеют заведения высшей группы, мощностью от 2 до 10 тыс. л. с. (коэффициент электрификации равен около 63,5%). Напомним, что в силовом аппарате этой группы заведений как раз наиболее распространенным классом первичных двигателей является паровая турбина. В заведениях же с еще более мощными силовыми установками (от 10 тыс. и выше) эти коэффициенты несколько снижаются (55,7%, 41,3% и 39,9% — по мощности; 61,8%, 41,5% и 42,7% — по работе). Данный интервал мощности силовых установок в нашей промышленной энергетике (5—10 тыс. л. с.) является «критическим» и для других коэффициентов, характеризующих уровень электрификации (см. соответствующие данные 3-й и 4-й граф таблицы 8). До этого интервала все эти коэффициенты электрификации закономерно растут. В более же высших группах

¹ «Силовой аппарат, энергетический и топливный балансы союзной промышленности», 1929.

ТАБЛИЦА 8.

Характеристика уровня электрификации отдельных групп промышленных заведений

Группы промышленных заведений по мощности работавших двигателей (в эф. л. с.)		Коэффициенты электрификации ¹				Коэффициенты централ. энерго-снабжения. ²
		Установл. первичных двигателей		Рабочих машин		
		Потенц.	Фактиче-ский	Потенц.	Фактиче-ский	
А		1	2	3	4	5
Низшая	До 25	21,6	11,3	38,9	23,6	24,1
	26—50	24,0	12,0	35,0	17,0	14,8
	51—100	20,2	10,8	35,0	15,2	12,2
Средняя	101—200	25,5	14,8	44,0	23,0	17,3
	201—500	35,0	23,1	46,0	29,6	17,5
	501—1 000	42,7	31,5	56,6	38,0	20,4
	1 001—2 000	45,8	31,8	60,4	42,8	19,5
Вышая	2 001—5 000	63,5	59,1	69,9	57,5	13,2
	5 001—10 000	63,4	64,5	72,6	62,0	12,9
	10 001—20 000	55,7	61,8	68,4	55,6	3,4
	20 001—40 000	41,3	41,5	43,0	35,8	1,0
	Свыше 40 000	39,9	42,7	56,0	39,0	0,2
Вся промышленность .		47,2	43,3	59,0	43,5	12,8

¹ Коэффициенты электрификации исчислены по следующим формулам:

а) коэффициент электрификации первичных двигателей: потенциальный (гр. 1)—как отношение мощности электрических генераторов и мощности установленных первичных двигателей; фактический (гр. 2)—как отношение энергии, превращенной в электрическую, ко всей энергии, выработанной первичными двигателями;

б) коэффициент электрификации рабочих машин: потенциальный (гр. 3)—как отношение мощности электрических моторов и суммарной мощности двигателей, предназначенных к обслуживанию рабочих машин; фактический (гр. 4)—как отношение электромоторной энергии ко всей энергии, ушедшей на обслуживание рабочих машин.

Показатель мощности силового аппарата, предназначенного к обслуживанию рабочих машин, складывается из мощности первичных двигателей, непосредственно обслуживающих рабочие машины через механический привод, и мощности электромоторов.

(Подробно о методологии конструирования этих показателей см. в ваших очерках, опубликованных в «Вестн. Ст-ки», №№ 3 и 4, 1927 г., и в приложении к докладу на I Всесоюзном энергетическом съезде. См. также ст. т. Хейстера И. М., «Характеристика публик. его материала», во II вып. серии «Фабрично-заводская промышленность». Промышленный сектор ЦСУ СССР).

² Коэффициент централизованного энергоснабжения исчислен как отношение электроэнергии, полученной со стороны (от станции общего пользования) ко всей энергии, (электрической и механической), потребленной в данной группе промышленных заведений,

заведений кривая электрификации «ломается» и идет на некоторое снижение.

Было бы, разумеется, глубокой ошибкой из этого факта сделать какой-либо вывод о том, что с технической или экономической точек зрения этот уровень концентрации является «оптимальным» для электрификации. В данном случае, «оптимум» в действительности совпадает с 100%-ной электрификацией на наиболее высокой технической основе, независимо от уровня концентрации. Наблюдаемый же нами факт относительного понижения коэффициентов электрификации в самых высших группах заведений нашей промышленности объясняется рядом общих и частных причин, важнейшими из которых являются, во-первых, характер производственных процессов в тех отраслях промышленности, к которым фактически относятся эти высшие группы заведений, так как отдельные производственные операции при современном уровне техники еще трудно перевести на электрический привод, главным образом, с экономической точки зрения. В настоящем случае эти наиболее мощные силовые установки обслуживают главным образом металлургическую, угольную и частично машиностроительную промышленность, к которым как раз в известной мере приложимо сделанное выше замечание (например, воздуходувки).

Во-вторых, реакционной силой по отношению к реконструкции силового аппарата и к переходу его на обслуживание электрического привода были в данном случае огромные капитальные вложения в такие мощные заведения. Дело в том, что эти заводы-гиганты были в основном сооружены еще задолго до войны, когда «электрификация» делала только свои первые шаги, в частности — в отсталом народном хозяйстве Российской империи. Реорганизация в дальнейшем силового хозяйства этих промышленных предприятий была бы сопряжена, несомненно, с моральным износом известной части капитальных вложений задолго до ее физического износа.

Совершенно очевидно, что полная электрификация этих предприятий составляет одну из первоочередных задач реконструкции нашей энергетики.

Данные этой таблицы показывают далее, что коэффициент фактической электрификации первичных двигателей в мелких и средних установках ниже, чем соответствующий коэффициент потенциальной электрификации; в высших же группах заведений (от 5 тыс. л. с.), наоборот, коэффициент электрификации по мощности выше, чем по работе. Это свидетельствует о лучшем использовании электроэнергетического аппарата заведений более высокого уровня концентрации.

Коэффициенты электрификации рабочих машин в абсолютном своем выражении превосходят соответствующие коэффициенты электрификации первичных двигателей. Это объясняется как включением в формулу исчисления показателей электрификации рабочих машин мощности электромоторов чужого тока, так и тем, что мощность электромоторов, как правило, выше мощности тех генераторов, которые питают током присоединенные моторы (коэффициент одновременного действия присоединенных моторов меньше единицы)¹.

¹ Более низкие коэффициенты электрификации рабочих машин по работе, чем по мощности (гр. 4 и 5), объясняются относительно незначительной нагрузкой электромоторов (см. об этом цитировавшие нами выше очерки).

Необходимо, наконец, отметить чрезвычайно важный вывод, вытекающий из анализа показателя уровня централизованной электрификации отдельных групп заведений. Мы уже знаем, что этот показатель характеризует качественную сторону электрификации — интенсивность внедрения в нашу промышленную энергетику электрического тока от плановых электроцентралей. Приведенные в таблице данные по этому вопросу показывают, во-первых, что удельный вес электроэнергии, полученной промышленностью от станций общего пользования, в общем энергетическом балансе промышленности еще очень низок (в среднем по всей промышленности он равен около 13%) и, во-вторых, что в мелких и средних заведениях этот коэффициент, характеризующий степень централизованного энергоснабжения, относительно выше, чем в заведениях высшей группы. Последнее объясняется с одной стороны тем, что переход на централизованное электроснабжение обычно выгоднее в мелких и средних заведениях, чем в крупных; с другой — тем, что производственная характеристика крупных заведений иная, чем в мелких и средних, о чем речь шла выше (использование внутренних энергетических ресурсов в крупных заведениях и т. д.).

В общем же данные этой таблицы дают весьма важный материал для решения некоторых основных вопросов реконструкции нашей промышленной энергетики.

Уровень нагрузки силового аппарата отдельных групп заведений освещают данные таблицы 9 (см. с. 120).

Сводный (интегральный) коэффициент нагрузки первичных двигателей растет с повышением степени концентрации силовых установок отдельных групп заведений (с 1 892 час., или 21,6%, в заведениях с мощностью до 25 л. с. — до 3 872 час., или 44,2%, в заведениях с наиболее мощным энергетическим аппаратом, выше 40 тыс. лоша. с.), причем этот рост, как видно из материалов таблицы, обусловлен ростом экстенсивного использования силового аппарата более мощных заведений. Если в низшей группе заведений средняя продолжительность работы силового хозяйства (экстенсивное использование) равнялась, примерно, 5—6 час. в сутки, то в высшей она достигает в среднем 13—14 час. Это обстоятельство несомненно находится в непосредственной связи с составом отраслей промышленности, которые обслуживают данный силовой аппарат, и продолжительностью работы отдельных групп заведений в течение года¹. Интенсивный же коэффициент нагрузки первичных двигателей в отдельных группах заведений имеет в общем незначительные колебания. Он, однако, несколько выше в мелких и средних заведениях, чем в крупных. Последнее объясняется более высоким отношением пиковой мощности к среднефактической в высшей группе заведений, чем в средней и низшей.

Если подвергнуть сравнительному анализу коэффициенты интегральной нагрузки отдельных групп заведений нашей и германской промышленности (см. таблицу 10), то мы увидим, что средняя и низшая группы заведений имеют несколько более высокий уровень нагрузки у нас, чем в Германии. В высшей же группе заведений силовой аппарат Германии имеет большее число часов использования одной установленной лошадиной силы, чем у нас. Это положение, вытекающее из сравнительного анализа материалов, приведенных в таблицах 9 и 10.

¹ Например, силовой аппарат, обслуживающий сезонную торфяную промышленность в течение года работает около 800 часов (коэффициент экстенсивной нагрузки = около 10%).

ТАБЛИЦА 9.

Характеристика уровня нагрузки силового аппарата отдельных групп промышленных заведений

Группы промышленных заведений с мощностью работающих двигателей (в эф. л. с.)		Коэффициенты нагрузки ¹							
		Первичных двигателей				Интегральный коэффициент			
		Интегральн.		В том числе		Электрогенераторов		Электромоторов	
		В %	В час.	Экстенс.	Интенс.	Электрогенераторов		Электромоторов	
А		1	2	3	4	5	6	7	8
Низшая	До 25	21,6	1 892	24,1	89,5	8,9	780	9,3	815
	26—50	27,7	2 426	31,9	86,9	12,2	1 069	10,6	929
	51—100	32,2	2 821	37,0	87,1	14,0	1 226	10,6	929
Средняя	101—200	32,0	2 803	37,8	84,6	16,4	1 437	12,2	1 069
	201—500	31,9	2 794	38,8	82,3	18,1	1 586	13,6	1 191
	501—1 000	31,6	2 768	40,2	78,7	20,4	1 787	15,1	1 323
	1 001—2 000	35,9	3 145	49,4	72,7	22,3	1 953	15,1	1 323
Высшая	2 001—5 000	37,1	3 250	54,2	68,5	30,1	2 637	19,6	1 717
	5 001—10 000	34,0	2 978	50,9	66,8	29,4	2 577	17,1	1 498
	10 001—20 000	37,9	3 320	53,8	70,5	36,0	3 154	16,1	1 410
	20 001—40 000	36,7	3 215	57,1	64,3	32,2	2 821	23,6	2 067
	Свыше 40 000	44,2	3 872	56,8	77,8	46,8	4 100	21,0	1 840
Вся промышленность		34,1	2 987	46,1	73,9	27,7	2 426	16,7	1 403

не совсем однако точно, ибо данные по Германии относятся только к фабрично-заводским электростанциям, а по СССР — ко всей промышленной энергетике. Если же сравнить показатели нагрузки фабрично-заводских электростанций СССР (см. гр. 5 и 6 табл. 9) с приведенными данными по электростанциям Германии (таблица 10), то окажется, что во всех группах заведений использование электро-силового аппарата в Германии значительно выше, чем у нас.

С ростом мощности силового аппарата отдельных групп промышленных заведений, естественно, растет и мощность отдельных агрегатов. Это бесспорное положение можно было в общем виде констатировать

¹ Коэффициенты нагрузки силового аппарата были исчислены в данном случае по следующим формулам:

Интегральный — как отношение фактически произведенной в году энергии к произведенной установленной мощности па 8 760 (число часов в году);

Интенсивный — как отношение среднефактической мощности к установленной мощности;

Экстенсивный — как отношение числа часов, фактически проработанных силовым аппаратом в году к 8 760 часам.

Коэффициент нагрузки первичного силового аппарата относится к работающим первичным двигателям (в знаменателе формул фигурирует мощность работающих, а не установленных двигателей).

Подробнее о методологии конструирования этих показателей см. в цитированных в примечании к табл. 8 очерках.

ТАБЛИЦА 10.

Германия. Фабрично-заводские электростанции.

Характеристика уровня нагрузки силового аппарата отдельных групп станций различной мощности ¹

Группы станций по мощности установленных двигателей	Коэффициент интегральной нагрузки	
	В %	В часах
До 100 квт.	16,9	1 482
101—5 000 квт.	25,6	2 239
5 001—10 000 квт.	29,4	2 574
10 001 квт. и выше	41,5	3 633
Все станции	32,4	2 839

уже выше, при анализе состава двигателей, которыми вооружены отдельные группы заведений. Представляет, однако, большой интерес точно проследить цифры, характеризующие среднюю мощность агрегатов отдельных классов двигателей, установленных в заведениях различной мощности. Это в развернутом виде освещает нижеприводимая таблица:

ТАБЛИЦА 11.

Характеристика средней мощности первичных агрегатов, установленных в различных группах промышленных заведений

Группы промышленных заведений по мощности работающих двигателей (в эф. л. с.)	Средняя мощность агрегатов (в эф. л. с.)							
	Паровая маш.	Локомот.	Паровая турб.	Дизель	Проч. дв. вн. сгор.	Водяная турб.	Водяное колесо	Ср. по всем кл. дв
А	1	2	3	4	5	6	7	8
Низшая группа (до 100 л. с.)	26	26	—	56	26	36	10	27
Средняя » (101—2 000 л.с.)	107	47	464	147	49	87	29	97
Высшая » (2 001 и выше)	273	190	1 668	314	504	139	—	447
Вся промышленность	120	39	1 185	149	65	72	13	122

В нижней группе заведений относительно наиболее высокую мощность отдельных агрегатов дает класс дизелей; на втором месте — водяные турбины, далее — паровые машины, локомотивы и «прочие двигатели внутреннего сгорания» (по 26 л. с.) и на последнем месте — водяные колеса. В средней и высшей группах заведений наиболее высокомошными агрегатами являются паровые турбины. Дизель занимает второе место в средней группе заведений (314 л. с.); в высшей же группе он уступает по своей мощности классу «прочих двигателей внутрен-

¹ «Wirtschaft und Statistik», 1929 г., S. 76, 74.

него сгорания». Средняя мощность агрегата последнего класса дает резкий скачок — с 49 л. с. в средней группе заведений до 504 л. с. в высшей. Это вызвано тем, что в средней группе заведений доминируют двигатели низкого сжатия; в высшей же группе на передний план выступают мощные газовые двигатели. Наименьшую среднюю мощность отдельного агрегата в средней и высшей группах заведений показывают водяные двигатели. Паровая машина и локомобиль имеют среднюю мощность даже в высшей группе заведений, равную всего 273 л. с. и 190 л. с.

Наконец последний вопрос, который здесь необходимо рассмотреть, — это влияние фактора концентрации силового аппарата отдельных групп заведений на уровень энерговооруженности труда. Последний показатель является в известном смысле выражением высоты технического состава отдельных частей промышленности. Анализ этого вопроса представляет также значительный интерес и для характеристики радионализации, в широком смысле слова (для косвенной характеристики народнохозяйственного эффекта), энергетического сектора промышленности.

ТАБЛИЦА 12.

Характеристика уровня энергификации труда в отдельных группах промышленных заведений различной мощности

Группы промышленных заведений по мощности работавших двигателей (в эф. л. с.)		Коэффициенты энергификации труда ¹	
		Потенциал. (по мощн.)	Фактический (по работе)
А		1	2
Низшая	До 25	0,48	0,30
	26—50	0,89	0,74
	51—100	1,46	1,29
Средняя	101—200	1,58	1,31
	201—500	1,85	1,50
	501—1 000	2,03	1,50
	1 001—2 000	2,97	1,75
Высшая	2 001—5 000	3,28	2,00
	5 001—10 000	3,82	2,09
	10 001—20 000	5,66	2,84
	20 001—40 000	14,81	8,93
	Свыше 40 000	17,13	9,97
Вся промышленность		2,58	2,14

¹ Коэффициенты энергификации труда исчислены по следующим формулам:

- а) потенциалный — отношение мощности силового аппарата, предназначенного к обслуживанию рабочих машин, к числу рабочих в 1-й (максимальной) смене;
 б) фактически — отношения энергии (л. с./ч.), потребленной на производственные цели, к числу отработанных человеко-часов производственными рабочими.

Как показывают данные таблицы 12, коэффициенты, характеризующие энерговооруженность труда (как по мощности, так и по работе), неуклонно растут при переходе к группам заведений более высокого уровня концентрации. Если в мелких заведениях на одного рабочего падает всего около 1 л. с. и на один рабочий час — около 1 л. с./ч., то в самой верхней группе промышленных заведений с мощностью выше 20 тыс. л. с. один рабочий уже вооружен около 15 л. с. и на один рабочий час падает уже около 9 л. с./ч. производственной энергии. Это свидетельствует о глубокоом процессе «расслоения» нашей фабрично-заводской промышленности по своему органическому составу. Это лишний раз свидетельствует также о том, что нельзя оперировать только «средними» показателями по промышленности или отрасли в целом как при теоретическом исследовании отдельных проблем, так и при проектировании генеральных и частных планов развития нашей промышленности. Это лишний раз подтверждает исходный тезис, в общем виде формулированный т. Смит, что «при планировании реконструкции плановик требует дифференцированного изучения промышленности с выделением групп наибольшей экономической эффективности»¹.

Обобщая приведенный выше анализ концентрации нашей промышленной энергетики и важнейших показателей, характеризующих современный уровень рационализации энергетического сектора отдельных групп заведений, мы можем констатировать следующие моменты:

Низшая группа наших промышленных заведений (с мощностью до 100 л. с.), которая питается энергией от собственных силовых установок, дает наиболее низкие показания по всем основным факторам, характеризующим рационализацию энергетического аппарата (по составу первичных двигателей и употребляемого топлива, по коэффициентам электрификации, нагрузки и т. д.). С народнохозяйственной точки зрения энергетика этих групп заведений находится на наиболее низкой технической ступени. Силовое хозяйство этой доминирующей по численности заведений части промышленности нуждается в первую очередь в коренной реконструкции. Общий вывод сводится в данном случае к тому, что энергетический аппарат этой группы заведений должен быть, как правило, полностью переключен на электрический привод централизованной системы плановых электроцентралей. Как показывает нижеприводимая сводка (табл. 13, с. 124), огромная часть этих заведений принадлежит как раз к тем производствам, которые потребляют главным образом силовую энергию и почти не имеют внутренних энергетических ресурсов (мукомольная, полиграфическая, металлообрабатывающая, керамическая, махорочная и другие).

Исключение могут представлять заведения, которые принадлежат к лесопильной отрасли, отчасти к кожевенной, где имеются относительно значительные энергетические отходы производства и в равной мере широко представленная в этой группе — винокуренная промышленность, потребляющая в относительно значительных размерах тепловую энергию на производственные процессы. В этих случаях процесс реконструкции в переходный период может быть, как правило, направлен на возможное при данных конкретных условиях укрупнение силового аппарата и кустование отдельных, соседних по территории производств с тем условием, чтобы они работали по замкнутому энергетическому

¹ «Фабрично-заводская промышленность», вып. IV.

ТАБЛИЦА 13.

Распределение нижней группы заведений (с мощностью до 100 л. с.) между отдельными отраслями промышленности

Отрасли промышленности		Число заведений	Мощн. устан. перв. двигат. (1 000 л. с.)	Мощн. двиг. общ. раб. маш. (1 000 л. с.)	Выраб. перв. энергии (в млн. л.с/ч.)	
		В % к соответствующим вертикальным итогам				
А		1	2	3	4	
1	Мукомольная	18,1	33,9	25,5	45,7	
2	Лесопильно-фаберная . .	10,3	13,1	5,2	11,2	
3	Металлообрабатывающая	8,2	5,0	7,2	3,3	
4	Винокуренно-дрожжевая	7,8	7,3	4,9	7,2	
5	Полиграфическая	7,6	1,2	4,9	0,9	
6	Кожевенная	4,4	3,8	3,9	3,2	
7	Маслобойная	3,6	4,0	3,0	5,1	
8	Машиностр. общ.	2,9	2,1	3,6	1,1	
9	Керамическая	2,8	3,4	3,5	1,9	
10	Деревообрабатывающая	2,2	1,7	2,5	1,6	
11	Махорочная	1,7	1,1	1,1	0,7	
12	Проч. отр. промышлен. .	30,4	23,5	34,8	18,1	
Итого: {		В %	100	100	100	100
		Абсол. итоги .	5 994	196,2	242,0	432,4

балансу (например, кустование лесопильного завода, винокуренного завода и мельницы).

В основном эти соображения остаются в силе и для значительной части заведений средней группы (от 100 до 2 000 л. с.). Мы видели, что и по составу установленных двигателей, по строению топливного баланса, по коэффициентам нагрузки и электрификации этот средний этап промышленности имеет относительно крайне низкие показатели. Распределение этой группы заведений по отраслям промышленности показывает табл. 14 (см. с. 125).

Как видно из таблицы, значительная часть этих заведений также принадлежит к отраслям производства, потребляющим главным образом силовую энергию и почти не имеющим внутренних энергетических ресурсов (мукомольная, машиностроительная, металлообрабатывающая и др.). Переключение силового аппарата на ток электроцентралей должно быть, как правило, руководящим направлением в реконструкции этой части промышленной энергетики. Однако к этой средней группе промышленных заведений принадлежат в значительной части и заведения таких отраслей как сахарная промышленность, потребляющая на производство относительно большие количества технологического пара и имеющая таким образом «отбросы энергии» в виде «верхних калорий». Если представляется реальная возможность кустовать силовой аппарат этого рода заведений с энергетическим аппаратом заведений, принадлежащих к группе так называемых «энергоемких» производств, то реконструкция в этом направлении может резко поднять эффективность в народнохозяйственном плане этой категории промышленной энергетики.

ТАБЛИЦА 14.

Распределение средней группы заведений (с мощностью от 101 до 2000 л. с.) между отдельными отраслями промышленности

Отрасли промышленности		Число заведений	Мощн. устан. перв. двигат.	Мощн. двиг. obs. раб. маш.	Выраб. перв. энергии
			(1 000 л. с.)	(1 000 л. с.)	(в млн. л.с/ч.)
А		1	2	3	4
1	Мукомольная	21,1	15,3	11,7	20,3
2	Лесопильно-фанерная	8,5	5,5	2,9	5,1
3	Сахарная	6,5	9,7	7,3	8,6
4	Машиностр. общ.	4,5	5,1	8,4	2,3
5	Металлообрабатывающая	4,5	3,6	4,8	2,2
6	Хлопчатобумажная	4,1	9,1	7,9	9,4
7	Шерстяная	3,9	4,8	4,8	5,1
8	Бумажная	3,2	4,0	3,0	7,0
9	Маслобойная	3,1	2,2	1,7	3,0
10	Кожевенная	2,5	1,2	1,8	1,3
11	Льняная	2,1	4,1	2,8	5,3
12	Проч. отр. промышлен.	36,0	35,4	42,9	30,4
Итого: { В %		100	100	100	100
{ Абсол. итоги .		2 240	792,2	1 070,4	1 908,2

ТАБЛИЦА 15.

Распределение высшей группы заведений (с мощностью от 2000 л. с. и выше) между отдельными отраслями промышленности

Отрасли промышленности		Число заведений	Мощн. устан. перв. двигат.	Мощн. двиг. obs. раб. маш.	Выраб. перв. энергии
			(10 000 л. с.)	(10 000 л. с.)	(в млн. л.с/ч.)
А		1	2	3	4
1	Хлопчатобумажная	30,4	23,9	20,6	23,2
2	Металлообрабатывающая	14,6	32,8	29,0	37,2
3	Машиностр. общ.	12,0	12,6	17,4	6,9
4	Каменноугольная	11,5	14,7	13,7	14,2
5	Бумажная	6,8	4,1	6,2	10,1
6	Цементная	5,7	3,1	4,3	3,8
7	Проч. отр. промышлен.	18,9	8,8	8,8	3,6
Всего { В %		100	100	100	100
{ Абсол. итоги .		191	1 226,6	1 592,5	3 456,5

Высшая группа промышленных заведений с мощностью силового аппарата от 2000 л. с. и выше насчитывает всего 191 предприятие. Наиболее мощные заводы-гиганты принадлежат к металлургической, угольной, машиностроительной, цементной, хлопчатобумажной промышленности (см. таб. 15). Величина отдельных силовых установок,

обслуживающих эти заведения, превосходит часто плановые электростанции общего пользования средней мощности.

Включение основной массы силового аппарата этих мощных заводов и фабрик в сеть единой энергетической системы должно, как правило, служить основным направлением реконструкции этой категории промышленной энергетики. Органическая увязка графиков нагрузки силового аппарата этой части промышленной энергетики с генеральными графиками нагрузки электроцентралей и электро-тепло-централей (по принципу двухсторонней связи — отдача этими заведениями энергии в плановую сеть общего пользования и обратное получение энергии от электроцентралей, в зависимости от движения графиков потребления энергии в производстве и оптимальной нагрузки силового аппарата) по существу включает энергетическое хозяйство этих предприятий, как составную часть, в единую народнохозяйственную систему электро-тепло-силового аппарата. Имеют право на самостоятельное существование в переходный период реконструкции только те отдельные мощные энергетические установки, которые полностью используют внутренние энергетические ресурсы производства и полностью покрывают ими графики потребления энергии в производстве, — иными словами, работающие по схеме замкнутого энергетического баланса.

Само собою разумеется, что сделанные выше обобщения о путях реконструкции нашей промышленной энергетики носят сугубо схематический и, в известной мере, иллюстративный характер. Детальные выводы в области конкретного решения этой сложнейшей проблемы реконструкции энергетической базы производительных сил нашей промышленности, в частности, того энергетического наследства, которое досталось Октябрю, выбор конкретного направления и проектирование генеральных и частных схем решения великой задачи социалистического переустройства одного из руководящих участков производительных сил — требует в качестве исходного условия тщательного, д и ф ф е р е н ц и р о в а н н о г о изучения в отраслевом и районном разрезах строения отдельных частей нашей промышленной энергетики, работы и важнейших факторов эффективности существующих различных типов силового хозяйства. Основной материал по этим вопросам широко представлен в трудах промышленного сектора, посвященных промышленной энергетике.

И. Рубин

ПРОТИВ ВУЛЬГАРИЗАЦИИ МАРКСИЗМА¹

3. КЛАССИКИ И МАРКС

В первой части статьи мы ответили на возражения, развитые С. Бессоновым в его статье в № 1 журнала «Проблемы экономики»; сейчас мы переходим к разбору второй половины его статьи, помещенной в № 2 этого же журнала.

Начало своей статьи Бессонов посвящает вопросу о классиках и Марксе. Бессонов резко критикует изложение теории товарного фетишизма, данное мною в «Очерках»; он утверждает, что я напрасно приписал Марксу заслугу открытия тайны фетишизма. По его мнению, эта тайна была уже открыта классиками: «По мнению Маркса, уже классики видели за вещами скрывающиеся за ними производственные отношения людей. Правда, они видели это не так ясно, как видел Маркс, правда, они часто путались в этом вопросе, вследствие того, что считали товарный, т.е. буржуазный способ производства вечным, а не исторически-переходящим. Однако, никогда, конечно Марксу не могло притти в голову нападать на классиков именно по этой линии. Напротив, теория товарного фетишизма отделяет Маркса не от классиков, а от вульгарных экономистов («Проблемы экономики» № 2, с. 83. В дальнейшем страницы указываем по этой книжке журнала). Вывод Бессонова, подчеркнутый им курсивом, гласит, что «Рубин навязывает читателю им самим выдуманное различие Маркса от классиков» (с. 82).

Бессонов и на этот раз хочет найти сходство между моим изложением и идеями Струве или буржуазных экономистов социального направления. Он сообщает, что я предподношу читателю «струвианско-штольцмановское представление о классиках» (с. 80). Сам же Бессонов убежден в том, что уже классики сумели вскрыть за вещными категориями производственные отношения людей, и не здесь следует искать их главное отличие от Маркса; главный недостаток классиков, по его мнению, заключается отнюдь не в том, что они были «не социальные», а в том, что они были «не историчны» (с. 82). Этот признак «неисторичности» и кажется Бессонову совершенно достаточным для того, чтобы провести разграничительную черту между классиками и Марксом. Меня он упрекает именно за то, что я считаю этот признак недостаточным. «В том-то и дело, что признак историчности или неисторичности кажется Рубину недостаточным» (с. 82).

¹ Окончание статьи, первая половина которой напечатана в № 3 настоящего журнала.

Обратимся к разбору изложенного взгляда Бессонова на учение классиков. На каком основании приписывает мне Бессонов мысль, что классики ничем не отличались от вульгарных экономистов? — В доказательство он ссылается на следующую фразу из моей книги: «История экономической мысли» (с. 237): «Социальные формы, принимаемые вещами при наличии определенных производственных отношений между людьми, Рикардо принимает за свойство самих вещей». Эта цитата дает повод Бессонову к следующему восклицанию: «Нужно относиться с большим пренебрежением к прямым указаниям Маркса, чтобы в книге, претендующей на марксистскую характеристику и официально одобренной ГУС'ом, решиться бросить подобное обвинение Рикардо» (с. 78). Бессонов при этом ссылается на известную фразу Маркса о том, что Рикардо рассматривал стоимость, как «простое выражение, специфически общественную форму производительной деятельности людей»; отсюда он делает вывод, что свою оценку классиков я заимствовал не у Маркса, а у Струве.

Это обвинение Бессонова, как и большинство других его обвинений, имеет единственным своим источником полное незнание автора с марксистской литературой, посвященной данному вопросу. Неужели, действительно, я должен был обращаться к Струве, чтобы найти указания на склонность классиков к смешению социальных функций вещей с их естественными функциями? Неужели я не мог найти подобного рода указания как у самого Маркса, так и у авторитетнейших представителей марксизма, писавших на протяжении целого полувека? Если бы Бессонов не обнаруживал полной беззаботности насчет истории марксистской мысли, он легко убедился бы, что инкриминируемая мне фраза о Рикардо представляет собою не что иное, как повторение мысли, встречающейся у большинства авторитетных представителей марксизма. Бессонов же, сам того не сознавая, резко порывает с общепринятыми среди марксистов взглядами.

Начнем в хронологическом порядке со старой статьи Каутского под названием «Нищета философии и Капитал», написанной им в 80-х годах, когда он находился еще в постоянном общении с Энгельсом. В этой статье читаем: «Экономисты, часто даже Рикардо, в большинстве случаев смешивали естественные формы, которые лежат в основе экономических категорий, с общественными отношениями, выражающими их в действительности. Они должны были делать это, так как рассматривали экономические категории, поскольку это вообще возможно, отделенными одна от другой, в неподвижном состоянии. При такой манере исследования утрачивается почти полностью их общественный характер, тогда как их естественные формы больше бросаются в глаза» (Каутский, соч., Т. I, 1928 г., с. 219). О том же он говорит в другом месте: «Маркс таким образом исходит из анализа товара, тогда как Рикардо (а также Родбертус) принимает товар и продукт как нечто равнозначное, смешивает естественную форму, лежащую в основе товара, с общественным отношением, превращающим продукт в товар» (там же, с. 224).

В еще более резких выражениях, если это только возможно, мы встречаем такую же характеристику классиков у Розы Люксембург: «Коренная разница между рикардовской и марксовской теориями трудовой стоимости,—разница, которую не сумели оценить буржуазные экономисты и которая почти всегда оставляется без внимания в популяризациях учения Маркса,— заключается в том, что Рикардо, соответ-

ственно своему общему естественно-правовому пониманию буржуазного хозяйства, считал и создание стоимости естественным свойством человеческого труда, индивидуального конкретного труда отдельного человека» (Л ю к с е м б у р г, «Накопление капитала», 1923 г., с. 48). Еще более резко проявляется эта черта у Смита. «Смит прямо считал создание стоимости физиологическим свойством труда, как проявления животного организма человека. Точно так же как паук производит из своего тела паутину, так создает стоимость работающий человек, — всякий человек, который создает полезные вещи, — потому что работающий человек с самого начала является товаропроизводителем, как человеческое общество от природы является обществом, покоящимся на обмене, а товарное хозяйство — нормальной формой человеческого хозяйства» (там же, с. 49).

В конце цитированной фразы Люксембург правильно указывает причину, побуждающую классиков видеть в стоимости свойство, присущее всякому продукту труда. Причина эта заключается в том, что классики принимали капиталистическое производство за производство вообще, т. е. не отличали материально-технического процесса производства вообще от специфической общественной формы, которую он имеет в капиталистическом хозяйстве. Беда классиков заключалась не только в их «неисторичности», как думает Бессонов. Если бы заслуга Маркса заключалась только в том, что он понял исторически-преходящий характер капитализма, то трудно было бы отличать Маркса от буржуазных экономистов исторического направления и в частности от какого-нибудь Зомбарта. Маркс не только показал нам исторически-преходящий характер капиталистического хозяйства, но и объяснил нам, что возникновение, развитие и гибель каждой экономической формации общества объясняется противоречием между производительными силами и производственными отношениями, т. е. между материально-техническим процессом производства и специфической общественной формой, принимаемой им в данный исторический период. Только это учение о противоречии между производительными силами и производственными отношениями и делает метод Маркса не только историческим, но и диалектическим. И именно это диалектическое понимание было совершенно чуждо классикам. О Рикардо Маркс пишет: «Буржуазное, точнее капиталистическое, производство Рикардо рассматривает как абсолютную форму производства; поэтому присущие ему определенные формы производственных отношений не могут вступать в противоречие или налагать оковы на производство, как таковое» («Theorien», т. III, с. 54). Как видим, главный недостаток Рикардо, по мнению Маркса, заключается в том, что он не рассматривал экономические явления как связанные именно с данной специфической общественной формой, принимаемой процессом производства в капиталистическом хозяйстве. А это и значит, что классики были не только «неисторичны», но и смешивали социальные функции вещей с техническими. Видеть единственное отличие Маркса от классиков в «историчности» Маркса значит похерить весь диалектический метод Маркса.

Роза Люксембург в своей характеристике классиков идет еще дальше и обвиняет Смита и его последователей даже в том, что «они в капиталистическом товарообмене смешивают потребительную стоимость товаров с их отношениями стоимости» (там же, с. 56).

Приблизительно такую же характеристику классиков дает, наконец, и Гильфердинг. Категории Рикардо «остаются естественными

категориями; стоимость для него все еще свойство самого блага, заключающееся в том, что оно есть продукт труда, как для другой категории благ стоимость заключается в их редкости; капитал для него не что иное, как «накопленный труд», что, по выражению Маркса, представляет только «экономическое название» для средств производства» (Гильфердинг, «Постановка проблемы теоретической экономики у Маркса», сборник «Основные проблемы политической экономики», 3-е издание. с. 75—76).

Как видим, то странное обвинение», которое я, по словам Бессонова, бросил классикам, представляет собою не что иное, как буквальное повторение мысли, встречающейся у всех авторитетных представителей марксизма. Бессонов же решительно возражает против этой мысли и считает, что теория товарного фетишизма отделяет Маркса лишь от вульгарных экономистов, а не от классиков. Кто же в таком случае, — я или Бессонов, — продолжает в данном вопросе традиции марксистской мысли и кто из нас вносит, по словам Бессонова, «бесспорную новость» в марксистскую литературу? В оправдание Бессонова можно лишь сказать, что он просто-напросто не знает, как смотрели лучшие марксисты на учение классиков, и поэтому возражает против общепринятых в марксистской литературе взглядов, сам того не сознавая. Если Бессонов не удовлетворится приведенными нами цитатами из сочинений авторитетных марксистов, то мы охотно можем привлечь на помощь и самого Маркса. Неужели Бессонову неизвестно, что революционный переворот, произведенный Марксом в учении о капитале, заключается именно в том, что он увидел в капитале общественное производственное отношение людей? Неужели ему неизвестно, что именно в этом заключается характерная черта марксовой теории капитала, резко отличающая ее от учения классиков? Такое представление о марксовой теории капитала является не только общепринятым среди марксистов, но и сам Маркс неоднократно указывал на это обстоятельство. Маркс писал: «Рикардо различает его (капитал) только как «накопленный труд», от «непосредственного труда». И он представляется как нечто только вещественное, только элемент в процессе труда, из которого никогда не может быть развито отношение труда и капитала, заработной платы и прибыли» («Теории» т. II, ч. I, 1923 г., с. 88). Еще резче выражается Маркс о Смита: «Он перечисляет те предметы, те вещественные элементы, которые образуют основной капитал, и те, которые образуют оборотный капитал, как будто такое предназначение присуще предметам вещественно, от природы, как будто эти категории вытекают не из определенных функций этих предметов в капиталистическом процессе производства» («Капитал», т. II, 1927 г., с. 135).

Число этих цитат можно было бы увеличить, но мы полагаем, что и приведенных уже достаточно для полного опровержения взглядов Бессонова. Но, — спросит читатель, — как же объяснить в таком случае приведенную Бессоновым цитату из Маркса, в которой говорится, что Рикардо рассматривал стоимость как выражение производительной деятельности людей? Это кажущееся противоречие объясняется очень просто, что система классиков сама противоречива. С одной стороны, классики сводят, хотя и недостаточно последовательно, различные формы дохода к стоимости, а стоимость к труду. Своей теорией трудовой стоимости они подготовили путь для раскрытия общественного характера всех экономических категорий. Однако они только подготовили путь для решения этого вопроса, но сами не разрешили его, главным обра-

зом благодаря своему непониманию двойственного характера труда и двойственного характера самого процесса производства. Так как они смешивали конкретный труд с абстрактным, материально-технический труд с общественным трудом, то вполне понятно, что стоимость они должны были рассматривать, как результат труда вообще и, следовательно, как нечто присущее всякому продукту труда. С одной стороны, они сводили стоимость к труду, а с другой, именно потому, что они не понимали общественной формы этого труда, они считали естественным свойством вещей как эту стоимость, так и производные от нее социальные формы (например, капитал). Именно поэтому в учении классиков смешивались и переплетались все время две точки зрения: общественно-трудовая и вульгарно-вещная. Поэтому, как неоднократно указывает Маркс, учение Смита явилось истоком для двух различных течений экономической мысли: для теории трудовой стоимости и для вульгарной политической экономии. Именно поэтому даже в теории Рикардо имеется, по словам Маркса, «вульгарный элемент» («Theorien», т. III, с. 574), который проявляется очень ярко, например, в его учении о капитале и прибыли.

Если бы Бессонов не ограничился одной цитатой из моей книги «История экономической мысли», он убедился бы, что я тщательно подчеркиваю обе указанные стороны учения классиков. На стр. 280 этой книги я дал общую характеристику учения классиков в следующих словах: «Классическая школа изучала социальные формы вещей (стоимость, заработную плату, прибыль, ренту), не отдавая себе ясного отчета в том, что они представляют собою не что иное, как выражение социально-производственных отношений людей. Отсюда двойственность в учениях классической школы. Поскольку она изучала социальные формы вещей в их отличии от самих вещей (например, стоимость продукта в отличие от самого продукта как потребительской стоимости), постольку она рассматривала их как порождение человеческого труда (хотя и не отдавая себе ясного отчета в социальной форме организации труда), а тем самым и человеческого общества. С этой «трудовой» точки зрения классики свели заработную плату, прибыль и ренту к стоимости, а стоимость — к труду. В труде они нашли глубокую скрытую основу всех экономических явлений и свою теорией трудовой стоимости заложили основы политической экономии, как науки социальной. С другой стороны, поскольку классики изучали социальные формы вещей, они склонны были искать их происхождение в натуральных или материально-технических свойствах самих этих вещей. Им казалось само собой понятным, что средства производства (машины и проч.) обладают социальной формой капитала. Не менее понятным казалось им, что капитал должен приносить прибыль. Отсюда легко было прийти к выводу, что капитал в своей материально-технической форме (машины и т. п.) создает прибыль, получаемую его владельцем. Такой взгляд находился в полном согласии с общепринятыми «вульгарными» взглядами, господствующими в кругах предпринимателей и вообще среди широкой публики, ограничивающейся поверхностным наблюдением экономических явлений».

Эта цитата с несомненностью показывает, что я в достаточной мере подчеркнул именно обе стороны учения классиков и показал своеобразное сплетение в их работах двух точек зрения — трудовой и вульгарной. Но именно поэтому никак нельзя сказать, что классики уже сумели разгадать тайну товарного фетишизма и рассматривали

экономические категории, как выражение производственных отношений людей. Отмечая вульгарную и натуралистическую стороны в учении классиков, мы не только не погрешаем против истины, но мы лишь благодаря этому делаем возможным правильное понимание отличия Маркса от классиков, — отличия, которое, по словам Люксембург, «не сумели оценить буржуазные экономисты». Мы теперь можем только прибавить, что это отличие не было понято не только буржуазными экономистами, но и до сих пор не понято некоторыми экономистами, охотно причисляющими себя к ортодоксальным марксистам. Повидимому, свою ортодоксальность они видят в том, чтобы оспаривать у Маркса честь разоблачения товарного фетишизма и приписывать ее классикам.

4. ТЕОРИЯ ТОВАРНОГО ФЕТИШИЗМА.

После изложенного выше читатель легко может представить себе взгляды Бессонова на теорию товарного фетишизма. По его словам, «Рубин не ожидая для марксистов заявляет, что теория товарного фетишизма есть величайшее из открытий Маркса» (с. 84, курсив наш). Бессонов утверждает, что «подобное подчеркивание теории товарного фетишизма представляет из себя бесспорную новость в марксистской литературе» (с. 83). По своему обыкновению, он и здесь не может обойтись без того, чтобы при помощи легкого «исправления» цитат критикуемого автора приписать ему мысли, составляющие собственность самого критика. Бессонов приписывает мне мысль, что заслуга Маркса заключается только в его учении о товарном фетишизме. Бессонов спрашивает: «В самом ли деле заслуга Маркса перед политической экономией заключается только («исключительно!») в том, что Маркс за вещами усматривал производственные отношения?» (с. 83). В доказательство Бессонов на той же 83 с. ссылается на следующую мою цитату: «Исключительной заслугой Маркса является внесение в политическую экономию метода социологического, усматривающего в вещных категориях выражение производственных отношений людей». Эту цитату Бессонов нашел на странице 36 моих «Очерков». Однако печальный опыт знакомства с полемическими приемами Бессонова приучил нас уже не доверять его кавычкам и ссылкам на страницы «Очерков». Обратимся и на этот раз к цитируемой им 36 стр. «Очерков», и, к нашему удивлению, вместо приведенной Бессоновым цитаты, найдем следующие слова: «Абстрактный метод общ Марксу со многими его предшественниками, включая Рикардо. Но исключительно его заслугой является внесение в политическую экономию метода социологического, усматривающего в вещных категориях выражение производственных отношений людей». Как ясно всякому грамотному читателю (а Бессонов, как увидим ниже, считает себя специалистом по части грамотности), я в этой фразе отнюдь не утверждаю, что заслугой Маркса является только его учение о товарном фетишизме; я утверждаю, что развитие учения о товарном фетишизме является «исключительно его заслугой» (т. е. Маркса), а не заслугой классиков, как то думает Бессонов. Проверим сейчас и в применении к данному вопросу, кто из нас, я или Бессонов, разделяет общепринятое в марксистской литературе взгляды и кто с ними порывает.

Начнем с Энгельса, который пишет: «В политической экономии речь идет не о вещах, а об отношениях между лицами, в последней же инстанции — между классами; но эти отношения всегда связаны

с вещами и проявляются как вещи. Эта зависимость (в подлиннике «связь»), слабое сознание которой, конечно, мелькало уже в отдельных случаях у того или другого экономиста, была впервые раскрыта Марксом в ее значении для всей политической экономии, благодаря чему он мог труднейшие вопросы так упростить и так ясно изложить, что они теперь будут понятны даже буржуазным экономистам («Под знаменем марксизма», 1923 г. №№ 2—3, с. 56, разрядка наша). Как видим, Энгельс считает, что теория товарного фетишизма была «впервые раскрыта» Марксом, что у его предшественников лишь в отдельных случаях мелькало слабое сознание связи между вещами и общественными отношениями людей. Бессонов сам знает, что приведенные слова Энгельса прямо опрокидывают все его взгляды на марксову теорию товарного фетишизма. Он поэтому полагает, что приведенное мнение Энгельса о теории товарного фетишизма «несколько отлично» от мнения самого Маркса (с. 94). Не стоит подробно доказывать, что это мнение Энгельса в точности характеризует самую сущность учения Маркса и в полной мере разделялось всеми авторитетными марксистами.

Плеханов писал: «Экономические категории сами выражают собою не что иное, как взаимные отношения людей или целых классов общества в общественном процессе производства. Экономическая наука только тогда и стала на правильную точку зрения, когда поняла это и занялась исследованием тех взаимных отношений, которые скрываются за мнимыми качествами вещей и за таинственными свойствами экономических категорий» (Плеханов, соч. т. VI, 1925 г., с. 170, разрядка наша). Плеханов говорит, что политическая экономия только тогда и стала на правильную точку зрения, когда была открыта тайна товарного фетишизма, и честь этого революционного переворота в науке Плеханов приписывает именно Марксу.

Каутский в своей известной популярной работе «Экономическое учение Маркса» пишет: «Маркс первый раскрыл фетишистический характер товара; он первый признал капитал не вещью, а осуществляющимся через посредство вещей отношением и исторической категорией» (Каутский, соч., т. I, с. 201). И в других местах Каутский подчеркивает революционное значение этого разоблачения фетишизма, присущего буржуазной политической экономии, в том числе и классической (там же, с. 224 и др.).

Люксембург пишет: «Лишь Маркс впервые увидел в стоимости особое общественное отношение, возникающее при определенных исторических условиях; он пришел вследствие этого к разграничению между обеими сторонами труда, создающего товар» (цитир. соч., с. 49).

Гильфердинг также подчеркивает, что только благодаря своему учению о товарном фетишизме Марксу удалось разрешить загадку общества: «Загадка общества была разрешена благодаря открытию «общественной субстанции» товара, благодаря доказательству, что при видимых вещных отношениях товаров речь идет о человеческих отношениях и притом о человеческих отношениях в пределах вполне определенного производственного отношения, в пределах товаро-производящего общества, т. е. речь идет об открытии присущего товару характера фетишизма. Именно эту изменившуюся постановку проблемы не надо упускать из виду, если хотят анализировать отношение Маркса к Рикардо, ибо лишь с этой точки зрения можно

получить ясное представление о совершенно разном значении обеих систем» (цитир. соч., 75, разрядка наша).

Изложенные цитаты достаточно наглядно показывают, в какой мере прав Бессонов, когда он говорит, что «подчеркивание теории товарного фетишизма представляет из себя бесспорную новость в марксистской литературе». Это подчеркивание может представлять «бесспорную новость», только для критика, который не потрудился познакомиться с тем, что написано по данному вопросу в марксистской литературе на протяжении целого полувека. Центральное значение теории товарного фетишизма было всегда известно марксистам, и в этом отношении я, опять-таки, лишь отстаивал и развивал мысль, встречающуюся у лучших представителей марксистской экономической литературы. Если я писал, что теория товарного фетишизма является «пропедевтикою политической экономии», то другими словами выражал ту же самую мысль и Н. И. Бухарин в своей книге «Экономика переходного периода» (с. 7): Маркс «в своем учении о товарном фетишизме дал блестящее социологическое введение в теоретическую экономию, обосновав последнюю как исторически-ограниченную дисциплину».

Бессонов пытается сослаться на то, что сам Маркс будто бы не придавал такого центрального значения своему учению о товарном фетишизме: «Ни Маркс, ни кто-либо из его последователей до Рубина не открыли, что в теории товарного фетишизма содержится ключ ко всей марксистской теории» (с. 94). Что касается «последователей» Маркса, то мы уже достаточно ясно видели, что все они в один голос подчеркивают огромное значение теории товарного фетишизма, как «ключа» ко всей теории Маркса. Но обратимся к самому Марксу. Бессонов неоднократно ссылается на известные письма Маркса, в которых он отмечает важнейшие учения, изложенные им в «Капитале». Маркс отмечает три важнейших и совершенно новых элемента его книги: первый — учение о двойственной природе труда, образующего товар; второй — учение о том, что все нетрудовые доходы представляют собой лишь части прибавочной стоимости; третий — учение о том, что зарплата есть иррациональная форма проявления скрывающегося за ней отношения. (Маркс и Энгельс, «Письма», 1923 г., с. 169). Бессонов утверждает, что в этих письмах Маркса «нет ни слова о товарном фетишизме» (с. 94). Он не понимает, что центр тяжести не в словах, а в сути дела. Некоторые авторы очень часто употребляют определенные слова, хотя не отдают себе ясного отчета в их значении. Например, Бессонов очень часто употребляет слова о классовой борьбе и противоречиях капитализма, хотя, как увидим ниже, из всего его изложения с необходимостью вытекает отрицание растущих противоречий капитализма и необходимости социальной революции. Маркс не употребляет в указанных письмах слова «товарный фетишизм», но по существу говорит именно о тех частях «Капитала», которые могли быть им развиты только при помощи учения о товарном фетишизме. Действительно, только на основе учения о том, что вещные категории представляют собою выражение общественных производственных отношений людей, Маркс мог развивать свои мысли: 1) о двойственной природе труда, как конкретного и абстрактного; 2) о том, что все нетрудовые доходы представляют собою части прибавочной стоимости, которая в свою очередь является выражением производственных отношений между классами капиталистов и рабочих; 3) что под иррациональной формой заработной платы скрываются общественные производственные отношения, заключающиеся в прода-

же рабочей силы. Бессонов часто признает, что учение о двойственной природе труда составляет характерную особенность теории Маркса, резко отличающую ее от теории классиков. Но ведь именно учение о двойственной природе труда совершенно неразрывно связано с марксовой теорией товарного фетишизма, как это неоднократно и подчеркивалось многими марксистами.

Какие же упреки выдвигает Бессонов против моего понимания теории товарного фетишизма? — В «Очерках» я неоднократно подчеркиваю, что социальные формы вещей (стоимость, деньги, капитал и т. д.) представляют собой выражение общественных производственных отношений людей. Бессонов находит у меня следующие ошибки: 1) я будто бы полностью игнорирую «развитие материального производства» (с. 87); 2) я будто бы утверждаю, что «задача политической экономии заключается не в том, чтобы изучать эти производственные отношения, а в том, чтобы изучать их вещное выражение, как таковое» (с. 85, 86); 3) поэтому производственные отношения мною «с досадой отставляются в сторону, так как они мешают всестороннему углублению комментатора в спокойно-мертвый мир вещей и саморазвивающихся категорий» (с. 88).

Мы не будем долго останавливаться на первом упреке; уже в первой части нашей статьи мы указывали, что движущей причиной развития производственных отношений является развитие материальных производительных сил общества. Экономист всегда должен помнить, что изучаемые им производственные отношения людей составляют только одну сторону процесса производства, они являются той формой, в которой происходит движение и развитие производительных сил. Но это обстоятельство ни в малейшей мере не мешает экономисту сделать «непосредственным» предметом своего изучения именно производственные отношения людей. Всякая попытка включить производительные силы в непосредственный предмет исследования теоретической политической экономии означает отказ от принятых Марксом положений. Сам Бессонов, который на диспуте в Институте Красной Профессуры (апрель—май 1929 г.) выдвинул идею о «равноправном» включении в предмет политической экономии и производственных отношений и производительных сил, вынужден был на том же диспуте от этой своей идеи отказаться.

Второй упрек, приписывающий мне желание изучать не производственные отношения людей, а их «вещное выражение как таковое», ни на чем не основан. Центральная идея моих «Очерков» заключается именно в том, чтобы показать неразрывную связь всех социальных форм вещей с лежащими в их основе производственными отношениями людей. В частности, на всем протяжении моей книги стоимость изучается не «как таковая», а как выражение производственных отношений людей и регулятор распределения общественного труда между различными отраслями производства. Каждая страница моей книги направлена именно к тому, чтобы выяснить роль стоимости в процессе общественного производства. Поэтому всякие обвинения, что я будто бы отрываю стоимость от материально-технического процесса производства, представляются совершенно необоснованными. Еще более необоснованными, если только это возможно, являются утверждения, что я изучаю стоимость «как таковую» и отбрасываю в сторону лежащие в ее основе общественные производственные отношения людей. Правда, я изучаю эти производственные отношения в их «овеществленном» виде, т. е. в том

виде, в каком они проявляются через посредство вещей. Но это объясняется только тем, что указанные производственные отношения людей, по выражению Энгельса, «всегда связаны с вещами и проявляются как вещи». Всякий, кто хочет изучать эти производственные отношения людей, отбросив в сторону вещную форму их проявления, неизбежно должен притти к «политической экономии без стоимости», защитником которой выступал Туган-Барановский.

Изучать производственные отношения капиталистического хозяйства вне вещных форм их проявления значит уподоблять стихийное, неорганизованное капиталистическое хозяйство плановому, организованному, социалистическому хозяйству. Именно этим грехом и страдают буржуазные экономисты социального направления, в первую очередь Штольцман, который представляет себе производственные отношения капиталистического хозяйства по типу планомерно-организованных отношений и поэтому совершенно не понимает значения вещных форм их проявления. Вообще полное непонимание необходимости овеществления производственных отношений людей характеризует всех представителей социального направления. Даже те из них, которые находились под влиянием Маркса и высоко ценят марксову теорию товарного фетишизма (Штольцман и Петри), понимают последнюю односторонне. Они считают, что Маркс под отношениями вещей вскрыл отношения людей, но они не понимают, что этим задача марксовой теории товарного фетишизма не исчерпывается; Маркс показал также, что производственные отношения людей в товарном хозяйстве необходимо принимают форму свойства вещей. Именно этой второй стороне теории товарного фетишизма я посвятил главное свое внимание в «Очерках», и именно эта сторона марксовой теории осталась совершенно непонятой всеми буржуазными экономистами социального направления. Поэтому, хотя Штольцман и Петри высоко ценят теорию товарного фетишизма Маркса, но она в сущности в их рассуждениях не играет центральной роли; они отбрасывают отношения вещей, чтобы вскрыть за ними отношения людей, но они не понимают, что эти отношения людей должны быть изучаемы в их овеществленной форме.

Столь же упрощенно представляет себе теорию товарного фетишизма и Бессонов: «Вернемся к теории товарного фетишизма и согласимся на момент с Рубиным, что суть марксова учения заключается именно в том, чтобы за вещами видеть производственные отношения. Казалось бы, естественный вывод отсюда заключается в том, чтобы, откинув вещи, немедленно и всерьез приняться за изучение скрытых за ними производственных отношений» (с. 85). Бессонов понимает теорию товарного фетишизма так же односторонне, как и экономисты социального направления. Он думает, что, раз мы за свойствами вещей вскрыли производственные отношения людей, мы можем изучать последние в их непосредственно общественном, а не вещном выражении; он забывает, что эти производственные отношения необходимо принимают вещную форму и вне последней нами изучаться не могут. Надо прибавить, что Бессонов здесь лишь повторяет мысли, изложенные в свое время Богдановым. Именно Богданов считал, что задача теории товарного фетишизма ограничивается тем, чтобы сорвать вещный покров с экономических явлений, «дефетишизировать» последние и изучать их вне вещной формы их проявления.

Приписывая мне мнимое преувеличение роли социальных форм вещей, Бессонов совершенно отбрасывает последние. К какой путанице

приводит подобное его понимание, мы можем проследить на примере его рассуждений о капитале. Прежде всего Бессонов утверждает, что «капитал никогда не был для Маркса «формой вещи», как изображает Рубин» (с. 88). На первый взгляд эта фраза может озадачить любого марксиста. Ведь все учение Маркса о кругообороте капитала, изложенное им во II томе «Капитала», основано именно на том, что различные вещи (деньги, товары или элементы производства) поочередно принимают форму капитала. Как же можно утверждать, что капитал не является социальной формой, принимаемой вещами? Особая функция, выполняемая вещами, придает им социальную форму капитала, которую они сохраняют даже в том случае, когда они в данный момент не функционируют в качестве носителей производственных отношений между капиталистом и рабочим.

Что же представляет собой капитал, по мнению Бессонова? Неожиданно Бессонов становится горячим защитником изучения производственных отношений людей и заявляет: «Маркс всегда рассматривал капитал как общественное отношение между классом капиталистов и классом рабочих, отношение, неизбежно возникающее на известной ступени развития материальных производительных сил. Именно этот классовый характер и был главным для Маркса в капитале, а вовсе не «экономическая форма» вещи-капитала» (88). Разумеется, для Маркса капитал представляет собой производственное, а именно классовое отношение, выраженное в вещах и через вещи» («Theorien», т. III, стр. 325). Противопоставлять производственные отношения экономической форме вещей нет ни малейших оснований, так как производственные отношения и принимают форму экономических свойств вещей; поэтому и сам Бессонов в другом месте говорит, что «Маркс определял капитал как ценность, приносящую прибавочную ценность» (с. 81). Он, повидимому, даже не понимает, что здесь он уже признал, что общественные отношения между классами капиталистов и рабочих принимают форму особого свойства продуктов труда — быть стоимостью, приносящей прибавочную стоимость. Согласно этому определению, общественные отношения людей уже приняли форму свойства вещей; это вынужден признать, против своей воли, сам Бессонов. Но так как он не понимает ясно этот процесс овеществления производственных отношений людей, то он впадает в безнадежную путаницу при более детальном разборе категории капитала. Она раздражается грозными тирадами против моих слов, что в капиталистическом обществе средства производства принимают форму капитала, а средства существования рабочих — форму зарплаты (с. 87). Он утверждает, что только Богданов определял капитал как средства производства, ставшие средствами эксплуатации (с. 81). Конечно, определение Богданова ошибочно, но не потому, что он говорил о средствах производства, а потому, что он говорил об эксплуатации, не определяя ближе присущие ей специфические формы в капиталистическом обществе. С точки зрения определения Богданова, средства производства (скот, сельскохозяйственный инвентарь, семена и проч.), при помощи которых бояре закабалили себе крестьян, также являлись капиталом, ибо они служили средствами эксплуатации. Богданов забыл указать, что капиталом являются лишь средства производства, которые служат средствами эксплуатации наемного рабочего. Но в марксистской литературе всегда было общепринятым мнение, что именно сосредоточение средств производства в руках капиталистов составляет основу всего капиталистического общества. Маркс

нередко рассматривал капитал именно как средства производства, отчужденные от рабочего и противопоставленные ему. «Труд превращается в наемный труд, а средства производства в капитал» («Капитал», т. III, ч. 2, с. 344).

Бессонов без всяких оснований приписывает мне мысль, что «средства существования рабочих не могут принимать форму капитала и что будто бы последняя органически сращена с формой средств производства» (с. 81—82). Приписав мне это мнение, критик находит, что оно «недостаточно грамотно» (с. 82). Посмотрим, какой уровень грамотности обнаруживает наш критик.

Прежде всего всякий грамотный читатель должен понять, что если средства существования рабочих, по нашим словам, принимают форму заработной платы, то этим мы не только не исключаем того факта, что они же принимают и форму капитала, но, напротив, мы прямо выражаем этот факт. Ведь всякому грамотному читателю известно, что сумма денег, представляющая для рабочего заработную плату, является переменным капиталом для капиталиста. Если мы говорим, что средства существования принимают форму заработной платы, то тем самым мы утверждаем, что они принимают косвенно и форму переменного капитала (хотя непосредственно переменным капиталом в процессе производства является рабочая сила).

Однако, Бессонов умудряется спорить и против того, что средства существования рабочих принимают форму заработной платы: «Средства существования рабочих прежде всего не принимают формы заработной платы. Форму заработной платы, т. е. форму цены рабочей силы, принимает стоимость рабочей силы как товара, а отнюдь не средства существования рабочего» (с. 82). Чтобы опровергнуть это заявление Бессонова, нам достаточно привести одну цитату из Маркса: «Переменный капитал есть лишь особая историческая форма, в которой проявляется фонд средств существования или рабочий фонд... Это — запас, который необходим рабочему для поддержания и воспроизводства его жизни и который при всякой системе общественного производства он должен производить и воспроизводить. Рабочий фонд постоянно притекает к рабочему в форме платежных средств за его труд» («Капитал», т. I, с. 445, разрядка наша), т. е. в форме заработной платы. Итак, по прямому указанию Маркса, фонд средств существования рабочего принимает форму переменного капитала или заработной платы.

Казалось бы, самому Бессонову должно быть ясно, что мы не ограничиваем форму капитала только областью средств производства. В одном месте Бессонов приписывает мне мысль, что форма капитала «органически сращена с формой средств производства» (с. 82). Но в другом месте он же умудряется утверждать, что «именно деньги для Рубина (кстати, и для вульгарных экономистов) и есть та вещь, которая обладает «социальной формой капитала» (с. 89). Бессонов не замечает, что он противоречит сам себе: то он приписывает мне мысль, что капиталом являются только средства производства, то мысль, что «деньги сами по себе обладают формой капитала» (с. 92); и на основании этих рассуждений он приходит к выводу, что «для Рубина определенная социальная форма неразрывно связана с «определенными вещами» (с. 90). С какими же именно определенными вещами? Пусть ответит наш критик. Связываем ли мы форму капитала со средствами производства или с деньгами? Если бы критик обнаружил больше внимания к тексту «Очерков»,

он не приписал бы нам этой нелепой мысли; он сделал бы из своих собственных слов вывод, что мы одинаково признаем возможность того, что форму капитала принимают и деньги, и средства производства, и средства существования рабочих. Но вместе с тем он понял бы, что капитал должен быть представлен в какой-нибудь вещи, должен быть прикреплен либо к деньгам (денежный капитал) либо к готовым товарам (товарный капитал), либо к элементам производственного процесса (производительный капитал).

Совершенно нелепо приписываемое нам критиком мнение, что деньги сами по себе составляют капитал; он раздражается по этому поводу тирадами на тему о необходимости принять во внимание, что капитал предполагает покупку рабочей силы. Он не видит, что когда я говорю о деньгах, связывающих «товаровладельца-капиталиста с товаровладельцем-рабочим», я тем самым уже предполагаю продажу рабочей силы, ибо последняя есть тот единственный товар, которым располагает товаровладелец-рабочий. Только превращение рабочей силы в товар создает капиталистические производственные отношения. Но в какой мере умудрился Бессонов напутать даже в этом простом вопросе, видно из следующего примера: «Только наличие этого товара (т. е. рабочей силы) в данной меновой сделке превращает ее из простого менового акта в капиталистическое отношение. Следовательно, если уже говорить о какой-то особой специфической форме товара, с которой неразрывно связано капиталистическое отношение, то нужно говорить именно о товаре—рабочая сила, а не о деньгах, как, в полном противоречии с Марксом, утверждает Рубин» (с. 91). Можно только удивляться путанице, внесенной критиком в этот простой вопрос. Критик не понял, что именно благодаря тому, что рабочая сила превратилась в товар, противостоящие рабочему средства производства, или деньги превратились в капитал. Судя по путанной фразе Бессонова, он, повидимому, думает, что мы должны признать капиталом в первую очередь не средства производства и деньги, а именно рабочую силу. Но ведь это значило бы прийти к нелепому выводу, что рабочий является капиталистом, ибо он имеет капитал (т. е. рабочую силу). Маркс поэтому неоднократно подчеркивал, что рабочая сила, пока она является товаром, не является капиталом. «Поскольку рабочая сила обращается на рынке, она не есть какая бы то ни была форма товарного капитала. Она вообще не капитал, а рабочий — не капиталист, хотя он и выносит на рынок товар, а именно свою собственную шкуру. Лишь после того, как рабочая сила уже продана и введена в производственный процесс, — следовательно, лишь после того, как она перестала обращаться в качестве товара, — она становится составною частью производительного капитала» («Капитал», т. II, с. 138). Мы видим, таким образом, всю нелепость требования Бессонова считать капиталом в первую очередь товар—рабочую силу, а не деньги или средства производства. Именно потому, что рабочая сила является товаром (не будучи капиталом до тех пор, пока она остается товаром), деньги и средства производства являются капиталом.

Мы видим, к какой безнадежной путанице привело Бессонова непонимание связи между производственными отношениями и вещами, к которым они прикреплены. Бессонов, который был горячим защитником исследования в политической экономии вещей, как потребительных стоимостей, хочет изгнать из нашей науки вещи, рассматриваемые как носители общественных производственных отношений людей. Именно

Бессонов, который так рьяно отстаивал необходимость изучения многокрасочного мира реальных вещей, проявляет величайшую беспечность там, где ему приходится проследживать связь производственных отношений людей с различными группами вещей (средства производства, средства существования, деньги, рабочая сила).

5. ОВЕЩЕСТВЛЕННЫЕ И НЕОВЕЩЕСТВЛЕННЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Разобранные нами критические возражения, выдвинутые Бессоновым против нашего изложения теории товарного фетишизма, тесно связаны с его собственным ошибочным пониманием этой теории. Если Бессонов утверждает, что «подобное подчеркивание теории товарного фетишизма представляет из себя бесспорную новость в марксистской литературе» (с. 83), то подобное, более чем странное в устах марксиста, заявление объясняется только тем, что сам Бессонов не понимает и недооценивает значение теории товарного фетишизма для понимания всей экономической системы Маркса. Теория товарного фетишизма дает нам в руки ключ для понимания фетишизированных, овеществленных производственных отношений людей. Так как система товарно-капиталистического хозяйства есть система стихийных, овеществленных производственных отношений людей, то отсюда понятно все огромное значение теории товарного фетишизма. Бессонов с этим положением не согласен. Он утверждает, как увидим ниже, что с развитием капиталистического хозяйства овеществленные производственные отношения все более теряют в своем объеме и значении; отсюда он делает вывод, что и теория товарного фетишизма не имеет центрального значения для понимания капиталистического хозяйства. Бессонов согласен признать, что эта теория необходима для понимания простого товарного хозяйства, предшествовавшего капиталистическому. «В простом товарном хозяйстве общественный характер труда производителя действительно не может быть выражен иначе, как в обмене товаров, приравнивании вещей и т. п. Следовательно, здесь общественная сторона материального производства выступает на поверхность лишь в форме обмена. До этого пункта Рубин в своих «Очерках» прав, при всем несовершенстве своих формулировок» (Тезисы Бессонова к диспуту в Институте Красной Профессуры, с. 2). Но с возникновением и развитием капиталистического хозяйства роль обмена и овеществленных производственных отношений коренным образом меняется. Эту перемену мы можем выразить в виде ряда положений, которые мы заимствуем из работ Бессонова и располагаем ниже в более или менее систематическом порядке.

Первое положение Бессонова: — по мере развития капитализма общественное разделение труда все более вытесняется техническим разделением труда. Это положение Бессонова кажется на первый взгляд столь странным, что мы должны подкрепить его рядом цитат из его работ. «Крестьянин устанавливает свою производственную связь с обществом исключительно через продажу производимых им продуктов, или, выражаясь фетишистическим языком Рубина, через «передачу вещей». Он является звеном общественного разделения труда. Однако, вслед за превращением продукта крестьянского труда в товар следует, рано или поздно, превращение в товар и самой рабочей силы крестьянина. Бывший само-

стоятельный производитель превращается в подавляющем большинстве в наемного рабочего. Из звена общественного разделения труда он превращается в звено технического разделения труда, внутри и в пределах того производственного целого, которое зовется фабрикой. Его отношения к другим рабочим, вопреки Рубину, теряют вещный характер по той простой причине, что ни он, ни другие рабочие не являются звенья технического разделения труда в пределах общественной силы. Его труд из труда косвенно-общественного непосредственно становится звеном труда общественного» (с. 96—97, разрядка наша). Об этом же говорил Бессонов и в своем докладе в Институте Красной Профессуры 6 апреля 1929 г.: «Чем дальше развивается капиталистическое общество, тем большее количество людей из звенья общественного разделения труда, когда общественный характер их труда может быть выражен лишь в приравнении вещей, превращаются в звенья технического разделения труда в пределах общественной кооперацией предприятий».

Итак, вместо того, чтобы сказать, что с развитием капитализма наряду с общественным разделением труда развивается и техническое разделение труда, Бессонов выдвигает странное положение, что общественное разделение труда вытесняется техническим. Об этом же говорит он и во многих других местах. В своей книге «Развитие машин» он утверждает, что «период войны и послевоенная концентрация капитала значительно сузили область общественного разделения труда в капитализме за счет расширения сферы технического разделения труда (с. 42, разрядка наша). В той же книге (с. 417) он указывает, что в эпоху империализма «сфера технического разделения труда возрастает до громадных размеров... Соответственно суживается сфера общественного разделения труда» (разрядка наша). Во всех цитатах, число которых можно было бы умножить, высказывается одна и та же мысль: общественное разделение труда суживается и вытесняется техническим разделением труда: тем самым труд из косвенно-общественного становится непосредственным звеном труда общественного.

Легко доказать, что приведенное положение Бессонова обнаруживает полнейшее непонимание всего хозяйственного развития капитализма. Маркс никогда и нигде не утверждал, что расширение сферы технического разделения труда означает сужение сферы общественного разделения труда. Напротив, он указывал, что капиталистическое хозяйство характеризуется одновременным гигантским возрастанием как технического, так и общественного разделения труда, которые взаимно обуславливают друг друга. Маркс писал: «Мануфактурное разделение труда требует уже достигшего известной степени зрелости разделения труда внутри общества. Наоборот, мануфактурное разделение труда в свою очередь оказывает влияние на общественное разделение труда, развывая и расчленяя его дальше» («Капитал», т. I, с. 266). Рост планомерной организации труда внутри фабрики, по мнению Маркса, происходит одновременно с возрастанием стихийного, анархического характера производства в пределах всего общества. «Анархия общественного и деспотия мануфактурного разделения труда взаимно обуславливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства» (там же, с. 269). В этом же месте Маркс повторяет следующее положение, высказанное им в «Нищете философии»: «Можно установить, как общее правило, что, чем менее подчинено авторитету разделение труда внутри общества, тем сильнее развивается разделение труда внутри мастерской».

Итак, по мнению Бессонова, общественное разделение труда вытесняется техническим. По мнению же Маркса, рост технического разделения труда усиливает также и общественное разделение труда. По мнению Бессонова, одна форма разделения труда развивается за счет другой; по мнению Маркса, происходит параллельное развитие и гигантское возрастание обеих форм разделения труда, — и именно в этом кроются основные противоречия капиталистического хозяйства.

Раз, по мнению Бессонова, общественное разделение труда все более вытесняется техническим, то, следовательно, область стихийных, овеществленных производственных отношений людей все более суживается за счет расширения планомерно организованных, неовеществленных производственных отношений, которые связывают рабочих внутри данного предприятия. Отсюда вытекает второе положение Бессонова: развитие капитализма сопровождается сужением сферы действия овеществленных производственных отношений людей. Бессонов пишет: «Превращение рабочей силы в товар означает в действительности сокращение сферы действия вещно-выраженных производственных отношений и, наоборот, расширение этих производственных отношений, которые не имеют вещного выражения и не «вызываются» передачей вещей» (с. 97).

Легко доказать, что и это положение Бессонова, представляющее собой вывод из его первого ложного положения, само также оказывается совершенно ложным и опрокидывает все построение Маркса. С точки зрения Маркса, переход от простого товарного хозяйства к капиталистическому и дальнейшее развитие последнего сопровождаются громадным расширением сферы овеществленных производственных отношений людей, усилением стихийного и анархического характера всего народного хозяйства. По мнению Бессонова, переход от простого товарного хозяйства к капиталистическому и дальнейшее развитие последнего сопровождаются все большим сокращением сферы овеществленных, т. е. стихийных и анархических производственных отношений людей. Бессонов рисует себе следующую картину. Предположим, что существуют 100 ремесленников, работающих в условиях простого товарного хозяйства: по окончании процесса производства эти ремесленники выносят продукты своего труда на рынок; они связываются друг с другом через обмен вещей и, следовательно, отношения между ними носят овеществленный характер. Но предположим, что простое товарное хозяйство уступило место капиталистическому; указанные выше ремесленники из самостоятельных производителей превратились в наемных рабочих, которые работают на одной фабрике. Отношения этих людей друг к другу теперь уже теряют свой вещный характер и носят непосредственно общественный характер. Следовательно, сфера овеществленных отношений сократилась именно благодаря тому, что рабочая сила превратилась в товар, т. е. благодаря тому, что самостоятельный мелкий товаропроизводитель превратился в наемного рабочего.

Приведенные рассуждения Бессонова совершенно извращают весь ход развития от простого товарного хозяйства к капиталистическому. Предположим, что действительно 100 ремесленников превратились в наемных рабочих. Что это означает? Это означает прежде всего, что 100 человек, которые раньше были самостоятельными ремесленниками, теперь начали продавать свою рабочую силу капиталисту: появился новый тип овеществленных производственных отношений

между капиталистами и наемными рабочими; появился на рынке новый товар — рабочая сила; иначе говоря, вопреки Бессонову, произошло не сужение, а расширение сферы овеществленных производственных отношений людей.

Однако, на этом процесс не останавливается. Внутри фабрики наши 100 рабочих связаны непосредственными отношениями технического разделения труда. Только эта сторона явлений и бросается в глаза Бессонову. Но ведь каждому известно, что товар на фабрике производится для продажи, следовательно, весь продукт, произведенный при помощи 100 рабочих, по окончании производства будет брошен на рынок. Таким образом, переход продукта от производителя к потребителю происходит и в капиталистическом хозяйстве, как и в простом товарном, лишь через посредство обмена, т. е. овеществленных производственных отношений людей. Больше того, этот путь, проделываемый продуктом от производителя к потребителю, становится все более длинным и сложным, включающим в себя все большее количество овеществленных производственных отношений людей. Действительно, продукт из рук фабриканта переходит в руки оптового торговца, потом в руки розничного торговца. Товар проходит через руки множества торговцев, и, следовательно, сфера овеществленных производственных отношений, по сравнению с простым товарным хозяйством, все более расширяется и усложняется.

Дальнейшее развитие и усложнение сферы овеществленных производственных отношений людей имеет место с появлением и выделением денежного капитала и с развитием системы кредита. Фабрикант связан целым рядом отношений со своими кредиторами и должниками, возникает тесная связь промышленности с банками; появляются акционерные общества, ценные бумаги, фондовые биржи, фиктивный капитал. Вся эта громадная надстройка, характерная для эпохи финансового капитала, означает дальнейшее расширение и усложнение сферы овеществленных производственных отношений людей, гигантский рост фетишизации этих отношений. Весь этот процесс остался скрытым от глаз Бессонова, который видит только планомерную организацию труда внутри фабрики. Только экономист, сосредоточивший все свое внимание на техническом разделении труда внутри фабрики и не видящий процесса общественного производства в его целом, может утверждать, что сфера общественного разделения труда по мере развития капитализма суживается. Только при полном непонимании учения Маркса об анархии капиталистического производства можно сказать, что появление фабрики означает превращение труда из косвенно-общественного в непосредственно-общественный труд. Это было бы верно лишь в том случае, если бы фабрика представляла собою общество; труд планомерно организован внутри фабрики, но сама фабрика представляет собой только частицу огромной системы стихийного, анархического, неорганизованного разделения труда внутри общества.

Исходя из своего ложного понимания развития капитализма, Бессонов приходит к выводам, которые поражают своей нелепостью. Мы уже видели, что, по мнению Бессонова, превращение рабочей силы в товар означает сокращение сферы действия вещно-выраженных производственных отношений людей. Отсюда вытекает парадоксальный вывод, что превращение рабочей силы в товар означает сокращение сферы товарного производства вообще, и Бессонов, проявляя в данном случае большую последовательность, не боится сделать этот вывод: «Спраши-

вается, куда делась эта плодотворнейшая из революционных идей Маркса о том, что превращение рабочей силы в товар означает н а ч а л о к о н ц а товарного способа производства вообще, куда она делась в мертвой схеме Рубина?» (с. 97).

Нам очень легко ответить на этот вопрос: честь открытия этой плодотворнейшей идеи всецело принадлежит самому Бессонову, который совершенно облыжно приписывает ее Марксу. Марксу никогда не приходило в голову утверждать, что превращение рабочей силы в товар означает начало конца товарного производства вообще. Маркс всегда подчеркивал, что только с момента превращения рабочей силы в товар начинается быстрое развитие товарного производства вообще. Чтобы наглядно показать, в какой мере положение Бессонова противоречит учению Маркса, мы приведем только следующую цитату: «Этот результат неизбежен, раз рабочая сила свободно продается самим рабочим как товар. Но л и ш ь о т с ю д а товарное производство принимает в с е о б щ и й характер и становится т и п и ч н о й формой производства; лишь отсюда каждый продукт начинает производиться на продажу, и все производимое богатство проходит через сферу обращения. Лишь тогда, когда наемный труд становится базисом товарного производства, это последнее навязывает себя в с е м у о б щ е с т в у» («Капитал», т. I, с. 462, разрядка наша). Читатель легко может убедиться, что Бессонов ставит на голову все учение Маркса. По словам Маркса, лишь со времени превращения рабочей силы в товар товарное производство становится т и п и ч н о й формой производства. По словам Бессонова, превращение рабочей силы в товар означает н а ч а л о к о н ц а товарного способа производства. По мнению Маркса, лишь с этого времени все продукты начинают производиться на продажу и проходят через сферу о б р а щ е н и я. По мнению Бессонова, превращение рабочей силы в товар означает с о к р а щ е н и е сферы действия вещно-выраженных производственных отношений.

Раз сфера овеществленных производственных отношений все более сокращается, то мы должны прийти к выводу, что по мере развития капитализма производственные отношения людей все более и более «дефетишизируются». Правда, Маркс утверждал как раз нечто противоположное; Маркс говорил, что фетишизация производственных отношений, хотя имеет место в слабо развитой форме уже в простом домашнем хозяйстве, достигает наибольшего развития именно при капитализме. Маркс писал: «Все формы общества, поскольку они доходят до товарного производства и денежного обращения, в той или иной мере характеризуются таким искажением действительных отношений. Но при капиталистическом способе производства и при капитале... этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развитие» («Капитал», т. III, ч. 2, 1928 г., с. 297). Но, как мы уже убедились выше, положения Маркса служат Бессонову, повидимому, только для того, чтобы преподнести читателям утверждения противоположного характера. Этому методу Бессонов не изменяет и на этот раз. Он пишет: «Там, где замораживает товарный оборот, где спадает фетишистическая стоимостная оболочка общественного труда, там перестают действовать прежние категории политической экономии, и обнажившийся материальный остов общественного производства требует другого подхода, скорее натурально-технического порядка, чем абстрактно-экономического» («Развитие машин», с. 42). Читатель, может быть, подумает, что Бессонов имеет здесь в виду переходный период от капиталистического хозяйства к социали-

стическому, когда действительно спадает фетишистическая стоимостная оболочка общественного труда, и обнажается материальный остов общественного производства. Но в том-то и дело, что Бессонов в цитированной фразе имеет в виду отнюдь не переходный период от капитализма к социализму, а эпоху капитализма военного и послевоенного времени. Больше того, как уже вытекает из всего изложенного выше, Бессонов должен применить положение о «дефетишизации» производственных отношений людей ко всему периоду развития капиталистического хозяйства, начиная с превращения рабочей силы в товар; и Бессонов действительно делает такой вывод.

На страницах 416—418 своей книги «Развитие машин» Бессонов дает схему хозяйственного развития человечества с точки зрения постепенного возрастания технического разделения труда. Он насчитывает следующие шесть фаз развития хозяйства: 1) натуральное хозяйство, 2) «стадия простого товарного хозяйства и торгового капитала», 3) «стадия свободного капитализма примерно до 70-х годов прошлого века», 4) стадия империализма, 5) хозяйство Советской России, 6) система коммунистического общества. Первые две фазы охватывают докапиталистическое хозяйство, третья и четвертая фазы охватывают капиталистическое хозяйство.

К нашему удивлению, мы узнаем, что уже начиная с третьей фазы, т. е. со времени возникновения промышленного капитализма, начинается сужение сферы общественного разделения труда. Правда, Бессонов согласен признать, что в третьей фазе еще продолжается анархия общественного разделения труда. «Однако в этой стадии общественное разделение труда уже претерпевает некоторые изменения. Его область суживается, так как прежде самостоятельные производители выступают здесь уже в качестве наемных рабочих, входящих ныне в систему технического разделения труда, в то время как прежде они были звеньями общественного разделения труда» (с. 417, разрядка наша). Итак, уже в эпоху свободного капитализма, развивавшегося до 70-х годов XIX столетия, мы имеем сужение сферы общественного разделения труда и, следовательно, сокращение вещно-выраженных, т. е. стихийных и анархических производственных отношений людей. Тем более усиливается этот процесс во время четвертой фазы, наступившей после 70-х годов XIX столетия. В применении к этой фазе Бессонов говорит: «Сфера технического разделения труда возрастает до громадных размеров, охватывая в некоторых трестах почти все количество рабочих вообще, занятых в данной специальности. Соответственно суживается сфера общественного разделения труда» (с. 417, разрядка наша).

Из этих положений можно сделать только один вывод: все развитие капитализма после эпохи торгового капитала сопровождается сужением области стихийного, анархического общественного разделения труда и соответствующим ему овеществленным производственным отношениям людей: развитие капитализма означало развитие планомерно организованного производства. И Бессонов не боится сделать этот вывод, означающий полнейший отказ от азбуки марксизма. Свои рассуждения о шести фазах хозяйства он резюмирует в следующих словах: «Таким образом, рассматриваемое с этой точки зрения общественное развитие представляет из себя постепенное отмирание слепой игры общественных сил, представленных рынком, и, наоборот, посте-

п е н н ы й р о с т пл а н о м е р н о г о т е х н и ч е с к о г о р а з д е л е н и я т р у д а в н у т р и о б щ е с т в а, р а с с м а т р и в а е м о г о к а к е д и н ы й х о з я и с т в е н н ы й о р г а н и з м » (с. 418, разрядка наша). Эта своеобразная «философия истории», представляющая собою вполне последовательный вывод из всей концепции Бессонова, опрокидывает всю систему Маркса. По учению Маркса, развитие капиталистического хозяйства сопровождалось разрушением тех более или менее организованных форм процесса производства, которые имели место раньше (феодалное поместье, цеховое ремесло), и гигантским усилением стихийного, анархического характера процесса производства. По мнению же Бессонова, развитие капитализма, начиная с первых шагов «превращения рабочей силы в товар», сопровождалось постепенным отмиранием слепой игры общественных сил, представленных рынком, и, следовательно, ростом планомерной организации производства. По мнению Маркса, гигантский рост производительности труда, вызванный планомерной организацией производства внутри фабрики, происходил одновременно с гигантским ростом и усложнением стихийных и неорганизованных, т. е. вещно-выраженных производственных отношений людей. Именно это противоречие между организацией труда внутри предприятия и неорганизованностью его во всем обществе таит в себе необходимость гибели капитализма. С точки зрения Бессонова, рост планомерной организации внутри предприятия сопровождается непараллельным усилением стихийного характера всего общественного производства в целом, а, наоборот, происходит за счет сокращения сферы вещно выраженных, т. е. стихийных производственных отношений людей. Но куда же в таком случае денется противоречие между производительными силами и производственными отношениями людей? — Ведь с точки зрения Бессонова стихийные, анархические производственные отношения «постепенно отмирают», и, следовательно, все более уменьшается та основа, на которой развиваются противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

Бессонов думает, что овеществленные производственные отношения все более вытесняются неовеществленными отношениями производителей внутри предприятий. Но Бессонов сам понимает, что, когда мы говорим о противоречии между производительными силами и производственными отношениями, мы под последними понимаем именно производственные отношения овеществленного характера. В своем докладе в Институте Красной Профессуры Бессонов прямо признал, что производственные отношения, не имеющие вещного характера (т. е. технические производственные отношения, связывающие рабочих внутри предприятия), «изменяются параллельно развитию производительных сил, непосредственно в зависимости от развития производительных сил», и, следовательно, не могут вступать в противоречие с последними. «Производственные отношения, имеющие вещный характер и при капиталистическом способе производства (отношения между самостоятельными предприятиями), не изменяются параллельно развитию производительных сил, отстал от этого развития — в этом заключаются противоречия». Таким образом, Бессонов сам вынужден признать, что производственные силы вступают в противоречие именно с производственными отношениями овеществленного характера. Но ведь выше Бессонов утверждал, что по мере развития капитализма производственные отношения этого типа все больше и больше сокращаются за счет расширения производственных отношений, не имеющих вещного характера. А это и значит, что все больше сокращается сфера производственных отношений, которые

вступают в противоречие с производительными силами. Следовательно, противоречие между производительными силами и производственными отношениями все более ослабевает. Одна сторона этого противоречия (производственные отношения овеществленного характера) все более и более сокращается; другая сторона (т. е. производительные силы) в процессе своего постепенного роста порождает соответствующие ей производственные отношения (т. е. техническое разделение труда неовеществленного характера). Все учение Маркса о нарастании противоречия между производительными силами и производственными отношениями и необходимости социальной революции совершенно уничтожается в изложении Бессонова. Если бы Бессонов захотел и в данном пункте оказаться последовательным, он необходимо должен был бы прийти к выводу о постепенном отмирании противоречий между производительными силами и производственными отношениями, о постепенном усилении в капитализме организованных, плановых элементов хозяйства, о постепенном безболезненном и мирном вращении капитализма в социализм.

Ошибка Бессонова носит столь элементарный характер, что ее можно наглядно представить читателю в виде школьного силлогизма. Первая посылка Бессонова: овеществленные производственные отношения вступают в противоречие с производительными силами, неовеществленные производственные отношения не вступают в противоречие с последними. Вторая посылка Бессонова: сфера овеществленных производственных отношений все более суживается за счет расширения сферы неовеществленных производственных отношений. Отсюда необходимо сделать следующий вывод: сфера производственных отношений, вступающих в противоречие с производительными силами, все более сокращается за счет расширения сферы производственных отношений, не находящихся в противоречии с развитием производительных сил.

В данном пункте мы видим интересный пример того, что рассуждения, прикрываемые революционными словами, нередко скрывают в себе далеко неревolutionную сущность. Бессонов обвиняет меня в преувеличении роли овеществленных производственных отношений и в игнорировании растущего значения неовеществленных производственных отношений: «Изгнание Рубиным из политической экономии производственных отношений, не принимающих вещного характера, означает в действительности выхолащивание революционного содержания нашей науки... Заслуга Маркса заключалась между прочим в том, что он первый отметил и выяснил всемирно-историческое значение того факта, что в капиталистическом обществе чем дальше, тем больше начинают играть роль именно производственные отношения, не имеющие вещного характера и не выражающиеся в переходе вещей. Чем большее значение приобретают эти отношения, чем большее количество людей начинает связываться между собой не через вещи, а непосредственно, тем шире становятся предпосылки и нового общественного строя, зреющие в недрах капитализма, тем ближе крах последнего» (с. 96). Эти рассуждения Бессонова имели бы смысл в том случае, если бы он указал, что параллельно с ростом неовеществленных производственных отношений происходит рост овеществленных, т. е. стихийных производственных отношений. Но ведь вся концепция Бессонова направлена именно на доказательство того, что развитие технического разделения труда с присущими ему овеществленными отношениями людей совершается за счет вытеснения общественного

разделения труда с производственными отношениями овеществленного характера. Благодаря этому подчеркивание возрастающей роли неовеществленных производственных отношений людей должно привести Бессонова, если бы он оказался последовательным, к отрицанию растущих противоречий капиталистического хозяйства и необходимости социальной революции. Под прикрытием громких фраз и выдвигаемых против меня обвинений в «выхолащивании» революционного содержания нашей науки, Бессонов на самом деле преподносит читателю полный отказ от центральной части всей системы Маркса, от самой души марксизма, — отказ от учения о росте противоречий капитализма и необходимости социальной революции. Если сам Бессонов этого не понимает, это доказывает только, что он способен запутать не только своего читателя, но и самого себя.

6. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД

Изложенные нами рассуждения Бессонова, обнаруживающие полнейшее непонимание характера развития капиталистического хозяйства, вместе с тем являются ярким свидетельством ложности тех методологических основ, на которых они построены. Бессонов не имеет ни малейшего представления о том, как именно совершается диалектически-противоречивое развитие капитализма. Яркий пример непонимания диалектического метода мы уже видели в его рассуждениях об общественном и техническом разделении труда. Вместо того, чтобы видеть одновременное и параллельное возрастание обеих этих форм разделения труда, с постепенным усилением обоих полюсов и противоречия между ними, Бессонов изображает весь процесс в виде механического вытеснения и я общественной разделения труда техническим, овеществленных производственных отношений неовеществленными. Он видит только механическое «оттеснение стихийных форм регулирования производства через рынок сознательными формами регулирования внутри предприятий по плану» («Развитие машин», с. 240). Мы уже видели, в какой мере нелепо предполагать, что сознательное регулирование производства «внутри предприятий» может привести к «оттеснению» стихийных форм регулирования общественного производства в его целом. Казалось бы, наоборот, планомерная организация производства внутри фабрик приводит к мощному росту производительности труда, к обострению конкуренции и усилению стихийного характера всего общественного процесса производства. Правда, в эпоху монополистического капитализма в пределах отдельных предприятий, трестов, концернов конкуренция устраняется, но лишь для того, чтобы усилить и углубить борьбу между целыми отраслями производства и целыми государствами. Об этом мы уже говорили выше, сейчас мы ставим себе целью только подчеркнуть методологическую ошибку Бессонова, который видит механическое вытеснение общественного разделения труда техническим там, где на самом деле имеет место диалектически противоречивый процесс усиления обоих.

Это непонимание диалектической связи между общественным и техническим разделением труда вытекает у Бессонова из еще более серьезной ошибки, а именно из непонимания диалектической связи между простым товарным хозяйством и капиталистическим. Мы уже видели, что Бессонов наиболее характерной чертой системы Маркса считает присущий ей «историзм»; он не понимает, что для Маркса харак-

терно не только признание факта исторической смены различных экономических формаций, но и особый способ понимания этой смены. По учению Маркса, одна общественная формация сменяется другою в силу нарастания присущих ей противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Новая экономическая формация, представляя собою отрицание предыдущей формации, содержит в себе много черт последней в «снятом виде». Не историзм, а диалектический метод составляет характерную черту исследования Маркса.

Бессонов ограничивается плоским представлением об «историзме», когда он говорит о переходе от простого товарного хозяйства к капиталистическому. Мы уже видели, что он мыслит себе этот переход в виде механического вытеснения одной формы производственных отношений другою. В простом товарном хозяйстве, по мнению Бессонова, преобладает общественное разделение труда, в капиталистическом — техническое. В простом товарном хозяйстве, труд является косвенно-общественным, в капиталистическом хозяйстве он «из труда косвенно-общественного непосредственно становится звеном труда общественного» (с. 97). «В простом товарном хозяйстве общественные определения труда проявляются, реализуются лишь в акте обмена. В капиталистическом хозяйстве, напротив, эти общественные определения труда выступают непосредственно в процессе кооперативного, обобществленного производства» (Тезисы Бессонова, с. 4). Капиталистическое хозяйство мыслится Бессоновым как отрицание простого товарного хозяйства, но Бессонов не понимает, что только в капиталистическом хозяйстве товарное производство достигает своего полного развития, и присущие ему категории — стоимость, абстрактный труд, общественно-необходимый труд и т. д. — получают наиболее развитые формы. Он не понимает, что стихийное, неорганизованное общественное разделение труда в эпоху простого товарного хозяйства существовало еще только в слабом, неразвитом виде и поэтому, по мере развития капитализма, вопреки мнению Бессонова, не отмирает, а все более усиливается и охватывает все народное хозяйство в целом. Он не понимает, что в капиталистическом хозяйстве категории простого товарного хозяйства не только отрицаются, но и сохраняются, составляя основу всего процесса производства. Он поэтому не понимает, что капиталистическое хозяйство есть сложная система органически связанных между собою и взаимодействующих производственных отношений людей и социальных форм вещей, как характерных для всякого товарного производства вообще (стоимость, деньги), так и присущих только капиталистическому хозяйству (капитал, заработная плата, прибыль). Капиталистическое хозяйство есть система усложняющихся производственных отношений людей и социальных форм вещей, связанных между собою как в своем историческом происхождении, так и в своем одновременном функционировании и взаимодействии. Именно непониманием этого органического единства всей системы социальных форм, присущих капиталистическому хозяйству, объясняются выдвигаемые Бессоновым против меня упреки в том, что я вывожу одни социальные формы из других (с. 110). По мнению Бессонова, каждая социальная форма, например, капитал, должна быть выведена непосредственно из отличного от нее содержания, т. е. должна рассматриваться как непосредственный и пассивный рефлекс определенного состояния и развития материальных производительных сил. С нашей же точки зрения, капитал возник из товара и денег, т. е. более сложная социальная форма возникла из более простой, разумеется, под

влиянием развития материальных производительных сил (см. об этом подробнее нашу статью «Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса» в журнале «Под знаменем марксизма», 1929 г., № 4). Разрывая связь между различными типами производственных отношений людей и различными социальными формами вещей, Бессонов уничтожает диалектическое единство всех категорий, развитых Марксом на протяжении трех томов «Капитала».

Какую путаницу Бессонов умудрился внести в вопрос о соотношении между содержанием и формой, можно видеть на примере вопроса об абстрактном труде и стоимости. Я рассматриваю абстрактный труд как присущий только товарному хозяйству; иначе говоря, я утверждаю, что в учении об абстрактном труде Маркс рассматривает труд «во всем богатстве социальных определений, характерных для товарного хозяйства». Бессонов возражает, что, если мы включаем в понятие труда «социальную форму, присущую ему в товарном хозяйстве», то тем самым мы включаем в понятие труда... «форму стоимости» (с. 106) и, следовательно, впадаем в порочный круг. Этот странный вывод Бессонов делает на основании того соображения, что социальной формой, присущей труду в товарном обществе, является стоимость. Между тем это соображение не выдерживает ни малейшей критики. Правда, мы часто говорим, что труд в товарном обществе принимает форму стоимости, но совершенно очевидно, что «социальной формой» труда в товарном обществе является не стоимость, а определенный характер организации самого труда. Ведь с точки зрения Бессонова мы совершенно не можем понять фразу Маркса, что «труд, образующий меновую стоимость, есть специфическая общественная форма труда» («Kritik», с. 13). Ведь Бессонов утверждает, что общественной формой труда в товарном обществе является стоимость, следовательно, фраза Маркса означает, по мнению Бессонова, следующее: «труд, образующий меновую стоимость, есть стоимость». Мы приходим к совершенно нелепому положению, которое объясняется просто тем, что Бессонову угодно отождествить стоимость с общественной формой труда.

Когда мы говорим, что понятие труда включает в себя социальную форму, присущую ему в товарном хозяйстве, это отнюдь не значит, что мы включаем в понятие труда стоимость. Мы только включаем в понятие труда признак организации его на началах товарного или менового хозяйства. А что Маркс включал этот признак в понятие абстрактного труда, мы имеем множество доказательств. Достаточно вспомнить упреки Маркса по адресу Франклина и Смита, которые игнорировали, что труд, образующий стоимость, присущ только производству, основанному на обмене, т. е. товарному производству. Только экономисты вроде А. Кона, считающие абстрактный труд «неисторической» категорией, игнорируют внутреннюю неразрывную связь его с товарным хозяйством. Но даже Кон, когда он от понятия абстрактного труда переходит к понятию труда, образующего стоимость, вынужден включить в это понятие «социальную форму» труда. Так, в своей статье в «Вестнике Коммунистической Академии» (1928 г. № 25, с. 264) Кон вынужден был признать, что субстанцией стоимости является не абстрактный труд как таковой, а «общественный (и общественно-необходимый) абстрактный простой труд в его специфически меновой форме». Даже Кон вынужден был внести признак обмена или товарного производства в понятие труда, образующего стоимость, а это значит, что он вынужден

был внести в это понятие признак «социальной формы» труда в товарном хозяйстве.

Отожествив социальную форму труда со стоимостью, Бессонов после этого возражает против внесения стоимости в понятие абстрактного труда, т. е. против внесения формы в содержание. Одновременно он возражает и против предположения, что форма может содержаться в содержании в неразвитом виде: «Если же мы скажем, что форма содержится в содержании в неразвитом виде (однако, конечно, в таком, что она все же не перестает быть формой, иначе весь тезис бессмысленен), то диалектика предстанет перед нами как процесс чисто количественного развития формы, в основных чертах уже существующей в самом содержании. Но где же в таком случае основной признак диалектического развития — признак скачкообразного развития, превращения количества в качество, содержания в форму и одной формы в другую?» (с. 108). Здесь Бессонов возвращается к мысли, мимоходом упомянутой нами выше: он находит, что признание «усложнения» социальных форм означает отрицание их скачкообразного развития; или усложнение или скачок, — так метафизически, не-диалектически мыслит Бессонов. Он не понимает, что весь процесс общественного развития есть процесс «усложнения», сопровождающийся появлением качественно-новых форм, т. е. не исключая скачков. Если прав был бы Бессонов, то как нам понять известную фразу Ленина: «Как простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного данного товара на другой, уже включает в себе в неразвернутой форме все главные противоречия капитализма» (Ленинский сборник, кн. IX, 1929 г., с. 197). Неужели эта фраза о том, что в простой форме стоимости содержатся все противоречия капитализма в неразвернутой форме, означает отрицание скачкообразного развития, имеющего место при переходе от простого товарного хозяйства к капиталистическому? Точно так же и Н. И. Бухарин писал: «Развитая экономическая теория должна быть в состоянии, исходя из основного понятия ценности, понять все явления хозяйственной жизни» (Бухарин, Политическая экономия без ценности, сборник «Основные проблемы политической экономии», 3 изд., с. 480).

Приведенные фразы Ленина и Бухарина объясняются весьма просто: капиталистическое хозяйство в известном смысле представляет собою отрицание простого товарного хозяйства, но в другом смысле оно представляет собою и его дальнейшее развитие. Мы не должны закрывать глаза на то, что при переходе к капиталистическому хозяйству отношения товаропроизводителей принимают качественно новую форму, что на основе обмена продуктов вырастает новая форма производственных отношений людей, сводящаяся к присвоению капиталистом неоплаченного труда рабочих. Но это различие между простым товарным хозяйством и капиталистическим не устраняет и их единства. Капиталистическое хозяйство должно рассматриваться нами не только как отрицание, но и как развитие товарного производства вообще, а потому переход от категорий простого товарного хозяйства к капиталистическому может рассматриваться нами как процесс «усложнения» социальных форм, не исключая, конечно, их скачкообразного развития.

Весь процесс постепенного усложнения и «генезиса форм», которому посвящены все три тома «Капитала» Маркса, остался совершенно скрытым от глаз Бессонова. Бессонов указывает, что диалектический метод не ограничивается переходом исследователя от абстрактных форм

к конкретным, т. е. не ограничивается исследованием «генезиса форм» (с. 106). Но если исследование «генезиса форм» не исчерпывает собою всего богатства содержания диалектического метода Маркса, то, во всяком случае, оно занимает в нем весьма почетное место. Особенно большое значение имеет оно для экономиста. Недаром Маркс в своем «Введении к критике политической экономии», в разделе о методе, посвятил главное свое внимание именно методу перехода от абстрактных понятий к конкретным. Но и независимо от этого вообще нельзя противопоставлять исследование «генезиса форм» другим принципам, составляющим содержание диалектического метода. Экономист, который прослеживает процесс «генезиса форм», предполагающий одновременно и отрицание и сохранение более простых форм в более сложных, вынужден на каждом шагу вести свое исследование при помощи общих диалектических законов единства противоположностей, отрицания и перехода количества в качество (см. об этом нашу названную выше статью).

Если Бессонов не понимает всего значения исследования «генезиса форм», то объясняется это просто тем, что он склонен вести свое исследование не при помощи диалектического, а при помощи односторонне-аналитического метода. В своей первой статье («Проблемы экономики», № 1, с. 136) Бессонов писал: «Рубин до смерти боится ограничить задачу теоретической экономии аналитическим сведением исторически-обусловленных социальных форм капиталистического хозяйства к внеисторическим, материально-техническим основам производственного процесса». Мы охотно признаем, что действительно ограничение исследования такого рода аналитическим сведением представляется нам совершенно недостаточным, и в этом вопросе мы только следуем примеру Маркса, который неоднократно подчеркивал недостаточность аналитического метода. Любопытно, что несколькими страницами дальше (с. 139—140) сам Бессонов цитирует следующие слова Маркса: «Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем наоборот — из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно-материалистический, а, следовательно, научный метод». Бессонов, повидимому, даже не понимает, что Маркс в этих словах подчеркивает недостаточность аналитического метода исследования. Одно из двух: либо Бессонов просто не понимает, что Маркс противопоставляет здесь диалектический метод исследования односторонне-аналитическому методу; либо он это понимает и, тем не менее, вполне сознательно ограничивает задачу научного исследования аналитическим сведением.

Склонность к чисто-аналитическому сведению Бессонов проявляет и в других местах. Достаточно напомнить о том, что, по его словам, «различие экономических эпох сводится к различию в степени развития материальных орудий труда» (там же, с. 142, разрядка наша). Вместо того, чтобы сказать, что различие экономических формаций возникает на основе различий в развитии орудий труда, Бессонов аналитически сводит первое различие к последнему, сводит более сложное явление к более простому.

Мы уже отмечали, что все рассуждения Бессонова о переходе от простого товарного хозяйства к капиталистическому и о развитии последнего ярко свидетельствуют о полном пренебрежении нашего критика к диалектическому методу исследования. Тем же антидиалекти-

ческим характером отличаются его рассуждения об обмене. Мы уже видели полное игнорирование Бессоновым закона единства противоположностей в вопросе о связи между простым товарным хозяйством и капиталистическим. Выше, в § 2 настоящей статьи, мы видели также, что Бессонов не применяет закона единства противоположностей в своих рассуждениях о связи между производительными силами и производственными отношениями. Этот же порок легко обнаружить в рассуждениях Бессонова об обмене. Бессонов не понимает, что связь между процессом непосредственного производства и процессом обмена должна быть нами понята как единство противоположностей. Он не понимает, что обмен, будучи отдельною фазою процесса воспроизводства, вместе с тем является и социальной формой последнего. По его мнению, проводимое мною различие между обменом как формой и обменом как фазой производства является «новою уверткой» Рубина (с. 100). Мимоходом отметим, что другой наш критик Шабс в своей книге «Проблемы общественного труда» (с. 9) характеризует это различие, как «всем, кстати, хорошо известное». Но вернемся к Бессонову; почему Бессонов отказывается проводить указанное различие? Он пишет, что «нигде и никогда» Маркс не мог проводить такого различия потому, что, согласно его учению, обмен только потому и является фазой, что «он является формой, и формой является потому, что он есть фаза» (с. 100). Выше мы уже видели примеры того легкомыслия, с которым Бессонов утверждает, что Маркс «нигде и никогда» не проводит различия между материально-техническим процессом производства и его общественной формой. То же легкомыслие обнаруживает Бессонов в своих рассуждениях об обмене; эти рассуждения не выдерживают критики уже с методологической точки зрения. Действительно, обмен только потому и является фазой производства, что он является социальной формой производства, но неужели это лишает нас права проводить различие между ними? И здесь Бессонов споткнулся о ту же самую ошибку, которую он повторяет неоднократно; он не видит, что единство не исключает противоположности, что мы можем констатировать различие и противоположность там, где имеется единство.

Бессонов спрашивает: «Скажите, пожалуйста, где и когда Маркс проводил подобное различие между обменом как формой и обменом как фазой производства?» (с. 100). Чтобы показать Бессонову, что это различие лежит в основе рассуждений Маркса, мы приведем только одну цитату из сочинений последнего: «Только через свое отчуждение индивидуальный труд действительно представляется как его противоположность. Но еще до отчуждения товар должен иметь это всеобщее выражение» («Theorien», т. 3, с. 161). Итак, по мнению Маркса, товар должен быть стоимостью одновременно и до отчуждения и через отчуждение, а это возможно лишь в том случае, если мы будем отличать «отчуждение» (т. е. обмен) как фазу, следующую за процессом непосредственного производства, от обмена как социальной формы самого процесса воспроизводства. Товар обладает стоимостью лишь «через» отчуждение, т. е. благодаря тому, что производство ведется для обмена, но еще «до» отчуждения, т. е. до своего вступления в фазу обмена. Это и означает взаимопроникновение процесса непосредственного производства и процесса обмена, на которое неоднократно указывал Маркс. «Непосредственный процесс производства и процесс обращения постоянно переходят один в другой, проникают друг друга» («Капитал», т. 3, ч. I, с. 16—17). «Процесс производства основывается всецело на

обращении, а обращение представляет лишь момент, переходную фазу производства» (там же, с. 253).

Если мы будем помнить об этом взаимопроникновении процесса непосредственного производства и процесса обмена, то мы поймем всю нелепость упрощенного представления наших критиков о примате производства над обменом. Речь идет не о примате производства вообще, лишенного всякой общественной формы, а о примате товарного производства над фазой обмена. А это и значит, что обмен уже включен в самое производство, как его социальная форма. Товар обладает стоимостью еще до процесса обмена, но лишь в производстве, основанном на обмене, он приобретает свою общественную форму еще до обмена, но лишь через посредство обмена. В условиях равновесия обмен вынужден реализовать те трудовые затраты, которые произведены в процессе непосредственного производства. Если на продукт в среднем затрачено 10 часов труда, то обмен вынужден реализовать его стоимость, равную 10 рублям. Продукт уже в процессе непосредственного производства не только является продуктом определенного количества труда (в среднем 10 часов), но и имеет уже форму стоимости (именно равную 10 рублям). Однако этот общественный характер продукта и труда еще не признан обществом: окончательное признание этого общественного характера труда и продукта труда обществом имеет место в фазе обмена, посредством действия всех товаропроизводителей по отношению к продукту труда данного производителя. Именно этим объясняется огромная роль, приписываемая Марксом обмену, в котором окончательно «реализуется» или «осуществляется» общественный характер труда и продукта труда. Маркс, например, писал: «На деле индивидуальные работы, представленные в этих особых потребительных стоимостях, становятся всеобщими в этой форме общественным трудом лишь тогда, когда они действительно обмениваются друг на друга пропорционально продолжительности заключенного в них труда» («Kritik», с. 24). Если бы эта фраза была высказана мною, Бессонов не замедлил бы обвинить меня в меновой концепции, но эти слова сказаны Марксом и сказаны не случайно. Подобного рода цитат можно привести десятки из разных сочинений Маркса, подобного же рода цитаты встречаются неоднократно у всех авторитетных представителей марксизма, например, у Плеханова, Гильфердинга, Люксембург и др. (См. наши «Очерки», 3-е изд., с. 322 и 328). Эта роль обмена всегда настойчиво указывалась марксистами именно для того, чтобы подчеркнуть неорганизованный стихийный характер товарного хозяйства. Именно для того, чтобы подчеркнуть, что труд в товарном хозяйстве не является непосредственно-общественным, марксисты указывали, что общественный характер труда может быть реализован лишь «обходным путем» обмена. Если мы будем приписывать обмену лишь роль пассивного регистратора произведенных каждым индивидом трудовых затрат, то мы неизбежно придем к выводу, что труд в капиталистическом обществе является непосредственно-общественным. В применении к капиталистическому хозяйству, как мы это уже видели, Бессонов это утверждает. Вообще критик, обвиняющий нас в меновой концепции и решающийся утверждать, что труд и в капиталистическом хозяйстве является непосредственно-общественным, необходимо должен представлять себе товарное хозяйство по образцу планомерно-организованного социалистического хозяйства. Недооценка значения обмена в товарном хозяйстве равносильна затушевыванию коренных черт отличия между анархиче-

ским, стихийным, товарным хозяйством и организованным социалистическим хозяйством.

Мы можем подвести итоги. В настоящей дискуссии Бессонов выступил на литературную сцену с большим шумом и еще большими претензиями. Он претендовал не более и не менее, как на роль судьи, призванного решать, какие теоретические положения являются ортодоксально-марксистскими и какие представляют собою «новый вид ревизионизма». Подобного рода серьезные претензии должны быть надлежащим образом обоснованы. Однако короткий срок, протекший со дня напечатания статьи Бессонова, уже ярко обнаружил, что роль судьи Бессонову отнюдь не к лицу. Во всех вопросах, которых только успел коснуться в своей статье Бессонов, он умудрился внести изрядную долю путаницы и сделать ряд серьезных отступлений от теории Маркса. Напомним еще раз эти вопросы по порядку.

Вопрос первый: Предмет политической экономии. Бессонов отстаивал мысль, что в предмет исследования политической экономии входят на «равноправных» началах, «одинаково законно» производственные отношения и производительные силы. Это утверждение во всяком случае представляло «бесспорную новость» для марксистов и прямой отказ от общепринятого в марксистской литературе определения политической экономии как науки о производственных отношениях людей. Так как предложение Бессонова не встретило сочувствия даже среди его ближайших единомышленников, он вынужден был в своем заключительном слове на диспуте в Институте Красной Профессуры (11 мая 1929 г.) от своего предложения о «равноправии» отказаться.

Вопрос второй: М а т е р и а л ь н о - т е х н и ч е с к и й процесс производства и его о б щ е с т в е н н а я ф о р м а или, как выражается Бессонов, — «материальное и социальное». Бессонов выдвинул тезис, что «нигде и ни при каких обстоятельствах Маркс не противопоставлял и не мог противопоставлять материально-технического процесса производства его общественной форме». Мы показали, что этот тезис, если сделать из него все выводы, должен привести к отрицанию противоположности и противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

Вопрос третий: К л а с с и к и и М а р к с. Бессонов обвинял меня в искажении учения классиков на том основании, что я находил у них смешение социальных функций вещей с их техническими функциями. Рядом цитат из сочинений Каутского, Люксембург и Гильфердинга мы, надеемся, показали с достаточной убедительностью, что и в данном вопросе именно точка зрения Бессонова находится в вопиющем противоречии со взглядами почти всех авторитетных представителей марксизма.

Вопрос четвертый: Т е о р и я т о в а р н о г о ф е т и ш и з м а. Бессонов утверждал, что тайна товарного фетишизма была уже открыта классиками, что особое подчеркивание теории товарного фетишизма представляет из себя «бесспорную новость» в марксистской литературе. Рядом цитат из сочинений Энгельса, Плеханова, Люксембург, Бухарина, Каутского и Гильфердинга мы показали, что только критику, недостаточно усвоившему работы названных марксистов, подчеркивание теории товарного фетишизма может показаться «бесспорною новостью».

Вопрос пятый: О в е щ е с т в л е н н ы е и н е о в е щ е с т в л е н н ы е отношения людей. Чтобы умалить роль теории товарного фетишизма в экономической системе Маркса, Бессонов утверждал, что

переход от простого товарного хозяйства к капиталистическому знаменует собой сокращение сферы овеществленных отношений людей. Мы показали, что это утверждение в корне расходится с марксовой теорией и может послужить основой для отрицания учения Маркса об усилении заложенных в капиталистическом хозяйстве противоречий и необходимости социальной революции.

Вопрос шестой: Диалектический метод. Грубые ошибки Бессонова имеют своей методологической основой непонимание особенностей диалектического метода Маркса. Мы отметили вульгаризацию диалектики с историзмом, склонность к односторонне-аналитическому сведению сложных социальных форм к простым, недооценка важности исследования генезиса форм, плоский историзм в понимании соотношения между простым товарным хозяйством и капиталистическим.

Первые же шаги, сделанные Бессоновым в настоящей дискуссии, обнаружили в его рассуждениях ряд серьезных ошибок и отступлений от теории Маркса. Напрасно Бессонов взял на себя роль непогрешимого судьи в вопросах теоретической экономики. Напрасно не направил он свой запас знаний и критического усердия на исправление ошибок как в его собственных работах, так и в писаниях его единомышленников. Правда, к последним Бессонов подчас не прочь проявить критическое отношение. Он признает, что в писаниях его единомышленников «также возможны уклоны и ошибки», он рекомендует «освобождение антирубинского фронта от шелухи этих ошибок» (с. 117). Но он, видимо, ни в малейшей мере не подозревает, что выполнение этой почтенной задачи должно начаться прежде всего с освобождения антирубинского фронта от... концепции Бессонова.

АБСТРАКТНЫЙ ТРУД КАК МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В дискуссии по вопросам марксовской теории стоимости, ведущейся в настоящее время, выдвинут целый ряд важнейших проблем теоретической экономики. Если для начала важно и необходимо было выяснить предмет дискуссии, дать верную постановку спорных вопросов и в некоторых случаях дать также решение в самой общей форме той или иной проблемы, то теперь на данном этапе дискуссии нашей задачей является уже возможно более тщательное, детальное рассмотрение каждой из выдвинутых дискуссией проблем в отдельности. После ряда специальных работ по отдельным проблемам дискуссии необходимо будет снова вернуться к общим выводам, к подведению итогов, но и эти итоги будут подводиться уже на более высокой и солидно разработанной основе. Исходя из этого, мы хотим обратить внимание читателя лишь на одну специальную проблему дискуссии, именно, мы попытаемся выяснить вопрос о том, можно ли считать материалистическим учение И. Рубина о нематериальном абстрактном труде.

Марксизм признает материей объективно-реальное бытие, существующее независимо от человеческого сознания. В соответствии с этим социальной материей марксизм считает общественное бытие, существующее объективно и независимо от нашего сознания. «Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества»¹. Рубин и его сторонники пытаются опереться на это положение диалектического материализма, чтобы отвести выдвигаемое против них обвинение в идеалистической интерпретации Маркса. Ненормальный абстрактный труд, — говорят они, — существует в объективной социальной действительности и поэтому является материалистической категорией. «Боязнь критиков И. Рубина сделать различие между материальным производством и его общественной формой находит свое объяснение в том, что для них действительно, объективно, реально существующее лишь «материальное» — в узком смысле физического, т. е. чего-то видимого и осязаемого. Это — точка зрения механического материализма. Установление связи социальной формы с материальным содержанием вовсе не означает их отождествления. Совсем не устраняется реальное, объективное, общественное существование, хотя в нем не заключено ни атома «естественного вещества», «ни одного атома материи»².

Посмотрим теперь, существует ли в объективной социальной действительности такой тонкий и «филигранный» объект как нематериальный абстрактный труд.

¹ Ленин, Собр. соч., 2-е изд., т. XIII, с. 266.

² Греблис, Коровай и Степанов, К спорным вопросам теории стоимости, «Большевик» № 3, 1929 г., с. 66—67.

Во внешнем мире, в товарном обществе существует процесс труда, процесс производства общественной жизни. Труд заключает в себе, во-первых, определенные технические приемы, целесообразные движения и операции; во-вторых, он есть затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле безотносительно к той или иной конкретной форме этой затраты; в-третьих, он заключает в себе общественную форму труда, определяющую последний как труд данной исторически-определенной общественно-экономической формации. Конкретный труд не есть то, что соответствует понятию абстрактного труда, — это ясно само собой. Может быть рубинскому понятию нематериального абстрактного труда соответствует действительно существующая во внешнем мире производительная физиологическая затрата человеческой рабочей силы? Оказывается, — нет. Рубин нам раз'ясняет, что как физиологический труд вообще, так и физиологически равный труд не представляют собой абстрактного труда, хотя и являются его предпосылкой»².

Что же соответствует в таком случае рубинскому понятию нематериального абстрактного труда? На этот вопрос дается следующий ответ: «Абстрактный труд включает в себя определение труда с точки зрения общественной формы организации человеческого труда»². В пояснение этого тезиса Рубин говорит в другом месте, что ошибочным является представление, «будто Маркс видит в труде какую-то метафизическую сущность стоимости, ее так сказать материальный субстрат», ибо «такой натуралистический взгляд на отношения между трудом и стоимостью чужд Марксу»³. Физиологическая затрата рабочей силы или «материальный субстрат» труда, таким образом, не входит в понятие абстрактного труда; последний заключает в себе определение общественной формы труда — и только. Верные ученики и последователи Рубина дают на поставленный выше вопрос такой ответ: «Абстрактный труд выступает в качестве общественной характеристики труда, но не выступает в виде его материального субстрата»⁴.

Итак, понятию абстрактного труда по Рубину соответствует в объективной действительности не физиологическая затрата рабочей силы человека в определенном социальном качестве, в определенной общественной форме, не материальный субстрат труда с внутренне присущей ему определенной формой общественности труда, а общественная форма труда как таковая, общественная форма труда без самого труда. Здесь мы подошли к самой сути разногласий с автором «Очерков». Мы считаем, что общественная форма труда как таковая, т. е. общественная форма труда без материального субстрата труда, есть фикция, пустышка, которая существует только в голове Рубина. В реальной действительности не существует общественной формы труда без самого труда; в реальной действительности существует содержательная общественная форма труда, заключающая в себе физиологическую затрату человеческой рабочей силы как свое материальное содержание, или, что то же, существует физиологическая затрата человеческой рабочей силы в определенной общественной форме. Общественную форму труда нельзя почитать как пустую, бессодержательную бесплотную форму, ибо такой общественной формы труда не существует в объективной действитель-

¹ Рубин И., Очерки, с. 153.

² Там же, с. 156.

³ Рубин И., Классики политической экономии, с. 276.

⁴ «Большевик», № 3, 1929 г., с. 72.

ности. На этот счет Маркс дал совершенно ясные и точные указания в I т. «Капитала». «В противоположность этому возникла система реставрированного меркантилизма (Ганиль и т. д.), которая в стоимости видит лишь общественную форму или, вернее, лишь ее отблеск, лишенный субстанции (substanzlosen Schein)»¹. Абстрактный труд, не заключающий в себе физиологической затраты человеческой рабочей силы и понимаемый как бессодержательная общественная форма труда, и есть не что иное как *substanzloser Schein*, т. е. фикция, пустышка, не имеющая соответствующего ей аналога во внешнем мире. Ошибка Рубина заключается, следовательно, в том, что он отрывает форму от содержания, грешит против диалектической логики. Вот что говорит Гегель по интересующему нас вопросу о взаимоотношении формы и содержания.

«Материя заключает форму, как скрытую в материи».

«Форма определяет материю, а материя определяется формой».

«Форма и материя взаимно предполагают одна другую».

«То, что является деятельностью формы, есть в той же мере собственное движение самой материи»².

Ленин, конспектируя это место «Науки логики», делает следующее замечание, сжато передающее суть дела. «Форма существенна. Сущность сформирована так или иначе в зависимости и от сущности»³. В другом месте Ленин говорит: «Гегель же требует логики, в коей формы были бы *gehaltvolle Formen*, формами живого реального содержания, связанными неразрывно с содержанием»⁴.

Если Рубин желает быть диалектиком, он должен признать, что существующая в реальной действительности общественная форма труда является не пустой, а «существенной», или содержательной формой, а из этого неизбежно следует вывод, что понятие абстрактного труда необходимо должно заключать в себе «материальный субстрат» труда — физиологическую затрату человеческой рабочей силы в определенной общественной форме, а не общественную форму труда как таковую, — форму труда без самого труда.

Методология диалектического материализма отмечает ряд основных понятий, лежащих в основе всякого научного познания: форма и содержание, количество и качество, общее и частное и т. д. Для материалиста-диалектика эти категории, применяемые в каждой науке, общи как мышлению, так и бытию. Основная особенность этих категорий состоит в том, что каждая из них не существует отдельно без другой противоположной категории: форма без содержания, качество без количества, общее без частного и т. д. «Общая природа этих понятий такова, что каждое из них требует как дополнения своей противоположности. Понятия же эти суть: бытие и становление, форма и содержание, субстанция и причинность, качество и количество, единство и множественность, конечное и бесконечное, движение и покой, часть и целое, непрерывность и прерывность, всеобщее и частное, сущность и явление и т. д. Ни одна наука не может обойтись без этих основных понятий»⁵.

Метафизик обычно представляет два противоположные определения единого объекта, например, форму и содержание, как абстрактное тождество, в котором теряются различия, полнота содержания и богат-

¹ «Капитал», т. I, с. 50.

² Гегель, Наука логики, II кн., с. 52—53.

³ «Ленинский сборник», IX, с. 135.

⁴ Там же, с. 30.

⁵ Дебориц, Маркс и Гегель. «Под знаменем марксизма», 1924 г. № 3, с. 18.

ство понятия, действительность сводится к одному отвлеченному принципу и выступает односторонне, однобоко в метафизически-извращенном виде. Такая же точно метафизическая ошибка получится и в том случае, если исследователь берет лишь одно из противоположных определений, например, форму, отдельно и оторванно от содержания и пытается уложить реальную действительность в прокрустово ложе этого однобокого рассудочного построения. «Метафизики и брали обычно одну сторону, скажем... отвлеченную форму... и таким образом, приходили к какому-нибудь отвлеченному принципу, в который укладывалась якобы вся действительность»¹.

Исключать физиологическую затрату рабочей силы человека из понятия «абстрактный труд», видеть в нем бессодержательную (не имеющую «материального субстрата») общественную форму труда — это и значит метафизически отрывать одну «сторону» от целого, от материи труда. Ленин говорил о таком отрывании одной из сторон от материи следующее: «Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма, грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее преувеличенное, überschwängliches (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обоже- ственный»². Абстрактный труд без материального содержания труда, сведенный к общественной форме труда — и только, и есть не что иное, как «сторона», оторванная от материи и преувеличенно раздутая в «Очерках» Рубина.

Рубинская «филигранная» интерпретация заменяет марксово учение о двойственном характере труда, производящего товары, учением о тройственном характере последнего. Маркс различал: 1) конкретный труд и 2) абстрактный труд, и понимал под абстрактным трудом физиологическую затрату человеческой рабочей силы (содержание, количество) в определенной общественной форме, в определенном социальном качестве, т. е. как единство формы и содержания, количества и качества.

Рубин различает: 1) конкретный труд, 2) физиологический труд и 3) абстрактный труд. Физиологический труд, по Рубину, — это не абстрактный труд и не конкретный труд, — это биологическая «предпосылка» абстрактного труда. Нетрудно видеть, что это учение Рубина о тройственности труда есть непосредственный результат метафизического отрыва формы от содержания, качества от количества, одной «стороны» труда от материального содержания или «материального субстрата» труда. «Вырвав «обломок» из всей совокупности явлений, оторвав его от материи, идеалисты свой «оттенок», «обломок», имеющий несомненные корни в действительности, раздувают до размеров целого, до размеров абсолюта. Диалектический же материализм прекрасно понимает, что этот «обломок», будучи вырван из общей связи и оторван от материи, лишен реальности и представляет собой пустоцвет»³.

Рубин думает, что упрек в идеализме он может отвести фразой — я же признаю объективное существование нематериального абстрактного труда, а потому я материалист.

¹ Деборин, Маркс и Гегель, «Под знаменем марксизма», 1924 г. № 3, с. 19.

² Ленин, собр. соч. т. XIII, с. 304.

³ Деборин, Ленин о сущности диалектики. «Под знаменем марксизма», 1925 г. № 5—6, с. 12—13.

Материализм отнюдь не состоит в том, чтобы признавать об'ективное существование фикции, «обломка» действительности, оторванного от материи и лишённого реальности. Людей, признающих об'ективное существование фикций — идеи, разума с большой буквы и т. д. — марксисты называют идеалистами вовсе не потому, что идея или разум не существуют в об'ективной действительности, а потому, что эта «сторона» или форма материи отрывается идеалистами от «материального субстрата», от материи.

Социальная «сторона» или общественная форма труда, представляемая как бессодержательная форма, как форма без «материального субстрата» или содержания, без физиологической затраты рабочей силы человека, составляющей общий признак для всех индивидуальных работ, есть «обломок» действительности, оторванный от материи, «пустоцвет», лишённый реальности, т. е. фикция, идеалистическая выдумка.

Различие между конкретным и абстрактным трудом можно представить иначе — как различие между частным и общим, или иначе, — между видовым и родовым понятием. Маркс указывал, что абстрактный труд есть «общее», заключающее в себе материальное содержание каждой конкретной работы, именно: затрату человеческой рабочей силы в физиологическом смысле. «Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют производительную затрату человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле и являются одним и тем же человеческим трудом»¹. Общее, родовое не существует без частного, оторванно от частного. «Всякое общее есть частичка или сторона или сущность отдельного»². Однако особенность товарного общества состоит в том, что труд людей здесь удваивается, имеет два самостоятельные, отдельные, отчужденные друг от друга существования: одно существование, как конкретного труда, в бесконечном разнообразии потребительных стоимостей, и другое существование в качестве абстрактного труда — в виде денег. Общее, родовое отделяется от частного, видового. «Это совершенно все равно, как если бы рядом с львами, тиграми, зайцами и всеми другими действительно существующими животными животного царства существовало бы еще животное как таковое, индивидуальное воплощение всего царства животных»³. Поэтому Маркс и говорит, что абстрактная всеобщность труда в товарном обществе представляет собой «извращение», которое и делает особенно трудным исследование общественного труда в товарном обществе. «Это извращение, благодаря которому чувственно-конкретное выступает лишь как форма проявления абстрактно-всеобщего, а не наоборот, абстрактно-всеобщее как особенность конкретного, — характеризует выражение стоимости и делает его особенно трудным для понимания»⁴.

В действительности, «общее» существует в «отдельном», в индивидуальном труде общественное рабочее время заключается, как говорит Маркс, в скрытой форме и обнаруживается только в процессе обмена. «Мы не исходим из труда индивидуумов как общественного труда, но наоборот, отправляемся от особого индивидуального труда, который только в меновом процессе, через уничтожение его первоначального

¹ «Капитал», т. I, с. 11.

² Ленин, Собр. соч., т. XIII, с. 303.

³ «Капитал», 1872 г., с. 22.

⁴ Там же, с. 22.

характера, обнаруживается как всеобщий общественный труд»¹. «Общее» существует отдельно от «частного» только в этом меновом о б н а р у ж е н и п и общественного характера индивидуального труда, только в этой извращенной, фетишистской, иррациональной видимости. Величайшей заслугой Маркса является то, что он свел два самостоятельные, отчужденные существования труда к единому труду, понимаемому как единство противоположностей, как единство конкретного и абстрактного труда, и внешне выражающему свои противоположные стороны в самостоятельном существовании абстрактного труда — в деньгах и конкретного труда — в товарах.

Обратимся теперь к рассмотрению того, как толкует различие между конкретным и абстрактным трудом Рубин. Рубин думает, что конкретный и абстрактный труд «это не видовое и родовое понятие труда, а исследование труда с двух точек зрения: материально-технической и социальной»².

У всякого марксиста здесь естественно возникает сильнейшее недоумение. Если эти две противоположные точки зрения объясняют различие между конкретным и абстрактным трудом, а на учении о двойственном характере труда, по Марксу, основывается вся его теория, то кажется в высшей степени странным, почему Маркс нигде и никогда не говорил о противоположности между социальной и материально-технической точками зрения. Недоумение это, однако, очень быстро рассеивается. Рубин показывает нам различие между материально-технической и социальной точками зрения, выясняя противоположность между потребительной и меновой стоимостью. «Противоположность между ними — говорит Рубин — вытекает из противоположности между методом естественно-научным, изучающим товар как вещь, и методом социологическим, изучающим общественные, производственные отношения «сращенные с вещью»³. Теперь секрет открылся. Противоположность материально-технической и социальной точек зрения вытекает из противоположности между естественно-научным и социологическим методом.

Нельзя не поблагодарить Рубина за эту редкую для него открытость, так много дающую для уяснения его «оригинальной» позиции в трактовке абстрактного труда. Дело в том, что противоположность между естественно-научным (каузальным, реально-причинным) методом и социологическим (культурно-научным, историческим) методом выдвигается Риккертом и всеми неокантианцами. Природа, мир материальных вещей, процессов и явлений познается, по Риккерт, при помощи естественно-научного метода, а общественные явления, — мир субъектов, мир идеальных отношений, — изучаются при помощи социологического метода. Противоположность этих двух методов вытекает из противоположности материи и духа. Мир природы, по учению Риккерта, неисторичен, здесь господствуют всегда одни и те же законы. Этому материальному и неисторическому миру противопоставляется исторический и нематериальный объект общественной социальной науки. Социальное для неокантианца есть духовное, идеальное, противоположное материальному или материально-техническому: это — либо нормы внешнего регулирования — обычаи, соглашения, право (Штам-

¹ «К критике политической экономии», с. 27.

² «Очерки», с. 156.

³ «Очерки», с. 38.

млер), либо определенный порядок социальной жизни, обусловленный велениями категорического императива (Риккерт), либо психические переживания хозяйствующего субъекта (Вем-Баверк).

У Рубина между социальным и материальным также лежит целая пропасть, для него это — непримиримые понятия: материальное — несоциально и неисторично. В трактовке абстрактного труда он выдвигает поэтому такую дилемму: или признавай, что абстрактный труд есть категория социальная и историческая, и тогда он не может быть материальным; или соглашайся с тем, что абстрактный труд материален, и тогда он не будет социальной и исторической категорией.

Или — или, *tertium non datur*.

«Одно из двух: если абстрактный труд представляет затрату человеческой энергии в физиологическом смысле, то и стоимость имеет вещественно-материальный характер. Или же стоимость есть явление общественное, — и тогда абстрактный труд тоже должен быть понимаем как явление социальное, связанное с определенной общественной формой производства. Также невозможно примирить физиологическое понимание абстрактного труда с историческим характером образуемой им стоимости. Физиологическая затрата энергии, как таковая, одинакова во все исторические эпохи и, казалось бы, во все эпохи создавала она стоимость»¹.

Разумеется, у Маркса нет ничего похожего на такое неокантианское противопоставление двух методов: естественно-научный метод — для изучения материального мира, мира природы и другой «противоположный» ему социологический метод — для изучения социальных фактов. Марксизм следует единому методу диалектического материализма и в изучении вещей, предметов, явлений природы и в изучении общества. «Я рассматриваю развитие экономической формации общества как естественно-исторический процесс», — говорит Маркс в предисловии к I т. «Капитала». Маркс, например, о процессе мышления говорил, что «процесс мышления сам является естественным процессом». Марксизм рассматривает социальную жизнь как особую форму движения материи и не противопоставляет социальное материальному, ибо социальное также материально. Особая форма движения материи обуславливает особую закономерность социальной жизни, отличную от законов, скажем, физики или химии и несводимую к ней. Марксист может и должен различать социальную закономерность от биологической, химической, физической закономерности, но противопоставлять естественно-научный метод социологическому он не может, ибо у марксиста не два метода, а один, именно метод диалектического материализма. У эклектиков-неокантианцев два метода: один — естественно-научный метод — для изучения материй, и другой — социологический метод — для познания духа, субъекта, идеальных общественных отношений. У Маркса невозможное для всякого неокантианца «примирение» социального, исторического с материальным совершенно неизбежно вытекает из тождества или единства двух противоположностей, субъекта и объекта, материи и духа. Последнее превосходно выражено в следующих словах Плеханова: «Я — субъект и в то же время объект». «Объективный мир находится не только вне меня, он также — во мне самом, в моей собственной коже. Человек есть лишь часть природы, часть бытия»².

¹ «Очерки», с. 150.

² Плеханов, Основные вопросы марксизма, с. 18 и 20.

В высшей степени поучительно в данном случае сравнить точку зрения Рубина и Петри. Петри, как истинный неокантианец, не может признать труд проявлением деятельности человека как объекта внешнего мира, как материального существа, а общественные отношения людей признать отношениями людей как материальных существ, как объектов внешнего мира по той причине, что такая трактовка социального «примиряла бы» социальное с материальным, а неокантианская социология боится материи, как чорт ладана. Петри говорит: «В общественных отношениях производства находят свое выражение не реально-причинные отношения вещей или людей, как объектов внешнего мира, а идеальные отношения людей, как субъектов»¹. Естественно, что и понятие труда у Петри не может заключать в себе никакого «материального» субстрата. Петри утверждает, что «Маркс понимал труд в материальном производстве, как поглощение моральной личности»², а не как физиологическую затрату рабочей силы человека. Для неокантианца социальное абсолютно противоположно природе, материи; между ними нет ничего общего. Допустить, что общественный абстрактный труд есть общественная форма, заключающая в себе материальное содержание — физиологическую трудовую затрату — Петри не может, ибо тогда рухнет вся его социология. По мнению Петри, конкретный и абстрактный труд — это не видовое и родовое понятие, а исследование труда с двух разных точек зрения: материально-технической и социальной. Мы читаем: «Всеобщность труда, это — не естественно-научное родовое понятие, заключающее в себе только общее физиологическое содержание, наоборот, как абстрактно-всеобщий, а тем самым общественный труд частных индивидуумов представляется как выявление деятельности субъекта права»³.

Труд у Петри не единство противоположностей, а две разорванные половинки. Конкретный, физиологический — словом — материальный труд принадлежит к миру природы, это — естественно-научное понятие. «Труд, поскольку он рассматривается только в его технической роли, как создатель потребительных стоимостей, выступает в качестве лишь одного из координированных факторов продукта наряду с капиталом как орудием производства; как сила природы, он сам является только естественной силой человеческого организма»⁴. Абстрактный или общественный труд у Петри, разумеется, не выражает деятельности человека как объекта внешнего мира, как материального существа, не принадлежит к миру природы, не заключает в себе никакого материального содержания. «Но совсем в ином аспекте рассматриваем труд и его продукт мы, поскольку мы рассматриваем его как субстрат общественных производственных (идеальных, конечно. — М. С.) отношений, как абстрактно-всеобщий труд»⁵.

У Рубина в понимании различия конкретного и абстрактного труда мы видим то же самое. Рубин солидарен с Петри в том решающем пункте, что труд, поскольку он выступает как общественный труд, или, говоря слова Петри, «труд, поскольку он принимает определенные общественные формы», — не заключает в себе ничего материального.

¹ Петри «Социальное содержание теории ценности Маркса», с. 29.

² Там же, с. 38.

³ Там же, с. 46.

⁴ Там же, с. 44.

⁵ Там же, с. 44.

Материальным, по Рубину, является конкретный труд, а также физиологический труд, но общественный или абстрактный труд у Рубина так же, как и у Петри, не включает в себе никакого материального содержания. Рубин говорит: «Нисколько не поможет нам указание Маркса, что стоимость создается не трудом конкретным, а абстрактным, если мы будем понимать последний в физиологическом смысле. Ведь и такой абстрактный труд принадлежит к миру природы, отличаясь от конкретного только меньшим количеством признаков. При таком понимании труд абстрактный относится к конкретному, как родовое понятие к видовому. При общепринятом понимании абстрактного труда, как трудовой затраты в физиологическом смысле слова, неизбежно натуралистическое толкование марксовой теории стоимости»¹.

Здесь рыба крепко попалась, скажем мы словами Маркса.

Рубин метафизически разрывает труд на две не имеющие между собой ничего общего части. Конкретный труд материален, принадлежит к миру природы, является натуралистической категорией, абстрактный же труд не материален и является социальной категорией. Неокантианское противопоставление естественно-научного метода социологическому, материального — социальному, выступает здесь со всей очевидностью. Совершенно ясно, что ни один марксист не может согласиться с такой неокантианской трактовкой различия между конкретным и абстрактным трудом. Достаточно сопоставить высказывания Маркса и Рубина, чтобы увидеть, как искажает Рубин учение Маркса. По Марксу — «всякий труд есть, с одной стороны, затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова, и в этом качестве одинакового или абстрактно-человеческого, труд образует стоимость товаров». По Рубину понимание абстрактного труда, как «трудовой затраты в физиологическом смысле слова» означает «натуралистическое» толкование стоимости. Выходит, что «натуралистическое» толкование стоимости дает сам Маркс. По мнению Рубина, указание Маркса, что абстрактный труд есть затрата рабочей силы в физиологическом смысле, нам не поможет, ибо «такой абстрактный труд принадлежит к миру природы, отличаясь от конкретного только меньшим количеством признаков». Маркс же говорит совершенно иное. «Труд, как основа ценности, это не особый труд, не труд особого качества. Рикардо смешивает труд, поскольку он выражается в потребительной ценности, и поскольку он представлен в меновой ценности. Во всяком случае последний вид труда есть лишь первый труд в абстрактном виде»². Мысль Маркса ясна — абстрактный труд есть тот же конкретный труд, выступающий в абстрактном виде, т. е. тот же конкретный труд только с меньшим количеством признаков. Рубин, напротив, подвергает эту мысль жесточайшей критике, видя в ней «натуралистическое» толкование социального. Материалист-диалектик Маркс и неокантианский разоблачитель «натуралистического» толкования социальных категорий занимают, как видим, прямо противоположные позиции.

Отвлечение от конкретной целесообразной формы труда отнюдь не означает отвлечения от материального содержания труда; это отвлечение, напротив, выявляет материальное содержание труда. Если мы отвлечемся не только от конкретных форм чувственно-человеческой деятельности, но и от ее материального содержания, — у нас останется

¹ «Очерки», 2-е изд., с. 107—108.

² Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, с. 118.

тогда только пустая общественная форма, «не имеющий реальности пустоцвет», nihil, фикция. Абстрактный труд есть категория материалистическая, ибо по своему содержанию это есть объективно-существующая чувственная деятельность живого материального существа человека, являющегося частью природы, абстрагированная от конкретной целесообразной формы этой деятельности, — затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле в ее исторически-определенном социальном качестве.

У Маркса можно встретить немало высказываний, свидетельствующих о том, что он понимал абстрактный труд как «предметность», «как вещь», как материю sui generis: «Рассмотрим теперь residium, этот остаток продуктов труда. Каждый из них вполне сходен с другим. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности (gespenstige Gegenständlichkeit), простого сгустка безразличного человеческого труда»¹. Для Маркса абстрактный труд есть «предметность», особого рода материя, которую он называет «призрачной». Понятно почему. Предметность труда представляется (sich darstellt) товарным телом, его физической грубовещной предметности. Поэтому и обнаружить абстрактный труд нельзя иначе, как лишь путем отвлечения от всех вещных свойств товара. Отвлекаясь от осязаемой предметности товарного тела, мы получаем общественную субстанцию товара, призрачную предметность, неосязаемый руками сгусток абстрактного труда. Маркс говорит по этому поводу следующее: «Предметность человеческого труда, который сам абстрактен, без всякого дальнейшего качества и содержания есть по природе абстрактная предметность, мыслительная вещь (Gedankending)². Абстрактность этой предметности отнюдь не означает ее нематериальности. Отвлеченное понятие «собака» или «собака вообще» — это также «призрачная предметность», тем не менее это есть материалистическая категория, ибо это есть «сторона» или «сущность» реальной действительности, всех конкретных собак, родовое понятие, являющееся единством формы и материального содержания объективной действительности.

У Рубина же абстрактный труд не есть родовое понятие, а простая бессодержательная форма.

Маркс употребляет также и самое слово «материя» для обозначения абстрактного труда. В «Капитале» мы читаем следующее: «В форме стоимости товар отрешается от всякого следа своей естественной потребительской стоимости и от того частного вида полезного труда, которому данный товар обязан своим происхождением, и превращается в однообразную общественную материю (Materiatur) безразличного человеческого труда»³. Что же составляет материю абстрактного труда? На этот вопрос Маркс дает совершенно недвусмысленный ответ. «Всякий труд есть расхождение человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, и в этом качестве (in dieser Eigenschaft) одинакового человеческого или абстрактно-человеческого труда образует он стоимость товара»⁴. «Шитье и ткачество хотя качественно суть различные производительные деятельности, однако, обе они представляют производительное расходование человеческого мозга, мышц,

¹ «Капитал» т. I, с. 6. ² «Капитал» т. I, 1872, с. 14.

³ «Kapital», B. I, 5 Aufl. Meissners Verlag 1903. В изд. Гиза 1923 г., с. 77, Materiatur переведено словом и «материализация».

⁴ «Капитал», т. I, с. 14.

нервов, рук и т. д. и в этом смысле (in diesem Sinn) обе — человеческий труд¹.

Выразиться яснее невозможно!

Труд, образующий стоимость товара, есть «выявление деятельности человека как субъекта права», или «поглощение моральной личности» — так думает Петри². Труд, образующий стоимость, есть чувственная материальная человеческая деятельность, затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, а не идеалистическая пустышка, — так думает Маркс. Читатель видит за кем — за Петри или за Марксом — следует Рубин.

Человек есть объект внешнего мира, материальное существо. Рабочая сила человека есть телесная, чувственная сила живого человеческого организма. Расходование или затрата рабочей силы человека означает поэтому не что иное, как расходование его телесных, органических, физиологических сил, мускулов, нервов, мозга, рук и т. д. Нетрудно понять, что поскольку Маркс понимает под абстрактным трудом расходование рабочей силы человека, а не какое-нибудь «воплощение моральной личности», он разумеет при этом именно физиологическую затрату рабочей силы, ибо никакой иной нефизиологической затраты рабочей силы, и не может быть.

Мы подошли теперь к пункту, подвергшемуся наиболее жестокому обстрелу со стороны Рубина и его единомышленников. Прежде всего Рубин всячески старается умалить значение приведенной нами выше решающей формулировки Маркса (а таких формулировок у Маркса очень много) о том, что абстрактный труд есть затрата рабочей силы человека в физиологическом смысле. Высказывается, «сожаление» по поводу того, что Маркс ввел во втором издании «Капитала» эту формулировку³, внушается читателю мысль о «предварительных определениях», даваемых Марксом на первых страницах его труда» и т. д.⁴. «Сожалеть» о том, что Маркс, как бы предвидя, что у него будут подобные Рубину интерпретаторы, ввел эту подчеркивающую материальность создающего стоимость труда формулировку, Рубин может сколько ему угодно. Что же касается, якобы «предварительных определений, даваемых Марксом на первых страницах его труда», то эту басню нужно самым решительным образом отвести. Маркс нигде не говорил, что им дано в первой главе I тома «Капитала» неполное, недостаточное, «предварительное определение» абстрактного труда. Маркс не мог давать каких-то «предварительных определений» в ответственнойшем пункте, имеющем по его же собственному заявлению центральное значение для правильного понимания основных вопросов политической экономии. Обратимся, однако, к непосредственной аргументации Рубина в защиту того положения, что затрата рабочей силы в физиологическом смысле не входит в понятие абстрактного труда. Рубин считает, что затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле есть натуралистическая, несоциальная категория, и поэтому приходит к выводу, что «при общепринятом понимании абстрактного труда, как трудовой затраты в физиологическом смысле слова, не избежно натуралистическое толкование марксовой теории стоимости⁵. Приведа цитату из

¹ «Капитал», т. I, с. 11.

² Петри, Социальное содержание теории ценности Маркса, с. 39.

³ «Очерки», 2-е изд., с. 110.

⁴ «Очерки», 3-е изд., с. 150.

⁵ «Очерки», 2-е изд., с. 108.

Каутского, определяющего труда, как «производительную трату человеческой рабочей силы вообще», Рубин заявляет, что «при таком определении понятие абстрактного труда есть понятие физиологическое, лишенное всяких элементов социальных и исторических»¹. Если понятие затраты чело- рабсилы не имеет никаких социальн. элементов, то нет никакой разницы между затратой рабочей силы человека и, скажем, лошади, эти затраты тождественны, как несоциальные, натуралистические категории. В действительности же они глубоко различны. Различие это заключается в том, что человеческий труд или затрата человеческой рабочей силы есть общественный факт, социальная материя, затрата рабочей силы лошади есть факт не социальный, а биологический и физиологический. Затрата человеческой рабочей силы производится членом общества, в обществе, для общества, и поэтому не может быть сведена к физиологическому, несоциальному понятию. Рубин так же, как и Петри, упускает из виду это обстоятельство и сводит затрату человеческой рабочей силы к физиологическому понятию, лишенному каких бы то ни было социальных элементов. Затрачивая свои мускулы, нервы, мозг и т. д., человек тем самым относит себя к обществу, расходуя своей рабочей силой связывает себя с социальным целым, физиологическая трудовая функция человека является вместе с тем его социальным действием, материально связывающим его с обществом.

Затрата рабочей силы человека для общества и есть то, что составляет материально-трудовую общность данного человека со всеми остальными членами общества, сообща производящими свою жизнь. Марксизм рассматривает социальную общность людей именно как материально-трудовую общность, а не как психическую, этическую, юридическую или иную чисто идеальную общность. Разумеется, каждая общественно-экономическая формация имеет особую форму этой общности, но мы уже знаем, что по Марксу форма общественности труда, сама по себе, взятая оторванно от материального содержания труда, есть лишь «бес- субстантная видимость», «substanzloser Schein», совершенно пустая абстракция. Для марксиста нет ничего более абсурдного, чем рубинское отрицание социального качества у трудового действия человека, которое по своему материальному содержанию есть расходование телесных, т. е. физиологических сил человеческого организма. Тесная связь социального с материальным и состоит здесь именно в том, что материальный, чувственный акт производительного расходования человеческих мускулов, нервов, мозга и т. д. есть в то же время социальный акт, материально связывающий человека с другими членами общества, которые в свою очередь также материально и социаль-но относятся к нему тем, что производительно расходуют свои рабочие силы, т. е. свои мускулы, нервы и т. д., создавая необходимые для данного индивида продукты. Если рассматривать физиологическую затрату человеческой рабочей силы как асоциальное явление, тогда нет никакой разницы между «работой» ветра, воды, морских волн, лошади и человека. Все это будет асоциальное материальное действие объектов внешнего мира, сил природы — и только.

Политическая экономия знает попытку Тугана-Барановского рассматривать общественное производство как чисто физический процесс, в котором железо нужно для производства угля, а уголь — для производ-

¹ «Очерки», 3-е издание с. 146.

ства железа, а к людям и их потребностям этот процесс не имеет никакого отношения. Но эта попытка единодушно осмеяна и отвергнута всеми марксистами, как очевиднейшая бессмыслица. Также бессмысленно рассматривать физиологическую затрату человеческой рабочей силы, как асоциальный факт, как явление, лежащее вне сферы общественных наук, как физиологическое понятие вообще. Естественные науки изучают расходование физиологических сил человеческого организма с своей точки зрения; они вскрывают (при помощи диалектического материалистического метода!) особую чисто физиологическую закономерность процессов, происходящих в человеческом организме. Общественная наука, политическая экономия, рассматривает (тоже при помощи диалектического материалистического метода!) затрату человеческой рабочей силы как материальное содержание общественного труда. Этим вскрывается материальный характер социальной общности людей и ставится на единственно возможную, единственно правильную материалистическую основу все изучение социальных экономических явлений. Этим в частности обеспечивается возможность количественного выражения социальных понятий, например, общественного труда. Бесплотные же фикции, пустые идеалистические абстракции, вроде нематериального абстрактного труда, никакого количественного выражения иметь не могут.

Идеалист Петри сходится с Рубиным в том, что физиологическая затрата рабочей силы человека, как реально-причинное явление внешнего мира, есть факт не социальный, лежащий вне области социальных наук. Петри видит у Маркса особый «антропоцентрический предрассудок» в том, что Маркс материальное, реально-причинное явление — физиологическая затрата рабочей силы человека — выделяет из других реально-причинных явлений внешнего мира как нечто совершенно своеобразное, как социальный факт, как явление, принадлежащее к области общественных наук. Идеалист неокантианец никак не может понять того, почему реально-причинное явление внешнего мира — физиологическая затрата рабочей силы человека — относится у Маркса к миру социальных явлений, ибо социальные явления для Петри — это явления из мира всяких идеальных отношений субъектов, изучаемых социологическим методом, материальные же факты изучаются, с точки зрения Петри, естественно-научным (реально-причинным) методом и лежат в области естественных наук. Рубин тоже никак не может понять того, что физиологическая затрата рабочей силы человека лежит в области социальных наук, что у марксистов нет никакого «антропоцентрического предрассудка», что в отличие от физиологической затраты рабочей силы ослов, лошадей и т. д. физиологическая затрата рабочей силы человека есть социальный факт.

Для социальной науки физиологическая затрата рабочей силы человека только и существует в ее социальном значении и качестве. Из этого следует, во-первых, что нельзя сводить абстрактный труд к «физиологическому понятию» вообще, ибо это означает отождествление социального факта с несocиальным, а во-вторых, столь же недопустимо сведение даже физиологического понятия вообще к «механической работе», ибо это означает отождествление физиологического факта с нефизиологическим, с «работой» парового молота, трактора, ветра, водопада и т. д.

Рубин же солидарен со Струве в том, что признавать абстрактный труд затратой рабочей силы в физиологическом смысле — это неизбежно означает будто бы видеть в нем физиологическое понятие вообще и при-

знавать сверх того сводимость его к механической работе. Именно поэтому Рубин и отказывается включить в понятие абстрактного труда затрату рабочей силы человека в физиологическом смысле и пытается дать особое чисто социологическое и нематериальное толкование абстрактного труда.

Совершенно иначе смотрел на это дело Маркс. Маркс был материалистом-диалектиком и поэтому никак не мог отождествить качественно отличные понятия: 1) социальная человеческая физиологическая трудовая затрата, 2) физиологическое понятие вообще и 3) механическая работа.

Нужно быть вульгарным материалистом, грубым механистом, чтобы думать подобно Струве и солидарному с ним в данном случае Рубину, что если признал абстрактный труд затратой рабочей силы человека в физиологическом смысле, то отсюда неизбежно вытекает, что абстрактный труд есть физиологическое понятие вообще, сводимое к механической работе.

Социальное есть материальное, но это особая форма материи, которой присуще особое качество, особая форма движения, особая закономерность развития. Сводить социальную человеческую затрату рабочей силы в физиологическом смысле к физиологическому понятию вообще, а это последнее к механической работе, считать кроме того это сведение неизбежным — может только вульгарный материалист, грубый механист, ибо это означает игнорировать два несводимых качества: 1) социальное качество, исключаящее отождествление социальной физиологической трудовой затраты человека с «физиологическим понятием» и 2) органическое качество, исключаящее отождествление даже физиологического понятия вообще (работа лошади) с механической работой.

Вот что говорит материалист-диалектик Энгельс о сведении физиологической работы человека к механической работе: «Кажется, некоторые ученые были бы не прочь перенести термодинамическую категорию работы обратно в политическую экономию — как это сделано с дарвиновской борьбой за существование, — причем в итоге получилась бы только чепуха. Пусть попробуют выразить какую-нибудь *skilled labour* в килограммометрах и попытаются определить на основании этого заработную плату. С физиологической точки зрения человеческое тело содержит в себе органы, которые можно рассматривать в их совокупности — с одной стороны (курсив Энгельса. — М. С.) как термодинамическую машину, которая получает теплоту и переводит ее в движение. Но — предположив неизменные условия для остальных органов тела — спрашивается, можно ли исчерпывающим образом выразить произведенную физиологическую работу — даже работу поднимания — просто в килограммометрах? Ведь в деле одновременно совершается внутренняя (курсив Энгельса. — М. С.) работа, которая не проявляется во внешнем результате, ведь тело — не просто паровая машина, испытывающая только трение и изнашивание. Конечно, можно сравнить между собой две физиологические работы, происходящие при прочих равных условиях, но нельзя измерять физической работы человека по работе какой-нибудь паровой машины»¹.

¹ Энгельс, Диалектика природы, с. 67 — 69. См. также сказанное Энгельсом по поводу открытия Подолинского: «Я думаю, что выразить экономические отношения в физических мерах прямо невозможно». Маркс и Энгельс. Письма, с. 258.

У Маркса, определявшего абстрактный труд, как затрату рабочей силы человека в физиологическом смысле, также нигде нет ни одного слова о килограммометрах или тепловых единицах или о каких-либо других физических мерах абстрактного труда. Количественная характеристика абстрактного труда у Маркса и не могла быть основана на подобном сведении физиологической трудовой затраты к физическим единицам, ибо Маркс не был механистом. Марксова количественная характеристика абстрактного труда основывается на том, что такое сведение невозможно и абсурдно, что человеческий труд имеет свою имманентную, прирожденную меру:

«Можно сравнивать между собой две физиологические работы, происходящие при прочих равных условиях» — вот положение, лежащее в основе марксовой количественной характеристики абстрактного труда. Мерой абстрактного труда Маркс считает затрату рабочей силы в физиологическом смысле такой продолжительности, какая необходима при общественно-нормальных условиях производства, при средней ловкости и интенсивности работы. Такую физиологическую затрату рабочей силы он называет общественно-необходимым трудом.

Физиологическая затрата человеческой рабочей силы есть факт социальный, поэтому и количественная характеристика ее должна быть дана с социальной точки зрения. У Рубина социальная точка зрения выдвигается только для качественной характеристики абстрактного труда. У Маркса и количественная характеристика абстрактного труда дается тоже с общественной точки зрения. Если бы Маркс был вульгарным материалистом, если бы он сводил абстрактный труд к физиологическому понятию вообще, тогда, очевидно, он выдвинул бы какую-нибудь чисто физиологическую меру абстрактного труда, например, физиологическую затрату рабочей силы физиологически среднего, физиологически нормального организма (средний рост, средний вес, средняя работа сердца, легких и т. д.). Но Маркс рассматривает абстрактный труд — затрату рабочей силы в физиологическом смысле — в ее социальном качестве, в ее общественном значении, а не как физиологическое понятие вообще. Поэтому критерий для измерения физиологической трудовой затраты у него общественный. Различные физиологические затраты рабочей силы сравниваются между собой не по количеству физиологической энергии, израсходованной работником на единицу продукта, а по их общественному результату. Сапожники физиологически могут быть различны: один высокого роста, атлетически сложен, обладает большой мускульной силой, другой тщедушный щуплый человек. Физиологической энергии они потратили неодинаковое количество, но общественный результат одинаков — пара сапог первого одинакова с парой сапог второго. Если второй работал при общественно-нормальных условиях производства, то физиологическая затрата рабочей силы первого для общества, т. е. с точки зрения ее общественного результата, представляет то же, что и физиологическая затрата рабочей силы второго. Различные физиологические затраты рабочей силы приводятся, так сказать, к одному знаменателю с точки зрения их общественного результата. Если для производства пары сапог общественно необходима 10-часовая продолжительность физиологической траты рабочей силы человека, то индивидуальные отличия всех других физиологических затрат рабочей силы — 5-часовых или 15-часовых — нивелируются для общества; они

по своему общественному результату представляют 10-часовую физиологическую затрату человеческой рабочей силы.

Общественно-необходимая продолжительность физиологической затраты рабочей силы, или, что то же, физиологическая затрата рабочей силы общественно-необходимой продолжительности, и есть общественно-необходимое рабочее время—мера абстрактного труда. Рабочее время не есть бесплотное, так сказать, время. Рабочее время есть продолжительность производительной граты рабочей силы, есть время, в течение которого человек расходует свои мускулы, нервы, мозг и т. д. Следовательно, рабочее время и физиологическая затрата определенной продолжительности есть одно и то же. У Маркса выражения «количество труда», «рабочее время», «продолжительность физиологической затраты рабочей силы» — имеют совершенно одинаковый смысл, одно и то же значение. Ввиду того, что Рубин имеет свой особый, «оригинальный» взгляд и по этому, казалось бы, совершенно ясному и бесспорному вопросу, мы вынуждены привести следующую цитату из I тома «Капитала», показывающую, что Маркс употреблял эти слова, как совершенно одинаковые обозначения одного и того же понятия. «Мистический характер товара порождается таким образом не потребительной его стоимостью. Столь же мало порождается он содержанием а н и е м определенной стоимости. Потому что, во-первых, как бы различны ни были отдельные виды полезного труда или производительной деятельности, с физиологической стороны они являются во всяком случае функциями человеческого организма, и каждая такая функция, каково бы ни было ее содержание и ее форма, является по существу своему затратой человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д. Во-вторых, то, что лежит в основе определения величины стоимости, а именно, продолжительность такой (!) затраты (die Zeitdauer jener Veranlagung) или количество труда а (вот каким «вульгарным натуралистом» был Маркс.— М. С.) уже непосредственно, осязательно отличается от качества труда, При всяких условиях т р а б о ч е е в р е м я, которого стоит производство средств существования, должно было интересовать людей, хотя и в неодинаковой степени на разных ступенях развития»¹.

Нами приведена цитата из главы о товарном фетишизме, посвященной содержанию стоимости. Содержание стоимости есть физиологическая затрата рабочей силы человека, не порождающая мистического характера товара. Эта сторона дает количественную характеристику абстрактного труда, а тем самым определяет и величину стоимости. Количество труда для Маркса есть определенная продолжительность затраты рабочей силы человека или, иначе говоря, рабочее время. Именно потому, что рабочее время не есть бесплотное время, а представляет собой физиологическую затрату рабочей силы определенной продолжительности, оно и является прирожденной мерой материального человеческого труда, т. е. физиологической затраты рабочей силы. Мера и измеряемое не могут быть негождественны по своему материальному содержанию: «Как количественная сущность движения измеряется временем, точно так же количественная сущность труда измеряется р а б о ч и м временем. Оно является жизненной сущностью труда в количественном отношении, имеющей вместе с тем свою прирожденную меру»².

¹ «Капитал», т. I, с. 39—40.

² «К критике политической экономии», с. 44

В высшей степени «оригинально» должна ставиться проблема количественной характеристики абстрактного труда с точки зрения Рубина. Можно даже сказать, что разрешение этой проблемы представляет самую любопытную часть всей его книги. Здесь все его ошибки выступают, так сказать, в наиболее концентрированном виде. В этом нет ничего удивительного. Ведь абстрактный труд Рубина нематериален; это — бесплотная категория, идеалистическая пустышка. Количественное же определение предполагает некоторую «материю», некоторое реальное содержание. Естественно, что именно в этом пункте Рубин должен изворачиваться всякими путями для того, чтобы количественно охарактеризовать такое, в чем нет никакого количества, никакой материи, никакого содержания. Пусть пред нами два товара: *A* и *B*. Мы хотим знать, что означает эквивалентность определенного количества товара *B* определенному количеству товара *A*. По Марксу этот вопрос решается без особых головоломок: равенство определенного количества товара *B* известному количеству товара *A* есть равенство двух количеств абстрактного труда, двух количеств рабочего времени. Совершенно иначе должно было выглядеть это дело с точки зрения Рубина. Абстрактный труд не заключает в себе физиологической затраты рабочей силы («ни одного атома материи»). Рубин говорит нам, что абстрактный труд заключает в себе один признак: связанность товаропроизводителей в обмене¹. Иначе говоря, абстрактный труд есть производственное отношение между товаропроизводителями². При этом надо иметь в виду, что это производственное отношение, по Рубину, очевидно тоже нематериально, ибо тогда абстрактный труд заключал бы в себе хоть-какую-нибудь материю. Вопрос таким образом должен быть поставлен по Рубину в такой, примерно, форме: какое количество нематериальной общественной связанности в товаре *B* эквивалентно известному количеству идеального производственного отношения в товаре *A*?

И эта бессмыслица есть единственно возможная постановка вопроса о количественной стороне стоимости с точки зрения нематериального абстрактного труда Рубина. Именно такая постановка вопроса неизбежно вытекает из его теории; никакой другой постановки нельзя дать, если стоять на его точке зрения.

Измерять абстрактный труд рабочим временем Рубин не имеет права, ибо эта мера есть мера материальная, рабочее время не бесплотная видимость, а определенная продолжительность реального материального процесса — производительного расходования физиологических сил человеческого организма. Ведь не может же быть в самом деле продолжительности материального процесса без самого этого процесса! Итак, рабочее время есть мера материальная, а абстрактный труд Рубина нематериален. Измерять нематериальный рубинский абстрактный труд материальной мерой — рабочим временем — это все равно, что определить древность города Москвы кубическими метрами.

Из тушика, в который завело Рубина фатальное противопоставление социального материальному, нет никакого выхода, и Рубин сам не за-

¹ «Отвлечение от конкретных видов труда, как основная общественная связь между отдельными товаропроизводителями—вот что характеризует абстрактный труд». «Очерки», с. 159.

² «Трудом же, точнее абстрактным трудом, мы называем само производственное отношение между товаропроизводителями. «Очерки», 2-е изд., с. 112.

мечает того, что всякий раз, когда он прибегает для количественного определения своего нематериального абстрактного труда к такой материальной мере как рабочее время (продолжительность физиологической трудовой затраты), он контрабандно вводит физиологическую трактовку абстрактного труда. Так мстит за себя игнорирование «материи» человеческого труда. После того, как она торжественно по всем правилам рпккертнанской методологии изгнана, ее приходится к стыду и сраму ее «гонителя» его же собственными руками контрабандно вводить в понятие абстрактного труда.

У Рубина есть еще и другой аргумент против физиологической трактовки абстрактного труда, сводящийся к тому, что физиологичность или материальность абстрактного труда непримирима с историческим характером последнего. Рубин говорит: «Так же невозможно примирить физиологическое понимание абстрактного труда с историческим характером образуемой им стоимости. Физиологическая затрата энергии, как таковая, одинакова во все исторические эпохи, и, казалось бы, во все эпохи создавала она стоимость. Мы приходим к грубейшему пониманию теории стоимости, находящемуся в резком противоречии с учением Маркса»¹.

Этот аргумент Рубина несостоятелен прежде всего потому, что социальная материя — затрата рабочей силы члена общества — предполагает определенное социальное качество, исторически определенную форму общественности труда. Общественному труду менового стихийного хозяйства присуща специфическая форма общественности, то, что он является общественным в абстрактной форме. Общественный труд менового общества является абстрактным не потому, что в голове экономиста происходит отвлечение от конкретных видов труда. Наоборот это отвлечение совершается независимо от него в объективной социальной действительности. Обмен товаров соответственно количеству затраченного на их производство человеческого труда и есть процесс объективно совершающегося отвлечения от конкретных видов труда. Маркс говорит: «Это приведение (разных видов труда к однородному.— М. С.) является абстракцией; однако это — абстракция, которая в общественном процессе производства совершается ежедневно. Превращение всех товаров в рабочее время несколько не большая, но и не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух»².

В меновом обществе общественный труд выступает в качестве общественного только в абстрактной форме. Абстрактность общественного труда, существующая объективно, и есть его специфическая форма общественности: «Мера общественности должна быть заимствована из природы условий, свойственных каждому способу производства, а не из представлений ему чуждых»³. Эта форма и характеризует абстрактный труд как общественный труд особого вида, т. е. характеризует исторически как труд, образующий стоимость.

Таким образом аргумент Рубина о невозможности примирить физиологическую трактовку абстрактного труда с историческим характером образуемой им стоимости отпадает.

Но он несостоятелен также и по другим соображениям. Утверждение Рубина, что «физиологическая затрата энергии, как таковая, одина-

¹ «Очерки», с. 150.

² «К критике политической экономии», с. 44.

³ «Капитал», т. I, 1872 г., с. 26.

кова во все исторические эпохи», нам представляется также ошибочным. Рабочая сила человека в различные эпохи общественной жизни различна: при господстве ручного труда характерно преимущественное расходование мускульной силы, а при современном развитии техники, со свойственной ей в общем тенденцией все больше и больше стирать грань между физическим и умственным трудом, возрастающее значение приобретает мозговая работа, нервное напряжение работника. Маркс совершенно определенно указывал на это обстоятельство. В «К критике политической экономии» он дает следующую формулировку, в которой соединяются эти «непримиримые» по Рубину моменты и признается историчность физиологической затраты рабочей силы человека. «Поскольку труд проявляется в меновых ценностях, он может быть представлен как всеобщий человеческий труд. Эта абстракция всеобщего человеческого труда существует в среднем труде, который в состоянии выполнить каждый средний индивидуум данного общества; это — определенная производительная трата человеческих мышц, мозга, нервов и т. д. Это — простой труд, которому может быть научен каждый индивидуум и который он, в той или иной форме, должен выполнять. Характер этого среднего труда различен в разных странах и в разные эпохи культуры, но в данном обществе он является определенным»¹.

Абстрактный труд заключает в себе не только содержание, но ему присуща также и специфическая форма общественности. Если считать, что содержание не изменяется, является одинаковым во все эпохи, тогда невозможно понять, почему изменяется форма общественности труда. Физиологическая затрата рабочей силы есть лишь сторона материального производства. Изменение материального производства влечет за собой изменение и этой его стороны. Каждая эпоха характеризуется особой степенью интенсивности труда, особой пропорцией в роли умственного и физического труда, продолжительностью труда, особым распределением рабочего времени и т. д. Содержание так же исторично, как и форма. Поэтому нет никаких оснований соглашаться с мнением Рубина о «непримиримости» этих моментов. О «над-историческом» характере затраты рабочей силы можно говорить лишь в том случае, что человек во все эпохи истории остается человеком, он не превращается в другой естественный вид, в какого-нибудь «сверхчеловека»; у него на протяжении тысячелетий одни и те же органы тела, одна и та же естественная конституция. Физиологическая затрата человеческой рабочей силы сохраняет свое специфическое отличие от всяких других физиологических затрат и в этом смысле остается «над-историчной» и является общей чертой всех видов общественного труда.

Ошибка Рубина относительно «непримиримости» физиологичности абстрактного труда с его историчностью состоит, следовательно, в том, что упускается общий для всех видов общественного труда, в том числе и для абстрактного труда, признак: затрата рабочей силы человека в ее специфическом отличии от затраты рабочей силы, скажем, лошади. Рубин исходит, в сущности, из того неуклюжего соображения, что если абстрактный труд не похож на общественный труд других экономических формаций, то он должен быть непохож, так сказать, на все сто процентов. Допущение самого ничтожнейшего, общего как для абстрактного труда, так и для других видов общественного труда признака есть для Рубина опаснейшее посягательство на историчность абстрактного труда.

¹ «К критике политической экономии», с. 44—45.

Совершенно противоположную ошибку делают другие экономисты, например, Дашковский. Он признает, что в понятие абстрактного труда входит момент физиологической затраты рабочей силы человека. Это, конечно, правильно. Но из этого он делает тот неверный вывод, что абстрактный труд есть категория общая для всех экономических формаций. Вот центральное место в аргументации Дашковского. «Если регулирование труда — экономическая необходимость при социализме (и при всякой другой форме хозяйства, поскольку люди всегда интересовались количеством затраченного на производство средств существования труда), то в такой же мере необходимо постоянное отвлечение от конкретных видов труда. Абстракция в этих условиях не роскошь, не пустая игра фантазии, а жизненная потребность. В товарном обществе она совершается стихийно и через посредство вещей, в организованном — сознательно, но от этого ее качественная природа не меняется»¹. Получается, что в одном обществе может быть абстрактный труд, создающий меновую стоимость, а в другом обществе может быть абстрактный труд, не создающий меновой стоимости. Результатом отвлечения от конкретных видов труда в социалистическом хозяйстве является, бесспорно, некоторое абстрактное понятие, выражающее только самую материю человеческого труда в ее безразличии к форме общественности труда — рабочее время, ибо субъективное отвлечение не выражает формы общественности рабочего времени. Результатом же объективного, стихийно-рыночного отвлечения от конкретных видов труда является иное абстрактное понятие — абстрактный труд, — выражающее не только рабочее время, не только физиологическую затрату рабочей силы человека безотносительно к форме затраты, которая, как мы видим, также исторична, но и общественность, исторически определенное социальное качество этой затраты, специфическую форму общественности человеческого труда при анархии производства. При субъективном только отвлечении мы имеем не абстрактный труд, а рабочее время, если угодно, голую абстракцию труда, как затрату человеческой рабочей силы в физиологическом смысле — и только. При объективном же, стихийно-рыночном отвлечении от конкретных видов труда, мы имеем более богатое понятие — исторически и общественно определенное рабочее время, абстрактный труд, образующий меновую стоимость товаров.

Вернемся, однако, к Рубину. После всего сказанного выше, мы можем теперь критически осветить и его *profession de foi*, его понимание материализации, овеществления или кристаллизации абстрактного труда в товаре. Рубин борется с тем взглядом, по которому материализация абстрактного труда понимается как физическая конденсация последнего в товарном теле, как придание товарному телу новых осязаемых сторон и признаков. В этом он прав. Абстрактный труд, как мы уже показали выше, есть «призрачная предметность», совершенно отличная от физической предметности товарного тела. Поэтому в товарном теле нельзя увидеть глазами никаких следов абстрактного труда. Внешне видимые следы человеческой работы на товарном теле не говорят ничего в пользу мнения о физической конденсации абстрактного труда, ибо это — следы конкретного труда, обнаруживающегося именно во внешних полезных свойствах товарного тела, в потребительной стоимости. Если бы Рубин говорил только это, его позиция была бы правильной, и не было

¹ «Под знаменем марксизма». 1926 г. № 6, с. 210.

бы никакой необходимости критиковать его точку зрения в этом вопросе. Но Рубин говорит не только это. Основываясь на том, что материализация абстрактного труда не есть внешняя фиксация или конденсация его в товарном теле, он делает тот вывод, что за товарной стоимостью, вообще говоря, нельзя видеть никакой материализации труда, нельзя говорить вообще об овеществлении материального труда. что абстрактный труд, овеществленный в товаре, нематериален. Рубин думает, что раз нет такого абстрактного труда, который можно трогать руками или видеть глазами его следы на товаре, раз нет физической конденсации абстрактного труда в товарном теле, то нет и материального абстрактного труда, а «материализация» абстрактного труда, о которой говорит Маркс, есть лишь фетишистское овеществление не труда, а производственного отношения. Рубин рассуждает по схеме: раз нет физически-вещной материальности абстрактного труда, нет вообще никакой материальности абстрактного труда, он нематериален. Рубин этим показывает только, что он, как и все вульгарные материалисты, не знает никакой другой материи кроме физической, никакого материализма кроме натуралистического.

Отвлечение от конкретных видов труда, от конкретных форм «чувственно-человеческой деятельности» не есть отвлечение от ее «чувственности», от ее «предметности», от ее материальности. Поэтому, когда Рубин из того обстоятельства, что материализация абстрактного труда в товаре не есть физическая конденсация его в товарном теле, делает вывод, что материализацию абстрактного труда надо понимать как представление (*Darstellung*) вещами какого-то нематериального труда, то он делает грубейшую ошибку, извращает глубочайшую философскую основу экономической теории Маркса. Верно, что товар только представляет (*darstellt*) абстрактный труд, а не заключает последний физически в своем товарном теле. Но из того, что представляемый вещью абстрактный труд не есть физическое свойство товара, вовсе не следует, что представляемое нематериально.

Маркс понимал абстрактный труд как особую «предметность», как абстрагированную от конкретных форм проявления «чувственно-человеческую деятельность» Овеществление труда в товаре означает, что вещь товар представляет (*darstellt*) именно эту «призрачную предметность», мысленную «вещь», материальный абстрактный труд, а не какую-то бесплотную фикцию. С первого взгляда трудно даже уловить, в чем разница между Рубиным и Марксом в этом вопросе. Оба подчеркивают, что абстрактный труд есть нечто противоположное «чувственно-грубой субстанции товарных тел», что абстрактный труд есть отвлеченная категория, что абстрактный труд представляется товарным телом. И это все верно. Но как только мы поставим вопрос о том, что представляется, о материальном содержании абстрактного труда, разница мгновенно обнаруживается: у Маркса абстрактный труд имеет материальное содержание — физиологическая затрата рабочей силы человека или абстрагированная от конкретных форм проявления чувственно-человеческая деятельность, а у Рубина — бесплотная фикция, нематериальный труд.

В заключение рассмотрим еще новый и, по мнению Рубина, убийственный для «физиологистов» аргумент, который приводится в третьем издании «Очерков». Аргумент этот состоит в... цитате, в которой Маркс осуждает Адама Смита за то, что последний понимал овеществление создающего стоимость труда «по-шотландски» грубо в том смысле, что

абстрактный труд оставляет «след» на товарном теле. Вот эта цитата: «Однако нельзя так, по-шотландски понимать овеществление и т. д. труда, как понимал его А. Смит. Если мы говорим о товаре как об овеществлении труда — в смысле его меновой ценности, — то речь идет у нас только о воображаемой, т. е. только о социальной форме существования товара, не имеющей ничего общего с его вещественным существованием; мы представляем себе его в виде определенного количества общественного труда или денег»¹.

Посмотрим теперь, может ли служить эта цитата аргументом в пользу рубинского нематериального абстрактного труда и его бесплотной «материализации». О чем идет речь в данном случае у Маркса?

Маркс критикует взгляды Адама Смита по вопросу о производительном и непроизводительном труде. Адам Смит считал производительным, производящим ценность трудом, такой труд, который внешне воплощается в каком-нибудь предмете, фиксируется в самом товарном теле, оставляет на нем видимый след. Непроизводительным, не создающим ценность Адам Смит считал такой труд, который не оставляет внешне видимого следа, не фиксируется внешне в каком-либо предмете. Вот как определяет А. Смит это различие: Непроизводительный труд: «труд прислуги не воплощается ни в каком определенном предмете, ни в какой такой вещи, которую можно было бы продать. Услуги этого рода исчезают в тот самый момент, как они оказаны, и почти никогда не оставляют после себя никакого следа в виде ценности, на которую потом можно было бы приобрести такое же количество услуг».

Производительный труд:

«труд рабочего воплощается или овеществляется в каком-нибудь материальном предмете, в подлежащей продаже вещи, которая продолжает существовать хоть некоторое время после того, как закончен обращенный на нее труд»².

С точки зрения такого понимания труд, скажем, транспортных рабочих, работающих в капиталистическом предприятии, не создает стоимости. Неправильное понимание овеществления труда, производящего стоимость, как внешне-видимой фиксации, как оставление следа в каком-нибудь предмете, Маркс и подвергает критике.

Приведенная Рубиным якобы убийственная для «физиологистов» цитата содержит следующие утверждения Маркса:

- 1) при овеществлении труда речь идет о меновой стоимости товара;
- 2) овеществленный труд или меновая стоимость есть воображаемая социальная форма существования товара;
- 3) овеществленный труд, или меновая стоимость, или воображаемая социальная форма существования товара не имеет ничего общего с вещественным существованием последнего;
- 4) овеществленный труд, или меновую стоимость, или воображаемую социальную форму существования товара мы представляем себе в виде определенного количества общественного труда или денег.

Ни одно из этих утверждений не дает ничего нового по сравнению с «Капиталом». Это всем известные положения марксовой теории стоимости.

¹ «Теории прибавочной стоимости», т. I, с. 179.

² Адам Смит. Исследование о богатстве народов, сокращенный перепод, изд. «Прибой», 1924 г., с. 174.

Рубин придает, очевидно, большое значение слову «воображаемый», он думает, что если Маркс говорит здесь о воображаемой социальной форме существования товара, то это подтверждает рубинскую концепцию нематериального абстрактного труда. В действительности же в этом высказывании Маркса нет ничего, что бы говорило о правильности рубинского понимания.

Социальная форма существования товара или меновая стоимость есть цена, а последняя есть мысленное воображаемое социальное бытие товара как меновой стоимости. Цена всегда существует как определенное количество идеального, воображаемого золота или денег¹. Сколько бы Рубин ни приводил цитат о том, что меновая стоимость или цена есть воображаемое, идеальное золото или деньги, представляющие общественный труд, этим он никогда не докажет того, что общественный труд, представляемый деньгами, есть нематериальный труд. Нематериальный труд существует только в нелепых представлениях идеалистов, с которыми солидарен Рубин. Мы видим, что и этот новейший аргумент Рубина оказывается несостоятельным.

Резюмируем сказанное об овеществлении, материализации или кристаллизации абстрактного труда.

1. Материализация абстрактного труда в товаре не означает внешней фиксации его в товарном теле как физического свойства товара.

2. Абстрактный труд отличен от физической вещной природы товара.

3. Овеществление абстрактного труда в товаре надо понимать так, что товар представляет (darstellt) материальную физиологическую затрату рабочей силы человека, совершенную при производстве данного товара.

4. Эта материальная затрата человеческой рабочей силы соответствует данному товару, а не какому-нибудь другому, ибо она совершена при производстве именно этого, а не какого-нибудь другого товара.

5. Поэтому стоимость товара имеет субстанциональный (а не идеальный и не номинальный) характер, т. е. товар представляет (darstellt) не бесплотную абстракцию, а реальный, материальный факт физиологической затраты человеческой рабочей силы.

6. Поэтому также и товар, представляющий абстрактный труд, не является символом, иероглифом абстрактного труда, ибо материальной абстрактной трудовой затрате соответствует действительный товар, при производстве которого эта затрата совершалась, бесплотному же абстрактному труду ничто не может соответствовать во внешнем мире.

7. Товар, представляющий абстрактный труд, не является символом и произвольным иероглифом абстрактного труда также и по той причине, что овеществление труда есть неизбежный в меновом обществе и единственно возможный способ выражения общественного характера труда членов общества, специфическая форма общественности труда.

8. Абстрактный характер общественного труда в товарном обществе, существование его в воображаемой социальной форме меновой стоимости (цены), или иначе, его бытие, как «призрачной предметности», как «сверхчувственной вещи», как «воображаемой социальной формы существования товара» свидетельствует не о том, что общественный труд менового общества — абстрактный труд — есть нематериаль-

¹ «Цена или денежная форма товаров, как и всякая форма их стоимости, есть нечто отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесности, следовательно, лишь идеальна, лишь существующая в представлении форма» («Капитал», т. I, с. 64).

ный труд, а о том, что в меновом обществе материальный общественный труд имеет специфическую иррациональную, нелепую вещную форму проявления, представляется (sich darstellt) продуктом труда, товаром.

Рубин утверждает, что его целью при составлении «Очерков» была критика буржуазных интерпретаторов Маркса, дававших вульгарное, механистически-натуралистическое истолкование теории стоимости Маркса. «Можно сказать, что «Очерки» написаны специально для того, чтобы окончательно разоблачить легенду о «натуралистическом» характере марксовой теории стоимости»¹, — говорит Рубин в своих «Очерках».

Нельзя отрицать того, что разоблачение вульгарного механистически-натуралистического понимания теории стоимости Маркса есть дело хорошее, полезное и нужное для марксистской теории. Нельзя отрицать также и того, что Рубин принес большую пользу своими «Очерками», заострив внимание вокруг проблемы о «натуралистическом» истолковании стоимости и обстоятельно, хотя и однобоко, исследовав вопрос о товарном фетишизме.

Однако нужно со всей силой подчеркнуть то обстоятельство, что война с «натуралистическим» истолкованием теории стоимости Маркса грозит превратиться в войну с материализмом в марксистской политической экономии.

Отрицательное отношение буржуазных ученых к «натуралистическому» характеру марксовой теории стоимости означает не что иное, как неприятие ими материалистического характера этой теории.

Риккертинец Петри начинает свою критику Маркса именно с этого пункта, заявляя, что у Маркса имеется неестественное соединение социального (а социальное для идеалиста, конечно, идеально) с материальным, — соединение двух, по его мнению, взаимно исключающих друг друга точек зрения: естественно-научной (читай: материалистической) и культурно-научной (читай: социальной в идеалистическом смысле). Для Петри материалистический («натуралистический») подход Маркса к социальным категориям является ненаучным, неприемлемым методом. Петри самым грубым и беспардонным образом извращает метод Маркса, выдвигая совершенно ничем не обоснованный тезис о методологическом дуализме марксовой теории, и после этого незаметно подсовывает Марксу сочиненный самим Петри, освобожденный от материализма, идеалистический культурно-научный (социологический) метод, рассматривающий общественные отношения людей — как идеальные отношения абстрактных правовых субъектов и труд — как воплощение моральной личности.

Струве также считает, что метод Маркса дуалистичен, и задачу научной критики марксовой теории видит в раз'единении, по его мнению, непримиримых точек зрения: материалистической и социологической, или, как он выражается: «механистически-натуралистического и социологического мотива мысли».

Рубин, взявшись за дело разоблачения «легенды» о «натуралистическом» характере марксовой теории стоимости, должен был, как марксист, как материалист, в первую голову критически обстрелять методологические основы, из которых исходили буржуазные критики Маркса. Только при этом условии его критика вульгарной натурали-

¹ «Очерки», с. 359.

задин марксовых экономических категорий была бы правильна. Но вместо этого он сам перенес в свою теорию основную ошибку тех, кого он взялся критиковать, — именно, он некритически ввел в свою теорию неокантианское противопоставление социального материальному и противоположность между естественно-научным и социологическим методом. Естественно, что это не могло привести ни к чему другому, кроме извращения марксовой теории стоимости.

Когда Струве, Петри и им подобные воюют с «натурализмом» марксовой теории, они знают, чего они хотят. Для этих господ все дело в том, чтобы изгнать материализм из политической экономии, очистить теорию Маркса от «натуралистических» элементов, а социальную форму хозяйства, оторванную от материального производства, очищенную от материализма, они охотно приемлют, так как нематериальные производственные отношения они без всякого труда могут свести к взаимодействию хозяйствующих субъектов и тем самым превратить Маркса в самого заурядного *Grenznutzer*'а. Такую именно операцию и проделывает Петри. После того как им из категории абстрактного труда выхлещено всякое материальное содержание и абстрактный труд превратился в субстрат идеальных отношений хозяйствующих субъектов, ему нетрудно было показать, что нет существенной разницы между Марксом и Бем-Баверком. Петри и приходит преблагополучнейшим образом к этой желанной цели. Он заканчивает свое исследование теории стоимости Маркса следующим выводом: «Поскольку речь идет об объяснении явлений обмена, между Марксом и субъективной теорией стоимости при всем различии в отдельных деталях нет принципиального различия (*kein prinzipieller Unterschied*)¹.

Вот та «высокая» цель, ради которой велась сокрушительная война с «натуралистической» точкой зрения Маркса, выдвигалось якобы глубоко-научное обвинение Маркса в методологическом дуализме, ради которой нужен нематериальный абстрактный труд!

Рубин, последовательно проводя в своей интерпретации Маркса противопоставление социального материальному и упорно защищая свою концепцию нематериального абстрактного труда, расчищает тем самым путь для идеалистической критики марксистской политической экономии.

Выступить против этого есть обязанность всех действительных последователей Маркса.

¹ Петри, Социальное содержание теории ценности Маркса, с. 88.

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ — «СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ».

Том третий. Хозяйственная жизнь в эпоху развитого капитализма
Первый полутом. ГИЗ, 1929, с. 604 + XXVIII

Новое издание «Современного капитализма» было крупным событием в жизни буржуазной политической экономии, целый поток статей и рецензий до сих пор заполняет германские, английские, американские экономические журналы. Они превозносят до небес эту «работу жизни», «монументальную энциклопедию всего, имеющего отношения к экономике», «генетически-систематическую сводку и синтез тысячи лет». Некоторые из профессорских рецензий довольно откровенно заявляют, что особенно ценным в работе Зомбарта им кажется то, что «она представляет собой богатейший источник материалов для десятков и сотен лекций», своего рода неисчерпаемую шпаргалку как для почтенных тайных советников и лишь начинающих лысеть приват-доцентов, так и для студентов со «стремлениями».

Эти свойства книги Зомбарта не подлежат никакому сомнению. Она действительно «монументальна» (по количеству страниц) и «всеобъемлюща». «Все, имеющее отношение к экономике», охватывает действительно все, что угодно: от религии до войны, от изобретений до перенаселения, от деталей истории городов до будущности капитализма.

И притом все это тщательно сгруппировано, разложено по ящикам и полочкам, снабжено соответствующими «философскими» названиями — Ausbau, Aufbau, Aufbau, Abbau. Как гейневский профессор доброго старого времени:

„Системы придумает,
Даст им названия.
Шлафрок надевши и спальный колпак,
Он штопает дыры всего мироздания“.

В этом отношении все обстоит благополучно, все, как должно быть в каждом добропорядочном Хандбухе.

Гораздо хуже обстоит дело с теорией. Зомбарт, как известно, всю жизнь упорно боролся с преследовавшей его тенью Маркса. От своеобразного германского издания «легального марксизма» (в котором действительного марксизма никогда, разумеется, не было) он благополучно добрался на старости лет до откровенно фашистского, мракобесно-черносотенного пасквиля «Пролетарский социализм». И вдруг — такой пассаж! «Заключительная работа жизни» открывается заявлением, что «всем, что есть хорошего в моей работе, я обязан духу Маркса» и что «настоящий труд претендует лишь на то, чтобы быть продолжением и до некоторой степени завершением марксовской работы». Столь громкие заявления не мешают ему через пару строчек сообщить, что «я резко отвергаю мировоззрение этого человека и все то, что ныне называют марксизмом», но ведь Зомбарт всегда слыл мастером парадокса, своего рода Бернардом Шоу буржуазной политэкономии.

«Марксизм» Зомбарта всегда был подделкой. Это был «марксизм», который в теории стоимости видит «непостижимое ослепление Маркса», «марксизм», выходящий и убогодный, без капиталистических противоречий и теории кризисов, без теории обнищания и без классовой борьбы, т. е. «марксизм» без основы, без сути и без выводов.

Если первое издание «Современного капитализма» могло еще своим «салонным социализмом» вводить кое-кого в заблуждение, то новое издание, особенно третий том, раскрывает сущность Зомбарта до конца.

Содержание III тома охватывает промежуток в 150 лет развитого капитализма — до августа 1914 г. Дальше анализ не идет и, по мнению Зомбарта, не может идти: «С началом войны век развитого капитализма внезапно пришел к концу... появились признаки наступающей старости — первый выпавший зуб, зачатки брюшка, первый седой волос», — словом «последние годы четвертого десятка». Пора на покой. Только в старческих воспоминаниях встают героические образы молодости, период бури и натиска растущего капитализма, гимном которому являлось первое издание книги Зомбарта. И теперь он полон восторга перед «капиталистическим чудом, ради стремления к стяжению» создавшим «хозяйственную жизнь такого размаха, такой величины, такой мощности, каких не видала ни одна прошлая эпоха». Но настоящее и будущее отбрасывают свою тень и на прошлое. Краски Зомбарта поблекли, восторги натянуты и старчески беспильны. Уже введение закапчивается мрачными нотами полнейшей беспросветности, тупика и безразличия:

«Их (марксистов) глаза были устремлены в будущее, наши — глядят в прошлое». «Покорность неизбежному — лучший удел человека».

Даже свою работу он определяет как «практически-бесцельное познание».

Уже первая часть под громким заглавием «Основы» дает яркую иллюстрацию этому «продолжению и завершению Маркса». Основа всех основ для него в настоящее время «капиталистический дух», так же, как в прошлые эпохи экономику определял «ремесленный дух», «феодальный дух» и т. д. Носителями этого «флогистона», движущими силами истории являются «вожди, за которыми на поводу идет огромная масса». В современном капиталистическом хозяйстве эти вожди — предприниматели. «Капитал — и только он один — единственная производительная, творческая, созидательная сила. Труд зависит от него и только благодаря его творческой деятельности пробуждается к жизни». Все хозяйство построено на творческой инициативе небольшого числа лиц; поэтому две данные главы Зомбарт посвящает характеристике и типам этих «новых вождей», с их «верой в прогресс», «чувством долга», «согласованием личности и дела» и прочими качествами.

Та же философия истории пронизывает и второй раздел, посвященный государству. Он состоит из краткой пустой главы о внутренней политике и отрывочного описания колониальной экспансии. 6 страниц посвящены «эпохе империализма», причем она завершается «международными соглашениями о публикации таможенных тарифов». Ни малейшей попытки анализа движущих сил империализма — только мешанина «причин» — религиозные и военные, политические и национальные, — формальная классификация формальных определений.

Парой пустых и беззубых фраз Зомбарт пытается опровергнуть «одностороннюю» теорию империализма Ленина.

Третий раздел — о «технике» — относится (как и в первом издании) к наиболее ценным частям книги. Здесь Зомбарт почти целиком следует за Марксом и дает яркую картину тенденций технического развития — слияние теории и практики, естествознания и техники, коллективизация и механизация изобретений, объективизация и систематизация технического знания, освобождение от стеснений живой природы, громадный рост механической энергии, стремление к непрерывности производственных процессов и т. д. Изложение тенденций Зомбарт сопровождает краткими сводками основных фактов (развития мотора, рабочей машины и пр.).

Глава об «экономическом значении современной техники» также дает довольно удачную систематику, правда, с неоднократными схоластическими и идеалистическими вывихами.

Следующая часть — «Созидание», пытающаяся дать теорию капитала, вновь целиком сползает на схоластические рельсы. В ней Зомбарт дает лишь бессодержательные определения разных видов капитала, якобы исходя при этом из Маркса, но всюду для доказательства самостоятельности стремясь заменить его термины своими (например, вместо постоянный и переменный капитал, — «реальный» и «личный» и т. п.) и выходящая из этих определений всякое теоретическое содержание. В оценке развития производительности общественного труда, по его мнению, «Рикардо и Маркс — оба правы». Вся беда лишь в том, что Маркс, который «в глубине души любил капитализм», забывает о том, что «необходимыми участниками капиталистического производства являются предприниматели, капитал и рабочие».

Еще большая путаница в разделе «о денежном капитале».

Для Зомбарта «сбережения капитала — уступка права на доход наемным рабочим, для обеспечения существования еще некоторому количеству рабочих». Глава «Значение кредита для капиталистического хозяйства» сводится к глубокомысленным положениям, вроде «Кредит позволил развить капиталистическое хозяйство благодаря тому, что дал волю силам, вызвавшим такое развитие» и поэзии о «воодушевлении предпринимателей».

Финансовый капитал для Зомбарта вообще не существует, и все главы о банках, ценных бумагах и т. п. не выходят за рамки обычного буржуазного учебника, без всякого анализа экономической и социальной сущности описываемых явлений.

Более содержателен раздел о «вещном капитале», дающий интересные описательные главы о «развитии продукции» в промышленности и сельском хозяйстве. Приводя данные о росте средней продукции на работника и т. п., Зомбарт все же считает, что основой сельскохозяйственных сдвигов было экстенсивное расширение производства — занятие незаселенных площадей на Западе и Востоке, в первую очередь заокеанская с.-х. продукция. Хозяйство подъемного капитализма было «хищническим хозяйством», основывавшимся на «использовании накопленных запасов, истреблении лесов, снятии пенек с горных богатств». Аналогичный характер носят главы о «мобилизации благ», дающие подробный обзор этапов развития железнодорожного и морского транспорта и его роли в образовании мировых рынков, размещении производства и т. д.

Раздел о «рабочей силе» отличается чрезвычайной пестротой. С теорией Маркса об образовании резервной армии Зомбарт вынужден согласиться, но в то же время он считает «поистине чудовищной мысль выводить средний рост пролетариата из тех же самых причин, которые ведут к образованию промышленной резервной армии», т. е. мысль Маркса о возможности на определенном этапе капитализма тенденции к уменьшению не только относительной, но и абсолютной численности промышленного пролетариата. К сожалению, в настоящее время даже некоторые коммунистические экономисты конкурируют в этом отношении с Зомбартом, но желая видеть, что предсказание Маркса для ряда стран уже осуществляется, и выставляя своего рода новое издание теории «компенсаций». Но это между прочим.

Теорию Маркса Зомбарт считает своим долгом заменить «всесторонней социологической теорией населения» с «биологическим, психологическим и социологическим рядом». Никакой теории на деле у Зомбарта нет. Но есть не плохое историческое описание «приспособления потенциальных рабочих масс к нуждам капитализма», яркая картина использования рабского и производительного труда цветных народов, вплоть до недавнего времени (Суэцкий канал), отрывочные, по-

характерные данные о современных формах «несвободного труда» (контракты и т. п.). Хорошо обрисованы процессы выталкивания аграрного населения, урбанизация и исчезновение возможности осесть на земле в колониях, крушение ремесла и домашней промышленности, прогрессирующий упадок домашнего хозяйства. Яркая и оригинальная глава говорит о «внедрении капиталистического духа в пролетариат», использовании для этого внешнего принуждения и сдельной платы, религии и воспитания, об изменениях типа труда, методов подбора и подготовки квалифицированной верхушки.

Любопытны разделы о факторах, определяющих заработную плату, несмотря на теоретическую путаницу, говорящие на деле о методах повышения прибавочной стоимости и снижении относительной зарплаты. Зомбарт показывает «мощные силы», действовавшие для снижения зарплаты: усиление предложения рабочей силы, использование труда иммигрантов, отсталых рас, детей, женщин и деревенских рабочих, давление резервной армии и пр. «Повышение зарплаты было большей частью лишь реваншем за повышение производительности труда». На основании данных американских переписей Зомбарт вынужден притти к выводу, что рост зарплаты отставал от повышения прибавочной стоимости, т. е., переводя на марксистский язык, норма эксплуатации увеличилась даже в период подъема капитализма.

Ярким образцом теоретического беспилия Зомбарта является последний раздел «о быте», разбирающий вопросы рынка в связи с накоплением капитала. Он с негодованием отбрасывает «чудовищную теорию Маркса и марксистов о воспроизводстве капитала», которую «породило только ослепление, вызванное теорией катастроф». Проблема перепроизводства для него не существует, кроме как в виде «случайных трудностей реализации», которые «не лежат в природе капиталистического хозяйства, а потому могут быть устранены». Для теории рынка «они могут быть отброшены». Но... «чрезвычайно важно строго различать между теорией и действительностью... несправедливое смешение двух подходов до крайности затемняет дело». И Зомбарт-эмпирик ничтоже сумняшеся приводит примеры все новых и новых затруднений реализации и воспроизводства. От этой реальной жизни он вынужден взять «ценный материал, собранный марксистами, о стремлении к расширению внешних рынков», — стремлении, вызванном «в силу ряда случайностей». В анализ «внешнего спроса» он вносит, притом в самом вульгаризированном виде, люксембургпанское понятие третьих лиц, причем основу «внешних покупателей» для него составляют «богатые некапиталистические земледельцы» и «финансовая знать», т. е. «лица, занимающиеся агитацией, спекулянтсы и т. п...», которые ничего не имеют общего с капиталистической хозяйственной системой» (Sic!).

Другая группа «некапиталистических покупателей» это — «государственные учреждения». Вместе с тем он дает яркую картину вовлечения крестьянства и ремесла в капиталистический товарный оборот.

Том заканчивается кратким историческим описанием развития внутреннего спроса, причем Зомбарт на 1—2 страницах «доказывает» «рост покупательной способности наемных рабочих в одинаковом отношении к увеличению продукции», доказывает «неоспоримой логической цепью заключений», совершенно случайно «почти совпавшей с эмпирической действительностью».

В данной рецензии мы не останавливаемся подробно на втором заключительном полутоме (не вышедшем еще в русском издании)¹. В нем Зомбарт дает описание образования рынка, конкуренции, конъюнктуры, процессов рационализации

¹ W. Sombart, Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus, 2 Halbband, 1927.

(рынка и производства), концентрации и, наконец, общий обзор капиталистического хозяйства в целом, его развития и будущих перспектив.

В нем он берет в штывы «теорию катастроф» и теорию кризисов, пытается убедить читателя, что с 70-х годов кризисы непрерывно смягчаются и постепенно исчезают, объявляет «безумием или бесстыдством попытку видеть в мировой войне предсказанный Марксом кризис капитализма». Вообще, как он заявляет с необычайной для других его положений уверенностью: «Маркс предсказывал: 1) растущее обнищание рабочего класса, 2) общую концентрацию во всех областях и падение крестьянства и ремесла и 3) катастрофическое разрушение капитализма. Ничего из этого не наступило». Хотя приводимые им факты упорно противоречат столь смелым заключениям, он делает не менее смелый вывод: «Нелепо ждать насильственного падения существующего хозяйственного строя или внезапного изменения основ хозяйственной жизни. Новое хозяйство органически вырастает в старое, растет как растение или животное».

Капитализм «внутренне перестраивается... становится спокойнее, уравновешеннее, разумнее, что соответствует его растущему возрасту». Он немного «жиреет», по этому могут помочь упражнения (скажем, несколько кровопусканий по старому методу). Он предсказывает и рекомендует рост аграризации, так как для сохранения жизни капиталистического хозяйственного организма необходимо «рассасывание европейской опухоли». Наряду с прославляемым им «современным юнкером» он рисует следующий идеал: «В конце развития находится американский фермер с телефоном, фордом, банковским счетом и женой с шелковыми чулками».

Так, без катастроф и потрясений, капитализм переродится. Правда, это «гораздо более скучное развитие, чем то, которое предсказывал Маркс. С каким захватывающим интересом читается 23-я глава «Капитала»! По действительность большей частью скучнее, чем ложное». Этой плоской ревизионистской болтовней, такой нелепой в нашу «эпоху войн и революций», заканчивается «монументальный» труд крупнейшего буржуазного экономиста, претендующий на «развитие и дополнение Маркса».

В первом издании Зомбарт пытался плестись в хвосте у Маркса. Теперь он, несмотря на громкие заявления о «развитии Маркса», с нескрываемой радостью стремится показать, что он смог, наконец, отойти от Маркса, «снял с глаз марксистские очки». Он считает достоинством своей работы то, что он «не смешивает, как Маркс, теоретической и исторической части, а разделяет их». Это наивное замечание выдает Зомбарта с головой. Вместо монолитной цельности Маркса перед нами крошка из фактов, частичных обобщений, «философических» рассуждений. Кое-где Зомбарт беспомощный ощущуя приходит к открытию Америк, давно открытых Марксом, которого он призван «дополнить». Но взятые на прокат теоретические инструменты большей частью не действуют. Работа остается без стержня, без теоретической цельности, без объединяющей идеи, без действительных выводов и перспектив.

Старчески больная и, по собственному определению Зомбарта, «бесцельная», в конечном счете пустая, несмотря на горы проработанного материала, полусырая и папвая, несмотря на теоретические потуги и «ученость», жалкая по выводам несмотря на всю свою «монументальность», «работа жизни» Зомбарта является ярким показателем безвыходного тупика буржуазной экономической науки и самой капиталистической экономики.

Несмотря на красочный стиль, на яркость отдельных образов и парадоксов, книга Зомбарта — подлинные «сумерки» капиталистической науки.

Русский перевод безукоризнен. Том снабжен кратким предисловием С. Членова и интересной статьей И. Альтера «Эволюция Зомбарта».

М. Рубинштейн.

OSKAR MORGENSTERN.—WIRTSCHAFTSPROGNOSE. EINE UNTERSUCHUNG IHRER VORAUSSETZUNGEN UND MÖGLICHKEITEN

Wien. Verlag von Jung Springen. 1928 г., S. 128.

Моргенштерн. Хозяйственный прогноз. Исследование его предпосылок и возможностей.

У нас слишком мало знают о последних работах западных экономистов. Если основные направления теоретической политической экономии получили освещение в работах гг. Рубина и Блюмпа, то об огромной литературе, посвященной вопросам хозяйственной конъюнктуры и предвиденья экономических явлений, отсутствуют самые необходимые представления.

Между тем за последние 20—30 лет во всех странах, и в особенности в САСШ, возникли многочисленные институты, изучающие конъюнктуру, которые, будучи поставлены на широкую деловую ногу, хорошо организовали собрание статистических сведений и значительно усовершенствовали технику статистической обработки. Не ограничиваясь накоплением материалов, американские экономисты констатировали ряд эмпирических закономерностей, нашли определенный порядок следования в движении основных показателей конъюнктуры (так называемый «лаг») и на основании этих индуктивно установленных последовательностей пытались предсказать течение хозяйственного цикла.

Эта работа, проведенная в основном при помощи формальных — математических и статистических — приемов, нуждалась все же в каком-то теоретическом обосновании, и различные группы экономистов по-разному подвели теоретическую базу: одни по-новому интерпретировали астрономическую теорию цикла (Мур), другие пытались развивать всевозможные варианты психологической школы, но большинство приняло кредитно-денежные объяснения цикла, считая эти «inkräftige», по определению Шпиттофа, теории последним словом экономической науки. Идеи американцев стали господствующими среди «конъюнктуристов». Широко распространилось презрительное отношение к теоретической политической экономии и многие сочли возможным, овладев всего лишь истинами вульгарных теорий, заняться предсказыванием конъюнктуры. Нашлись пропагандисты американских достижений и в СССР (Игнатьев и др.). В самих САСШ создались огромные рекламные, деловые фирмы (напр., знаменитая Babson'a), которые поставляют по солидным ценам «прогнозы конъюнктуры» для практических бизнесменов.

За последнее время в рядах буржуазной политической экономии в значительной мере, очевидно, под влиянием краха наиболее известного из всех барометра Комитета экономических исследований Гарвардского Института, замечается перелом в отношении к работам этих «предсказывателей хозяйственной погоды». Кроме критики кредитно-денежной теории цикла (см., напр., статью Бунятына в «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», 58 Band, 3. Teil, 1927 г.) подвергаются разбору и методологические основы деятельности конъюнктурных институтов; ставятся вопросы о возможностях и пределах изучения и прогноза хозяйственной жизни¹.

Работа Моргенштерна и является такой методологической критикой способов анализа хозяйственной кривой, применяемых по преимуществу американскими экономистами. В ней «речь идет о том, что общее для всех методов, — о принципиальной возможности или невозможности прогноза как такового» (из Введения, с. 1). Книга существенно отличается от остальной довольно обширной литературы о «барометрах» тем, что она не загромождена статистическими таблицами и

¹ Это отмечают Vogel, Altschull, Wageman. Интересно, что в порядке «самокритики» эти вопросы поднимают и сами творцы прогнозов. См. Pearsons, The Problem of Business Forecasting (ссылка у Моргенштерна, с. 59).

диаграммами и в ней оставлены в стороне чисто статистические вопросы о выборе весов, о преимущественном типе средней величины и т. п.

Наш автор подвергает критическому просмотру исходные положения (часто лишь молчаливо предполагаемые), лежащие в основе конъюнктурной практики, чтобы затем сделать тот или иной вывод о пределах ее достижений. Серьезная проработка проблемы и, главным образом, яркое подчеркивание необходимости теоретического обоснования технических приемов наблюдения ставят автора в выгодное положение перед невинными по части теории конъюнктурстами. Для того, чтобы предсказывать, надо владеть теорией прогноза. Теория же прогноза «должна быть последней главой теории конъюнктуры» (с. 24). Большинство статистиков все еще с удивлением узнает, что «даже выбор и группировка рядов, долженствующих характеризовать изменения экономической системы, определяются точками зрения, которые даются теорией конъюнктуры» (с. 32). Занимаясь таким ответственным делом как прогноз, необходимо подвергнуть основательному испытанию все средства наблюдения и обработки, по «простачки» (Unentwegten), — прописывает Моргенштерн, — очевидно, и не подозревают о той массе аргументов, которые могут быть предъявлены против целесообразности и значимости их трудов (с. 117).

Необходимо уже сейчас отметить (мы остановимся на этом позже), что Моргенштерн объявляет себя сторонником теории предельной полезности и методически опирается на Риккерта. Эти установки, конечно, отразились на всей его аргументации; однако «теоретичность» автора дала ему возможность наметить правильную критику некоторых положений вульгарной экономики. Отметим отдельные моменты этой критики.

Прогнозами занимаются по преимуществу конъюнктурсты-статистики. Последним обоснованием всех их работ являются предпосылки теории вероятностей и «закона большого числа», ссылаясь на который, они и утверждают, что установленные ими эмпирические факты имеют характер общих закономерностей. Однако, закон большого числа не применим для теории прогноза. Для его проявления необходимо наличие однородной статистической массы, между тем, желая предсказать определенное общее явление хозяйства, мы каждый раз имеем дело с совершенно своеобразным исторически-конкретным фактом. Не имеет места и независимость отдельных наблюдений — также одна из предпосылок закона, так как все составляющие единого хозяйственного процесса находятся между собой в причинной связи. Обычно при установлении вероятности нас удовлетворяет и некоторое относительное совпадение предвиденного со случившимся, но хозяйственный прогноз должен быть точным прогнозом определенного явления, иначе он не имеет значения. Для выяснения вероятности из статистической массы не требуется никакой теории; наоборот, для того, чтобы узнать место, занимаемое статистическим временным рядом, нужна теория, которая одна лишь помогает разобраться в сырых материалах. «Так называемая статистическая индукция, — заключает Моргенштерн, — основанная на законе большого числа, не может быть употребляема для целей тотального прогноза» (с. 66). До тех пор, пока необходимость того или иного рода не объяснена из экономической закономерности, «одно лишь констатирование случайностей не имеет цены для прогноза» (с. 50).

Значительным достижением методики наблюдения конъюнктуры является констатирование и элиминирование «вековых тенденций» (trend), под которыми понимают основное направление развития какого-либо статистико-экономического ряда. Но современными взглядам на trend Моргенштерн предъявляет достаточно веские упреки. Установив trend'ы, статистики никогда не уделяли внимания выяснению их природы. Они считают циклические движения отклонениями от «нормали» — линии trend'a, но исследованное «нормали» пренебрегают. Основное

положение автора заключается в том, что нельзя рассматривать вековые тенденции отдельных экономических явлений изолированно, как это было до сих пор. При существующем строе хозяйства «нет ни одного trend'a, который не находился бы в зависимости со всеми другими» (с. 52). Их движение подчиняется закономерностям, согласно которым развивается все хозяйство. Неправильно однако полагать, что можно установить общие «коэффициенты развития», по которым должны следовать в своем движении trend'ы. Попытке «коэффициентов развития» исходит из ложной предпосылки равномерно развивающегося хозяйства. Хозяйственная система развивается отнюдь не равномерно. Некоторые экономические феномены вовсе не имеют линии векового движения, понимаемой как постоянно восходящая кривая, например, норма процента¹. «Общий коэффициент развития может в лучшем случае быть средней различных вековых движений, и в качестве таковой средней он не имеет никакой цены, так как речь идет о тех составляющих величинах, отдельные коэффициенты которых скрадываются «общей средней» (с. 53). «Анализ trend'ов тождественен анализу структурных изменений хозяйства» (с. 54). С изменением структуры меняются темпы trend'ов и их пропорциональные отношения между собой. Происходят переломы линии trend'ов, и прогноз, который предполагает их неизменность, терпит крушение. Попытке «векового движения» всегда включает представление о закономерной последовательности, но если закон развития trend'a не открыт, если он остается лишь эмпирически установленным, — его познавательная ценность ничтожна. Мы всегда можем ожидать перелома кривой, который сведет на нет все наши предположения. «Проблема trend'a показывает нам ясно, что предпринимаемые теперь прогнозы опираются на абстракции, которые оставляют далеко позади многие смелые обобщения «чистых теоретиков» (с. 56).

Некоторое время почти всеобщим признанием пользовался «лаг». «Статистические ряды изменяются не одновременно. Одни проходят точки максимума и минимума раньше других. В этом случае говорят, что между рядами существует «лаг» — определенный временной промежуток» (с. 77). «Лag» принимался постоянным, и на этом основании строились прогнозы. Но и он нуждается в критике. «Все «лаги» точно так же, как и trend'ы, находятся между собой в связи» (с. 86). С реорганизацией структуры хозяйства меняются «лаги», изменяется и их значение, не говоря уже о том, что самый факт «лага» ничего не говорит о причине, его вызвавшей; вполне возможно, что «не первый ряд является причиной второго, а оба обусловлены каким-либо третьим и т. д.» (с. 79). Симптомные показатели могут оставаться неизменными несмотря на то, что причины, их вызвавшие, изменились; с другой стороны — причины могут остаться те же, симптомы же изменяться. «Значение симптоматики меняется с каждым новым циклом» (с. 89). Ясно поэтому, что «лаг» может служить только вспомогательным орудием исследования; он имеет значение лишь на небольших отрезках времени при относительно неизменной структуре хозяйства. Теперь к «лагу» отношение более прохладное. В журнале «*Vierteljahrshefte für Konjunkturforschung*», 1928 г., Н. 2, S. 30, высказано даже такое утверждение: «Известно, что экономическое развитие САСШ за последние несколько лет не подтвердило теории «лага».

Очень много места уделяет Моргенштерн рассмотрению влияния самого прогноза на конъюнктуру. Принимая всерьез возможность правильных предсказаний конъюнктуристов, надо исследовать те колебания или изменения наличных волн, которые должны будут быть вызваны повсеместным распространением прогноза. Если предположить, — пишет автор, — что нам удалось вскрыть закономерности хозяйственной динамики и мы уже в состоянии точно предвос-

¹ В этом случае правильно было бы говорить об обратном trend'e — тенденции нормы процентов к понижению.

хищать будущее, то возникает новая непреодолимая трудность. Повсеместное распространение сведений о предстоящей конъюнктуре вызовет соответствующую перемену в поступках хозяйствующих личностей (предприниматели, производству которых угрожает кризис сбыта, сократят производство и т. п.), и предсказанная конъюнктура не наступит. Если бы мы попытались составить прогноз, который уже учитывает свое воздействие на хозяйство, то с ним повторилось бы то же самое; вновь необходимо учесть влияние этого нового прогноза, и так до бесконечности. Циклы с прогнозом отличны от циклов без прогноза, и на основании статистических материалов обычных циклов нельзя делать выводов для «циклов с прогнозами» (с. 72).

Касаясь проблемы «больших циклов» и малых «подциклов», Моргенштерн считает, что если таковые и будут установлены, то это приведет к дополнительным трудностям. Встанет вопрос о соотношении отдельных видов циклов, и то многообразные комбинации, которое может быть образовано этими многими закономерными циклами, сделает окончательно безнадежным установление прогноза.

Далее. Предсказание экономических явлений может быть использовано лишь тогда, когда оно связано с возможностью предвидения и фактов внеэкономического порядка. Но «общий социальный прогноз» (с. 115), пророчества о войнах, урожаях и прочих «остаточных элементах кривой», разумеется, совершенно беспочвенны. Следовательно, и с этой стороны сводится на нет всякое практическое значение предвидения.

Кроме указанных выше, Моргенштерн проводит и другие соображения, которые говорят о невозможности прогноза. Общий вывод, к которому он приходит, достаточно неутешителен: «Согласно нашим выводам по реальным основаниям дать экономический прогноз средствам экономической теории и статистики совершенно невозможно» (с. 108).

С этим заключением нельзя не согласиться. Все пути угадывания завтрашнего дня закрыты для буржуазной науки. Опираясь на непроверенными критически приемами исследования, скользая по поверхности явлений, конъюнктуристы не в состоянии даже установить действительные движущие силы капиталистического общества. Если экономистам, владеющим марксистским методом, неоднократно удавалось правильно оценивать общее направление хозяйственного развития, если, проникнув за внешнюю оболочку социальных связей, марксисты бывали в состоянии предсказать более или менее точно время наступления перелома конъюнктуры, начало кризиса и т. п., — то для вульгарной политэкономии заказаны и эти возможности предвидения. Моргенштерн, который говорит о необходимости теории, берет ее, однако, только с формальной стороны. «Нас не интересует материальное содержание теорий, мы берем только их формальный характер, поскольку они определяют степень колеблемости, наличие большей или меньшей периодичности и т. д.» (с. 24). По этому признаку (принимаемая теория имеет ритмичности или полный от нее отказ) Моргенштерн классифицирует все априорно мыслимые теории прогноза. Абстрактными схематическими рассуждениями он «доказывает», что всякое непрерывное волнообразное движение должно явиться результатом действия закона. Но существует ли подобный закон циклического возвращения конъюнктуры? — спрашивает Моргенштерн. Очевидно, что он отсутствует в виде математически точного правила о возвращении фаз, о равных амплитудах колебаний и т. д. Вскользь упоминает автор о теориях, которые в продолжительности времени производства видят материальную основу цикла (с. 17). Ссылка на Mitchell'я (с. 92) кажется ему достаточной, чтобы отмахнуться от значения средней продолжительности цикла для проблемы прогноза. Долго и педантично останавливается он на формальных «дефицициях», подробно перечисляет все априорно мыслимые точки зрения по какому-либо частному вопросу, различает

прогнозы — общий и индивидуальный, специальный и генеральный, повторяет плоские места об общей природе экономического и астрономического прогноза и т. п.

Моргенштерн преподносит и свою собственную теорию о «временной качественности цен». Она должна, по его мнению, способствовать укреплению теории предельной полезности (с. 63, примечание). Он разбирает всевозможные психологические моменты, которые, по его предположению, определяют поступки отдельных хозяйствующих субъектов, а вместе с тем и все экономические явления. Ведь в конечном счете для него «общественная наука — только часть описательной психологии» (с. 26). Отправляясь от этих исходных положений, Моргенштерн не пришел ни к чему положительному. Он видит невозможность на этом пути разрешить ряд проблем политической экономики. И здоровый скептицизм по отношению к вульгарной экономике переплетается у него с декларированием бессилия общественной науки, со своеобразным социологическим агностицизмом.

Было бы интересно дольше останавливаться на частных вопросах и на их разрешении у нашего автора. Как результат исследования Моргенштерн выдвигает следующие практические предложения. Институты и агентства должны прекратить составление прогнозов и ограничиться собиранием статистических материалов, предоставив их оценку теоретикам. Институты должны достигнуть «поболее полной, максимально быстрой информации о состоянии хозяйства и добиться ее широчайшего распространения» (с. 121). Всеобщая осведомленность о ходе дел приведет к росту сознательного элемента в действиях хозяйствующих личностей и неизбежно возрастет рациональность всего народного хозяйства.

Моргенштерн правильно подчеркивает всю тщету надежд, возлагаемых на прогноз как средство стабилизации капитализма. Буржуазные экономисты жаждут рецептов, как бы уберечься от кризисов и депрессии. Пустые болтуны вроде D-r Deibanco из Гамбурга («Jahrbücher für Nationalökonomie», 1925 г., кн. III) цветисто декламируют о будущих благах прогноза, который смягчит колебания конъюнктуры, уничтожит потрясения хозяйства и т. д. Моргенштерн не только презрительно относится к этим сентенциям, он видит и то, что здесь наука выполняет «социальный заказ» буржуазии. «Этой стабилизации капиталисты добиваются не только экономическими, но и общими социально-политическими мероприятиями. Но эти вопросы не подлежат рассмотрению в этом исследовании» (с. 119) — стыдливо устранился автор.

Сам Моргенштерн, отягощенный сознанием бессилия своей науки, не хочет следовать за наивным рационализмом американцев. Он знает, что никакие статистические эксперименты не смогут опровергнуть действительности тезиса об анархии производства (с. 123). Прогнозами анархии производства не заговорить. Плановое хозяйство несовместимо с сущностью капиталистического хозяйства. Моргенштерн выступает защитником свободной конкуренции, принципов либерализма и «игры свободных сил». Эти старые средства кажутся ему достаточными. Он — враг новшеств в этой области и всяких там прогнозов.

Классовый смысл позиции Моргенштерна выявляется достаточно четко. Он тоже за стабилизацию, но только обычными методами банковской политики, вмешательства государства и пр. (с. 119).

А. Берштейн.

И. И. ЛИТВИНОВ. — ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТОЛЫПИНСКОГО АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

(Экономические предпосылки Октябрьской революции, ч. II). Рапинов, Институт Экономки, Гиз, М.-Л. 1929 г., с. 114, ц. 1 р. 50 к.

Наша историко-экономическая литература не может похвастаться достаточным количеством исследований по конкретной экономике, между тем такого рода работы совершенно необходимы как для экономиста, так и для историка;

тем больший интерес вызывает появление книги И. И. Литвинова, пытающегося вскрыть последствия столыпинского аграрного законодательства, как одного из наиболее выпуклых моментов в развитии капиталистических отношений дореволюционной России.

Опираясь на большой печатный, преимущественно дореволюционный, материал, автор рецензируемой книги решил произвести при помощи марксистского метода «исследование влияния ускоренной (в результате аграрных законов) дифференциации крестьянства на развитие русской промышленности, на революционизирование пролетариата и на обострение классовой борьбы как в городе, так и в деревне» (Предисловие, с. XIV). Цель несомненно заслуживает самого пристального внимания со стороны читателя.

Работа написана довольно популярным языком, доступным для широкого круга читателей, — в этом одно из ее достоинств, хотя резонное стремление автора к простоте языка приводит его местами к явно неудачной терминологии, вроде: «хозяйственные, крепкие мужики или разлагаются (разрядка моя.— И. К.), в последнюю очередь или же становятся фермерами...» и т. д. (с. 65). Другой пример: «Продолжался процесс выталкивания ремесленника фабрикой...» (с. 32). Очевидно, что к такого же рода опускам принадлежит и безоговорочное деление т. Литвиновым населения России на «пять классов» (с. 32). Почему не семь или не три? Принципа такого деления автор не указывает.

Книга разбивается на 11 мелких глав, из которых центральное место по расположению, размеру и значимости занимает глава о законе трудовой стоимости и союзе пролетариата с крестьянством. Эта глава пытается теоретически вскрыть неизбежность в условиях такой аграрной страны, как дореволюционная Россия, союза рабочего класса и крестьянства под руководством первого. Интересная по замыслу и постановке вопроса названная глава однако не лишена ряда существенных ошибок и досадных упущений, но о них — несколько ниже. Основное же содержание книги сводится к показу и анализу роста значения денежных отношений и повышения товарности в крестьянском хозяйстве после 9/XI 1906 г. (гл. IV); к анализу роста потребления в деревне как общедушевых норм, так и, в частности, в отношении потребления с.-х. машин, предметов огнестойкого строительства и резиновой промышленности (гл. V). Как столыпинская реформа послужила толчком к форсированному развитию деревенской кооперации всех видов, автор показывает в гл. IV, а в следующей прослеживает ускоренный рост городов и городского строительства, связанный с приливом в города деревенского населения, вытесняемого из деревни усиленной дифференциацией крестьянства. Вслед за этим т. Литвинов на фактическом материале совершенно правильно устанавливает факт ухудшения положения рабочего класса, связанного с большим приливом рабочей силы из деревень, безмерно увеличивающим резервную армию труда (гл. IX). Наконец в последних главах анализируется влияние аграрной реформы на соотношение классовых сил, констатируется углубление трещины между двумя частями дворянства: той, которая сумела приспособиться к переводу своего хозяйства на капиталистические рельсы, и той, которая этого сделать не сумела. После «освобождения» от земли в результате реформы пролетариат стал более однородной социальной массой, что не могло не отразиться на темпе роста его революционного самосознания. В то же время столыпинская реформа, форсируя процесс капитализации сельского хозяйства, форсировала дифференциацию крестьянства, углубляя тем самым в недрах последнего борьбу различных социальных слоев.

В связи с измещениями в соотношении классовых сил наш автор совершенно правильно упоминает об известной трансформации классовой природы русского самодержавия.

Столыпинское аграрное законодательство ставило ставку на крепкого мужика — как опору самодержавия, к этому оно вынуждалось укреплением капитализма, который требовал разрушения феодальных нут крестьянского хозяйства. Способствуя расширению внутреннего рынка и, следовательно, оживлению русской промышленности, это законодательство все-таки не спасло ни самодержавия ни капитализма. 1917 г. разметал основы того и другого. Будучи в руках Столыпинных и Пуришкевичей последним клапаном, открытым под давлением победоносного-шестивующего капитализма, реформа только «вызвала отсрочку кризиса лишь на самое короткое время и притом ценою несравненно большего обострения и расширения арены кризиса» (Ленин, т. XII, ч. 2, с. 94).

Иллюстрация этой мысли Ленина на конкретном историко-экономическом материале — основное достоинство книги.

Однако при чтении работы бросаются в глаза две особенности, которые снижают ее качество. Первая. Почти все трактуемые вопросы разрешаются автором далеко не полно и схематично, что ведет его к ряду ошибок. Достаточно указать на анализ спроса, где т. Литвинов приходит к выводу, что «только рост потребления деревней продуктов промышленности может объяснить нам причины роста (за рассматриваемый нами период) душевого потребления тканей, сахара, галаш и т. д.» (с. 34). Тот факт, что в указанном росте душевого потребления огромную роль играла деревня, — неоспорим, по отношению его «только» за счет деревни — несомненное преувеличение. Кроме этого нельзя игнорировать роста спроса со стороны капитализирующегося крупного (некрестьянского) землевладения, да и помещики, которые распродавали свои земли, получаемые деньги не только — как думает автор — прокучивали. Никаких цифровых показателей в защиту своего положения т. Литвинов не приводит, а казалось бы, найти их было нужно.

С другой стороны чрезвычайно интересно изменение социальной структуры деревенского спроса после столыпинской реформы в связи с процессом дифференциации. Зажиточный сектор деревни быстро увеличивает свой спрос, в то время как спрос главной массы крестьянства особенно больших изменений не претерпевает. У т. Литвинова без характеристики этой последней стороны спроса получается совершенно неправдоподобная картина общего благоденствия деревни этого периода (судя по спросу, по крайней мере). Такого же рода упрек нужно сделать и главе о кооперации, в которой на фоне огромного роста различного вида кооперативных организаций фактически не видно — за счет какого же сектора этот рост происходит, хотя словесно наш автор и старается дело поправить. Недостаточной полнотой и схематичностью страдают почти все главы.

Вторая особенность книги заключается в чрезмерном выпячивании аграрной реформы как основы всех бед и напастей русского капитализма. Происходит этот недостаток от того, что выделить аграрное законодательство Столыпина из всех факторов, воздействовавших на хозяйственно-политическую жизнь дореволюционной России, и отвести подлежащее место аграрным законам довольно трудно: Автор данное обстоятельство понимает, но это все же не спасает его от ошибок. Например, ухудшение русского торгового баланса т. Литвинов чуть не целиком отписывает за счет закона 9/XI 1906 г. «Реформа — пишет он — ухудшила торговый баланс России, и это ухудшение способствовало росту агрессивности внешней политики России». Здесь явное, мягко выражаясь, преувеличение.

Аграрная реформа, капитализируя сельское хозяйство, увеличивая, следовательно, его товарность, способствовала увеличению хлебного экспорта и тем самым в известной степени парализовала действие неблагоприятных для активного сальдо хлебных цен на европейском рынке. Дарданеллы и низкие цены — вот что в основном ухудшало баланс. Если же т. Литвинов думает, что ввоз промышленных товаров, благодаря невозможности удовлетворить возросший спрос со сто-

роны деревни отечественными товарами, сыграл здесь главную роль, то это нужно было во всяком случае доказать. Мы считаем, что ухудшение торгового баланса было обусловлено многими причинами и что едва ли аграрная реформа играла в этом отношении сколько-нибудь заметную роль.

Несколько замечаний по поводу главы о теории трудовой стоимости и рабоче-крестьянском союзе.

На страницах 59 и 60 т. Литвинов пишет: «Когда крестьянство исчезает как в Англии, или когда оно более или менее стабилизируется, как в Германии и отчасти во Франции до войны, и выходцы из деревень перестают затоплять рынок труда — лишь тогда вступает в силу закон трудовой стоимости относительно по уплате покупаемой рабочей силы (И. К.). Тогда — продолжает дальше автор — капиталист начинает быть заинтересованным в сохранении рабочей силы рабочего класса. Капиталистический строй начинает заботиться о воспроизводстве существующим рабочим классом рабочей силы и заработная плата повышается» (в брошюре набрано в разрядку—И. К.). Тогда только, по т. Литвинову — «появляется потомственный городской промышленный пролетариат» (с. 60). И, наконец, «если согласимся со всем этим, тогда перед нами в совершенно новом свете встанут причины социального законодательства» (с. 60).

Взглянуть в совершенно новом свете на причины социального законодательства — перспектива очень заманчивая. К сожалению, однако, никак нельзя «согласиться со всем этим». В самом деле, если стать на точку зрения т. Литвинова, то придется «согласиться», что в большинстве капиталистических стран нет «потомственного» пролетариата, ибо приток рабочих из деревни не прекращается. Ведь даже в архаичной России 80-х годов потомственный промышленный пролетариат — правда, в незначительном количестве — уже существовал. Мало того, придется «согласиться» также, что закон трудовой стоимости Маркса в России, да и опять-таки в большинстве капиталистических стран, не вступал никогда в силу. Явная путаница! Экономисту т. Литвинову должно быть прекрасно известно, что ни одна категория политической экономии в чистой форме не существует, так как нет на свете чистого абстрактного капитализма. Однако отсюда вовсе не следует, что марксовы законы не «вступают в силу». Из факта относительно низкой заработной платы (форма стоимости рабочей силы) отнюдь не следует неприменимость марксова закона стоимости. Если же для того, чтобы взглянуть в новом свете на причины социального законодательства, т. Литвинову понадобилась теория недействительности закона трудовой стоимости относительно оплаты рабочей силы, то и тогда марксисту-автору нужно было вспомнить хотя бы письмо Энгельса к К. Шмидту от 12/III 1895 г.

После подобного теоретического обобщения, с точки зрения т. Литвинова, социальное законодательство представляется результатом заботы капиталистического строя. Если бы буржуазии «была невыгодна охрана труда», то при помощи своих слуг (в книжке в этом месте идет бессодержательный пабор слов. — И. К.)... она доказывала бы ее ненужность «и настояла бы на своем» (с. 61). В действительности далеко не всегда дело обстоит так просто. История учит нас тому, что социальное законодательство далеко не является продуктом доброй заботы капиталистического строя о рабочей силе. Оно, как правило, вырывается пролетариатом в результате классовой борьбы. И вместо действительного анализа природы социального законодательства ограничиваться, по примеру автора рецензируемой книги, поговоркой «От паршивой собаки хоть шерсти клок» (с. 61, подстрочное примечание), это значит — не понимать динамики истории.

Явный ляпсус допущен автором также в названии эпохи ХХ в. в русской промышленности периодом первоначального накопления.

От автора мы узнаем, между прочим, что оживление советов и кампания за повышение производительности труда суть уступки крестьянству (с. 63)...

Таким образом интересная по замыслу книга благодаря теоретической путанице автора (кроме отмеченных выше можно было бы привести и другие существенные примеры теоретической путаницы) сильно обесценивается.

Не останавливаясь на ряде ошибок и неточностей второстепенного порядка, отметим, что книга и в этом виде все же небесполезна, в частности, систематизация большого статистического материала, данного как в тексте книги, так и в приложениях, заслуживает большого внимания. Кроме того предисловие к работе почти целиком составлено из обширных выдержек из ленинских произведений, что дает возможность ознакомиться с оценкой столыпинской реформы В. И. Лениным.

И. Кизрин.

ОБ ОДНОМ ВАЖНОМ ПРОБЕЛЕ В НАШЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Индустриализация нашей страны выдвигает комплекс задач политического и технико-экономического порядка. Для их решения, помимо правильной политической линии, необходимо уменье сочетать в целом и в каждом отдельном случае технический проект с верным экономическим расчетом.

Между тем экономическая подготовка наших наличных и вновь выпускаемых из ВТУЗ'ов технических сил весьма недостаточна. Не даром прошлогодний июльский пленум ЦК партии высказался за введение преподавания конкретной экономики во ВТУЗ'ах, с мобилизацией группы научноквалифицированных марксистов для составления курсов по конкретной экономике отдельных отраслей промышленности. К сожалению, о выходе в свет новых марксистских работ по отраслевой промышленной экономике пока ничего не слышно. А нужда в таких работах и книгах весьма велика.

Слабое индустриальное развитие нашей страны нашло свое выражение и в той крайней бедности, которая господствует у нас в области литературы по экономике промышленности.

В «довоенное время» такой литературы почти вовсе не существовало, если не считать литографированных лекций П. Струве «Экономия промышленности», П. 1911 г., хрестоматии Остепенко, Гольдемана и Куприца «Экономия промышленности», Киев, 1913 г., и перевода книги Зомбарта «Политическая экономия промышленности», изд. «Просвещение».

Из этих книг только книга Зомбарта может быть и сейчас использована как интересный в смысле построения и изложения очерк экономики капиталистической промышленности. Первые же две книги теперь уже устарели и заслуживают упоминания из чисто исторического интереса.

Пролетарская революция, выдвинувшая задачу «в относительно минимальный исторический срок догнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран», не могла не вызвать к жизни многочисленной литературы по вопросам промышленности. Но среди этой литературы и до сих пор преобладает или ведомственное слабо обработанное «сырье», или книги и брошюры по вопросам промышленной политики, или наконец работы по отдельным проблемам промышленной экономики. Книг по экономии промышленности, дающих систематизированное учение о промышленном хозяйстве вообще, а в частности о хозяйстве отдельных отраслей промышленности—у нас очень мало. Их можно пока пересчитать, что называется, по пальцам.

По общей экономии промышленности мы имеем всего три книги, а именно: Г п н з б у р г, А. М. «Экономия промышленности», ч. I, 1925 г., 328 с.; ч. II, 1927 г., 450 с. (Его же книгу «Экономия промышленности», курс лекций, М. — Л.

1926 г., с. 65, как неимеющую самостоятельного значения по сравнению с первой, мы в счет не принимаем); Бернштейн-Рогов, С. В. «Введение в экономику промышленности» ЦУИ ВСНХ СССР, М.—Л. 1926 г., 203 с.; Леоптьев, А. и Хмельницкая, Е. — «Экономика промышленности». М. 1926 г., 728 с., хрестоматия для вузов.

Вот и все — не богато! Количество книг по отраслевой промышленной экономике, по сравнению с количеством отраслей промышленности, совсем ничтожно.

По любой классификации можно считать не менее десятка отдельных отраслей промышленности, а книг по отраслевой промышленной экономике мы имеем всего пять, из которых четыре посвящены экономике горной промышленности одна кожевенной.

Вот эти книги¹: Проф. Фомин — «Экономика горной промышленности», изд. Укр.; Пальчинский — «Введение в горную экономику», Л., 1925 г.; Сегаль, А. П. — «Беседы по горной экономике»², Гиз, 1927 г.; Фролов, В. П. — «Экономика нефтяного хозяйства», изд. Совета Нефтяной Промышленности, М.—Л. 1928 г.; Плютович, М. — «Экономические основы кожевенной промышленности и торговли», изд. Наркомторга СССР и РСФСР, М., 1928 г.

Качество этих книг далеко не одинаково. Брошюра проф. Фомина, несмотря на претенциозное название, вряд ли может быть вообще принята в счет как научная работа. Предназначенная для школ рабочей молодежи и профшкол, она дает лишь краткий, хотя и не плохой, историко-экономический очерк горной промышленности СССР и главным образом Донбасса.

Книга Пальчинского, охватывая довольно широкий круг экономических вопросов, носит крайне общий характер, вследствие конспективности изложения. Применения марксистского метода изучения экономических явлений и вообще какого-либо определенного теоретического базиса в этой работе не чувствуется. Единственно, чем интересна книга, это тем, что она, хотя и не достаточно полно, все же намечает определенный цикл проблем, которые должны составлять предмет конкретной экономики отдельных отраслей промышленности.

Книгу В. П. Фролова «Экономика нефтяного хозяйства» приходится признать неудовлетворительной как в теоретической, так и в описательной ее части. С методологической стороны предмет и задачу своего «курса» автор понимает весьма узко и неправильно, а именно как «толкование» политико-экономических понятий применительно к нефтяному делу, с одной стороны, и статистико-экономической истории нефтяной промышленности и торговли — с другой. Что касается самого «толкования», то оно не выдерживает критики, поскольку автор все политико-экономические понятия не критически прилагает к нефтяному хозяйству как капиталистического, так и социалистического типа. История нефтяного хозяйства дается автором сплошь да рядом без всякого экономического анализа, в виде сухого перечня цифр и фактов. Следовательно, эта книга также самостоятельной научной ценности не представляет и ее можно рассматривать самое большое как справочное пособие.

Другое дело книги Сегаль и Плютовича. Эти книги являются не только ценным вкладом в науку о хозяйстве соответствующих отраслей промышленности, но наряду с этим они представляют ценные попытки разработки методологических основ отраслевой экономики промышленности. Последнее особенно ценно, так как составление руководств и курсов по конкретной экономике отдельных промышленных отраслей будет упираться не столько в отсутствие материала, а

¹ Книги Максимовича, «Экономика» нефтяной промышленности» М. 1922 г, в нашем распоряжении не оказалось, а потому речи о ней у нас не идет.

² О книге А. Сегаль. «Экономика нефтяных хозяйств» (опыт исследования), изд-во НК РКИ СССР М. 1925, мы не говорим потому, что все ее основные части вошли в переработанном виде в вышеозначенную книгу того же автора.

прежде всего в отсутствие марксистски обоснованной методологии промышленной экономики как науки.

А. И. С е г а л ь совершенно правильно определяет предмет, характер и задачи горной экономики как науки о хозяйстве горной промышленности. Он подчеркивает социальный характер этой науки, правильно отделяя технические проблемы от экономических вопросов. Вместе с тем достаточно ясно отнесен конкретный, прикладной и динамичный характер горной экономики как самостоятельной научной дисциплины.

Предметом горной экономики автор считает «изучение взаимоотношений предприятия горной промышленности с остальными частями народного хозяйства, строения капитала и организации труда в горных предприятиях, изучение экономических свойств недр, а равно построение методики исследования горных хозяйств и решения общих проблем и частных задач экономического порядка». Это определение предмета горной экономики, по циклу намеченных проблем и задач, может быть отнесено к экономике любой отрасли промышленности.

Из спорных методологических положений автора укажем на подразделение им всех экономических взаимоотношений в горной промышленности на две части — внешние и внутренние. Такое подразделение, по нашему мнению, впрочем не облегчает исследование и изложение предмета, а лишь придает им некоторый налет «схематизма». В этом отношении приходится скорее согласиться с другим автором — Илютовичем, который различает внешние и внутренние факторы, определяющие экономические отношения данной отрасли производства.

Со стороны содержания книга Сегалья представляет также значительный интерес. Первые главы ее содержат описательный историко-экономический и экономико-географический очерк горной промышленности (уголь, железо, марганец, нефть) в мировом хозяйстве и хозяйстве СССР. Следующая за ним глава затрагивает вопросы экономической политики в горной промышленности: план, методы планирования, регулирования и организации рынка горного производства. Специальная глава, посвященная основному капиталу и его амортизации, вызывает особый интерес, благодаря серьезному, научному экономическому анализу этого вопроса. В главе об оборотном капитале очень хорошо изложена методика расчета необходимых предприятию оборотных средств. Вслед за этим показано влияние высокого строения основного капитала в горной промышленности на издержки производства, на себестоимость продукции и методы калькуляции последней. Наконец, книга дает анализ прибыли и ренты в горной промышленности, а последняя глава посвящена организации и характеру труда в горном хозяйстве.

Книга Илютовича М. «Экономические основы кожевенной промышленности», подобно книге Сегалья, является методологически выдержанной книгой. Методологические вопросы здесь разработаны еще более подробно, чем в книге Сегалья. Автор считает, что «экономика отдельных отраслей промышленности, как и экономика промышленности в целом, является дисциплиной, изучающей отношения между людьми, возникающие на базе их производственной деятельности, поскольку важнейшие хозяйственные процессы и законы модифицируются» (4 с.).

Автор устанавливает следующие в общем бесспорные принципы исследования одной отрасли промышленности: а) теоретический анализ причинности тех или иных конкретных явлений; б) общепромышленный фон в смысле установления конкретных связей данной отрасли с народным хозяйством в целом и его отраслями и применения общепромышленного критерия для выявления особенностей данной отрасли; в) народнохозяйственная точка зрения — отказ от понимания экономики промышленности как науки об единичном предприятии; г) динамический и исторический аспект; д) синтез исследования элементов техники и экономики; е) проверка дедукции индукцией, и т. п. При помощи этих методов автору удается дать исчерпывающее изложение экономических основ кожевенной промышленности, хотя

нельзя не отметить, что перегрузка книги историко-экономическим материалом несколько заслоняет современную экономическую структуру и современные экономические проблемы кожевенной промышленности.

Содержание книги Илютовича весьма обширно и охватывает следующие основные вопросы: важнейшие этапы развития кожпромышленности и общую ее характеристику; строение и оборот капитала: концентрация и централизация производства; особенности развития кожевенной промышленности; ее положение перед войной, в период войны и революции; сырьевая проблема в кожпромышленности и ее корни, методы исчисления отхода стада, мировые рынки кожсырья, динамика цен на кожевенное сырье и фабрикаты; причины дороговизны кожевенных товаров; географическое размещение кожевенной промышленности; география и рынки современной кожпромышленности; основные принципы районирования; общий очерк мелкой кожевенной промышленности; и, наконец, оплата и условия труда в кожевенной промышленности.

Закончив на этом обзор литературы по отраслевой промышленной экономике, вернемся к книгам по общей экономике промышленности. Кстати заметим, что одной из предпосылок для успешной научной разработки экономики отдельных отраслей промышленности является, по нашему мнению, существование и развитие общей экономической науки о промышленности в целом. Именно эта наука — экономика промышленности, — должна дать отдельным отраслевым дисциплинам правильную методологическую установку. Экономика промышленности, изучая хозяйственные отношения в области промышленного производства как особой отрасли народного хозяйства, должна наметить как самый круг конкретных, практических проблем, подлежащих изучению, так и методы их исследования. Причем как сами проблемы, так и методы их исследования намечаются и применяются общей экономикой промышленности в плоскости двух важнейших подразделений промышленного производства — тяжелой и легкой индустрии. Экономика промышленности, в этом понимании, послужила бы той «канвой», по которой бы отраслевые дисциплины выводили узоры хозяйственных особенностей и специфических проблем хозяйства той или другой индустриальной отрасли. Именно в этом заключается, по нашему мнению, место и назначение общей промышленной экономики в «плеяде» экономических дисциплин, посвященных экономике промышленности.

К сожалению, достигнутая этой наукой степень развития, судя по трем указанным выше трудам, пока не соответствует ее назначению. Методологические вопросы в этих книгах по общей промышленной экономике разработаны значительно менее подробно и притом значительно более спорно, чем в книгах Сегаль и Илютовича.

Возьмем книгу С. В. Бернштейна-Юган «Введение в экономию промышленности».

Автор полагает, что задачей экономики промышленности является изучение того, как в данной области народного хозяйства преломляются общие экономические законы, как особенности промышленной техники влияют на экономическую структуру промышленных предприятий. Автор считает необходимым включение в курс экономики промышленности историко-систематических элементов, без которых он не мыслит изложения морфологии промышленности, равно как и установления самого понятия промышленности (стр. 4). Кроме того, автор исходит из той точки зрения, что в экономии промышленности не должны вводиться элементы промышленной политики.

За исключением последнего положения все непосредственные определения автором предмета, метода и задач экономики промышленности возражений не вызывают. Однако стоит лишь ближе присмотреться к изложению и трактовке соответствующих проблем в этой книге, как сразу же обнаруживается ряд мето-

логических ошибок, не допустимых при марксистском подходе к предмету. В основном эти ошибки сводятся к следующим моментам:

Автор рассматривает промышленность изолированно от народного хозяйства в целом, а потому ряд важнейших проблем (взаимоотношение промышленности с другими отраслями, сырьевая проблема, вопросы реализации, финансирования и т. п.) оставлен автором в стороне, что является вряд ли методологически допустимым, особенно в курсе, представляющем введение в науку экономики промышленности.

2. Автор при разрешении проблем концентрации и централизации, размера и штандорта предприятий обнаруживает не столько экономический, сколько технологический к ним подход, сопровождаемый притом не народнохозяйственной, а частнохозяйственной точкой зрения.

3. Автор, несмотря на исторические «экскурсы», не показывает исторических особенностей современной промышленности. Например, автор находит в древнем Египте, Греции, Риме такие специфические капиталистические формы предприятий, как мануфактуру и фабрики. Отсюда неудивительно, что автор приходит во II главе («О формах промышленности и их исторической последовательности») к выводу, «что какой-либо определенной исторической последовательности форм промышленности установить нельзя и что каждый раз, когда мы имеем дело с широким рынком (и особенно, если это совпадает с более сложной техникой), мы наталкиваемся в той или другой форме на крупное производство».

При этих методологических недостатках книга Бернштейна вряд ли может служить методологическим образцом и руководством при разработке курсов по отраслевой промышленной экономике.

Следует признать удачным применение графического и математического способа изложения отдельных экономических вопросов (закон массового производства и издержки производства, выбор наиболее выгоднейшей комбинации элементов производственной единицы и т. д.), что несомненно облегчает их усвоение.

Книга А. М. Гинзбурга «Экономия промышленности» в своей методологической части содержит целый ряд весьма спорных положений. К ним относится прежде всего исходный пункт методологической точки зрения Гинзбурга, который заключается в том, что «есть общие законы экономической деятельности, проявляющиеся во всех отраслях народного хозяйства, и есть специальные законы, находящие свое применение только в одной какой-либо отрасли хозяйства» (с. 2). Из этого положения логически следует вывод, что изучением первых закономерностей занимается политическая экономия, а изучением вторых — экономии отдельных отраслей народного хозяйства. А поскольку последние изучают определенные закономерности, хотя и не общего, а лишь специального порядка, то они также, в том числе и экономия промышленности, являются теоретическими науками, изучающими «свой предмет на базе общих законов, установленных политической экономией и составляющих поэтому в этом смысле часть и продолжение политической экономии» (с. 4). Это понимание промышленной экономии как теоретической науки стоит в противоречии с другим утверждением Гинзбурга, что «в сравнении с политической экономией экономия промышленности — конкретная, описательная, прикладная наука».

Из этих двух противоположных точек зрения на характер экономии промышленности, имеющих, как нам кажется, у Гинзбурга, все же доминирует первая, рассматривающая экономию промышленности как теоретическую науку. Это сказывается, например, в утверждении Гинзбурга, что «метод экономии промышленности тот же, что и метод политической экономии — координированная дедукция и индукция» (с. 7). Это утверждение было бы правильно, как было бы правильно понимание экономии промышленности в качестве теоретической науки.

если бы было доказано существование специальных законов, свойственных лишь промышленности как отрасли народного хозяйства. Но дело в том, что таких законов нет. Даже в книге самого Гинзбурга мы не встречаем таких специальных промышленных законов. А поскольку последних нет, — постольку отпадает теоретический характер экономики промышленности. Попятно, что отсутствие особых законов, свойственных промышленности, и прикладной, конкретный характер промышленной экономики вовсе не исключают того, что последние при выявлении причин тех или иных конкретных явлений, тех или иных модификаций общих законов должна прибегать к методам теоретического анализа.

Спорным нам кажется и другое положение Гинзбурга, по которому «в целях систематичности изложения» следует исходить из жизни отдельного предприятия. В позднейшей статье Гинзбурга «Новейшее развитие экономики промышленности» («Соц. хозяйство», кн. IV, 1928 г.), автор пошел еще дальше, — а именно он утверждает, что предприятие должно стоять в центре изучения.

Ни с тем, ни с другим положением мы согласиться не можем, ибо считаем, что если поставить предприятие исходным пунктом или центром исследования, то целый ряд важнейших проблем промышленной экономики останется в стороне или по крайней мере сойдет на задний план. Предприятие должно быть не исходной точкой и не центром, а конечным моментом исследования. Исходя из общих законов, установленных политической экономией, через анализ конкретных явлений и условий хозяйственной деятельности всей промышленности или отдельной ее отрасли, промышленная экономика должна подойти к определенным выводам относительно работы отдельного предприятия.

Кстати сказать, в самом труде Гинзбурга мы не можем обнаружить последовательного применения только что названной его точки зрения на предприятие, как исходный пункт или даже центр исследования в промышленной экономике. Вообще методологические установки Гинзбурга стоят часто в самом поразительном противоречии с системой, построением, изложением, содержащим его же собственной книги. Благодаря этому последние именно со стороны построения, широкого круга охваченных проблем, их изложения и разрешения действительно приближается к тому типу учебника или «курса», который столь необходим нам для повышения экономической подготовки работников нашей промышленности.

Перейдем теперь к хрестоматии А. Леонтьева и Е. Хмельницкой — «Экономика промышленности».

Введение к хрестоматии авторы посвятили методологии промышленной экономики. Последнюю авторы относят ко второму этажу экономических наук, в котором они поместили конкретные и прикладные экономические науки. С этим нельзя не согласиться, независимо от вопроса, сколько — два или более «этажей» — можно установить в классификации экономических дисциплин. Особенно четко удалось авторам провести границу между политической экономией и конкретной экономией — в данном случае экономией промышленности. «В теоретическом анализе — пишут они — мы имеем возможность вполне отвлечься от всех привходящих моментов, нередко оказывающих существенное воздействие на экономическую жизнь».

Напротив конкретная экономика должна как раз эти своеобразные моменты хозяйственной жизни учесть тщательнейшим образом, равно как и те смежные явления, которые служат конкретной рамкой, а иногда, в той или иной мере, основой для определенных экономических явлений. Поэтому правовые формы, экономическая политика господствующего класса, отчасти даже явления технического порядка, — должны быть освещаемы в той мере и степени, в какой они непосредственно связаны с конкретной экономической действительностью, изучаемой данной прикладной экономикой (с. 7).

В соответствии с этим пониманием характера и содержания промышленной экономики подобран и расположен собранный в хрестоматии литературный материал, взятый из работ по истории техники, политической экономики, истории промышленности, ее организации, промышленной политики, экономической географии и т. д.

Закапчивая на характеристике этой книги наши библиографические заметки, — сделаем некоторые выводы, вытекающие из нашего обзора.

Во - п е р в ы х. Недостаточность и неудовлетворительность значительной части имеющихся у нас книг и курсов по промышленной экономике.

Особенно остро положение с пособиями по отраслевой экономике промышленности. Несмотря на наличие таких удачных работ, как книга Сегаля и Илютовича, беда заключается здесь в том, что все существующие пособия посвящены всего двум отраслям — горной (главным образом нефтяной) и кожевенной промышленности. Руководств по экономике остальных отраслей промышленности у нас еще не имеется. Этот пробел в нашей экономической литературе и науке должен быть заполнен.

Здесь встает задача разработки в ближайшее время курсов по экономике хотя бы таких важнейших отраслей промышленности как металлургическая и машиностроительная, электротехническая, лесная, химическая, текстильная и пр.

Во - в т о р ы х. Дело разработки соответствующих курсов по общей и отраслевой экономике промышленности необходимо ускорить.

Для этого действительно необходима мобилизация кадров экономистов-марксистов. Для этого необходимо большее внимание к разработке методологических проблем конкретной, прикладной экономики, начало которой положено указанной выше статьей Гинзбурга в «Соц. хозяйстве» и статьей Хмельницкой в № 1 «Проблем экономики». Для этого важно ознакомление с опытом и достижениями иностранной экономической мысли. Для этого следует использовать и обобщить; хотя и небольшой, но все же имеющийся опыт нашей литературы по промышленной экономике. Наконец, необходима организация соответствующего научно-исследовательского центра — института промышленной экономики, вопрос об организации которого был поднят в свое время в печати рядом виднейших экономистов и работников промышленности («Т.-Пр. газета» № 241, 16 окт. 1928 г.).

В - т р е т ь и х. Чрезвычайно велик еще методологический разрыв в вопросах предмета и метода промышленной экономики.

Все же следует отметить, что сквозь запутанный, нестройный переплет этих «лесов» — методологических постулатов, подходов, точек зрения — уже вырисовывается силуэт здания молодой науки — экономики промышленности — с примыкающими к ней пристройками отраслевых дисциплин. Под давлением повседневных запросов практической хозяйственной деятельности и вытекающего отсюда стремления дать практическим работникам промышленности практически необходимые и ценные знания по промышленной экономике авторы, большей частью независимо от их методологической установки, захватывают в основном примерно один и тот же круг проблем.

В разрешении этих проблем им приходится опираться на выводы и данные политической экономики, экономической политики, экономической географии, статистики, истории хозяйственных форм, организации хозяйства, экономики труда и т. п. Поэтому нам кажется возможным сделать следующий вывод: существование и развитие экономики промышленности диктуется практической потребностью в систематизации, обобщении, объединении в одном целом данных и выводов всех экономических наук применительно к частным явлениям и практическим проблемам промышленности. Экономика промышленности должна базироваться на элементах целого ряда экономических наук, перечисленных нами выше, включая эти элементы в соответственно переработанном, модифицированном виде. При этом

центром исследования общей и отраслевой экономики промышленности должна послужить вся совокупность производственных отношений, возникающих в обществе на базе соответствующего данной отрасли производственного процесса.

Таковы, по нашему мнению, те методологические пути и отправные пункты, от которых должно отправиться и пойти дальнейшее развитие промышленной экономики и конкретных наук вообще.

Бочаров Е.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МАРКСА

Диспут в Институте красной профессуры¹ на указанную в заглавии тему привлек к себе всеобщее внимание и собрал большое количество слушателей и участников. Несмотря на то, что далеко не всем записавшимся ораторам было предоставлено слово, обсуждение проблем, выдвинутых докладом И. И. Рубина и содокладом С. А. Вессонова, заняло целый ряд многочасовых заседаний (30 марта, 6, 13, 20 апреля, 4 и 11 мая). Ввиду большого интереса и значения этого диспута мы вкратце передаем основное содержание доклада, содоклада, прений и заключительного слова докладчиков².

ДОКЛАД И. И. РУБИНА

Свой доклад И. И. Рубин начинает с выяснения предмета политической экономии. Он считает, что эта наука изучает систему производственных отношений людей капиталистического общества. Производственные отношения изучаются не как отдельные виды и типы, а как система отношений, взаимно связанных и обусловленных,—система, преисполненная вместе с тем величайших противоречий. Так как эти отношения развиваются в зависимости от изменения производительных сил и в свою очередь оказывают обратное воздействие на развитие последних, то для объяснения развития производственных отношений мы должны постоянно апеллировать к развитию производительных сил. Приступая к изучению производственных отношений капиталистического хозяйства, исследователь должен выяснить прежде всего, какое именно развитие производительных сил вызвало к жизни данную систему производственных отношений. Причины изменения экономических форм и производственных отношений людей мы должны искать в сфере развития материальных производительных сил. Правда, не всегда возможно указать эти причины и не всегда Маркс указывал, какие именно изменения производительных сил вызвали то или иное изменение производственных отношений. Но, несмотря на это, всегда следует стараться найти причины изменения производственных отношений в развитии производительных сил.

Необходимость исследовать воздействие производительных сил на производственные отношения и обратное воздействие производственных отношений на производительные силы очевидна. Но из этого ни в коем случае не следует, что сами производительные силы непосредственно делают объектом политической экономии наравне с производственными отношениями. Мы—говорит докладчик—не ставим себе целью изучить все закономерности, имеющие место в развитии производительных сил. Они привлекаются лишь постольку, поскольку это необходимо для объяснения причин изменения производственных отношений. Непосредственным объектом изучения политической экономии являются только производственные отношения. Предпосылкой же исследования выступают производительные силы. В этом понимании слово «предпосылка» отнюдь не противопоставляется движущей причине. Движущей причиной всего общественно-экономического развития является именно развитие материальных производительных сил. Но теоретическая экономика непосредственно не изучает этой движущей причины, а прибегает к ней только для объяснения производственных отношений людей, а это и означает, что материальные производительные силы являются предпосылкой экономического исследования.

Производительные силы—продолжает докладчик—конечно, представляют собой явление историческое и социальное. Но это не значит, что мы должны включить их в предмет политической экономии. Эта наука в состоянии изучать все социальные явления. И если мы действительно захотели бы изучать как производственные силы, так и производственные отношения в пределах только одной науки, то

¹ Стенограмма диспута издается Институтом красной профессуры.

² Изложение выступлений было разослано всем ораторам и их исправки включены в текст. Не получены замечания только от гг. Греблиса, Коровая, Вориллина и Шумского.

нам пришлось бы специально, заново создавать какую-то совершенно новую науку, объектом изучения которой явилась бы какая-то ненаучная смесь из самых различных общественных явлений. Исторически политическая экономия сложилась и существует как наука именно о производственных отношениях. Так и понимали ее предмет как Маркс и Ленин, так и все классики марксизма.

Политическая экономия, которая развивалась в течение нескольких столетий и получила завершение в системе Маркса, есть наука о производственных отношениях людей. Уже у Рикардо, благодаря ясному отделению стоимости от потребительной стоимости, политическая экономия выступает как наука о производственных отношениях людей. Классики изучали производственные отношения людей, хотя сами не сознавали этого и потому нередко путали их с техническими функциями вещей. Но в учении Маркса политическая экономия, как наука о производственных отношениях людей, достигла своего полного самопознания, и в этом именно и заключается огромный методологический переворот, произведенный Марксом в политической экономии.

Указанные границы объекта политической экономии сложились не случайно, а в силу исторической необходимости. Почему должна была исторически возникнуть раньше наука о производственных отношениях людей, и только теперь мы присутствуем при зарождеании новой науки о производительных силах капиталистического хозяйства? Всякая наука развивается в силу потребности в ней того или иного значительного общественного класса. С чего начались рассуждения меркантилистов XVII столетия? С вопросов об уровне заработной платы, о высоте процентов и земельной ренты и т. п., с вопросов, относящихся к распределению совокупной стоимости между различными общественными классами. Политическая экономия отражала борьбу различных классов за позицию в данной системе производственных отношений людей. Поэтому политическая экономия и сложилась как наука о заработной плате, прибыли, ренте, словом, как наука о системе стоимостей или как наука о системе производственных отношений людей. Различные буржуазные школы боролись за изменение производственных отношений людей в пределах данной буржуазной системы. В лице же Маркса проблемы политической экономии были подняты на недостижимую высоту, и был поставлен вопрос об изменении самой системы производственных отношений в ее целом, о замене капитализма социализмом. И именно поэтому Маркс не уставал повторять, что все экономические категории суть выражение производственных отношений людей. Всякий, кто отказывается от старого марксистского представления о предмете политической экономии, отбрасывает то острое оружие, с помощью которого марксистская политическая экономия достигла огромных успехов. Поэтому мы обязаны в этом вопросе остаться на старой позиции, обязаны сохранить определение политической экономии как науки о производственных отношениях людей.

Производственные отношения, изучаемые политической экономией, представляют собой диалектическое единство. Они составляют определенную, единую, связанную во всех своих частях систему, в которой под давлением развития производительных сил одна форма исторически возникает из другой и действует на основании предшествующей ей формы.

Если вы хотите понять происхождение и развитие каждого типа производственных отношений людей,—ищите корень этого развития в материальном процессе производства, в развитии производительных сил. Но это несколько не значит, что каждый тип производственных отношений людей есть пассивный рефлекс данного состояния производительных сил. Как говорит Маркс в «Нитче философии»: «в каждом обществе производственные отношения образуют одно целое», единую систему, в пределах которой более простая форма производственных отношений людей является основой для развития и действия более сложной формы производственных отношений людей.

В пределах данной системы хозяйства каждая сложная форма производственных отношений людей возникает из более простой формы производственных отношений под давлением изменения производительных сил. Переводя эту формулировку с языка производственных отношений на язык экономических категорий или формы, мы получаем такой вывод: в пределах данной системы хозяйства каждая экономическая категория или форма возникает из развития предыдущей, более простой экономической категории или формы под давлением развития производительных сил.

Отсюда видна необоснованность упрека, брошенного мне некоторыми критиками. «Вывести форму из формы—вот замкнутый круг схоластической мысли Рубина. Вывести социальную форму из отличного от нее содержания—таков действительный ход мысли Маркса». (Рецензия С. Бессонова в «Изв. ЦИК», 30 ноября 1928 года). Это именно недиалектическая постановка вопроса. Сложная социальная форма возникает или из более простой социальной формы, или из отличного от нее содержания—

так ставит вопрос критик. Сложная социальная форма возникает из более простой социальной формы под давлением определенного развития содержания, т. е. материальных производительных сил,—так отвечаем мы, в полном согласии с Марксом. Критик приписывает нам мысль о непорочном зачатии одной социальной формы из другой, без вмешательства греховной матери производительных сил. Но он забывает, что под каждой социальной формой скрываются производственные отношения многих миллионов людей, ежедневно повторяющиеся и представляющие собой огромное многообразие. Это постоянное море движения, в котором безостановочно происходит процесс изменения производственных отношений и под влиянием развития производительных сил появляются новые типы производственных отношений людей. Когда вы мыслите на языке категорий или социальных форм, вам кажется странные это рождение новой, более сложной, формы, из предыдущей, более простой, потому что социальная форма рассматривается вами как нечто статическое и застывшее. Но если вы вспомните, что под каждой социальной формой скрываются повседневно повторяющиеся отношения множества людей, то вы уже найдете здесь элемент динамический, наличие огромного многообразия, которое дает возможность постоянного развития,—разумеется, под влиянием развития производительных сил.

Мы должны остерегаться двух крайностей. Первая крайность могла бы заключаться в следующем. Мы берем определенную социальную форму (напр., стоимость) и путем диалектического развития данного понятия пытаемся вывести из него целый ряд других социальных форм (деньги, капитал и т. д.), не прибегая для объяснения этого развития к процессу движения материальных производительных сил. Это значило бы заменить диалектику предмета или реальных явлений диалектикою понятий. Но именно против этого я всегда возражал. В «Очерках» я писал: «Одно понятие превращается у Маркса в другое не в силу имманентного логического развития, а при наличии целого ряда приводящих социально-экономических условий. Для превращения денег в капитал необходим был огромный исторический переворот, описанный Марксом в главе о первоначальном капиталистическом накоплении». Недаром некоторые критики, склонные к диалектике понятий, упрекали меня в замене «абстрактного» метода «конкретно-описательным».

Изложенное показывает всю неосновательность выдвинутого против меня С. Бессоновым обвинения в склонности к «саморазвитию понятий». Но из-за законной боязни саморазвития понятий мы не должны впадать в противоположную крайность и разрывать диалектическую связь между разными социальными формами. Если вы будете каждую экономическую форму рассматривать как непосредственный пассивный рефлекс изменения в материальном процессе производства, то тогда вся схема общественного развития приобретает следующий неправильный вид. Существует данное состояние материального процесса производства и соответствующее ему производственное отношение людей, или социальная форма. После этого изменился материальный процесс производства, он приобрел новый вид, и мы, забыв о нашей старой социальной форме, которая уже существовала и действовала, рассматриваем новую социальную форму как пассивный рефлекс нового состояния производительных сил, который возникает на пустом месте, вне всякой связи с уже существовавшими социальными формами. Это значит разрывать диалектическую связь всех социальных форм. Ваша новая, более сложная, социальная форма возникла не непосредственно из производительных сил, а из предыдущей, более простой, социальной формы. Новое производственное отношение людей возникло из прежних производственных отношений под давлением развития материальных производительных сил. Только при таком понимании вы можете сохранить внутреннее единство и диалектическую стройность всей марксовой экономической теории, в которой все социальные формы (стоимость, деньги, капитал и т. д.) неразрывно связаны между собой как в своем историческом возникновении, так и в своем одновременном действии.

Переходя к вопросу о диалектическом развитии категорий в «Капитале», докладчик отмечает, что его в первую очередь будет интересовать применение Марксом закона единства противоположностей, в связи с законом отрицания. Маркс доказывает, что в каждой группе явлений, образующих известное единство, в силу внутренних противоречий необходимо происходит дифференциация, поляризация, разделение различных качеств, появление противоположных элементов. Это раздвоение единства вызывает переход от данной группы явлений к другой ее форме, противоположной первой, более развитой и усложненной. Каждая следующая категория является не только дальнейшим развитием предыдущей, но и ее отрицанием. Если мы говорим, что в каждой данной группе явлений, образующих известное единство, неизбежно появление противоположностей, то отсюда вытекает и обратное положение. Мы должны признать, что каждая группа явлений, обособившихся друг от друга, являющихся противоположностями друг другу, образует известное единство, в пределах которого и осуществляется их противоположность.

На внешний взгляд вся хозяйственная жизнь в капиталистическом обществе представляется в виде движения и изменения свойств вещей. Под этими вещными категориями Маркс вскрыл производственные отношения людей. Изучение внешней стороны явлений он заменил исследованием внутренних законов развития, скрытых за этой бросающейся в глаза внешностью. Диалектический метод требует от нас, чтобы исследование застывших вещей, изолированных друг от друга, было заменено изучением текущих, динамических, взаимно объединяющих процессов. И этой делает Маркс, когда он все застывшие, неподвижные формы вещей, расположенные рядом, обособленные друг от друга, как бы неподвижные, сводит к вечно изменчивым, текущим, полным динамичным процессам, к изменению производственных отношений людей, к процессу, который вызывается изменением материальных производительных сил. Маркс показывает нам, каким образом определенные производственные отношения людей в силу присущих им внутренних противоречий усложняются и, усложняясь, порождают новые, качественно иные, формы отношения людей,—формы, противоположные первым, отличающиеся от них. Основное требование диалектического метода, осуществляемое Марксом, заключается таким образом в требовании познания присущих явлениям противоположностей и их единства.

Далее докладчик переходит к анализу некоторых основных групп экономических категорий. Сперва он рассматривает учение о двойственной природе товара. Двойственная природа товара является выражением двойственной природы труда, как труда абстрактного и труда конкретного. Двойственная природа труда представляет собой выявление противоречия, скрытого в самой структуре товарного хозяйства. Последнее, с одной стороны, является совокупностью трудовых деятельностей, друг друга дополняющих и составляющих известное материальное единство. С другой стороны—это единство покоится на частной собственности, на дроблении средств производства между отдельными лицами, которые производят продукты в качестве товаров и эти товары продают друг другу.

Если мы посмотрим на явления обмена с внешней стороны, то нам покажется, что тут имеется целый ряд действий, друг с другом совершенно не связанных. В пространстве общественной жизни товар и деньги замещают друг друга, передвигаются из одного места в другое. На этой поверхности исчезает всякая определенность форм, и мы не видим социального процесса, скрытого за передвижением товаров. Но если мы взглянем на этот процесс иначе, посмотрим на ту перемену социальных форм, которая происходит в результате движения присущей товару стоимости, то тогда мы увидим, что превращение товара в деньги есть не что иное, как движение товара через две противоположные фазы. Переход товара на место денег представляет собой движение самого товара, ибо он должен пройти через две последовательные фазы: через фазу товарную и фазу денежную. Этот переход товара, его движение происходит потому, что товар обладает внутренним противоречием, двумя противоположными свойствами, которые как раз и должны найти себе выражение, должны обнаружиться в прохождении товара через две противоположные фазы его движения. Двойственная природа товара основывается на двойственной природе труда, который создает как потребительную стоимость товара, так и прикрепленную к ней стоимость. Согласно этому труд товаропроизводителя также проходит через две противоположные фазы своего развития. Из натуральной формы конкретного труда он переходит в абстрактную форму, в которой осуществляется его общественный характер.

Товар противоречив. Он имеет двойственную природу—как стоимость и как потребительная стоимость. Именно поэтому товар и распадается на товар и деньги: стоимость же этого товара соответственно распадается на товарную и денежную форму стоимости. Противоречие товара в основном заключается в том же, в чем заключается и противоречие труда. Товар есть стоимость, т. е. он имеет общественное свойство полного уравнения со всеми другими товарами,—свойство, которое делает возможным его обмен. Но вместе с тем товар представляет собой потребительную стоимость, натуральный продукт. Будучи же таковым, он не может полностью обнаружить свое общественное качество, не может беспрепятственно обмениваться на все другие товары. Для того, чтобы товар мог обнаружить свою общественную природу, он должен из той формы, в которой благодаря ограниченности его потребительной стоимости его общественная природа еще скрыта, перейти в форму общественного продукта, т. е. такого продукта, который представляет собой непосредственное воплощение общественного труда, который может быть обменян на любой другой продукт. Это изменение формы, в которой находится товар, и происходит в акте его обмена на деньги, в переходе от товарного выражения стоимости к ее денежному воплощению. Отсюда также вытекает и необходимость образования двух противоположных форм стоимости: эквивалентной, сращенной с натуральной формой товаров, и относительной, т. е. отличной от натуральной формы.

От стоимости вообще Маркс переходит к учению о простой форме стоимости и меновой стоимости. Учение о простой форме стоимости есть учение о появлении

первичной дифференциации, первичных противоположностей в ряде товаров, которые как будто бы обладают совершенно одинаковой общественной природой, хотя и внутренне противоречивой. В учении о распределении товара на две противоположные формы Маркс показывает, как в группе однородных, отличающихся одинаковой общественной природой товаров в силу внутренне присущего им противоречия возникают два противоположные друг другу товара: денежный товар и простые товары. Вместе с тем появляются и две противоположные формы стоимости: относительная форма стоимости и эквивалентная форма стоимости. Эти две противоположные формы стоимости существуют только в единстве, они взаимообусловлены. Их единство заключается в единстве их генезиса, а также в том, что каждый товар должен непременно пройти через две фазы, после чего он и обвораживает свою общественную природу. Относительная форма стоимости немислима без эквивалентной, ибо самое понятие относительной стоимости предполагает отношение к другому товару, находящемуся в эквивалентной форме. И обратно—эквивалентная форма невозможна без относительной. Каждая из этих форм является не только одной формой, но потенциально представляет собой и другую форму.

После того, как произошло окостенение противоположностей, заключенных в товаре, выделяется золото, как всеобщий товар. С этого момента каждый другой товар должен быть обмнен на золото, он уже потенциально носит в себе денежный образ, уже заранее представляет собой единство своей натуральной формы и денежной формы, которая должна быть еще реализована. Теперь мы уже имеем товары и противостоящие им деньги, причём каждый из них, идеально или потенциально, имеет в себе свою дополнительную, вторую сторону. Поляризация функций и их взаимное проникновение завершилось. Теперь идет дальнейшее развитие противоположностей функций между товарами и деньгами. Маркс переходит к исследованию функций денег. Последние расположены им в порядке возрастающей, усиливающейся противоположности между товаром и деньгами.

В мере стоимости процесс противоположения денег и товара, процесс отчуждения денег от товара находится еще на первых ступенях своего развития. По своему происхождению мера стоимости неразрывно связана с товаром и порождается действием всех товаров. Деньги выступают здесь как идеальная денежная форма, которая присуща самому товару и составляет его свойство. Если в мере стоимости денежное бытие товара еще не отделено на деле от его реального бытия, то в средстве обращения товар посредством обмена на деньги приобретает самостоятельное существование, освобожденное от всякой связи с его реальным существованием. Движение самих товаров приобретает в этой функции денег форму движения особой вещи, которая находится вне товаров, которая им противопоставлена, но вместе с этим деньги играют здесь лишь вспомогательную роль средства обращения товарной стоимости. Поэтому движение средства обращения еще целиком отражает движение самих товаров.

В форме денег как сокровища мы в текучей формы денег переходим к их твердой или застывшей форме. Процесс отчуждения денег от товара идет дальше: противоположность между товарами и деньгами укрепляется и усиливается. Стремление удержать товары в виде, постоянно пригодном для обращения, принимает форму изъятия денег из обращения в качестве сокровища. Наконец, в роли платежного средства деньги выступают уже не как представители товаров, не как мимолетное средство обмена одного продукта на другой, а как абсолютная форма меновой стоимости, как покоящееся бытие всеобщего эквивалента, как абсолютный товар.

В этом движении различных функций денег, равно как и в развитии других категорий неорганизованного хозяйства, у нас, конечно, не получается саморазвития понятий, не получается чисто логического, имманентного движения. Ибо мы «берем» те понятия и те стороны явлений, выраженные в этих понятиях, которые действительно существуют и которые действительно развиваются и играют роль двигателя экономических явлений. Ход развития экономических категорий представляет собой, в своих основных и общих чертах, отражение реального процесса. Это есть и отражение исторического генезиса и одновременно отражение взаимоотношений этих явлений в реальной действительности внутри системы капиталистического хозяйства.

Появление капитала—заявляет докладчик—знаменует собой грандиознейшую и решающую поляризацию общества, грандиозный процесс появления противоположностей в прежде однородной среде товаропроизводителей. Произошла поляризация мира товаропроизводителей, происходит грандиознейший исторический процесс отчуждения работников от средств производства. Появляются два типа товаропроизводителей: продавцов рабочей силы и обладателей средств производства. Это появление противоположностей и противоречий в среде товарного хозяйства имеет решающее значение. Здесь мы находим появление тех противоположностей, которые создают и подготавливают субъективные факторы классовой борьбы, борьбы

между классами, те субъективные факторы, которые на фоне всех противоречий, порождаемых капиталистическим способом производства, создают возможность перехода на новую, высшую ступень. Противоречие, выражающееся в классовой борьбе, действует на фоне всех противоположностей и противоречий, присущих товарному хозяйству. Вместе с тем здесь завязывается тот центральный узел, который должен дать разрешение всех этих противоположностей.

Дальнейшее развитие противоположностей уже среди самого капитала—это распадение капитала на три вида капитала, учение о кругообороте капитала. Три обособленные формы капитала — промышленный, товарно-торговый и денежно-торговый — Маркс рассматривает как последующие фазы движения одного и того же капитала. В противоположных явлениях этого движения он открывает их единство, после этого он идет обратно синтетическим путем и показывает, что единство необходимо должно распасться на противоположные фазы, на противоположные формы. С этим учением о кругообороте капитала тесно связано учение о нетрудовых доходах. Раз капитал распадается на три самостоятельные обособленные формы, то в соответствии с этим изменением производственных классовых соотношений происходит изменение в распределении. Прибавочная стоимость распадается на предпринимательскую прибыль, процент и торговую прибыль. В этом распадении прибавочной стоимости различные ее составные части выступают в форме самостоятельных доходов. Здесь завершается та форма отчуждения и окостенения прибавочной стоимости, которая приводит к тому, что отдельные ее части привязываются к различным элементам данного процесса производства и считаются происходящими как будто бы из этих элементов производства.

Единый процесс движения общественного труда принимает целый ряд все более усложняющихся, все более отчужденных форм. Одновременно происходит все большее объединение процесса материального производства, которое охватывает все части земного шара и делает их частями единой системы разделения труда. Рост общественных тенденций производства идет параллельно с умножением социальных форм вещей, застывших в отчуждениях, внешне-противоположных друг другу и движущихся с относительной самостоятельностью. Кризисы кладут конец этой видимой самостоятельности различных элементов: они показывают, что все обособившиеся части движутся в пределах единой системы стоимостей, в пределах единой системы общественно-го труда.

Противоположность товара и денег является первым абстрактным и формальным условием возникновения кризиса. Тот факт, что акт обмена распался на два отдельные акта, обособившиеся по отношению друг к другу, уже дает возможность разрыва единого процесса. В функции денег как платежного средства мы видим, как обособившиеся функции денег приобретают самостоятельность по отношению к товарному миру, и это опять-таки служит условием для возникновения кризиса. Однако это лишь возможность кризиса. Его необходимость кроется в условиях капиталистического, а не простого товарного хозяйства. В капиталистическом обществе самый капитал распадается на обособившиеся части в виде промышленного, торгового и денежного капитала. Это распадение капитала на капитал в производстве и капитал в обращении служит одним из важнейших условий в деле объяснения кризиса. Наконец, обособившиеся нетрудовые доходы, двигаясь в разных направлениях по относительно самостоятельным законам, разрушают свое единство. Все это обособление различных производственных отношений людей является условием для возникновения кризисов, в которых обнаруживается противоречие между ростом производительных сил и узкими рамками производственных отношений капиталистического хозяйства. Нарушение единства всего общественного процесса производства неминуемо ведет к кризису всего капиталистического хозяйства. Последний обнаруживает взаимосвязанность, единство всех этих обособившихся частей.

ДОКЛАД С. А. БЕССОНОВА

В начале своего выступления содокладчик С. А. Бессонов считает необходимым сравнить диалектику в «Капитале» и диалектику у Рубина. Неправильное понимание противоречия между производительными силами и производственными отношениями, говорит т. Бессонов, неизбежно ведет к ошибкам в области теории социальной революции, точно так же как ошибки в области теории социальной революции большею частью покоятся на неправильном понимании противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Поэтому исследование этого основного и так сказать, ведущего противоречия капиталистического общества должно представлять собою главное содержание всякой работы, посвященной выяснению диалектического метода Маркса. Между тем

доклад Рубина сознательно уклоняется от освещения этого основного противоречия товарно-капиталистического общества.

В полном противоречии с Марксом, Рубин берет для иллюстрации диалектического метода не основное, а вторичное, производное движение, вызываемое противоречием между производственными отношениями и социальными формами вещей. Такая постановка дела совершенно аналогична штаммлеровской и струвианской графтовке проблемы и давно разоблачена Плехановым как антидиалектическая, идеалистическая и метафизическая.

Выбор иллюстраций диалектического метода в «Капитале» не может быть произвольным, исследователь обязан сосредоточить свое внимание на тех проблемах политической экономии, которые непосредственно связаны с вопросом социальной революции, и не должен забираться в сферу второстепенных, частных вопросов движения категорий, которые уведут нас от этой основной проблемы.

По мнению Ленина, «главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической речи пролетариата как строителя социалистического общества» и «учение о прибавочной стоимости как краеугольном камне экономической теории Маркса». Но напрасно мы станем искать освещения этих вопросов в тезисах Рубина или в его сочинениях.

Наконец, если уж и говорить о диалектике категорий в экономической системе Маркса, то нельзя пройти мимо того, что и Маркс и Энгельс считали самыми важными в «Капитале» и подлинно своими в ее не те категории, которые берет Рубин для своего изображения диалектики, а нечто другое.

Маркс считал самым важным в «Капитале», тем совершенно новым, что он внес в политическую экономию: 1) учение о двойственном характере труда, 2) учение о прибавочной стоимости как общей форме нетрудового дохода и 3) учение о заработной плате как иррациональной форме проявления скрывающегося за ней отношения. Ни той, ни другой, ни третьей сферы приложения диалектического метода нет в тезисах Рубина. Далее, Энгельс в качестве главного примера диалектического развития категорий в системе Маркса указывает на «развитие от товара к капиталу» как на прекрасную иллюстрацию диалектического движения категорий, соответствующих движению реальной жизни. Но напрасно мы стали бы искать у Рубина освещения и этой важнейшей сферы приложения диалектики в «Капитале». Выбрав произвольно (т. е. не диалектически, а метафизически) те противоположности, о которых ему удобно говорить, Рубин в противоположность Марксу, Энгельсу и Ленину старательно обходит все действительно живые, боевые примеры революционной диалектики, увлекая читателя во второстепенные производные детали формально диалектического движения. Тем самым выхолащивается суть диалектики, заключающаяся, как известно, в охвате всех многосторонних отношений живой экономической действительности, начиная от самых основных ведущих противоречий и отношений и кончая второстепенными и производными. Односторонне произвольно сузив диалектику, Рубин превращает ее тем самым в метафизику, в полное согласие с общей своей неисторической, недиалектической и идеалистической концепцией.

Необходимо — продолжает т. Бессонов — остановиться на отдельных и з в р а щ е н и я х М а р к с а , Р у б и н ы м .

Политическая экономия изучает «производственные отношения данного исторически определенного общества в их возникновении, развитии и упадке» (Ленин). Но что такое производственные отношения? «Совокупность отношений, в которых носители производства стоят к природе и друг к другу, отношений, при которых они производят, — эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры» — говорит Маркс. Отношения людей, т. е. отношения человеческого коллектива к природе, принадлежат к сфере производительных сил, составляя в то же время, по мнению Маркса, основу и «другую» сторону отношений людей между собой. Представляя таким образом единство противоположности, обе эти стороны материального процесса производства входят в предмет политической экономии.

В качестве единственного образца взаимодействия производственных отношений и производительных сил Рубин указывает на связь повышения органического состава капитала с повышением его технического состава и наоборот. Ведущее основное противоречие капиталистического общества, кончающееся и разрешающееся в социальной революции, сведено таким образом Рубиным к профессорски-пустому формальному и нелепому примеру. Рубин во всех случаях под производственными силами разумеет вещи, а под производственными отношениями «социальную форму» этих вещей. Такое механистическое понимание единства противоположностей ничего общего, конечно, не имеет с диалектикой.

Рубин считает, что производственные отношения не могут возникать непосредственно из «данного состояния» производительных сил. По Рубину выходит, что

производственные отношения только один раз получают непосредственный толчок от производственных сил, а затем начинают развиваться в силу присущей им имманентной тенденции сами из себя, через себя и посредством себя. Это есть концепция механического идеализма, которая с головой выдает Рубина, когда ему приходится держать экзамен на знание материалистической революционной и диалектики. Это — мимикрия алтмарксистской сути его воззрений.

Рубин, подобно Струве, подменяет основное противоречие между производительными силами и производственными отношениями производимым противоречием между производственными отношениями и их вещным выражением. Тем самым все классовые противоречия выкидываются из политической экономики и передерсоваются к несуществующей науке об общественной технике. Об основном противоречии нет ни одного слова в докладе Рубина.

В системе Рубина «социальные формы вещей» не только выражают производственные отношения, но и создают их. Если производственные отношения «уть «выражения социальных функций или социальных форм, принимаемых вещами», то чем, например, отличаются производственные отношения советского общества от производственных отношений капитализма, если и там и тут вещи обладают одной и той же «социальной формой» стоимости и денег?

Рубин совершенно искажает общее учение Маркса о деньгах. Он отождествляет, например, процесс «образования» эквивалентной формы с процессом «образования» относительной формы. Однако Маркс считал относительную форму ведущим началом эквивалентной формы. Движение и развитие эквивалентной формы выступает перед нами как следствие развития относительной формы, отражающей в свою очередь развитие производительных сил. Но эта живая и подлинно диалектическая сторона учения о деньгах абсолютно обойдена схоластом Рубиным потому, что с точки зрения его концепции природа денег целиком связана с актом обмена как таковым и не имеет отношения к развитию материального производства.

Далее т. Бессонов переходит к вопросу о предмете политической экономии.

Отношения человеческого коллектива к природе — говорит он — входят в предмет политической экономии так же, как и отношения людей друг к другу в процессе капиталистического производства. Обе эти стороны общественного процесса производства при всех своих отличиях неразрывно связаны друг с другом и представляют собою самое единство противоположностей. Процесс общественно-экономического развития не может быть понят, если выкинуть одну из сторон этого единства. В этом случае исчезает принцип всякого развития — движение и «борьба» противоположностей.

В определении предмета политической экономии Рубин последовательно придерживается следующих неправильных формулировок: 1) «марксова система изучает ряд усложняющихся «экономических форм» вещей или «определенностей формы» соответствующих ряду усложняющихся производственных отношений людей»; 2) объект изучения политической экономии — народное хозяйство, как известное, хотя и относительное, единство». Первая формулировка списана у социальной школы, вторая — из буржуазных учебников.

Рубин предлагает передать производительные силы в особую науку об общественной технике, которой еще нет; он не учитывает того обстоятельства, что это предложение означает фактически признание бессодержательности всей до сих пор бывшей политической экономии. Например, марксова политическая экономия, созданная в тот период, когда, по мнению Рубина, науки об общественной технике еще не было и в помине, должна быть с этой точки зрения признана или ненаучной или бессодержательной и во всех случаях — недialeктической. На самом деле Маркс не выбрасывает содержания, а наоборот — взаимную связь и противоречие между содержанием и формой делает главным предметом своего изучения.

Материальный субстрат производительных сил является основой общественного развития лишь постольку, поскольку он охвачен живым пламенем труда, т. е. поскольку находится в действии. Изучение самого субстрата как такового не входит в политическую экономию. Взаимное же отношение отдельных элементов этого субстрата, т. е. производительные силы в действии, процесс труда «как таковой» — составляют такую же неотъемлемую составную часть политической экономии, как и обусловленная им общественная форма производственного процесса.

Ошибка Рубина поконится на том, что он представляет себе политическую экономию исключительно как науку о тех отношениях производства, которые связаны с передачей вещей и не могут быть выражены иначе, как через вещи. Подобное представление есть гипертрофированная абстракция простого товарного общества, тем более непонятная у Рубина, что он отрицает историческое существование такого общества. Кооперация и ее развитие, формы — мануфактура и фабрика — являются основными и господствующими формами капиталистического производства, а между тем в преде-

дах этих форм отношения производителей вовсе не принимают вещного характера, не связаны с передачей вещей и тем менее «вызываются» или «создаются» подобной передачей. Поэтому они исчезают из поля зрения Рубина, а вместе с ними исчезает и основное противоречие капиталистического производства — между общественным характером труда и частным характером присвоения. Предметом политической экономии являются как производственные отношения, связанные с вещной формой, так и производственные отношения, не обусловленные вещным выражением, развивающиеся как прямое отрицание и противоположность первых. Движение и развитие этих противоположностей и есть процесс возникновения, развития и гибели капиталистического способа производства. Не понять этого значит не понять революционной сути диалектики Маркса.

Следующий вопрос, который ставит т. Бессонов, это вопрос о двойственном характере труда. Маркс в различении двойственного характера труда видел ключ к пониманию всей политической экономии. Рубин, говорит т. Бессонов, не разрешает противоречия между конкретным и абстрактным трудом тем, что устраняет одну из сторон этого противоречия, а именно выкидывает конкретный труд совершенно из политической экономии. Между тем движение этого противоречия есть основное содержание и основной смысл не только I главы «Капитала», но и всей политической экономии.

Рубин совершенно просмотрел диалектическое развитие двойственного характера труда в системе Маркса. В простом товарном хозяйстве общественные определения труда проявляются, реализуются лишь в акте обмена. В капиталистическом хозяйстве, напротив, эти общественные определения труда выступают непосредственно в процессе кооперированного обобществленного производства как определения «непосредственно общественного или общего труда» (Маркс). Процесс труда «как таковой» в недрах капиталистического предприятия с точки зрения своих определений представляется в некотором смысле отрицанием процесса труда в простом товарном обществе. Но это не полное отрицание. Наряду с коренным изменением внешнего обнаружения общественных определений конкретного труда сохраняется, продолжает существовать старая форма обмена вещей — на этот раз не между непосредственными производителями, а между капиталистами — т. е. не только сохраняется, но даже обостряются стихия и анархия общественного производства. Было бы нелепо не видеть глубокого принципиального отличия этого обмена вещей между капиталистами и прежнего обмена вещей между самостоятельными производителями. Обмен в капиталистическом обществе для Рубина попрежнему продолжает быть только методом выявления общественных определений человеческого труда, в то время как он давно стал еще и методом реализации прибавочной стоимости, присвоенной капиталистом в непосредственно-общественном трудовом процессе.

Рубин становится совершенно беспомощным, когда ему приходится сталкиваться с проблемой конкретного труда в вопросах количества. Это имеет место в трактовке общественно-необходимого труда. У Рубина не только полное смешение докапиталистической и капиталистической постановки этой проблемы. У него смешаны одновременно два совершенно неправильных подхода к вопросу. С одной стороны, он в духе своей концепции пытается трактовать общественно-необходимый труд как результат обмена. С другой стороны, опасаясь близости к «экономической, или рыночной версипи», Рубин совершенно механически включил в свою книгу чисто богдановское определение общественно-необходимого труда (напр: «техника производства остается единственным определяющим фактором стоимости»). Рубин не сумел примирить качественную и количественную сторону явлений стоимости только потому, что он выкинул конкретный труд за пределы своего учения.

Тов. Бессонов переходит затем к вопросу о деньгах.

Игнорирование конкретного труда, т. е. игнорирование развития материальных производительных сил, привело Рубина к неправильному изложению марксистской теории денег.

Пронскождение денег неразрывно связано с тем, недостаточно выявленным у Рубина, фактом, что в условиях товарного производства труд, потраченный на изготовление продукта, не может быть измерен в своей собственной имманентной мере, а должен быть обязательно выражен в вещной форме другого товара. Это противоречие, находящее себе выражение в распадении товара на товар и деньги, есть не что иное, как формальное отражение действительного противоречия между общественным характером производства (общественное разделение труда) и частно-правовым характером присвоения (частный обмен). Это разграничение, лежащее в основе денежной реформы, представляет собою не просто саморазвитие формы стоимости и не самостоятельное движение «ее фаз», как плагует Рубин, а исторически развившийся результат развития производительных сил, каковое развитие в простом товарном обществе не может происходить иначе, как только в форме роста обще-

ственного разделения труда. Вся эта реально-историческая основа денежной формы совершенно опущена в изложении Рубина. Относительная и эквивалентная формы берутся им в своем развитом виде как выражение «двух фаз» движения одного и того же товара. «Движение денег рефлектирует движение товаров». На самом деле развитие денег «рефлектирует» не «две фазы движения одного и того же товара», а длительный исторический процесс развития обмена вширь и вглубь, каковое развитие есть единственный способ выражения растущей производительной силы труда на данном уровне материальных производительных сил. Маркс считал своей главной задачей в теории денег — показать возникновение этой денежной формы, т. е. проследить развитие того воплощения стоимости, каким является меновое отношение товаров от его простейшей и наиболее скромной формы вплоть до ослепительной денежной формы.

Крупнейшей ошибкой рубинского изложения развития денежной формы является полное игнорирование им различного значения относительной и эквивалентной формы. Для него это просто «две фазы» движения одного и того же товара. Развитие относительной формы, являющееся по Марксу ведущим в развитии денежной формы, не что иное как выражение развития конкретного труда и материальных производительных сил. Рубин упустил эту, по признанию самого Маркса, важнейшую сторону теории денег потому, что он выкинул конкретный труд из сферы своего рассмотрения. Именно в этом пункте, через развитие относительной формы, марксова теория денег целиком связывается и увязывается с его общей теорией двойственного характера труда и взаимодействия между материальными производительными силами и производственными отношениями, как ведущим началом общественного развития.

Крайне путанно и неясно излагает Рубин марксово учение о функциях денег. По его мнению, Маркс в учении о функциях денег прослеживает процесс постепенного углубления противоположности денег и товара. Сначала эта противоположность носит «газобразный» характер, затем «жидкий», и, наконец, затвердевает в кристаллической форме металла. Между тем в действительности деньги с самого начала выступают (правда, в различной степени) и как мера стоимости, и как средство обращения, и как сокровище. В частности эта особенность денег, как сокровища, бросает яркий свет на ту постановку, которую Маркс придал проблеме формы и содержания. Форма (деньги), дает возможность аккумуляции общественной силы в немногих частных руках, подготавливая на известной ступени превращение этой силы в капитал. Форма денег подготавливает таким образом форму капитала, т. е. возникновение в недрах простого товарного общества ячеек крупного концентрированного капиталистического производства. Просмотреть эту динамическую революционно-общественную роль денежной формы, ограничившись пустой физической апологией о трех состояниях тел, — значит ничего не понять в марксовой диалектике.

Далее т. Бессонов останавливается на вопросе о «К а п и т а л е».

Теория стоимости рабочей силы — говорит т. Бессонов — важнейшее приложение общей теории стоимости и оборотная сторона теории капитала. В полном согласии со своей меновой концепцией Рубин определяет рабочую силу как «вещное выражение производственного отношения между рабочим и капиталистом, как между двумя автономными товаропроизводителями». На самом деле рабочая сила не есть выражение отношения между товаропроизводителями. Рабочая сила есть источник труда, совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает конкретный организм, живая личность человека. Рабочая сила не есть товар по своей природе, как утверждает Рубин; она становится товаром лишь при определенных исторических условиях, о которых Рубин предпочитает большей частью молчать. Появление на рынке товара — рабочая сила — заключает в себе целый мир особого исторического развития. Труд выступает перед нами не только как создатель стоимости, но и как создатель прибавочной стоимости. Благодаря этому стоимость превращается в саморазвивающуюся, самодвижущуюся и самовозрастающую стоимость. Эту динамическую сторону учения Маркса о капитале Рубин совершенно извратил, избрав капиталистическое отношение как отношение автономных «товаропроизводителей», выраженное в вещной форме. Тем самым специфическое отличие капиталистической меновой сделки было потоплено в особенностях меновой сделки вообще.

Превращение денег в капитал представляет собою наиболее яркий образчик диалектического движения. Товар — рабочая сила является стыком самым разнообразных противоречий товарно-капиталистического общества и основой их дальнейшего развития и роста. Неудивительно, что Маркс уделяет вопросу о стоимости и цене этого товара и условиях его потребления подавляющую часть I тома «Капитала». Однако этот вопрос тщательно обходит Рубин. Уклонение Рубина от проблемы рабочей силы объясняется очень просто: его теория абстрактного труда абсолютно несовместима с марксовой теорией рабочей силы. Абстрактный труд, создающий

стоимость, является по Рубину лишь выражением «производственных отношений товаровладельцев». Спрашивается — является ли потребление товара рабочей силы внутри капиталистического предприятия производством стоимости или нет? Рабочий здесь (т. е. внутри предприятия) перестает быть владельцем своей рабочей силы: он просто «придаток» фабрики. Между ним и другими рабочими нет никаких истинно-выраженных отношений. Следовательно, по Рубину, его труд может создавать здесь лишь потребительные стоимости, но не стоимости. Последние создаются лишь в акте обмена. Илльшне доказывать, что подобный взгляд ничего общего не имеет с марксизмом. Вопреки Рубину, «потребительной стоимостью, которую рабочий доставляет капиталисту, является в действительности не рабочая сила, а ее функция, определенный полезный труд, труд портного, сапожника, прядильщика и т. д. Что этот же самый труд, рассматриваемый с иной стороны, есть всеобщий, создающий стоимость элемент — свойство, отличающее его от всех других товаров, — это обстоятельство ускользает от обыденного сознания» (Маркс).

Едва ли не самой своеобразной частью марксовой теории капитала является учение о постоянном и переменном капитале, дающее нам ключ к познанию самых глубоких и самых сложных явлений капиталистического производства. Но что означает формула $C + V + M$? Не что иное, как приложение марксовой теории двойственного характера труда к учению о капитале. Рабочий сохраняет и переносит C и одновременно воспроизводит V и создает M именно потому, что его труд есть одновременно и труд конкретный и труд абстрактный. Следовательно в пределах капиталистической фабрики труд рабочего только потому и абстрактен, что он целесообразно конкретен, и наоборот. Но для Рубина проблема двойственности труда не существует, ибо он выкинул из политической экономии одну из сторон этой двойственности — конкретный труд, следовательно сам себе закрыл путь к пониманию важнейших проблем капиталистического хозяйства.

Последнюю часть своего доклада т. Бессонов посвящает проблеме кризисов.

Рубин — говорит т. Бессонов — изображает кризис как дошедшее до крайних пределов обособление взаимно связанных друг с другом моментов и форм. В качестве моментов кризиса он называет поэтому: распадение товара на товар и деньги, развитие денег как платежного средства, обособление процесса обращения от процесса производства. Однако все эти бесспорные моменты представляют собой только возможности кризиса, но не самый кризис. Маркс характеризовал как «безграничную пошлость» попытку объяснить кризис изложением только этих абстрактных форм кризиса, потому что самое наступление кризиса оказывается при таких условиях случайностью.

Действительная теория кризисов должна включать в себя не только это описание абстрактно-внешних форм кризиса. Марксистская политическая экономия рассматривает последнюю причину кризисов в противоречии между производством и потреблением, между безграничной способностью производительных сил к расширению и ограниченными возможностями капиталистического рынка. Другими словами, марксистская теория кризисов своим исходным пунктом имеет вовсе не противоречие между обособившимися «социальными формами вещей», как думает вместе со всей буржуазной наукой Рубин, а противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Однако понять эту глубочайшую основу кризиса нельзя, если отказаться от одной из сторон противоречия, если отказаться от учения о двойственном характере труда. Кризис непонятен, если отвлечься от тенденции нормы прибыли к понижению. Последняя непонятна, если отвлечься от органического состава капитала; органический состав капитала — пустышка, если выкинуть двойственный характер труда и конкретный труд отнести к производству, а абстрактный труд — к обмену.

Подводя итоги, т. Бессонов считает доказанным утверждения, что: а) Рубин дает не диалектику, а метафизику политической экономии, ибо для него, как для всякого метафизика, «вещи» и их умственные образы, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Где изучается связь и противоречия между производственными отношениями и производительными силами — неизвестно. Действительные противоречия вообще исчезают в системе Рубина.

б) Рубин дает идеалистическую политическую экономию. Идеализм не просто чепуха, говорил Ленин: «это одностороннее, преувеличенное, чрезмерное развитие (раздувание, распухание) одной из черточек граней познания в абсолюте, оторванный от материи, от природы, обожествленный». Рубин оторвал производственные отношения от материальных производительных сил и возвел первые в абсолюте. Нет ничего более далекого от материалистической диалектики, чем подобный прием.

П Р Е Н И Я

Тов. Греблис, А. До сих пор,— говорит оратор,— мы, марксисты, имели вполне определенное, правильное понимание предмета политической экономии. Она представляет собой науку, которая изучает систему производственных отношений в их взаимодействии с производительными силами общества. Политическая экономия наследует общественный строй, экономическую систему, совокупность производственных отношений товарно-капиталистического хозяйства. Это представление о предмете политической экономии до сих пор было господствующим. Однако сейчас появилось совершенно иное понимание предмета нашей науки.

Определение политической экономии, выдвинутое т. Бессоновым в его тезисах и содокладе, отличается от той постановки вопроса, которую мы имеем у Маркса и у всех ортодоксальных его последователей. В отличие от Маркса, т. Бессонов считает, что обе стороны материального производства (производительные силы и производственные отношения) равноправно входят в предмет политической экономии, потому что они равноправно входят в ее объект—материальное производство. Точка зрения т. Бессонова в корне отличается от постановки вопроса у Ленина. Ленин в ряде мест подчеркивает, что политическая экономия изучает не производство материальных ценностей, а производственные отношения людей. Для Ленина важно было отметить, что политическая экономия изучает систему производственных отношений товарно-капиталистического общества. В этом он и видел колоссальное достижение, сделанное марксистской политической экономией по сравнению с буржуазной экономической наукой.

Сам Маркс также обращал свое внимание главным образом на производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства. Категории политической экономии, согласно основным положениям марксизма, отражают не материальный процесс производства, не движение натуральных элементов в этом процессе производства, а производственные отношения, возникающие между людьми. Категории политической экономии отражают общественные отношения производства, классовые отношения буржуазного общества.

Обвиняя т. Рубина в том, что он якобы отрывает материально-технический процесс производства от его общественной формы, от производственных отношений, возникающих между людьми в процессе производства, т. Бессонов отождествляет производительные силы с производственными отношениями. Тов. Бессонов боится провести различие между ними, и хотя он и употребляет термин «единство противоположностей», тем не менее он приходит к выводу, что нельзя отличать производительные силы от производственных отношений.

Я думаю,— заканчивает т. Греблис,— что никто из марксистов не скажет, что именно политическая экономия должна изучать весь сложнейший процесс движения и развития производительных сил общества. Эта наука, конечно, должна обращаться к производительным силам. Но мы обращаемся к производительным силам постольку, поскольку эти производительные силы определяют и а м движение производственных отношений, поскольку эти производительные силы определяют нам экономические формы.

Тов. Рапопорт, Я. По свидетельству ряда товарищей, в том числе и самого Рубина, в буржуазной политической экономии — говорит т. Рапопорт — начинает играть все большую роль так называемое «социальное» направление, отличительной особенностью которого является идеализм, отрыв производственных отношений от производительных сил, от материального процесса производства. Ведь заявляет же один из главарей этого направления Штольцман, что он видит свою задачу в том, чтобы побороть «техничко-материалистическое направление» в политической экономии. Ведь весь смысл столь прославленной Рубиным борьбы Штольцмана с товарным фетишизмом заключается в его борьбе с материализмом. Да, социальное направление выдвигает социальный момент в противовес индивидуализму австрийцев. Но в этом-то пункте оно как раз явно подделывается под марксизм и вместе с тем выхолащивает душу марксизма. Для социального направления вместе с тем характерно и следующее: противопоставляя себя австрийцам, это направление все-таки не преодолело потребительский натурализм австрийцев. Это совершенно естественно. Когда вы отрываете производственные отношения от производительных сил, то при первой попытке приблизиться к реальной действительности перед вами выпрыгнут производительные силы в натуральном виде. Это основные характерные черты социального направления. И разве в этом репертуаре нет известных черт сходства с Рубиным?

Известно, какую возню поднял Рубин вокруг положения Маркса, что в стоимости нет ни атома материи. Когда же т. Кон в полемике ему указал, что у Маркса в немецком тексте написано природное вещество, «природная материя», а не просто

«материя», то Рубин на это отвечает, что во французском переводе «Капитала», редактированном Марксом, в этом месте сказано просто «материя» и «вообще никакой разницы между материей и природным веществом, в данном случае, нет». Какой это имеет смысл? Разве это можно понимать иначе, как то, что ни природной, ни общественной материи стоимость как производственное отношение не представляет. А так как Рубин все-таки желает доказать, что он не отрывает стоимость от материального процесса производства, то поэтому он выводит количество стоимости из конкретного труда.

Рубин в «Очерках» пишет: «Количество абстрактного труда определяется количеством действительного затраченного в материальном процессе производства конкретного труда». С каких пор в марксистской политической экономии появилось понятие количества конкретного труда? Разве конкретный труд соизмерим? Разве сравнимы количественно два разные вида конкретного труда или даже один и тот же вид при разных условиях труда? Да, конечно, изменения величины стоимости определяются изменением производительности труда, т. е. изменениями в конкретном труде. Но это потому, что изменяется количество абстрактного труда в единице потребительной стоимости. Рубин же выводит количество абстрактного труда из количества (?) конкретного труда. Разве это не натурализм? Разве это не следствие отрыва производственных отношений от производительных сил? Это является прямым следствием того, что у Рубина в абстрактном труде труда-то и нет.

Вот эти черты сходства с социальным направлением — изгнание общественной материи из производственных отношений, отрыв последних от производительных сил, в результате которого Рубин впадает в натурализм — и приводят Рубина к чудовищному в устах марксиста отождествлению Маркса и Штольца. Ведь пишет же Рубин в начале своего очерка о Штольцмане, что «не будет преувеличением сказать, что исходная критическая позиция Штольцмана (это преодоление-то технику-материалистического направления! — Я. Р.) в точности совпадает с позицией, которую занял Маркс в своей блестящей и глубокой критике «триединой формулы» вульгарной экономии». Разве при этом Маркс боролся с материализмом в политической экономии?

Все сказанное приводит нас к убеждению, что Рубин нас не только не вооружает против основной опасности в современной политической экономии, но более того, он-то и является проводником идей социального направления в марксистскую политическую экономию. Нам поэтому представляется более чем смешной претензия Рубина на монопольное представительство ортодоксии в марксистской политической экономии.

Тов. Коровай, М. Тов. Коровай начинает свое выступление с указания, что он говорит не только от своего имени, но и по поручению группы слушателей Института красной профессуры, составивших декларацию с изложением своих возражений на спорные вопросы политической экономии.

Основанием для нашего выступления, — заявляет тов. Коровай, — послужило то обстоятельство, что дискуссия развертывается по всем основным проблемам экономической теории Маркса. Прикрывая свои извращения марксистской теоретической экономии защитным цветом критики работ т. Рубина, некоторые наши экономисты, составившие целую группу, в своих теоретических взглядах совершают настолько существенное и серьезное отступление от марксова учения, что решительное преодоление этих взглядов становится безусловной и крайней необходимостью.

С особой очевидностью эти извращения выступают прежде всего в вопросе о предмете политической экономии. Полностью и целиком разделяя в этом вопросе точку зрения, развитую в докладе т. Рубина, как строга марксистскую, мы считаем необходимым отметить ту вульгаризацию, которая сбрасывается в глаза в выступлениях т. Бессонова. Его точка зрения является далеко не случайной. Она точно так же не есть продукт полемики с т. Рубиным. Точка зрения т. Бессонова на предмет нашей науки является результатом его старого недовольства всей послемарксовой политической экономией. Тов. Бессонов не согласен с послемарксовой политической экономией, выкинувшей якобы за борт потребительную стоимость и производительные силы, и представляет иное понимание объекта и задач этой науки. Тем самым он предлагает явную ревизию марксизма.

Правильно отмечая факт наличия неовещественных производственных отношений, т. Бессонов допустил грубейшую ошибку, которая не может не привести его к ряду ложных выводов. Он упустил из виду то кардинальное обстоятельство, что труд, будучи обобществленным в пределах фабрики, не выступает как непосредственный общественный, поскольку капиталистическая фабрика является в системе капиталистических предприятий частным предприятием. Настаивая на том, что в отличие от простого товарного хозяйства труд на капиталистической фабрике выступает

непосредственно общественным, т. Бессонов приходит в решительное противоречие со взглядами Маркса.

Пытаясь защитить необходимость включения производительных сил в предмет политической экономии, т. Бессонов выставляет аргумент, согласно которому различие экономических эпох сводится к различию в степени развития материальных орудий труда. Опираясь на Маркса, на его бесспорное утверждение, что экономические эпохи различаются не тем, что о производится, а тем как производится, т. Бессонов решил «углубить» Маркса. Он свел различие экономических эпох только к различию материальных орудий труда.

Если различие экономических эпох заключается только в различии орудий труда (техники), то как сможет т. Бессонов говорить о принципиальном отличии современного советского хозяйства от капиталистического?

Всякий непредубежденный читатель, который сложит: сведения труда, образующего стоимость — абстрактного труда, — к целесообразной затрате физиологической энергии (это делает т. Кон); прием Дашковского, который, идя путем сведения, обнуляя в марксовой системе внеисторические категории; и бессоновское сведение различий между эпохами к различию орудий труда и технических приемов, — легко разглядит во всем этом знакомое марксисту-диалектику лицо механиста.

Тов. Кон, А. начинает с определения предмета политической экономии. Предметом политической экономии является процесс материального производства, протекающий в буржуазной форме и рассматриваемый с точки зрения этой формы. Задачей изучения буржуазного производства является познание закономерности возникновения, развития и гибели буржуазной формы производства.

Процесс материального производства в определенной общественной форме представляет собою развивающееся единство противоположностей. Он одновременно является и процессом борьбы человека с природой (процессом производства материальных ценностей) и процессом производства и воспроизводства производственных отношений людей. Необходимо строго различать в этом единстве два полюса противоположности: процесс производства материальных ценностей как таковой и тот же процесс, рассматриваемый в качестве воспроизводства производственных отношений. Однако, различая их, нужно вместе с тем понимать, что это суть полюсы единой противоположности, не просто различия, по различия в единстве, не просто противоположности, но единство противоположностей. Связь между этими двумя сторонами единства отнюдь не исчерпывается тем, что: а) развитие производительных сил является движущей причиной развития производственных отношений, б) производственные отношения в известных пределах оказывают обратное воздействие на развитие производительных сил (Рубин). Подобное ограниченное представление о связи между двумя сторонами процесса является чисто механическим представлением.

Между процессом производства и его общественной формой существует и более сложная связь, — связь, характерная для противоположностей в единстве. Подменять субстанциональную связь голою причинной связью, как это делает Рубин, значит совершенно ничего не понимать в диалектике. Именно в этой специфической связи, объединяющей содержание и форму общественного процесса производства, заложена возможность и необходимость возникновения, развития и разрешения противоречий между ними. Представление о связи между формой и содержанием, как о механической связи причины и следствия, ведет к упрощенному представлению о противоречии между этими двумя сторонами процесса, как о количественном — и только количественном — их несоответствии.

Мы можем рассматривать единый процесс общественного производства с точки зрения движения общественной формы или с точки зрения развития его технической стороны. В различии точек зрения на единый объект и лежит грань между экономической наукой и той наукой «общественной технологии», которую хочет конструировать Рубин. Однако совершенно недопустимо размежевание этих наук путем рассечения самого объекта на две независимые друг от друга «стороны», на две самостоятельные части, как то делают Амонн, Рубин. При таком рассечении различия в единстве неизбежно превращаются в различия вне единства, и специфическая связь между двумя сторонами этого единства разрывается. Производственные отношения в этом случае выступают как нечто нематериальное, как пустые формы, лишенные материального содержания, а материальный процесс производства (соответственно и производительные силы) как нечто несоциальное. Совершенно не случайно Рубин противопоставляет социальное не техническому, а материально-техническому. Такое противопоставление равносильно противопоставлению социального материальному и утверждению, что социальное не материально, а материальное — не социальное. Слово «технический» прибавляется лишь для того, чтобы придать этому противопоставлению законную и приемлемую форму: вместо

того, чтобы представлять себе общественный процесс производства, как явление и материальное и социальное, Рубин ставит выдающую в нем механиста альтернативу, либо материальное либо социальное.

Наши расхождения с Рубиным заключаются не в том, что он определяет политическую экономию как науку о производственных отношениях, а мы будто бы предлагаем «на равных правах» привлечь и технику. Расхождения заключаются в том, что Рубин, рассекая объект политической экономики на две «стороны» и отрывая эти стороны одну от другой, фактически рассматривает производственные отношения как бессодержательные и неизвестно в какой сфере обитающие формы; мы же настаиваем на заполнении этих форм реальным материальным содержанием. Производственные отношения и социальны и материальны, но не: «социальны, а не материальны», как представляет себе Рубин.

Рассечение единого производственного процесса на две стороны и изолированное (подобно Амонцу) рассмотрение каждой из этих сторон закрывают перед Рубиным возможность вообще говорить в политической экономике о потребительной стоимости. Потребительная стоимость, взятая сама по себе, конечно, не составляет части объекта политической экономики. Она — достояние технологии (и притом отнюдь не общественной технологии). Однако, рассматриваемая в качестве предмета общественного производства, общественно обобщенного обмена, общественно распределения, она выступает в качестве носителя общественных форм и в этом своем свойстве должна рассматриваться экономической наукой. Если бы мы изучали (как это полагает Рубин) только общественную форму производства, а не производство в данной общественной форме, то и продукт производства должен был рассматриваться не как материальный предмет в общественной форме, но как общественная форма, взятая без ее носителя.

Не трудно видеть, что подобная трактовка вопроса о предмете политической экономики наглухо закрывает перед нами двери к познанию простейших и основных категорий политической экономики: а) товары есть единство потребительной стоимости и стоимости; всякие товары рассматриваются одновременно и как тождественные (в качестве стоимостей) и как различные (в качестве потребительных стоимостей); б) деньги могут быть правильно поняты только как результат заложенного в товаре и имманентного ему противоречия между стоимостью и потребительной стоимостью; г) категории капитала мы никогда не поймем, если будем абстрагироваться от специфической потребительной стоимости товара рабочая сила, без овеществления в которой не может быть самовозрастания стоимости и т. д. Включая рассмотрение противоречий товара в свой доклад, Рубин тем самым опровергает выставленные им положения.

Характерной чертой марксовой диалектики является та ее черта, что для Маркса не существует диалектики мысли, которая не отражала бы диалектики жизни и не соответствовала бы ей. Задача Рубина должна была заключаться в том, чтобы показать, как диалектическое развитие производственных отношений отразилось в диалектическом разворачивании категорий в системе Маркса. Для того, чтобы Рубин смог выполнить эту задачу, необходимо было, чтобы он: 1) представлял себе капиталистическое общество не как застывшую систему, а как процесс; 2) понимал, что последовательность чередования категорий в системе Маркса не продиктована произволом абстрагирующего и изолирующего ума, но что «законы абстрактного мышления, восходящего от простого к сложному, соответствуют действительному историческому процессу» (Маркс); 3) что действительный исторический процесс движется реальными противоречиями между производственными отношениями и производительными силами и теми реальными противоречиями внутри системы производственных отношений, в развитии которых проявляется рост противоречий между производительными силами и производственными отношениями.

Этих трех условий, необходимых для надлежащей установки доклада, у Рубина не доставало, и поэтому он вынужден был говорить не о диалектике действительного исторического процесса, отразившейся в «диалектике категорий в экономической системе Маркса», а о «диалектике» категорий самой по себе. Вследствие этого и причинами движения оказались у него не противоречия между производственными отношениями и производительными силами и не противоречия внутри системы производственных отношений, но противоречия внутри форм проявления. Этими-то обстоятельством и продиктован выбор Рубиным иллюстраций применения диалектического метода Маркса. Мы здесь ничего не слышали о таких категориях как капитал, как прибавочная стоимость, ничего не слышали и о кризисах. Все эти категории, которых невозможно понять без понимания реальных противоречий капитализма, выброшены Рубиным за борт доклада.

Исследование диалектики вещественных форм и категорий представляет собою, конечно, важную и почтенную задачу. Однако рассматривать диалектику

вещественных форм и категорий вне связи с диалектикой производственных отношений и притом выдавать диалектику вещественных категорий за все содержание марксовской диалектики — значит выхолащивать марксизм, подменять революционную и революционизирующую диалектику Маркса вульгарной поделкой.

Тов. Борилин, Б. Тов. Кон, который только что выступал, — говорит т. Борилин, — неоднократно высказывался о предмете политической экономии. Однако все те его высказывания, которые он ранее делал в различных изданиях по вопросу о предмете политической экономии, не являются спорными ни для кого, в том числе и для т. Рубина. Настоящий же спор идет о том, — сохранять ли в политической экономии монополию изучения производственных отношений, т. е. отношений между людьми определенных типов производственных отношений, которые складываются на почве борьбы с природой, или же — смешивать эти категории с категориями техническими, с категориями, выражающими отношения к природе.

Представляет ли собой политическая экономия некоторое невинное варено, которое изучает неизвестно что, процесс производства вообще, материально-технический процесс производства, или же она изучает общественный строй, типы отношений между людьми, которые возникают на почве материально-технического процесса производства? Наш ответ — политическая экономия изучает производственные отношения между людьми. В этом и заключается сила марксистской экономической науки, которая в противоположность и классической политической экономии и всей буржуазной политической экономии считает, что все категории политической экономии выражают общественные отношения между людьми, а не отношения людей к природе.

Тов. Бессонов в своем докладе пытался изобразить дело таким образом, что между Марксом и классиками в этом вопросе не существует никаких расхождений. Я считаю, что такое утверждение есть отход от марксистских позиций. Задача марксистов-материалистов заключается вовсе не в том, чтобы смешивать марксистскую теорию с теорией буржуазной, хотя бы и классической. Это смешение как две капли воды, похоже на то смешение, которое некоторые «философы» пробуют произвести, смешивая диалектический материализм с материализмом механическим.

Когда возникает спор относительно предмета политической экономии, то не может быть никакого сомнения в том, что мы должны со всей силой подчеркнуть марксистское определение предмета политической экономии, должны сказать, что политическая экономия есть наука, изучающая производственные отношения людей на почве материального производства. Если т. Кон считает, что политическая экономия изучает производство не просто с точки зрения исследователя, искусственно выделяющего в нем ряд признаков, а изучает производство со стороны объективно существующей социальной формы, то между ними споров никаких нет. И этих разногласий нет также и со стороны т. Рубина.

До сих пор т. Кон всегда придерживался правильного определения предмета политической экономии. Он совершенно правильно отмечал, что производственные отношения и производительные силы смешивать неправильно и что подобное смешение производят только самые буржуазные из всех буржуазных экономистов. Если это так (а это именно так), то как же тогда конять и как квалифицировать теперешнее согласие т. Кона с мнением т. Бессонова, считающего, что политическая экономия изучает в равной мере и производительные силы и производственные отношения? Я думаю, что такого «равноправия», такого смешения мы ни в коем случае не должны производить. Мы изучаем экономические категории, которые мы не смешиваем с техническими категориями, как это хочет сделать т. Бессонов. Он здесь проводит свою старую точку зрения, которая была им первоначально развита в его книге «Развитие машин». В этой своей книге т. Бессонов заявляет, что буржуазная политическая экономия, в лице (как он выражается) «реально-исторического крыла» ее, продолжает углублять Маркса, а послемарксова политическая экономия этого не делает.

Отвечая от производительных сил никогда и ни на одной стадии исследования нельзя. И т. Рубин этого не делает. Покажите — где и когда т. Рубиным сказано, что производственные отношения должны изучаться вне зависимости от развития производительных сил? Подобная точка зрения т. Рубину только приписывается, по этому вопросу у нас мнение разногласие. Есть единство производительных сил и производственных отношений. Но в этом единстве есть различие, есть противоположность. Если т. Бессонов заявляет, что Маркс никогда и нигде не противопоставлял материальные производство производственным отношениям, то здесь имеется явное отступление от Маркса. С точки зрения такого утверждения нельзя объяснить социальной революции. Социальная революция вытекает именно из того, что производительные силы в определенный момент противопоставляются отжившей социальной форме. Этого и не понимает т. Бессонов.

Тов. Бессонов говорит, что капитал не есть просто стоимость, создающая прибавочную стоимость, посредством эксплуатации наемного рабочего. Он требует, чтобы в это определение были вставлены машины. Иначе говоря, т. Бессонов хочет сказать, что капитал есть машина плюс стоимость, создающая прибавочную стоимость: Я считаю, что такого рода смешение категорий недопустимо. До сих пор не понимающими того обстоятельства, что капитал выражает собой определенную социальную форму, а не вещь, были только буржуазные экономисты, в том числе и народники. И в споре с этими последними Ленин указывал, что капитал есть отношение между людьми, а отнюдь не нечто вещественное, не вещь.

Тов. Бессонов нигде не мог найти места, где у т. Рубина категория оторвалась бы от производственных отношений. Единственным доказательством для него является лишь его же собственное априорное утверждение, что у тов. Рубина мы будто бы имеем саморазвитие понятий. Если вы возьмете «Капитал», то вы и там не везде найдете ссылку на производительные силы. Но из того, что Маркс не на каждой странице ссылается на производительные силы, вовсе еще не следует, что движение категорий является оторванным от реального процесса. Это было бы только в том случае, если бы сами категории не выражали реальных отношений. Но ведь категории эти реальные отношения выражают. А если категории являются выражением реальных отношений производства, *если мы прослеживаем движение этих производственных отношений в движении категорий, то у нас обеспечена связь с реальным процессом. Этого п не понимает т. Бессонов.

Обвинения в «самодвижении понятий», в идеализме, в гегельянстве выставляются не только тт. Бессоновым и Коном. Они впервые были выдвинуты в области философии механистами против диалектиков. Всем известно, что механисты отрицают так называемое имманентное движение, что они все противоречия сводят к внешним противоречиям и в частности (поскольку мы берем общественные науки) к противоречиям между обществом и природой. Мы в диалектике привыкли считать за основное не только эти отношения к природе, но и внутреннее, имманентное, противоречивое движение данной общественной формы. Этого, очевидно, не понимают те, которые в современной дискуссии выступают с обвинением своих оппонентов в гегельянстве и самодвижении.

Они выступают так далеко не случайно. Еще в 1922/23 г. т. Кон писал в одной статье, что кто стоит за имманентное движение (следовательно за внутреннее, присущее явлению движение), тот идет по пути к боженьке. Эти антидиалектические суждения тт. Копа и Бессопова, как небо от земли, далеки и от учения Маркса и от учения Ленина, который в своих философских тетрадках в ряде мест останавливается на противоречивом, имманентном движении категории. Мы считаем, что нельзя игнорировать внутренние имманентные противоречия, которые движут развитие данной общественной формы, которые составляют ее содержание. Это движение, эти противоречия составляют неотъемлемую часть марксистского и ленинского учения.

Тов. Шумский, И. Нам представляется, говорит т. Шумский, что хотя отдельные частные положения, высказываемые Рубиным и верны, но зато в основном, в исходных позициях, а следовательно и в целом, его концепция ошибочна. Система взглядов, развиваемая Рубиным, вместе с тем не только ошибочна, она на наш взгляд чрезвычайно вредна; она вредна потому, что в ней проводится законченная ревизия теоретико-экономической системы Маркса.

Рубин, как известно, неоднократно во всех своих произведениях подчеркивает момент историчности. Но что мы понимаем под историчностью?

Следует отметить, что во-первых, объектом нашего изучения является лишь определенная данная, и именно товарно-капиталистическая, степень в развитии общества; это сторона проблемы игнорировалась Богдановым и Степановым в их понимании историзма. Совершенно необходимо также видеть, во-вторых, что анализ данной формации должен быть критическим анализом ее движения, т.е. анализом закономерностей ее возникновения, существования и гибели. Как игнорирование первой стороны проблемы историзма, так и игнорирование ее второй стороны для марксиста в одинаковой мере не может быть приемлемо. Между тем Рубин хотя и подвергает анализу данную, исторически вполне определенную, эпоху, однако анализ этой исторически определенной формации общества он производит, исследуя лишь средний член указанной формулы марксистского понимания историзма, т.е. хотя он и пытается анализировать лишь определенную ступень в развитии общества, лишь капиталистическую формацию общества, однако, это исследование он ограничивает исключительно анализом закономерностей его существования (но не возникновения и гибели). Это значит быть историчным, но не в духе Маркса. Это значит быть историчным в духе Тугана, Солнцева и др.

Рубин усматривает различие между Рикардо и Марксом в том, что Рикардо ограничился анализом материально-технической стороны капиталистических явлений,

Маркс же сосредоточил свое внимание на их социальной стороне. Неужели принцип различия между Марксом и Рикардо сводится к тому, что Маркс рассматривал социальную сторону, а Рикардо—материально-техническую? Основное, принципиальное различие не в этом. Основное, принципиальное различие между Марксом и Рикардо заключается в том, что Маркс был материалистом, диалектиком, Рикардо же метафизиком. Маркс опирался на материалистически переработанную им диалектику Гегеля, Рикардо же целиком опирался на механический материализм французских просветителей. Поэтому Рикардо не мог критически исследовать капиталистический способ производства. Маркс же анализировал этот способ производства исторически, т. е. революционно и критически. В этом главное принципиальное различие между Марксом и Рикардо.

Рубин не только игнорирует анализ исторического возникновения капиталистического способа производства, но прямо указывает на ненужность такого анализа. Анализируя стоимость, эту основную категорию капиталистического хозяйства, Рубин умудряется обойти вопрос о предпосылках гибели капиталистической формации общества. Между тем нельзя понять капиталистическое хозяйство, если совершенно упустить из виду «конец» этого способа производства. Чтобы понять капиталистическое хозяйство с точки зрения его существования, нужно видеть тот путь, который ведет к его превращению в другое общество.

Итак, из системы, вскрывающей внутренние закономерности развития, движения капиталистического способа производства, его возникновения, существования и гибели, марксизма в интерпретации Рубина превращается в доктрину, которая занимается тем, что изучает ряд усложняющихся социальных форм в пределах капиталистического способа производства (Рубин сам это подчеркивает в своем предисловии к книжке Розенберга). Именно в этом и выражается ревизия Рубиным революционной сущности марксовской системы теоретической экономики.

Тов. **Марецкий Д.** В споре о предмете политической экономии нельзя оперировать против Рубина аргументом: раз у Маркса о том-то и том-то сказано, следовательно сказанное является непосредственным объектом политической экономии. В таком случае нам пришлось бы беспредельно расширять предмет политической экономии. Декретировать «равноправие» производительных сил и производственных отношений в качестве объекта изучения теоретической экономии—шаг в высшей степени опрометчивый. Технологию и машиноведение так же бессмысленно делать составными частями политической экономии, как и товароведение.

Сказанное, однако, не означает, что концепция Рубина безупречна, что в ней нет крупнейших принципиальных изъянов. Конечно, у Рубина выдвигается тезис, что производственные отношения находятся вне связи с производительными силами. И если бы он этой связи не признавал, то все наши споры носили бы явно юмористический характер. Действительное различие точек зрения на предмет политической экономии может быть, по-моему, прежде всего формулировано следующим образом. Спрашивается, изучает ли наша дисциплина только производственные отношения, или же политическая экономия, изучая производственные отношения, тем самым обязана вскрывать и механизм связи между производительными силами и производственными отношениями? Этот механизм связи является генеральной составной частью политической экономии, без которой нельзя считать решенной задачу анализа производственных отношений. Рубин пытается провести точную границу, установить строгую демаркационную линию между наукой об общественной технике (изучающей производительные силы) и политической экономией (изучающей производственные отношения). Но если мы продолжим анализ Рубина там, где он у него оборвал, если мы передвинем анализ в более динамическую плоскость, то тогда станет очевидным, что рубинское намерение провести точную грань между социальной технологией и политической экономией является весьма сомнительным.

С точки зрения Рубина, согласно его классификации наук, категория производительности труда, которая относится и к политической экономии и к общественной технологии, оказывается на беспризорном положении. А между тем категория производительности труда играет, поистине, выдающуюся роль в экономической системе Маркса. Категорию производительности труда отнюдь не зазорно вводить в состав предмета исследования политической экономии.

Огромную роль производительности труда признает, конечно, и сам Рубин. Его изложение учения об общественно-необходимом труде и о ценах производства целиком покоится на учете изложенного обстоятельства. Но сами эти главы органически не спаяны с его генеральными методологическими посылками. Создаются своего рода два «логических центра» в теоретической системе Рубина. В его общей методологии в учении о стоимости и абстрактном труде, в учении о форме и социальных функциях вещей действительно нет ни одного «атома» материальных процессов. Зато в учении о количественных изменениях «материально-технический» труд бесцеремонно вры-

вается в апализ, греховный «технизм» справляет здесь свою победу. Такое «двоедентрие» представляет для Рубина особые полемические удобства: он всегда может процитировать из своих работ и за и против материального производства, смотря по потребностям. Но такое «удобство» покупается ценой внутренней непоследовательности всего изложения.

Если мы возьмем ряд важнейших разделов экономической системы Маркса, если мы возьмем вообще все те экономические проблемы, в которых выдвигается па первый план диалектическая связь между производством и потреблением, опосредствованная ценностным механизмом капиталистического хозяйства, если мы возьмем проблему капиталистического воспроизводства, то окажется, что все эти проблемы предполагают изучение «общественного бытия» вещей, предполагают изучение, в этом смысле, «материальных» и «натуральных» моментов. Конечно, вещи, машины, продукты «сами по себе» политической экономией не изучаются. Но это совсем не значит, что они должны обретаться лишь за пределами нашей науки, стучаться в ее стены в качестве «предпосылок». Машины и вещи могут и должны изучаться политической экономией с их общественной стороны.

С Рубиным можно в известной степени согласиться в том, что он считает теорию товарного фетишизма пропедевтикой политической экономии. Эту особую специфическую социологию товарно-капиталистического общества Рубин по преимуществу и развивает в своих «Очерках». Но нельзя забывать и о другой стороне дела, нельзя в какой бы то ни было степени оставлять в тени так сказать общую социологию экономического учения Маркса, которая подчеркнута в его законе пропорциональности трудовых затрат (действующем в каждую эпоху общественного воспроизводства в особой «форме проявления» — как писал Маркс; см. его знаменитое письмо к Кутельману), и развита им во Введении к «К критике политической экономии».

Сильная сторона у Рубина стала слабостью, когда он «по аналогии» с товарным фетишизмом стал переносить прием противопоставления социального и материального в шую научную плоскость, когда он «продолжил» теорию товарного фетишизма за ее действительные границы. Правильно — в определенной связи — противопоставлять ценность и потребительную ценность. Но неправильно противопоставлять материальное производство «социальному». В ценности нет ни атома материи, но из этого отнюдь не следует, что в производстве (изучаемом политической экономией) тоже нет ни атома материи.

Сущность разногласий может быть сформулирована в следующих двух примерных определениях: 1) политическая экономия изучает капиталистическую форму общественного воспроизводства; — другое — 2) политическая экономия изучает общественное воспроизводство в его капиталистической форме. Я стоял бы за второе определение; рубинской же постановке вопроса более «созвучно» первое определение, которое гармонирует с его учением об абстрактном труде. В этом (первом) определении материальное производство выбрасывается за борт политической экономии; это определение может быть полностью увязано с универсально-двоющим рубинским противопоставлением социального и материального. Второе же определение такое универсальное противопоставление ставит под сомнение; материальное производство продолжает быть «предметом исследования», хотя всякий раз в особой общественной форме. Общественное бытие вещей, машин, продуктов и т. д. входит обязательной составной частью анализа.

Политическая экономия не может быть политической экономией «без ценности», как у Туган-Барановского и в несколько ином виде у Богданова. Но политическая экономия, вместе с тем, не может быть наукой, не имеющей своим предметом исследования материальное производство. Вот почему, на мой взгляд, Рубину надлежит подвергнуть серьезнейшему капитальному ремонту свои теоретические построения.

Тов. Мендельсон, Л. Основной предпосылкой благотворной дискуссии является четкая и ясная формулировка спорных вопросов. Однако в выступлении т. Марецкого этой необходимой четкости не было. Он ставит вопрос о том, изучает ли политическая экономия только производственные отношения или кроме того и самый механизм связи производственных отношений с производительными силами. Подобная постановка вопроса свидетельствует о непонимании связи между производительными силами и производственными отношениями. Тов. Марецкому дело представляется так, будто бы сначала изучаются производственные отношения; потом, кроме того, исследуется механизм их связи с производительными силами; а потом все это вместе соединяется, и получается политическая экономия. Подобное механическое представление о предмете политической экономии отнюдь не может способствовать пониманию существа спорных вопросов.

Не менее ошибочно выступление т. Марецкого и в той его части, где он разбирает вопрос о социальном и материальном, а также и там, где он останавливался на вопросе о социальном бытии вещей.

Дискуссия выросла за рамки спора о той или иной оценке работ т. Рубина. Poleмика против т. Рубина служит прикрытием для пересмотра ряда основных пунктов методологии марксовской политической экономии. Частные ошибки т. Рубина, при общей правильной установке его работ, отходят потому на задний план.

Тов. Бессонов и его друзья полагают, что в политической экономии должны занять большее место, чем занимали до сих пор, и выступить в качестве самостоятельного объекта изучения, во-первых, материально-технический процесс производства, как таковой; во-вторых, неовещественные, т. е. организованные, отношения внутри предприятия, треста и т. п.; в-третьих, общен исторические законы, значимые для всех времен и народов, вроде «закона пропорциональности трудовых затрат». В этих требованиях сказывается в известной мере давление советского бытия на паше создание, ибо особое внимание всем перечисленным моментам в советских условиях диктуется самой экономической системой. С другой же стороны и в основном, это — результат переоценки организованности монополистического капитализма, результат непонимания существа ленинской теории империализма.

По т. Бессонову, с ростом технического разделения труда, в особенности с ростом монополий, идет процесс отмирания стихийных закономерностей и категорий политической экономии. Монополии, по т. Бессонову, это прежде всего сурогат планового начала. Тов. Бессонов полагает, что если опрощаться изучением производственных отношений, притом прежде всего стихийных, овеществленных, то объект политической экономии будет все время суживаться, особенно с процессами рестификации, концентрирования и т. п. Боясь этого сужения, т. Бессонов стремится преодолеть его методами реально-исторической школы, выбросившей за борт теорию и углубившейся в конкретные проблемы материально-технического процесса производства. Что это так, видно из того, что, по т. Бессонову, эти устремления реально-исторической школы вытекают не из ее буржуазного классового существа, а из структурных изменений в самом капитализме. Если это верно, то не только возможно, но и должно следовать ее примеру.

Однако на самом деле мы не имеем никакого отмирания стихийности и категорий политической экономии в пределах капитализма. Наоборот, стихийность в целом растет, несмотря на рост монополий. Непонимание этого ведет к недооценке противоречий современного капитала. С другой стороны, это может явиться исходным пунктом ошибок в области оценки советской экономики. Именно поэтому поднятые в дискуссии проблемы имеют не только теоретическое значение.

Тов. Розенберг, Д. Казалось бы, что можно вполне принять положение т. Рубина, гласящее, что политическая экономия изучает производственные отношения или систему производственных отношений капиталистического общества. Но т. Рубин этим не ограничивается. У него к этому определению есть очень существенное дополнение, а именно, что производительные силы являются предпосылкой. Это дополнение отнюдь не является традиционным для марксистской литературы, а представляет собой некоторую новеллу, вносимую самим т. Рубиным.

Политическая экономия должна быть отграничена от всяких иных наук, как технических, так и социальных, должна иметь свой собственный объект изучения. Пограничным столбом, отделяющим политическую экономию от технологии, является утверждение, что политическая экономия изучает производственные отношения. Тем самым она определяется как социальная наука. Однако это является недостаточным. Возникает необходимость в установке еще одного пограничного столба, отделяющего политическую экономию от других социальных наук. Все общественные науки имеют объект своего изучения социальные отношения, поэтому те отношения, которые входят в предмет нашей науки, должны быть как-то особо определены. Момент связи производственных отношений с производительными силами представляет собой тот второй пограничный столб, который отделяет политическую экономию от других социальных наук.

Тот, кто хочет действительно понять предмет марксистской политической экономии, тот не должен подходить к вопросу с какими-то апробированными суждениями. Для выяснения предмета нашей науки необходимо проанализировать «Капитал» Маркса, и не отдельные его главы, а весь этот труд. И если мы приступим к подобному анализу, то с несомпенностью обнаружим, что рассуждения Маркса отнюдь не вяжутся с тем определенным предметом политической экономии, которое дает т. Рубин.

Производительные силы являются своего рода двуликим. Одним своим лицом они обращены к обществу и постоянно на него влияют, другой же своей стороной они обращены к природе. Я согласен с тем, что эта вторая сторона нас не интересует, является предпосылкой. Но если стать на путь полного абстрагирования производ-

ственных отношений от производительных сил, то тогда получится, что из-за деревьев исчезает лес, из-за отрыва производственных отношений от производства исчезает последнее. Производственные же отношения, абстрагированные от производства, волей-неволей передвигаются в область обмена. Эти производственные отношения в самом производстве как будто бы уже незаметны, в обмене же их можно как бы прощупать.

Когда мы говорим об определении политической экономии, то мы обязаны помнить, что в этом определении должно быть дано все основное содержание нашей науки, должна быть раскрыта ее сущность. А разве противоречия между производительными силами и производственными отношениями не составляют этого содержания? Очевидно, они выходят в содержание нашей науки. Отсюда следует, что в самом определении политической экономии должно быть отмечено, что производительные силы развиваются, что между этими силами и производственными отношениями существуют определенные взаимоотношения, являющиеся тоже противоречивыми. В этом определении должно быть отмечено, что наступает такой момент, когда развитие производительных сил перерастает производственные отношения. Поэтому для нас не приемлемо положение, которое выставляет т. Рубин, что в политической экономии производительные силы полностью отсутствуют.

Тов. Леонтьев, А. Центральным пунктом спора является повидимому вопрос об определении предмета политической экономии. Много десятков лет марксисты занимаются политической экономией и вдруг в современной сложной обстановке они не нашли лучшего применения своим научным силам, чем спор по вопросу о предмете своей науки. Как зло Р. Люксембург в свое время издевалась над буржуазными экономистами, не умеющими толком определить предмета своей учености!

Тов. Марецкий предложил нам на выбор два чрезвычайно сходных определения политической экономии, различающиеся между собой, по его словам, лишь различной акцентировкой. Первое определение: политическая экономия изучает капиталистическую форму общественного воспроизводства. Второе — политическая экономия изучает общественное воспроизводство в его капиталистической форме. В первом определении, по словам т. Марецкого, материальное производство выбрасывается за борт политической экономии; во втором — продолжает быть предметом исследования, хотя и в особой общественной форме. Но почему же собственно изучение капиталистической формы общественного воспроизводства неизбежно связано с такими неприятностями для материального производства, как внесудебное выселение из научного дворца политической экономии? Тов. Марецкий согласен с определениями, данными Марксом и Лениным. Но последние под капиталистической формой производства понимали совокупность общественных отношений людей. Энгельс прямо называл политическую экономию наукой об усилиях и формах производства и обмена. Бухарин неоднократно высказывался в том смысле, что предметом политической экономии является исследование отношений, которые возникают между людьми в их борьбе с природой.

Таким образом мы можем утверждать, что тов. Марецкий не справился с поставленной перед собой задачей. Две пары определений, которые он формулирует, не связаны между собой. В первой паре разница чересчур тонка и неуловима, во второй — чересчур груба и очевидна. Между обеими парами отсутствует необходимая логическая связь.

По словам т. Марецкого спорные проблемы начинаются, когда мы вступаем в область, где опосредствуется связь между производительными силами и производственными отношениями. Тов. Марецкий ставит вопрос: являются ли такие понятия как процесс труда, процесс производства, производительность труда, — понятиями общественно-техническими или политико-экономическими?

Мы полагаем, что эти понятия являются одновременно и техническими и экономическими категориями. При изучении этих понятий со стороны отношений человека к природе — мы будем иметь технические категории; те же явления могут изучаться со стороны общественно-производственных отношений людей, тогда мы будем иметь категории экономические. Тов. Марецкий сам указывал, что его отнюдь не прельщает в качестве составного элемента предмета политической экономии канализационная система в Индии, о которой говорится в «Капитале» Маркса.

Как же обстоит дело в отношении овеществленных и неовеществленных производственных отношений. Должна ли политэкономия изучать только первые, или она должна также уделять внимание и вторым, спрашивает тов. Марецкий и не колеблясь отвечает во втором смысле. В отличие от т. Марецкого мы, однако, полагаем, что нельзя овеществленные отношения изучать специально и отдельно от отношений овеществленных, вне их взаимной связи и переплетения. Политическая экономия изучает общественные отношения людей, проявляющиеся через посредство вещей. Это не исключает так называемых неовеществленных отношений, ибо эти последние рассматриваются нами лишь в тесной связи с отношениями овеществленными.

За различными, иной раз трудно уловимыми, нюансами в определении здесь скрывается серьезное расхождение по глубоко принципиальному вопросу. Недаром т. Марецкий свое требование прав гражданства для неовещественного сектора производственных отношений подкрепил ссылкой на империализм, представляющий собой, по его словам, особенно разительный пример выступления неовещественных отношений. Верно ли, что в империалистическую эпоху мы имеем лишь односторонний процесс перерастания овещественных отношений в неовещественные, причем анархия производства в целом, как милостиво соглашается т. Марецкий, сохраняется? Разве сущность ленинской теории монополистического капитала заключается в том, что с подобным шествием монополии где-то на задворках сохраняется «недорезанная» конкуренция, а не в том, что рост монополии неизбежно ведет к невиданному и необычному обострению и усилению конкурентной борьбы? Вот вопросы, которые т. Марецкому не мешало бы, выражаясь в его стиле, еще основательно проработать.

Тов. Марецкий сообщил нам некоторые предлагаемые им нововведения в области экономической теории. Капиталистическое воспроизводство можно, по словам т. Марецкого, условно расчленить на три элемента: воспроизводство материально-технического аппарата, далее капиталистических отношений и, наконец, — капиталистических категорий. По т. Бессонову, три этажа располагаются еще проще: производительные силы, производственные отношения, экономические категории. Но необходимым условием любого аналитического расчленения является хотя бы некоторая однородность расчленяемых элементов. Нельзя паровоз расчленить на котел, колеса, трубу и, скажем, способность к движению.

Смешно было бы говорить о противоречии между производственными отношениями и экономическими категориями, подобно тому, как мы говорим о противоречии между производственными отношениями и производительными силами. Если последнее противоречие есть основной закон движения общества, то первое противоречие свидетельствовало бы лишь о том, что наши экономические категории никуда не годятся.

Маркс в своем учении о товарном фетишизме дал блестящее социологическое введение в теоретическую экономику. Тов. Марецкий определенно заявил, что ему в настоящее время это введение представляется абсолютно недостаточным. По его словам, вещи имеют общественное бытие еще в другом смысле, в том, что они определенным образом располагаются между классами, между людьми, что они создают, фиксируют, оформляют разделение труда и его обобществление, входят в личное или производительное потребление и т. д. Вот эту роль вещей тов. Марецкий считает необходимым специально ввести в предмет теоретической экономики особо и независимо от тех социальных функций вещей, когда они выступают в качестве носителей экономических категорий.

Как это на первый взгляд ни покажется парадоксальным, т. Марецкий, который только что довольно прозрачно и совершенно незаслуженно упрекал Рубина в способности произвольно расчленить нерасчленимое (в вопросе о технической стороне социальной стороне производительности труда), здесь сам предпринимает операцию именно такого типа. В связи с этим невольно привести мнение одного закоренелого нематериалиста на сей счет. «Материальными общественными отношениями» этот автор называл такие, которые складываются, не проходя через сознание людей: обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение» (Ленин).

Перейдем к центральному и решающему пункту всего выступления т. Марецкого, к пункту, который бросает неожиданно яркий свет на весь ход его аргументации. Он ставит вопрос: изучает ли политическая экономия только форму проявления закона трудовых затрат или же она изучает и самый закон трудовых затрат, конечно, в связи с формой его проявления. Так спрашивает т. Марецкий. Но ведь для каждого марксиста совершенно очевидно, что нельзя форму проявления оторвать, изолировать от проявляющейся через нее сущности. Оказывается, однако, что речь идет о железном законе пропорциональности трудовых затрат и об идее хозяйственного равновесия. Речь идет в общем о вечных законах общественного производства. Здесь становится совершенно очевидным, что злоба сегодняшнего советского дня довлеет над всем теоретическим построением т. Марецкого. Глубокая тоска по вечным экономическим законам служит одной из форм проявления известного отношения к переживаемым трудностям социалистического строительства в отсталой стране.

Погоня за синей птицей идеального равновесия в условиях переходной экономики, стремление решать основные социально-классовые, хозяйственно-строительные задачи нашей революции по аналогии с экономической капиталистического типа, представление о плохом балансе, как основной причине наших трудностей, — все это вытекает бесспорно из той тенденции к расширению власти железных неизменных законов, глашатаем которой здесь выступил т. Марецкий. Кто не понял этого смысла его выступления, тот, мы полагаем, понял не очень много.

Тов. Лаптев, И. Для характеристики метода Маркса совершенно не достаточно указать, что его заслугой является резко проведенное различие между производительными силами и производственными отношениями, между содержанием и формой, как это утверждает Рубин. Провести резкое различие между двумя сторонами единого целого возможно путем чисто аналитическим. И отнюдь не аналитический метод сам по себе составляет особенность марксова метода. Столь же неправильным является утверждение Рубина, что главная особенность метода Маркса по сравнению с классиками состоит в том, что Маркс исследует проблему капиталистической формы производства, а классики исследовали проблему содержания. Такое противопоставление, хотя и не лишено известного значения, но не характеризует главной особенности метода Маркса. Материалистическая диалектика, применительно к политической экономии, есть отражение реальных процессов движения капиталистического общества. А реальные процессы не могут быть сведены ни к одному содержанию, ни к одной форме. Марксу удалось познать производственные отношения капитализма не только потому, что он отличал их от производительных сил, но — и это особенно важно — потому, что он взял их в единстве и противоречии с последними. Именно это неоспоримое положение мы и применяем к политической экономии, но мы отнюдь не предлагаем включить в политическую экономию изучение производительных сил, рассматриваемых с точки зрения технической. Мы подвергаем критике формально-логический разрыв производственных отношений и производительных сил, — разрыв, который ведет к невозможности познать движение капитализма и его гибель.

Нам могут возразить, что противоречия между производительными силами и производственными отношениями изучает не политическая экономия, а «социология». Такое возражение выдвинул, напр., представитель буржуазной «социальной» школы Петри. Вслед за Петри это же утверждает и Рубин. Рубин считает, что Маркс изучает только «экономические», «социальные» формы, «прикрепляя» их к «материально-техническому» базису. Отказ от изучения в политической экономии противоречий между производительными силами и производственными отношениями ничего общего не имеет с экономической теорией Маркса. Марксистская политическая экономия заимствует из исторического материализма учение о производительных силах и производственных отношениях и изучает противоречия между ними в капиталистическом обществе. Без этого нельзя понять и капиталистические производственные отношения.

Всем известно, что политическая экономия изучает закон движения капитализма. Но что такое экономический закон? С точки зрения марксизма, экономический закон движения капитализма выражает противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Те, кто утверждает, что в политической экономии производительные силы являются «только как предпосылка», что политическая экономия имеет дело только с производственными отношениями, — те должны в се исторические законы капитализма выводить из одних производственных отношений. Последнее, конечно, не исключает того, что и производительные силы и производственные отношения имеют известную относительную самостоятельность в своем развитии.

Буржуазная «социальная» школа западных экономистов выдвинула обвинение, что метод Маркса дуалистичен. Дуализм марксистского метода по ее мнению состоит в том, что в марксистской политической экономии находятся в недопустимом соителстве материальное производство и социальные отношения. Против такого обвинения марксизма выступил Рубин. Монистичность метода Маркса Рубин усматривает в том, что в политической экономии Маркса нет места материальному производству, политическая экономия изучает только «социальные формы», их «усложнение» и т. д. прикрепляя их к производству, как «предпосылку». Марксистский метод действительно монистичен, но не в том смысле, как это изображает Рубин. Общественное материальное производство и производственные отношения Маркс берет не только в различии, но и в единстве и раскрывает в последнем основные законы развития капитализма.

Необходимо вести борьбу на два фронта: с одной стороны, необходимо продолжать борьбу против механического метода в политической экономии, представленного в работах Богданова и Степанова. С другой стороны, в настоящее время необходимо сосредоточить особенное внимание на борьбе против так называемого «социального» направления в политической экономии, представленного у нас в СССР в работах Рубина. Решающие победы диалектического материализма над механическим и философией дают нам крупную основу для борьбы против уклона от марксизма в политической экономии.

Тов. Манукян, А. В своем сегодняшнем выступлении т. Кон полностью повторил взгляды Богданова. По утверждению т. Кона, логический порядок эконо-

мических категорий обязательно должен целиком и полностью совпадать с историческим развитием явлений. Такое положение, конечно, не имеет ничего общего с марксизмом. Согласно точке зрения т. Кона торговый капитал должен был разбираться раньше промышленного капитализма, рента—раньше прибыли и т. д. Маркс такого порядка в размещении категорий, как известно, не придерживался. Их рассматривал подобным образом только Богданов, которого и повторяет т. Коп. Если бы последний действительно хотел дать адекватное представление Маркса на соотношение исторического и логического, то он не должен был бы упустить чрезвычайно важные, прямые указания Энгельса на порядок размещения экономических категорий у Маркса. Но эти указания говорят не за, а против т. Кона.

В своем утверждении, что «клеточкой», «ячейкой» всей системы должен быть товар, а не (простая) форма стоимости, т. Бессонов находится в прямом противоречии с Марксом и Лениным. Ошибка в «ячейке», «клеточке» есть «клеточка» всех его дальнейших ошибок.

Было бы смелко т. Бессонову предлагать марксистской политической экономии начать заниматься меновой стоимостью. Он желает ввести в предмет ее анализа именно потребительную стоимость. И в этой связи далеко не случайными являются указания т. Бессонова на то, что производительные силы и производственные отношения равноправны в политической экономии. Его утверждение является повторением ошибок, некогда им совершенных. Я знаю, что тенденция, выраженная еще в книге «Развитие машин», представляет в своем развитии отход от марксизма. В этой книге мы имеем дело с сожалением, что послемарксистская политическая экономия не занимается потребительной стоимостью. Но, очевидно, что если т. Бессонов недоволен послемарксистской политической экономией, он должен где-то искать спасения. И действительно — он весьма сочувственно обращается к буржуазным экономистам.

То недовольство, которое выражает т. Бессонов, представляет собой вовсе не недовольство ортодоксального марксиста по отношению к уклоняющимся от Маркса людям, а есть недовольство человека, который изрядно подвергся влиянию так называемого (по его же собственной формулировке) реально-исторического крыла буржуазной политической экономии. Тов. Бессонов выступает как человек, который целиком является апологетом этой «реально-исторической школы». И с точки зрения этой школы он и высказывает неудовольствие всей послемарксовой политической экономией. Мы видим, что речь идет вовсе не только о т. Рубине, а о всей послемарксовой политической экономии, куда входят и Гильсфердинг, и Бухарин и Ленин и Роза Люксембург, и все те марксисты, у которых мы привыкли учиться.

Тов. Мотылев, В. По вопросу о необходимости создания особой науки — «общественной техники», т. Бессонов занял позицию, противоречащую его собственной концепции. Он считает необходимым всестороннее изучение производительных сил. Но это требует ведь создания особой науки, так как оно не может быть осуществлено в пределах политической экономии. Однако т. Рубин неправильно определяет предмет этой науки. Наука об общественной технике должна изучать историю техники, должна носить в большей степени историко-описательный, нежели теоретический характер. Вместе с тем она должна изучать развитие производительных сил в их взаимодействии с производственными отношениями.

Хотя я и не являюсь рубинцем, тем не менее не вижу никакой нужды отказываться от общепринятого определения политической экономии. Определение политической экономии как науки, изучающей производственные отношения капиталистического общества в их возникновении, развитии и упадке, является наиболее правильным, так как оно подчеркивает и момент производительный и момент общественных отношений. В учебный курс политической экономии могут на началах комплекса включаться элементы других наук—теории советского хозяйства, истории техники и т. д. Однако, они не входят в предмет политической экономии, как таковой.

Нуждающаяся в критике особенность концепции т. Рубина заключается в том, что у него выступает примат обращения над производством. Говоря об абстрактном и общественном труде, он отмечает (даже в третьем издании «Очерков»), что труд в производстве не является реально абстрактным и общественным, что в производстве он имеет эти черты лишь предварительно или идеально. На самом же деле, согласно Марксу, труд является общественным и абстрактным уже в самом процессе производства, в обмене же происходит лишь раскрытие, проявление реально существующего в производстве общественного и абстрактного характера труда.

Только при правильном понимании сферы возникновения общественного и абстрактного труда можно понять диалектический процесс развития противоречий между общественным и частным трудом и между абстрактным и конкретным трудом, между потребительной стоимостью и стоимостью. Так как т. Рубин считает, что труд

реально приобретает свои общественные черты только в обмене, то он не может объяснить возникновение противоречия между общественным и частным характером труда, его абстрактным и конкретным характером, потребительной стоимостью и стоимостью. И это вполне понятно, так как обмен есть та сфера, где эти противоречия разрешаются.

Вместе с тем, отрицая реальное (хотя и скрытое) существование абстрактного и общественного труда в производстве, т. Рубин уничтожает основу марксовской теории прибавочной стоимости. Маркс утверждает, что рабочий в процессе производства конкретным характером своего труда переносит на предмет труда стоимость потребленных средств производства, абстрактным характером — создает новую стоимость, а, значит, — и прибавочную стоимость. Как можно это примирить с концепцией т. Рубина? Если абстрактный труд реально в производстве не существует, то как он может создавать в производстве прибавочную стоимость?

Корень ошибок т. Рубина — в непонимании роли исторического и специфического типа разделения труда в образовании абстрактного и общественного труда. Тип разделения труда, т. е. тип отношений в сфере производства, — историчен и специфичен. Поэтому абстрактный характер труда возникает в производстве.

Став на неправильный путь в вопросе об абстрактном труде, т. Рубин искажает самую диалектическую часть из первой главы «Капитала» — учение о формах стоимости. Он не смог развернуть эту сторону диалектики, ибо у него в производстве нет противоречий. Поэтому я утверждаю, что подобная концепция глубоко ошибочна и недialeктична. Точка зрения т. Рубина марксистов удовлетворить не может.

Докладу было дано очень многообещающее, чересчур широкое заглавие. То, что мы слышали от т. Рубина, представляет собой несколько иллюстраций диалектического метода, но отнюдь конечно не выяснение диалектики категорий в экономической системе Маркса. Если бы т. Рубин пытался выяснить эту диалектику, то ему пришлось бы говорить не только о структурных категориях, но и о таких, где проявляется динамика процесса: норма прибыли, органическое строение капитала и т. д. Ему тогда пришлось бы перенести центр тяжести на диалектику процессов. Однако я думаю, что и те вопросы, которые разработал т. Рубин, являются весьма важными. В общем и целом а в выдвинутыми им здесь иллюстрациями диалектики в «Капитале» согласен, за исключением некоторых отдельных вопросов.

Тов. Ланде, Е. Нам необходимо здесь отметить, прежде всего, как понимают так называемые критики вопрос о взаимоотношении между производительными силами и производственными отношениями. В этом вопросе т. Кон следует по пути, намеченному еще Богдановым. Он считает, что решающим в деле развития общества является энергетический баланс между обществом и природой. В «Лекциях по методологии» т. Кон, начиная с рассмотрения энергетического баланса человека (процесс существования человека требует постоянных затрат его животной энергии, определяется количеством этих затрат), обобщает на все общество и приходит к выводу, что энергетический баланс между обществом и природой является решающим в деле развития общества. Таким образом, согласно т. Кону, вся суть развития производственных отношений заключается в том, что происходит своеобразный естественный отбор на основе известного энергетического базиса. Это теория и привела т. Кона к его физиологической трактовке абстрактного труда.

Богдановская теория общественно-энергетического баланса была в свое время резко раскрытикована Лениным. Она неправильна и по существу. Подобно тому, как механисты сводили все сложные явления к явлениям простым, сложное качество — к простым закономерностям, — подобно этому т. Кон сводит все общественное развитие и противоречия между производительными силами и производственными отношениями к энергетическому балансу. Это неверно потому, что решающими в деле развития общественной формации являются те внутренние закономерности, которые присущи только данной общественной формации, которые определяют тип развития данного общества.

Если т. Кон сводит все сложные общественные явления к энергетическому балансу, то т. Бессонов в свою очередь сводит общественную форму к орудиям труда, к технике. Маркс говорит, что экономические эпохи различаются не тем, что в них производится, а тем как производится. Из этого отнюдь не следует, что различие общественных формаций можно свести только к различию орудий труда. Очевидно, что для т. Бессонова экономические категории выражают не только производственные отношения; эти экономические категории выражают для него и определенные орудия труда.

Тов. Инал Бутаев. В основной части доклада Рубина мы не получили не только материалистической диалектики, но и диалектики идеалистической.

Система капиталистических производственных отношений вызывается определенным развитием производительных сил, и на известной ступени развития тех же производительных сил эти капиталистические производственные отношения делаются излишними. Если же теперь, как это делает т. Рубин, откинуть производительные силы и оставить изучение одних только производственных отношений, то неизвестно, когда окончится усложнение капиталистических производственных отношений. Тут нет противоречия, тут нет конца развития этого усложнения, тут поэтому не только нет диалектической исторической установки, но и не имеется увещание капиталистических производственных отношений.

В качестве примеров Рубин берет поляризацию в товарном мире функции денег, фазы кругооборота капитала и движение доходов. Если мы возьмем «Капитал», то ясно, что основное в «Капитале» заключается не только в изолированном рассмотрении этих отдельных моментов. Все остальные моменты и категории «Капитала» располагаются на определенной основной стержневой проблеме. А этой стержневой проблемы у Рубина нет.

Рубин начинает с процесса дифференциации в товарном мире вообще, с поляризации товара па товар и денег. Этой рыночной поляризацией Рубин объясняет «классовую» дифференциацию. Именно по этой линии возникают у него «классовые» группировки. Но о том, что в капиталистическом обществе с неизбежной необходимостью возникает класс рабочих и что это не есть результат рыночной дифференциации, об этом нигде на протяжении всего анализа у Рубина не сказано. А ведь основным вопросом в «Капитале» Маркса, является вопрос о том, каким образом, — а это тоже диалектика, — каким образом оторванный от средств производства рабочий снова должен воссоединиться со средствами производства, но уже через продажу своей рабочей силы «капиталу», и каким образом это противоречие развивается до предела, до конца — как выражается Ленин.

Рубин прослеживает диалектическое развитие категорий, «основных» категорий в «Капитале» Маркса, но па такой основной категории, как заработная плата и рабочая сила, он не считает нужным остановиться. Маркс же считает заработную плату, как форму движения внутренних противоречий капитала, самой основной категорией в «Капитале». «Деньги скрывают, — пишет Маркс, — даровую работу наемного рабочего... На этой внешней форме проявления... покоятся... все мистификации капиталистического способа производства, все порожденные им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной экономии». У Рубина «классовая» дифференциация идет по линии обособления функций денег, по линии кругооборота капитала, по линии дифференциации доходов, но в системе Рубина, который трактует о диалектике в «Капитале» Маркса, нет дифференциации по линии возникновения рабочего класса, по линии борьбы рабочего класса.

Ничего из основных противоречий, основных диалектических превращений, которые мы имеем в «Капитале» Маркса, у Рубина нет. Вместо этого Рубин берет отдельные, замкнутые, друг от друга отделенные китайской стеной, диалектически не переходящие друг в друга кругленькие фазы, возникающие каждый раз из движения обособленной основы. Противоположные обособляемые функции и фазы сводятся к той же основе, из которой возникают. Нет диалектического перехода от одной основы к другой основе. У Рубина мы имеем такое положение, о котором Энгельс говорит в «Анти-Дюринге», что «гегелевское учение о сущности низведено до плоской мысли о силах, движущихся в противоположном направлении, но не противоречиво».

Рубин говорит о законе единства противоположностей в связи с отрицанием, но у Рубина нет переходов, где бы противоположности с неизбежной силой развития показывали возникновения новых иррациональных форм движения, в которых осуществлялся бы противоречивый процесс. Противоположное движение их не есть еще противоречивое движение, раз нет борьбы между противоположными движениями и неизбежного слияния противоположных сторон в одну новую категорию.

Ясно, что здесь далеко до понимания диалектики.

Тов. Карев, Н. Дискуссия пошла по пути обсуждения некоторых предварительных проблем, как бы подготовительных к тем проблемам, которые должны возникнуть при конкретном рассмотрении диалектики «Капитала». Ряд важнейших вопросов, затронутых в докладе, остался в прениях неразобранным. Следуя ходу прений, я ограничусь рассмотрением двух подобных предварительных вопросов.

Прежде всего необходимо отметить, что предмет политической экономии является исторически развивающимся предметом. Каждый общественный организм, каждый исторический данный способ общественного производства характеризуется особыми, только ему присущими законами движения и развития. Соответственно этому

не может существовать системы законов и категорий, годной для всех исторических эпох. Может быть лишь система законов, характеризующих возникновение, функционирование, развитие и гибель данной экономической структуры, совокупности производственных отношений определенной общественно-экономической формации.

Историзм политической экономии заключается таким образом в том, что предмет ее есть исторически развивающийся предмет. Марксистская политическая экономия исторична и потому, что метод, которым она пользуется, является диалектическим методом. Этот метод представляет собой не что иное, как исторический метод в его рациональной форме. Что же такое диалектический метод? Еще Гегель указывал, что диалектический метод познания представляет не что иное, как единство аналитического и синтетического познания предметов. Дело политической экономии, согласно Марксу, заключается не только в том, чтобы аналитически свести данную сложную форму, являющуюся продуктом долгого исторического развития, к ее простейшим элементам и предпосылкам, а и в том, чтобы генетически развить различные формы, различные фазы действительного процесса развития. Движение категорий в системе политической экономии не есть их формальная дедукция одной из другой, а представляет собой их синтетическое развитие, синтетическое движение, отображающее реальное усложнение общественных отношений и углубление процесса его познания.

Развитие категорий в «Капитале» представляет собой, с одной стороны, отражение исторического развития производственных отношений товарно-капиталистического общества, а с другой стороны — оно представляет собой синтетическое движение мышления, воспроизводящего конкретное многообразие явлений развитого капитализма. Благодаря тому, что логическое и историческое не исключают друг друга, развитие категорий «Капитала» есть не только логическая дедукция. В этой работе дается не саморазвитие пустых и абстрактных форм, а воспроизводится и осознается диалектика реальных процессов.

Предметом политической экономии в том виде, в каком ее дал Маркс в «Капитале», является изучение развития и смены производственных отношений капиталистического общества. Предмет политической экономии тем самым включает в себя и классовые отношения, непосредственно вырастающие из общественных производственных отношений. Политическая экономия ни в малейшей степени не может абстрагироваться от классового деления общества, а непосредственно включает рассмотрение его в свой предмет.

Можно сказать в известном смысле, что производительные силы и производственные отношения представляют собой содержание и общественную форму определенного способа производства. Диалектический материализм рассматривает соотношение между формой и содержанием таким образом, что содержание полагает и предполагает форму. Движение содержания есть то, что полагает смену различных форм, но с другой стороны, сама форма не есть что-то внешнее и пассивное по отношению к содержанию. Сама форма есть содержательная форма. Диалектика взаимоотношений между производительными силами и производственными отношениями такова, что движение содержания, обусловив появление определенной формы, совершается затем в пределах этой формы и под ее влиянием. Раз возникнув, определенная форма производственных отношений не представляет собою пассивного отражения производительных сил, а есть форма, дает закон их дальнейшего развития.

Маркс полагает, что движущий стимул развития производительных сил капитализма не может рассматриваться вне системы его производственных отношений, а именно в них находит себе основание, реализуясь в борьбе классов. Развитие содержания в пределах определенной формы создает противоречие между ними. Поэтому политическая экономия имеет предмет своего изучения именно те социальные формы, которые способствуют развитию производственных сил при капитализме и в то же время вступают в противоречия с ними. Она изучает, каким образом совершается смена тех производственных отношений, которые мы имеем при капитализме, и как подготавливается переход к новой общественной формации.

Тов. Абезгауз, Г. Тов. Рубин ставит знак равенства между техникой производства и производительными силами. На основании такого знака равенства производительные силы определяются как совокупность несоциальных факторов хозяйства. Но точь-в-точь такое определение дают почти все тонкие буржуазные критики Маркса, всячески стараясь изобразить материализм Маркса как материализм механический. Они заявляют, что марксизм занимается сведением явлений одного качества к явлениям другого качества, что он будто бы сводит социальное — к натуральному, производственные отношения — к технике (поскольку техника для таких критиков, как и для т. Рубина, равна производительным силам).

На самом же деле техника, если ее понимать как совокупность натуральных факторов хозяйства, не тождественна с производственными силами. С точки зрения

диалектического материализма деятельность людей в материальном процессе производства определяет их общественную жизнь, все другие роды их общественной деятельности. Это означает, что производительные силы должны нами рассматриваться в движении — как действия человека в определенной материальной среде. Этот процесс движения, в котором участвуют люди, совокупный человек, и участвуют не пассивно, а активно, мы и называем производительными силами. Поэтому нельзя ставить знак равенства между техникой и производительными силами.

Поставив этот знак, т. Рубин неизбежно приходит к следующей постановке вопроса: мы должны, исследуя социальные формы, связать их с материально-техническим процессом производства и даже вывести из этого материально-технического процесса социальные формы. Каким образом это делается? На этот вопрос он не дает ответа, потому что в такой постановке, когда социальная форма противопоставляется натуральному, будто бы не социальному, процессу производства, задача неразрешима. Тов. Рубину, чтобы не отказываться прямо от марксизма, приходится всячески обходить и замазывать им же поставленный вопрос. Конечной целью науки, по его мнению, является познание капиталистического общества как единства его производительных сил и производственных отношений. Но для этого надо разделить это единство на две стороны, одна из которых изучается политической экономией, другая же изучается в науке об общественной технике. При этом т. Рубин не дает никакого ответа на вопрос, как этими двумя науками с разными объектами будет достигнута единая цель. Как же решается эта задача на самом деле?

Связь производительных сил с производственными отношениями представляет проблему не только политической экономии, но и теории исторического материализма. Но исторический материализм в отличие от политической экономии рассматривает производительные силы таким образом, что они могут быть в той или иной форме, т. е. рассматривает их независимо от данной определенной их формы. Политическая же экономия подходит к ним как к производительным силам определенного общества, капиталистического общества. А раз это так, то необходимо признать, что в области политической экономии производительные силы выступают не как таковые, не в качестве процесса труда, как такового, да еще на «равноправных» началах, а что они выступают в совершенно определенной специфически-исторической форме, в форме капиталистического способа производства.

Способ производства есть общественный способ соединения производителей со средствами производства в самом процессе производства. Капиталистический способ производства характеризуется тем, что средства производства противостоят производителю как капитал. Способ производства характеризует производственные отношения данного общества, являясь формой развития производительных сил этого общества, — формой, определяющей все направление и характер их развития. Способ производства включает в себе, как момент, производственные отношения данного общества, развивающиеся и реализующиеся в распределении и обмене продуктов. Производство (форма производства) в этом смысле является пунктом, исходя из которого следует развить соответствующие данному способу производства формы распределения и обмена. Способ производства определяет общественную форму его продукта и способ его присвоения. В процесс реализации (в капиталистическом обществе — в процесс обращения) продукт вступает как объективный носитель определенных общественных отношений. Общественная форма продукта, являясь отпечатком производственных отношений, определяет способ реализации последних, формы распределения и обмена. Производственные отношения с этой точки зрения являются отношениями воспроизводства, охватывающими производство, распределение, обмен и потребление и в сумме своей составляющими экономическую структуру общества. Изучение этой структуры в рамках капитализма, изучение ее динамики или общественных законов движения производительных сил и составляет задачу политической экономии. Политическая экономия изучает производственные отношения капитализма и их развитие как форму (закон) движения производительных сил данного общества. Она изучает капиталистический способ производства с соответствующими ему отношениями распределения и обмена в их развитии, неотделимом от развития производительных сил капитализма. Нельзя отделить развитие капиталистической эксплуатации и классовых противоречий капитализма от развития машин и концентрации производства. Но это последнее рассматривается в политической экономии лишь в связи с развитием капиталистического способа производства, лишь через призму этого последнего, а не как технический прогресс.

Маркс, открыв капиталистический способ производства, сделал форму производства исходным пунктом своего метода исследования общественных формаций. Рубин отходит от Маркса, т. к. он характеризует капитализм, исходя из обмена, как

социальной формы воспроизводства, тогда как «социальная форма воспроизводства» есть лишь развитие социальной формы производства.

Тов. Рубин не случайно поставил обмен во главу угла. Это вытекает из всей его концепции. Тов. Рубин видит социальное в сознательном, волевом отношении субъектов друг к другу. Социальное для него там, где происходит увязание воли независимых субъектов хозяйства, т. е. идеальный процесс осознания взаимной зависимости людей. Производственный процесс в товарном хозяйстве не имеет заранее и сознательно организованного устройства в виде идеального плана, связывающего нормативно волю субъектов хозяйства. Поэтому т. Рубин и не считает процесс товарного производства сам по себе социальным процессом, а относит его в область натурального, материально-технического. Социальный процесс товарного хозяйства—это для т. Рубина рынок, место, где происходит увязывание «свободных» воли автономных товаропроизводителей, где создаются «производственные отношения обмена» (!). Лишь потому, что этот процесс «кладет свой отпечаток на фазу непосредственного производства», последняя приобретает социальный характер.

По Марксу дело обстоит как раз наоборот: лишь потому, что процесс производства кладет свой отпечаток на фазы распределения и обмена, последние получают определенный социальный характер.

Из ложной установки т. Рубина в понимании связи производительных сил и производственных отношений капитализма вытекает и его извращение ленинского определения политической экономии, которым Рубин прикрывается.

Рубин как классификатор «социальных форм» ставит своей задачей исследовать ряд усложняющихся типов волевых отношений людей или договоров, которым соответствуют различные социальные формы вещей, а не материальные производственные отношения людей в их возникновении, развитии и гибели как форму (закон) движения производительных сил капитализма.

Против т. Рубина, как и против т. Кона, отходящего от своих ошибок, но не ликвидировавшего их полным и открытым отказом от своей прежней позиции, действительно положение, выдвинутое нами на страницах «Вестника Коммунистической Академии»: политическая экономия ставит своей задачей посредством анализа противоречия между производительными силами и производственными отношениями товарного хозяйства вскрыть закон движения (возникновения, развития и гибели) капитализма как исторически обусловленной и ограниченной экономической формации общества.

Тов. **Островитянов, К.** Блок т. Бессонова с т. Коном является единством противоречий: каждый из них прежде всего противоречит самому себе, во-вторых, они противоречат друг другу; единство же их заключается в том, что оба они, хотя и не всегда, одними и теми же путями идут к Богданову. Начнем с предмета политической экономии.

Тов. Бессонов в непосредственный объект политической экономии включает производственные отношения, производительные силы, потребительскую стоимость, неовещественные организованные производственные отношения и т. д. В данном случае т. Бессонов идет за Богдановым, который включает в предмет политической экономии наряду с производственными отношениями также производительные силы и идеологию. При этом расширение объекта политической экономии оба они мотивируют одними и теми же доводами,—тем, что в жизни наблюдается единство производительных сил и производственных отношений, а потому они должны, как говорит т. Бессонов, равноправно входить в предмет политической экономии. Только т. Бессонов, в противоположность Богданову, не доводит до логического конца своей концепции. Он не включает в предмет политической экономии идеологию и не считает политическую экономию внеисторической наукой, как это делает Богданов. Однако, если бы т. Бессонов хотел быть последовательным, то он должен был бы притти к выводу, что политическая экономия есть наука внеисторическая, изучающая все способы производства, и что она будет существовать при коммунизме. Только при коммунизме несколько сузится ее объект: отпадут стихийные овеществленные производственные отношения и останутся производительные силы и организованные производственные отношения.

Тов. Кон в вопросе о включении в предмет политической экономии производительных сил, потребительской стоимости и организованных производственных отношений до последнего времени держался правильной точки зрения, т. е. не включал их непосредственно в объект политической экономии; теперь же он переходит на точку зрения т. Бессонова, хотя переходит далеко не полностью, давая вследствие этого соглашательские формулировки, замазывающие существенные разногласия. Но, кроме того, т. Кон идет к Богданову и самостоятельным путем—от абстрактного труда. Прежде всего т. Кон так же, как и Богданов, подходит к абстрактному труду только с точки зрения соизмерения трудовых законов; затем оба они дают ему чисто физиологическое определение, и, наконец, оба считают его внеисторической категорией. Только Богданов

опять-таки вполне последовательно делает отсюда вывод, что и стоимость есть внеисторическая категория. Тов. же Кош не доводит до логического конца своей концепции абстрактного труда и в вопиющем противоречии с ней усиленно подчеркивает исторически ограниченный характер стоимости. Но зато за тт. Коша и Бессонова их позицию доводит до логического конца проф. Кожанов, который, разделяя точку зрения т. Коша на абстрактный труд и точку зрения т. Бессонова на предмет политической экономии, приходит к выводу, что категория стоимости будет существовать и при коммунизме. Если связать таким образом точку зрения т. Бессонова на предмет политической экономии и точку зрения т. Коша на абстрактный труд с теми выводами, к которым приходит проф. Кожанов, то мы получим звенья единой богдановской системы.

Тов. Шибанов, М. Рубин в своем толковании предмета политической экономии отрывает производственные отношения от производительных сил, отрывает общественную форму материального процесса производства от самого этого процесса, механически рассекает единство, которым является производство в его общественной форме, на две части: нематериальную общественную форму и материальный процесс производства. Производственные отношения, взятые вне процесса материального производства и вне производительных сил, превращаются таким образом в мертвые бессодержательные формы. Ошибка Рубина заключается не в том, что он считает предметом политической экономии производственные отношения капиталистического общества, а в том, что он нематериалистически понимает сами эти производственные отношения.

Рубин, рассматривающий производственные отношения вне материального процесса производства, лишен возможности не только решить, но даже поставить вопрос о «способах связи между рабочей силой и средствами производства», чем по свидетельству Маркса различаются отдельные экономические структуры. Тем самым он оказывается вынужденным усматривать отличительную черту капитализма, как формации, не в отношениях эксплуатации, а в отношениях обмена самих по себе. Подобная трактовка вопроса ведет к обязательному отождествлению простого товарного хозяйства с капиталистическим, а капиталистического с нашим советским хозяйством.

Вместо того чтобы опровергнуть это обвинение, рубинцы предпочли обвинять в социал-демократической оценке нашей экономики своих противников. Последний путь гораздо легче, особенно если не стесняться в средствах. Тт. Борилли, Коровая, Леонтьев и Мендельсон, Л. не постеснялись прибегнуть к такому именно приему. Рубинцы «истолковали» точку зрения т. Бессонова так, как будто он понимает под экономической структурой технику. Прислав т. Бессонову то, чего у него нет, рубинцы начинают его поучать, доказывая, что если пользоваться критерием техники, то неизбежен вывод о господстве капиталистических отношений в социалистическом секторе советского хозяйства.

Чтобы судить о характере той или другой структуры, надо рассматривать не технику, взятую отдельно, и не «рубинские производственные отношения» сами по себе, а — как это повторил за Марксом т. Бессонов — способ соединения рабочей силы со средствами производства. Поэтому действительная концепция т. Бессонова не дает никаких оснований для обвинения его в отождествлении нашей экономики с капиталистической.

Концепция т. Бессонова гарантирует от тех политических выводов, которые вытекают из высказываний рубинцев, например, т. Бориллина. Из рубинской позиции т. Бориллина вытекает, что уровень развития производительных сил является вообще фактором, безразличным для оценки характера экономической структуры. Такая теория ведет к отрицанию взятого партией курса на индустриализацию страны. Такая теория ведет к поискам путей построения социализма в сфере регулирования основных, по мнению рубинцев, отношений обмена. Она смыкается с теориями Реннера и его друзей, предлагающих строить социализм путем социализации сферы обращения. С другой стороны, такая теория подводит теоретический базис под отвергнутое партией мнение, что основным методом построения социализма является кооперация обращения, а не индустриализация страны и не производственная кооперация.

Самого по себе факта, что мы представляем себе объект политической экономии не только как социальный, но в то же время и как материальный объект, — оказалось недостаточным, чтобы рубинцы обвинили нас в «богдановщине». Позиция Богданова отличается от нашей в том отношении, что Богданов внутри единства, которым является общественный процесс производства, не видит различий между технической и социальной стороной этого процесса. Если Рубин за различиями процесса производства и его общественной формы не видит их единства, то Богданов за единством не видит различий. Но при всем различии взглядов Рубина и Богданова корень ошибок их одинаков: и тот и другой в конце-концов не понимают, что собой

представляет общественно-обусловленный и общественно-оформленный процесс производства. Оба теоретика ревизуют Маркса. Поэтому наша задача бороться на два фронта: и против богдановщины и против рубинщины.

Тов. Реуэль, А. В вопросе о предмете политической экономии мы упираемся в так называемое «социальное» направление, ныне появившееся в буржуазной политической экономии. Тов. Бессонов изображает дело примерно таким образом: если вы скажете, что политическая экономия изучает производственные отношения или социальные формы вещей, то это точка зрения Амонна. Если же вы скажете, что политическая экономия изучает производственные отношения в их взаимодействии с производительными силами, то это — марксистское положение. Я утверждаю, что водораздел между Марксом и Амонном заключается в том, что Амонн вообще не знает категории производственных отношений. Он говорит только о социальных отношениях, которые у него не связаны с производительными силами, являются чисто формальными отношениями. У Маркса же социальные отношения тесно связаны с производительными силами. Амонн говорит, что социальными являются все те явления, которые эмпирически и непосредственно проявляются в виде взаимных отношений нескольких волеизъявляющих и действующих индивидуумов, отношений, являющихся в результате взаимной зависимости и обусловленности индивидуальной воли каждого. Если бы т. Бессонову действительно удалось доказать, что у Амонна есть категория производственных отношений, что у него имеется теория товарного фетишизма, тогда он доказал бы, что Амонн — марксист. Но это как раз и невозможно.

Тов. Бессонов утверждает, что абстрактный труд не является реальной категорией. Это утверждение механического материализма, а отнюдь не марксистское. Если мы признаем, что абстрактный труд не реален, то спрашивается: как тогда может существовать противоречие между конкретным и абстрактным трудом, раз одна из сторон этого противоречия объявляется нереальностью. Мы наблюдаем очень интересную картину. С одной стороны, т. Рубина обвиняют в том, что он отвел конкретному труду скромную роль предпосылки и тем самым дал неправильный анализ двойственной природы труда: а с другой стороны, т. Бессонов одну из сторон противоположности превратил в абстракцию, лишенную всякого содержания, в нечто нереальное.

В устном докладе т. Бессонов бросил эффектную демагогическую фразу: одному-де нравится функция денег, другому — классовая борьба. За этой кажущейся революционной фразеологией скрывается неревольюционное, оппортунистическое содержание. Принципиальное различие между Лениным и т. Бессоновым заключается в том, что Ленин утверждает, что во всех категориях политической экономии, в том числе и в функции денег, заключена классовая борьба. Больше того, противопоставлять категорию политической экономии классовой борьбе значит скатываться к Туган-Барановскому. Н. И. Бухарин в свое время указал на порок туган-барановщины, который заключается в том что, недостаточно только ссылаться на классовую борьбу. Необходимо указать, как эта борьба находит свое выражение в товаре. Теория трудовой стоимости отнюдь не вступает в конфликт с социальными моментами, напротив она их предполагает и учитывает. А этого т. Бессонову не дано понять. Отсюда совершаемое им противопоставление функций денег классовой борьбе.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО С. А. БЕССОНОВА

Почти все рубинцы заявляли, что у Рубина есть ряд спорных вопросов. Однако ни один из них не указал, какие именно вопросы являются среди них спорными, а таковых очень много, и вопросы эти совсем не второстепенные. Величайшая путаница господствует у них, напр., по вопросу о взаимоотношениях между производительными силами и производственными отношениями. Точно так же у рубинцев существует разногласие по вопросу о том, какие именно производственные отношения изучает политэкономия: только ли овеществленные или также и неовеществленные. Сам Рубин признает правильным первое положение; королевцы же, напротив, согласны со вторым, — они признают мое указание на то, что политэкономия не должна игнорировать отношений, которые не приобретают вещной формы, по существу.

По вопросу о предмете политической экономии у рубинцев встречаются три разные определения, причем два из них — немарксистские (наука о «социальных формах вещей», или наука об «обмене», или о «народном хозяйстве как единстве»). Что касается третьего определения — как науки о «процессе изменения производственных отношений у людей в зависимости от изменения производительных сил и нарастания противоречий между ними», данного на 11 стр. «Очерков», нужно сказать, что Рубин нигде и никогда не рассматривает экономических проблем согласно этому определению.

Рубин пытается присвоить себе монополию на пользование ленинским определением политэкономии, как науки, изучающей производственные отношения товарно-капиталистического общества в их возникновении, развитии и упадке. Однако, он берет при изучении только социальные формы без материального содержания. Мы же считаем, что политэкономия изучает материальное производство в его социальной форме, т. е. единство содержания и формы. Политэкономия изучает, по Ленину, производственные отношения в их возникновении, между тем Рубин не только не реализует определения Ленина, но наоборот—он, как известно, отрицает исторический приус стоимости и простого товарного хозяйства, рассматривая их только как логическую абстракцию капиталистического общества.

Точно так же он не реализует определения Ленина, что политэкономия изучает производственные отношения в их развитии: В лучшем случае Рубин дает не развитие, а расчленение производственных отношений, т. е. не диалектику их движения, а структуру их статического состояния.

В части упадка производственных отношений Рубин также нигде не показывает реальной основы классовой борьбы в капиталистическом обществе, нигде не упоминает о таких важнейших категориях капитализма, как буржуазия и пролетариат.

Рубинцы пытались воспользоваться определением Ленина, что политэкономия не должна выходить за пределы производственных отношений. Однако, в отличие от Ленина, у Рубина политэкономия выступает как чисто логическая наука, отрицающая порой связь с реальным историческим процессом: развитие товарной организации общества не изучается, развитие производительности труда Рубин отсылает в несуществующую еще науку об общественной технике; противоречие между растущей производительностью труда и основами капиталистической системы также не изучается, а отсылается к историческому материализму.

Попутно два слова о технике. Техника и технология не входят в предмет политэкономии. Однако ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не отрывались от материально-технической основы производственных отношений, рассматривая технику как материальный субстрат производительных сил, под углом воздействия ее на производственные отношения и с точки зрения этих последних.

Рубинцы отрицают обобществление труда в капиталистическом производстве. Подчеркивая анархию производства, они упускают из виду, что капитализм одновременно обобществляет труд и подготавливает предпосылки нового общественного строя. Надо всегда помнить, что движение капитализма определяется противоречием между общественным характером труда и частным характером присвоения.

Что касается нападок на мою формулировку причин кризисов, должен сказать, что я давал буквально формулировки Маркса и Энгельса. Рубинцы же докатились до утверждения, что противоречие между производством и потреблением не имеет отношения к имени Ленина; это указывает на их полное незнакомство с работами Ленина.

Рубинцы бросили своим противникам кличку механистов для того, чтобы прикрывать метафизичность и антидиалектичность своей собственной концепции, обнаруживающейся в следующем: Богданов изучал материальное производство, игнорируя его общественную форму. Это был механический материализм. Рубин же изучает общественную форму, игнорируя материальное производство. Это не механический материализм, а просто — идеализм, и притом метафизический. Богданов изучал количественную сторону стоимости, игнорируя ее качественное своеобразие, он отрывал количество от качества. Это был механический материализм. Рубин же отрывает качество от количества, сводя все учение о стоимости к обмену. Это просто — идеализм, и притом метафизический. Богданов изучал производительные силы, не различая их от производственных отношений. Это — механический материализм. Рубин тоже уничтожает противоречия между производительными силами и производственными отношениями, но не так, что видит единство, не видя различий, а так, что видит только различия, не видя единства. Он разделяет эти две стороны, причем каждую из них передает в особую науку. Однако любая из этих сторон без другой стороны перестает быть противоречием. Это — идеализм, и притом метафизический.

По вопросу о производительных силах и производственных отношениях т. Карев защищал здесь два тезиса: 1. Производительные силы есть содержание, производственные отношения — форма. 2. Производственные отношения товарно-капиталистического общества составляют предмет изучения политэкономии, как форма существования и развития производительных сил. Эта точка зрения совпадает с нашей. По Рубину же производительные силы — не содержание общественной формы, а ее и р е д п о с ы л к а.

Содержанием у Рубина служит общественная форма организации труда. Формой этого содержания является вещное его выражение, т. е. «социальная форма вещей»

Тов. Карев прав, подчеркивая значение общественной формы для развития производительных сил, но он не выясняет, каким образом примат в развитии принадлежит все же производительным силам. Совершенно верно, что производственные отношения, раз возникнув, приобретают способность некоторого самостоятельного движения, до известной степени независимого от развития производительных сил. Но Карев недостаточно подчеркивает, что это относится и к производительным силам, которые, конечно, не могут существовать вне своей общественной формы, но тем не менее имеют также способность самостоятельного, конечно, до известной степени, движения. Благодаря этому соотношение между формой и содержанием не может быть рассматриваемо как одинаковое на всех этапах развития данной экономической формации.

Известная общественная форма порождается развитием материальных производительных сил в борьбе со старыми общественными формами. Укрепившись, общественная форма начинает оказывать воздействие на производительные силы; так капиталистические производственные отношения создали возможность развития могучих потенций крупного производства; социалистические отношения обобществленного сектора советского хозяйства создали неслыханную прежде возможность развития потенций планового производства. Новая общественная форма ускоряет развитие материальных производительных сил, являясь ведущим началом по отношению к ним, что видно особенно нам, участникам социалистического строительства. Но одной формы недостаточно для развития экономической структуры: она должна создать себе соответствующий материальный базис. Таким базисом для построения у нас социализма является электрификация, чего не понимают гг. Борилин и Коровой. Следовательно, даже в социалистическом обществе ведущую роль производственных отношений мы должны понимать с оговорками, тем более оговорки необходимы по отношению к товарно-капиталистическому обществу. Это достаточно отгнетается т. Каревым. Его точка зрения правильна по отношению к советскому хозяйству, но политэкономия изучает товарно-капиталистическое общество, в котором производственные отношения сначала развивают производительные силы, а потом тормозят их развитие.

Мне кажется, далее, не совсем правильной формулировка т. Карева о том, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями следует понимать как противоречие между совокупностью производственных отношений и совокупностью производительных сил. Мы знаем, что в составе производственных отношений капитализма имеются и революционные и консервативные производственные отношения. Противоречие существует между производительными силами и той частью производственных отношений, которые задерживают развитие производительных сил, т. е. консервативными производственными отношениями.

Другое замечание по поводу выступления т. Карева относится к философской стороне дискуссии. Мы ожидали ответа на следующие четыре вопроса: 1. Допустимо ли выхватывать из диалектики один только «закон единства противоположностей» в связи с законом отрицания, как это сделал Рубин? Но в диалектике, насколько мне известно, закона отрицания нет, а есть лишь закон отрицания отрицания. 2. Допустимо ли излагать диалектику категорий в экономической системе Маркса, не сказав ни слова о законе перехода количества в качество и обратно? 3. Допустимо ли рассматривать скачок как простое усложнение формы, а новую форму—только как отрицание старой? 4. Допустимо ли, говоря о законе единства противоположностей, констатировать только самый факт противоположения, не показывая превращения противоположностей в противоречие? И допустимо ли в связи с этим для марксиста говорить о диалектике в «Капитале», забывая о классовой борьбе, являющейся выражением основного противоречия между производительными силами и производственными отношениями?

Тов. Карев отметил возможность двух уклонов: с одной стороны — формально-кантианского, и с другой стороны — механико-материалистического. Наиболее опасным он считает второй, так как он связывает его с правым уклоном в нашей партии. Но правый уклон может нарядить, как известно, в любой теоретический костюм.

Тов. Леонтьев в «Социалистическом строительстве и его критиках» правильно начинает свой обзор критиков с проф. Юровского, подчеркивая, что последний изучает только форму и игнорирует содержание, делает форму единственным предметом своего изучения и единственным признаком социально-экономической структуры, отождествляя на этом пути советскую форму хозяйства с товарной. Но т. Леонтьев почему-то не видит, что этот же отрыв формы от содержания развит во всех книгах Рубина.

Для правого уклона вообще характерна гипертрофия значения товарной формы, вещевой формы. Правый уклон смешивает пропорциональность и равновесие общественного производства, как таковые, с определенной исторической формой их установления, а именно с товарно-рыночной формой. Из того, что советское хозяйство есть хозяйство с наличием товарно-рыночных явлений, правый уклон делает вывод, что пропорциональ-

ность в нашем хозяйстве может быть достигаема теми же методами, что и в товарном обществе, т. е. через рынок, через вещи.

Рубин точно так же не знает никаких производственных отношений кроме отношений обмена, отсюда его презрение к неовещественным производственным отношениям и сфере производства вообще и величайшее внимание к сфере обращения.

Нам кажется поэтому, что концепция Рубина есть теоретическая база для критики нашего социалистического строительства справа.

Разумеется, мы ни на одну минуту не можем забыть об опасности, грозящей нам до сих пор со стороны богдановщины. Но в данный момент главную опасность представляют такие взгляды, согласно которым обмен и обращение выступают как единственный предмет изучения политэкономии, такие взгляды, согласно которым материальное производство превращается в предпосылку, а противоречие между производительными силами и производственными отношениями вместе с классовой борьбой отсылается к историческому материализму, который в свою очередь объявляется не имеющим отношения к политэкономии. С такой установкой нет и не может быть никакого применения. Она должна быть разбита и будет разбита.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО И. И. РУБИНА

Тов. Бессонов жалуется на то, что его оппоненты снизили «теоретический уровень» дискуссии. Между тем этот «высокий теоретический уровень» со стороны Бессонова и Кона свелся к тому, что они объявили мою работу антимакистской и ревизионистской. Однако несмотря на обвинение нас в ревизионизме наши критики сами вынуждены были во многом отказаться от своей точки зрения.

По вопросу о предмете политической экономии Бессонов заявил, что в предмет политической экономии должны входить «равноправно» производственные отношения и производительные силы. Теперь он вынужден признать ошибочность такого положения, заявляя при этом, что его неправильно поняли, так как он имел в виду овещественные и неовещественные производственные отношения. Бессонов писал, что «нигде и никогда Маркс не противопоставлял материально-технического процесса производства его общественной форме»; это означает, что между производительными силами и производственными отношениями не может существовать противоположности и противоречия.

Бессонов говорит, что мы, изучая производственные отношения людей, игнорируем производственные силы и устраняем этим противоречия между производственными отношениями и производительными силами. Он обвиняет нас в том, что мы не изучаем связи и противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Но ведь мы предлагаем изучать производственные отношения в их связи и противоречии с производительными силами. С точки зрения марксизма, методологически правильнее определить науку не как науку о связях а как науку о предмете, изучаемом в его связях со всем окружающим миром.

По вопросу о науке об общественной технике один из наших критиков заявил, что такая наука не нужна вовсе. Другой, — что эта наука Марксом включена в «Капитал». Бессонов же заявил, что эта наука пока еще не существует, хотя в своей книге «Развитие машин» он же говорит, что по истории техники уже накоплен материал.

Что же хочет Бессонов внести в предмет политической экономии? Он заявляет теперь, что мы изучаем в политической экономии не элементы производства а способы их совместного действия в техническом процессе. Между тем в своей работе «Развитие машин» Бессонов говорит, что область производительных сил — это область конкретного труда и потребительной ценности. Таким образом он вносит потребительную ценность в сферу изучения политической экономии. Все попытки ревизии марксовой теории стоимости начинались с жалоб на невнимание марксистской политической экономии к проблемам потребительской ценности.

В какой же мере мы вводим изучение производительных сил в политическую экономию? Марецкий спрашивает: «Неужели мы не будем изучать производительности труда?» — Я полагаю, что в пределах теоретической политэкономии — нет. Действительную картину развития производительности труда должна дать критическая история технологии.

Далее, по вопросу об овещественных и неовещественных отношениях Марецкий говорит: «Вы выбрасываете все неовещественные отношения людей». Но мы знаем, что существуют общественные производственные отношения людей и технические. Если вы стоите на организационно-трудовой точке зрения Богданова, то предметом изучения будут технические производственные отношения. Если же вы стоите на точке зрения Маркса, то предметом нашего изучения будут общественные про-

производственные отношения. Технические же отношения входят в предмет нашего изучения лишь постольку, поскольку они связаны с классовыми отношениями капиталистической системы.

Из требования Бессонова изучать паряду с овеществленными производственными отношениями также неовеществленные вытекает опасное последствие. Он утверждает, что превращение рабочей силы в товар означает и начало конца товарного способа производства, но Марксу же — превращение рабочей силы в товар означает, что товарное производство становится типичной формой производства. Бессонов приходит к выводу, что с развитием капитализма общественные отношения людей дефетишизируются, вследствие чего требуется иной подход для изучения, подход «скорее натурально-технического порядка, чем абстрактно-экономического». Такого рода представление, что овеществленные отношения вытесняются неовеществленными, должно привести к мысли о постепенном ослаблении и уничтожении противоречия между производительными силами и производственными отношениями капитализма, т. е. к отрицанию социальной революции. Бессонов считает, что стихийные неорганизованные формы производства все больше и больше в самом капитализме сокращаются, уступая место организованной форме общественного производства; этот взгляд должен привести к выводу о постепенной гармонизации всего процесса производства в капитализме, к идее безболезненного вращания капитализма в социализм.

Такое представление Бессонова о развитии капитализма вытекает из его другой ошибки — он не понимает диалектики перехода от простого товарного хозяйства к капиталистическому. Он знает диалектику только в форме историзма, в форме смены одной формации другой. Он не понимает, что стоимость является не только историческим «присущем» цены производства, но и основным законом всех явлений капиталистического хозяйства. Только потому он может так резко противопоставлять капиталистическое хозяйство простому товарному.

Мои критики считают меня сторонником меновой концепции, считают, что я преувеличиваю роль обмена, роль вещной формы отношений людей. Мы признаем примат производства над обменом, но речь идет о производстве товарном, т. е. включающем в себя обмен как особую общественную форму. Бессонов, правда, говорит, что различие между обменом как формой производства и обменом как фазой производства есть «новая увертка Рубина». Между тем и у Маркса есть это различие: «Только через отчуждение индивидуальный труд действительно представляется как его противоположность. Но еще до отчуждения товар должен иметь это всеобщее выражение». Объяснение этого марксова положения может быть только одно: обмен — есть социальная форма самого производства, и с этой точки зрения труд не может быть общественным в не этой социальной формы. Но при данной социальной форме производства труда становится общественным уже в процессе производства, т. е. до фазы обмена. В обмене не создаются пропорции приравнивания товаров, эти пропорции соответствуют условиям, имеющим место в производственном процессе. Но мы знаем, что в стихийном, неорганизованном хозяйстве каждый товаропроизводитель нуждается в признании обществом его труда как общественного.

Мы признаем, что труд и продукты труда уже в процессе производства носят общественный характер. Но этот общественный характер не есть еще тот общественный характер, который они приобретают после того, как процесс обмена и действие всех товаропроизводителей по отношению к данному товару признали этот общественный характер труда. Поэтому, кто не понимает, что через акт обмена общество производит как бы отбор труда отдельных индивидов, тот не понимает стихийного характера товарного хозяйства. Мысль о стихийности товарного хозяйства неоднократно высказывал Маркс. Это же резко подчеркивала Роза Люксембург.

Мне приписывают признание обмена единственной формой производственных отношений и понимание производственных отношений как волевых, а не материальных. Но всякие попытки приписать нам подобные взгляды лишены малейшей тени доказательств.

В рецензии на мою книгу Кон говорит, что я являюсь продолжателем Штольцмана и других представителей социально-психологического направления. Как известно, Штольцман принадлежит к социальному, а не психологическому направлению, а о существовании «социально-психологического» направления мы узнаем впервые от Кона. Бессонов в своей новой статье упрекает меня в том, что я преувеличиваю близость Штольцмана к Марксу. Я действительно подчеркивал факт влияния Маркса на некоторых буржуазных экономистов, напр., Штольцмана, но я указывал при этом, что несмотря на это влияние они не сумели подняться до уровня перспектив, открываемых марксистским методом. Насколько мне известно, именно я впервые подверг это социальное направление критическому разбору с марксистской точки зрения.

Не менее ходким является обвинение меня в том, что я повторяю мысль Струве. Сказывается, например, что я заимствовал у него представление о том, что у классиков встречается натуралистическая точка зрения. Бессонов заявляет, что классики уже разоблачили тайну товарного фетишизма, и что не в этом разница между классиками и Марксом, но критики не дают себе труда узнать, как авторитетные представители марксизма расценивали отношение классиков к Марксу. Энгельс, например, писал, что слабое сознание связи общественных отношений с вещами уже мелькало в отдельных случаях у того или другого экономиста, но эта связь была впервые раскрыта Марксом. Бессонов в своей новой статье пишет, что в данном вопросе мнение Энгельса «несколько отлично» от мнения Маркса.

Я уже указывал, что не я, а Кон повторяет слова Струве о физиологическом характере абстрактного труда. В доказательство можно привести работу одного немецкого сторонника Струве, Серафима, о теории стоимости у русских экономистов. Серафим противопоставляет мое понимание абстрактного труда физиологическому пониманию Буха. Понимание Буха он считает более близким к идеям Маркса и в подтверждение ссылается на Струве, назвавшего марксову теорию стоимости «механически-натуралистической». Эти слова сторонника Струве ничем не отличаются от представления Кона об абстрактном труде.

Критики говорят, что, исходя из своей меновой концепции, Рубин должен представлять себе советское хозяйство по образцу товарно-капиталистического или товарно-менового, благодаря тому, что Рубин игнорирует распределение средств производства между разными классами, отрицает скачкообразную форму перехода одной формы хозяйства к другой. Между тем мы признаем, что основой производственных отношений является распределение средств производства между разными классами. Та или иная структура производственных отношений людей зависит от того или иного распределения средств производства.

Я обуславливаю действия закона стоимости целым рядом условий, имеющих место только в развитом товарном производстве, когда это товарное производство принимает характер капиталистического; наоборот, именно с точки зрения Кона, который не понимает, что действие закона стоимости обусловлено рядом исторических условий, может возникнуть представление, что основным регулятором советского хозяйства является рынок.

В социалистическом секторе мы имеем производственные отношения непосредственно обобществленного социалистического типа, хотя они имеют внешнюю форму проявления в виде денежных меновых отношений. Более сложно выступает этот процесс в отношении крестьянства. Но и здесь весь механизм ценообразования при внешнем сходстве с ценообразованием стихийного товарного хозяйства носит совершенно другой социальный характер, чем при капитализме.

Из всего сказанного ни в коем случае нельзя сделать вывода, что мы не хотим изучать производительные силы. Но необходимо, чтобы та теоретическая система Маркса, которая нам оставлена, была нашей крепостью, нужно, чтобы мы были в ней укреплены. Вооруженные методом Маркса, мы можем и должны изучить технологию, потребление, развитие производительных сил и т. д. Но мы должны позаботиться о том, чтобы в нашу теоретическую систему с тыла не протаскили потребительную стоимость и изучение технологии, которую буржуазные экономисты смешивают с экономикой.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
ЛЕОНТЬЕВ, А.— «Организованный капитализм» и «хозяйственная демократия»	3
КУЗОВКОВ, Д.— Перерождение налогов в переходный период .	25
ШАНИН, Л.— Prolegomena к теории советского банка	60
БЛЮМИН, И.— Теория Шпанна.	74
ВЕЙЦ, В.— К характеристике рационализации союзной промышленной энергетики	90

ТРИБУНА

РУБИН, И.— Против вульгаризации марксизма.	127
САЙГУШКИН, М.— Абстрактный труд как материалистическая категория	157

БИБЛИОГРАФИЯ

РУБИНШТЕЙН, М.— В. ЗОМБАРТ. Современный капитализм .	182
БЕРШТЕЙН, А.— О. МОРГЕНШТЕРН. Хозяйственный прогноз	187
КИЗРИН, И.— И. ЛИТВИНОВ. Экономические последствия столыпинского аграрного законодательства	191
БОЧАРОВ, Е.— Об одном важном пробеле в нашей экономической науке и литературе	195

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МАРКСА:

Доклад РУБИНА, И. И.	203
Содоклад БЕССОНОВА, С. А.	208
Прения.	214
Заключительное слово БЕССОНОВА, С. А.	233
Заключительное слово РУБИНА, И. И.	236

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДИЕ 1929 г.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
Орган АППО ЦК и МК ВКП (б)

СПУТНИК АГИТАТОРА

ДЛЯ ГОРОДА
СПУТНИК АГИТАТОРА рассчитан на партийца-активиста, агитатора, клубного работника, комсомольского активиста и члена фабзавкома. СПУТНИК АГИТАТОРА ставит своей основной задачей помочь партийцу и комсомольцу-активисту в их работе среди масс.

Подписная цена: на год—5 р., 6 мес.—2 р. 70 к., на 3 мес.—1 р. 40 к.

Рассрочка годовым подписчикам:

При подписке—2 р., через 3 м.—2 р., через 6 м.—1 р.

ОРГАН АППО ЦК и МК ВКП (б)

СПУТНИК АГИТАТОРА

ДЛЯ ДЕРЕВНИ
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

СПУТНИК АГИТАТОРА ДЛЯ ДЕРЕВНИ ставит своей основной задачей помочь партийцу, комсомольцу и деревенскому общественнику в его повседневной практической работе среди крестьянских масс.

Подписная цена: на год—3 р., 6 мес.—1 р. 60 к., 3 мес.—80 к.

ПАРТИЙНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СПУТНИК КОММУНИСТА

РУКОВОДЯЩИЙ ОРГАН МК ВКП(б) и Оргбюро ЦК ВКП(б) Московск. обл.

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ. ОСВЕЩАЕТ ВОПРОСЫ ПАРТСТРОИТЕЛЬСТВА

Журнал рассчитан на ячейковый партактив, секретарей и членов бюро ячейки, парторганизаторов, членов фабзавкомов, партийцев-администраторов и рядовых партийцев-активистов.

Подписная цена: на год—5 р., 6 м.—2 р. 70 к., 3 мес.—1 р. 4 к.

Рассрочка годовым подписчикам:

при подписке—2 р., через 3 м.—2 р., через 6 м.—1 р.

В ПОМОЩЬ ПАРТУЧЕБЕ

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
АППО ЦК и МК ВКП (б)

ЖУРНАЛ САМООБРАЗОВАНИЯ И САМОДЕЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ШКОЛАХ И КРУЖКАХ.

„В ПОМОЩЬ ПАРТУЧЕБЕ“

имеет установку на регулярное и систематическое обслуживание нужд и запросов слушателей всей сети партпросвещения и заочников губсовпартишкол

Подписная цена: на год—4 р., на 6 м.—2 р., на 3 мес.—1 р.

ПРОПАГАНДИСТ

Орган АППО МК ВКП (б)

ВЫХОДИТ 2 РАЗА В МЕСЯЦ

Помещает методические разработки для пропагандистов и материалы для работы пропколлективов, дает материалы по важнейшим вопросам методики пропработы в школах политграмоты, марксистских ленинских кружках текущей политики и т. д.

Подписная цена: на год—3 р., 6 м.—1 р. 75 к., на 3 мес.—1 р.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ - ПЕРИОДИЧЕСКОЕ СПРАВОЧНОЕ ПОСОБИЕ

„ЗА РАБОТОЙ“

дает каждому исчерпывающий МАТЕРИАЛ для САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ДОКЛАДОВ по текущим политическим и хозяйственным вопросам.

НЕОБХОДИМ каждому докладчику, хозяйственнику, партий профработнику, так как в любой момент вводит его в курс политической, хозяйственной и общественной жизни ВСЕГО МИРА.

Подписная цена: на год—5 р. 50 к., 6 мес.—3 р., на 3 мес.—1 р. 75 к., с бумажником. на 1 р. 50 к. дор. на кажд. ерок.

Рассрочка годовым подписчикам:

при подписке—4 р., через 3 мес.—3 р.

МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК

Оргбюро ЦК ВЛКСМ—Моск. обл.

Последовательный проводник новой системы комсомол. работы. Дает богатый опыт конкретного руководства, метода заданий, опыт любителей—организаторов, инициативных групп, «легкой кавалерии», ударных бригад, перекличек, соревнований, конкурсов, организационн. досуга.

Подписная цена: на год—3 р. 50 к., 6 мес.—1 р. 80 к., на 3 мес.—90 к.

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КРАСОЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„БЕЗБОЖНИК У СТАНКА“

ВЫХОДИТ 2 РАЗА В МЕСЯЦ

В 1929 году каждый номер содержит 24 страницы большого формата. Токет сопровождается многочисленными красочными рисунками художников М. Черемных, Н. Когоута, К. Урботиса и др. Художественной частью заведует художник М. Черемных.

Подписная цена: на год—6 р., на 6 мес.—3 р., на 3 м.—1 р. 50 к., на 1 мес.—50 коп.

ПОДРОБНЫЕ КАТАЛОГИ и ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Издательством „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

МОСКВА, центр, Кузнецкий Мост, 7, отделен. изд-ва «Московский Рабочий» (Ленинград, просп. Володарского, 53-а), Самара, Ленинградская, 37, Воронеж, просп. Революции, 32, всеми уполномоченными, снабженными соответствующими удостоверениями, всеми почтовыми конторами и письмомосцами, отделен. «Известий ВЦИК» и kiosками Контрагентства Печати.